

**ИСТОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**

SARATOV STATE UNIVERSITY

Institute of History and the International Relations

SEC «Regional cultural-historical heritage
and cross-cultural contacts»

HISTORY AND HISTORICAL MEMORY

The interuniversity collection of proceedings

Editor A.V. Gladishev

Based in 2010 year

ISSUE 12

Saratov State University
2015

САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт истории и международных отношений

НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие
и кросс-культурные связи»

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией А.В. Гладышева

Основан в 2010 году

ВЫПУСК 12

Саратовский государственный университет
2015

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43
И90

И90 **История и историческая память:** межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. – Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2015. – Вып. 12. – 310 с.

В двенадцатом выпуске межвузовского сборника научных трудов рассматриваются различные аспекты исследования исторической памяти на материале современной отечественной и зарубежной истории. В тематических разделах публикуются статьи, касающиеся как теоретических проблем, так и конкретно-исторических вопросов исторической памяти.

Для специалистов-историков, политологов, филологов, философов, психологов, социологов, студентов и аспирантов, всех интересующихся актуальными проблемами исторической памяти.

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук, доц. *А.В. Баранов* (отв. секретарь), д-р ист. наук, проф. *Т.А. Булыгина*, д-р ист. наук, проф. *Е.А. Вишленкова*, д-р ист. наук, проф. *А.В. Гладышев* (отв. редактор), канд. ист. наук, доц. *В.А. Соломонов*, канд. ист. наук, доц. *В.П. Тотфалушин*, д-р полит. наук, проф. *Н.И. Шестов*, канд. ист. наук, доц. *В.В. Хасин*

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор А.В. Чудинов

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43

ISSN 2218-5488

© Саратовский государственный университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

200 лет кампании 1814 г. во Франции <i>Гладышев А.В.</i> (Саратов, Россия). Возвращение времен Аттилы: Оккупация Лангра и его окрестностей в ходе кампании 1814 года	9
История, власть и массовое сознание <i>Филиппов А.И.</i> (Москва, Россия). Школьная история и общественное мнение в постсоветских странах	44
Запад на Востоке, Восток на Западе: кросс-культурные отношения, взаимные восприятия, историческая память <i>Моисеева Е.Н.</i> (Саратов, Россия). Образы французских колоний в имперской пропаганде первой половине XX в. (на основе материалов Конгресса по туризму 1931 г.)	63
<i>Дворцова Д.В.</i> (Майкоп, Россия). Турецкий интеллигент о цивилизационном конфликте в современной Турции (по роману Орхана Памука «Снег»)	73
<i>Шенин С.Ю.</i> (Саратов, Россия). Политические риски в Центральной Азии: проблема наследования власти (на примере Узбекистана)	80
Память о конфликте или конфликты памяти <i>Кочуков С.А.</i> (Саратов, Россия). Русские добровольцы в Сербо-турецкой войне 1876 г. в зеркале воспоминаний В.В. Ящерова	89
<i>Баранов А.В.</i> (Саратов, Россия). Иран и Египетская революция 2011 г.: восприятия и трактовки	104
Историческая память и «локальная история» <i>Щавелёв С.П.</i> (Курск, Россия). Горизонты и тупики исторического краеведения в России	134
<i>Пивцайкина О.А., Сульдина Л.В.</i> (Саранск, Россия). Истори- ческие образы уездного города Саранска в творчестве И.В. Селиванова	156
<i>Сульдина Л.В.</i> (Саранск, Россия). Последние владельцы села Трофимовщина	175
Обзоры, рецензии, вопросы историографии	

<i>Клеймёнова С.В.</i> (Саратов, Россия). Сказание о Симеоне Саратовце в составе списка «Винограда Российского»	191
<i>Попкова Н.А.</i> (Саратов, Россия). Библиотека М.Н. Галкина-Враского	199

Биографика

<i>Щукин Д.С.</i> (Саранск, Россия). Труд и забвение: памятные страницы жизни и творчества литератора А.И. Пальма	207
<i>Кочукова О.В.</i> (Саратов, Россия). «Замечательная в петербургском свете женщина» (графиня А.Д. Блудова в общественно-политической жизни России) в оценках С.Ф. Платонова	225
<i>Яновский О.А.</i> (Минск, Белоруссия). От Днепра до Волги, или векторы судьбы профессора Николая Николаевича Кравченко	248
<i>Аврус А.И.</i> (Москва, Россия). «Я работаю и делаю дело...» (Гавриил Кириллович Хворостин. 1900–1938)	281
<i>Быкова В.А., Зверев Ю.В.</i> (Саратов, Россия). «В живых сердцах оставить свет»	300
Сведения об авторах	306
Список аббревиатур и сокращений	308

CONTENTS

200 years of 1814 campaign in France <i>Gladyshev A.V.</i> (Saratov) The return of Attila's times: the occupation of Langres and its environs during the campaign of 1814	9
History, power, and mass consciousness <i>Filippov A.V.</i> (Moscow) The school history and public opinion in post-soviet countries	44
West on East, East on West: cross-cultural relationships, mutual perception and historical memory <i>Moiseeva E.N.</i> (Saratov). Images of the French colonies in the first half of XIX century (on the basis of materials of the Congress on tourism of 1931 year)	63
<i>Dvortsova D.V.</i> (Maikop). Turkish intellectual about the conflict of civilizations in modern Turkey (based on the novel «Snow» by Orhan Pamuk)	74
<i>Shenin S.Yu.</i> (Saratov). The political risks in Central Asia: the problem of succession of power (the case study of Uzbekistan)	80
The memory about conflict or the conflicts of memory <i>Kochukov S.A.</i> (Saratov). Russian volunteers in the Serbo - Turkish war of 1876 in the mirror of V. V. Yascherov's memories	89
<i>Baranov A.V.</i> (Saratov). Iran and Egyptian revolution of 2011: perceptions and interpretations	104
Historical memory and «Local history» <i>Schavelev S.P.</i> (Kursk) Horizons and deadlocks of local history in Russia	134
<i>Pivotzaikina O.A., Suldina L.V.</i> (Saransk). The historical images of the county town of Saransk in the works of A. I. Selivanov	156
<i>Suldina L.V.</i> (Saransk). The last owners of the Trofimovschina village	175
Overviews, reviews, questions of historiography <i>Kleimenova S.V.</i> (Saratov). The tale about Simeon Saratovets in the list of «Grape of Russia»	191
<i>Popkova N.A.</i> (Saratov). The library of M.N. Galkin-Vraskoy	199

Biographical researches

<i>Schukin D.S.</i> (Saransk). The work and obliteration: memorable pages of life and creativity of the writer A.I. Palm	207
<i>Kochukova O.V.</i> (Saratov). «Wonderful woman in Petersburg society» (The countess A.D. Bludova in the political life of Russia)	225
<i>Yanovski O.A.</i> (Minsk) From Dnieper to Volga or vectors of fate of Professor Nikolay Nikolaevich Kravchenko	248
<i>Avrus A.I.</i> (Moscow). «I work and make the matter...» (Gavriil Kirillovich Khvorostin. 1900–1938)	281
<i>Bykova V.A., Zverev Y.V.</i> (Saratov). «In living hearts to leave the light...»	300
Data on authors	306
The list of abbreviations and reductions	308

200 ЛЕТ КАМПАНИИ 1814 ГОДА ВО ФРАНЦИИ

УДК 94(47).072.5

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВРЕМЕН АТИЛЛЫ: ОККУПАЦИЯ ЛАНГРА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ В ХОДЕ КАМПАНИИ 1814 ГОДА

А.В. Гладышев

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Институт истории и международных отношений,
кафедра Всеобщей истории
e-mail gladav2002@mail.ru

В статье рассматривается один эпизод из кампании 1814 г. во Франции – оккупация союзниками по антифранцузской коалиции одного из ключевых городов для операционных линий войск, главного города департамента Верхняя Марна Лангра, ставшего в январе 1814 г. своеобразной временной столицей союзников. Автором акцентируется антропологическое измерение войны: восприятие событий гражданами лицами, формирование образа «Другого» и его сохранение в коммуникативной и культурной памяти.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, кампания 1814 г. во Франции, Лангр, оккупация, Александр I, казаки, историческая память.

THE RETURN OF ATTILA'S TIMES: THE OCCUPATION OF LANGRES AND ITS ENVIRONS DURING THE CAMPAIGN OF 1814

A.V. Gladyshev

The article examines an episode from the 1814 campaign in France – the occupation of the allies in the anti-French coalition a key for operating lines of troops of the cities, the main city in the Haute-Marne, Langres, who in January 1814, a kind of temporary capital allies. The author emphasizes the anthropological dimension of the war: the perception of events by civilians, the formation of the image of the "Other" and saving it in a communicative and cultural memory.

Key words: Napoleonic wars, Campaign 1814 in France, Langres, the occupation, Alexander I, the Cossacks, historical memory.

Вторжение союзников по антинаполеоновской коалиции на территорию Франции в кон. 1813 – нач. 1814 гг. было основано на двой-

ном охвате массива Вогезских гор – с севера армией под командованием Блюхера: на Мец – Нанси; и с юга Главной армией под командованием Шварценберга: на Базель – Лангр (Langres)¹. Корпуса Северной армии под командованием Бюлова и Винцингероде наступали из района Нижнего Рейна. Как писал еще А.И. Михайловский-Данилевский: «Для Главной армии операционною линией был избрана дорога, идущая из Базеля между горами Вогезскими и Юрою, чрез Везуль на Лангр, назначенный сборным местом по чрезвычайно выгодному положению его в военном отношении»².

Главный город департамента Верхняя Марна Лангр находится на обширном плато, которое возвышается на 110–140 метров над долинами рек Марны и Боннель и расположено недалеко от водораздела рек Сены, Роны и Мааса. По плану Шварценберга Главная армия к 29 декабря (10 января) должна была достигнуть Лангра, в то время как Силезская армия Блюхера достигнет Меца. Департамент Верхняя Марна не просто лежал на пути вторжения, ему было предначертано стать ареной ожесточенных баталий. Лангр – важнейший пункт одновременно для нескольких операционных линий: это точка пересечения дорог, ведущих в долины Соны и Роны, Марны, Мааса, Саара, Рейна и, наконец, Сены. Плато Лангр превосходно подходит для организации военного лагеря или укрепленной оборонительной позиции, защищающей Париж от армии вторжения. Атака такой позиции имела бы шансы на успех только при условии значительного превосходства в силах³.

5 (17) января Лангр был взят корпусом Гиулая⁴, после чего австрийцы наступление приостановили. Шварценберг прибыл в

¹ «Так как на пути к Парижу находилась первоклассная крепость Бельфор, и предполагено было ее обойти, то мы пошли на Везуль и Лангр». См.: Казаков И.М. Поход во Францию 1814 г. По (неизданным) запискам прапорщика лейб-гвардии Семеновского полка Ивана Михайловича Казакова / Сообщ. А. Безгин // Русская старина. 1908. Т. 33. № 3. С. 522–541. Т. 134. № 5. С. 351–368.

² Михайловский-Данилевский А.И. Описание похода во Франции в 1814 году. СПб., 1845. С. 21.

³ Steenackers F.-F. L'invasion de 1814 dans la Haute-Marne. Paris, 1868. P. 6, 8. Маршал Э.А. Мортье писал 14 января 1814 г., что «враг, кажется, придает большое значение Лангру; с боеприпасами и продовольствием это место можно смело защищать, император может рассматривать его как весьма важную позицию». См.: Ibid. P. 9.

⁴ Главная армия состояла из 6 корпусов плюс австрийские и русские резервы. Первые три корпуса – австрийские. Ими командовали: генерал-фельд-

Лангр 6 (18) января и оставался там целую неделю, не выказывая желания продолжать наступление. С 10 (22) по 16 (28) января. 1814 г. здесь располагалась главная квартира Александра I. Здесь решался вопрос, довольствоваться ли достигнутыми успехами, имея в виду, что уже была захвачена четвертая часть Франции, или же продолжать борьбу с Наполеоном.

Факт для краеведов Лангра, конечно, привлекающий внимание: впервые после 457 г., когда Атилла предал всё в округе огню и мечу, Лангр посетили главы держав, воюющих с Францией; здесь принималось решение о продолжении кампании.

Одним из первых коснулся (впрочем, весьма бегло) событий в Лангре зимой 1814 г. в своей «Истории Шампани» Франсуа де Монтрол⁵ (1799–1862) – автор «Истории эмиграции», комментариев к мемуарам Бриссо, «Мистерий человеческой жизни» и многих других сочинений⁶.

Вслед за Монтролом к событиям 1814 г. в Лангре и его округе – «стране четырех озер» – обратился адвокат из Лангра, а затем префект и государственный советник Станислас-Жан-Батист Минере (1809–1884)⁷. С одной стороны, достоинство его работы состоит в стремлении привлечь оригинальные документы из городского архива (протоколы заседаний местной Ассамблеи, тексты прокламаций, условия капитуляции Лангра). С другой стороны, невнятные ссылки на некие «официальные документы, которые автор лично держал в руках», способны породить разочарование.

дцехмейстер граф Иеронимус Коллоредо-Мансфельд (Colloredo-Mansfeld), фельдмаршал-лейтенант князь Алоиз Гонзага Лихтенштейнский (Lichtenstein) и генерал-фельддцехмейстер граф Марош-Немет и Надаска Игнатий Гиулай (Gyulai). Четвертый корпус – Наследного принца Вильгельма Вюртембергского, пятый – генерала от кавалерии Карла Филиппа Йозефа Вреде (Wrede). Плюс русская и прусская гвардия под командованием М.Б. Баркляя де Толли и две легких австрийских дивизии – князя Морица Жозефа Лихтенштейнского (Lichtenstein) и графа Фердинанда Бубны унд Литтица (Bubna und Littitz). См. Jégo Y. La campagne de France 1814. Paris, 2013. P. 37–38.

⁵ См. также: *Montrol F. Résumé de l'histoire de la Champagne, depuis les premiers temps de la Gaule jusqu'à nos jours.* Paris, 1826. (Исправленное и расширенное переиздание – 1872 г.).

⁶ Затем отдельное издание будет им посвящено Верхней Марне. См.: *Montrol F. La Haute-Marne, histoire politique, administrative, industrielle et artistique.* Chaumont, 1847.

⁷ *Migneret S. Précis de l'histoire de Langres.* Langres, 1835. (Переиздание – 2012).

Вторжению войск союзников в департамент Верхняя Марна в 1814 г. посвящено исследование бывшего выпускника скульптурной мастерской Лоренцо Бартолини в Италии, председателя сельскохозяйственного собрания Арк-ан-Барруа (1868 г.) и будущего члена Законодательного собрания Франции Франсуа-Фредерика Стинакера (1830–1917). Стинакер посвятил отдельную главу истории оккупации Шомона, а оккупация Лангра осталась у него в тени. Общую интонацию работы задает расположенная на первой же странице цитата из сочинения Кавеньяка «Резня казаков»: «Они во Франции! Я бы никогда не поверил! Я думал, что уже все видел в своей жизни, – размышляет старый французский ветеран, – Но казаки во Франции! Это невозможно»⁸. Главный источник, из которого Стинакер черпает свои оценки людей и событий – «Исторические письма» П. Дарденна⁹. Автор временами находит подтверждение отдельным свидетельствам Дарденна в работе Минере, что должно, очевидно, придать большее доверие к свидетельствам шомонского профессора в целом. Вот пример отношения к источникам Стинакера. Пересказывая один анекдот из газеты «Эхо Верхней Марны» за 1833 год, «в котором в равной мере смешалось трагическое и комическое», он заявляет, что анекдот этот «на первый взгляд выглядит абсолютной фантазией, но, он, однако, мог бы быть и чистой правдой»¹⁰. Как говорится, метод «критического анализа» еще не получил среди историков сакрального статуса...

Еще одним «классиком», которого принято упоминать, если Вы обращаетесь к истории Лангра зимой 1814 г. стал Леонс-Мари-Габриэль Пиепап (1840–1925)¹¹. Этот уроженец Лангра посвятил себя первоначально военной карьере и дослужился до бригадного генерала, командовал субдивизионами региона Оксона и Дижона. В общем-то, тоже, как и двое предыдущих, историк домо-

⁸ *Steenackers F.-F. L'invasion de 1814 dans la Haute-Marne. Paris, 1868. P. 1.*

⁹ Эти письма, написанные профессором из соседнего с Лангром Шомона, впервые были опубликованы еще между 1831 и 1833 гг. в газете «Le Citoyen de la Haute-Marne», а затем в 1835 г. изданы отдельным сборником в 112 страниц.

¹⁰ *Steenackers F.-F. Op. cit. P. 172.*

¹¹ *Piépape L. de. Histoire militaire du pays de Langres et du Bassigny. Langres, 1884. (Переиздание – 2011).* Так, А. Брокард, пропуская Монтрола, называет среди специалистов по оккупации Лангра Минере, Пиепапа и Стинакера. См.: *Brocard R. Alexandre Ier, Tsar de Russie, Petits-fils de l'imperatrice Catherine II, hôte (non invité) en 1814 de la ville de Langres où naquit Diderot // Bulletin de la Société historique et archéologique de Langres. 1987. № 289. P. 93.*

рощенный: писал комедии, статистические обзоры, стихи, увлекся краеведением... Принят в члены «Археологического и исторического общества Лангра», позднее стал вице-президентом академии Безансона и членом-корреспондентом Королевской академии истории в Мадриде.

Ежедневная хроника событий, связанных с прибытием в Лангр союзников, была составлена в начале XX в. доктором Мишелем Брокардом и в июне 1914 г. под псевдонимом «Читатель с улицы Марше-о-Бле» и под названием «Ephémérides de Langres il y a cent ans» опубликована в газете «En Avant»¹². Затем Франсуа Арман Эдуард Лефевр де Беэн (1860–1930) посвятил одну главу своей книги деятельности роялистского комитета Лангра в 1814 году¹³.

В 1980-е гг. уже доктор Раймон Брокар взялся продолжить изыскания по этой теме. В небольшой заметке на 8 стр., формально посвященной пребыванию Александра I в Лангре, Раймон Брокар вводит в научный оборот мемуары местного адвоката и собственника замка Кохон (Cohons) Пьера Жакюино, который был непосредственным свидетелем событий¹⁴. Кроме того Жакюино охотно собирал всякую информацию о родном городе и в результате создал небольшую библиотеку редких изданий и манускриптов. Но, откровенно говоря, новой информации о пребывании русского императора в городе Р. Брокар вместе с П. Жакюино сообщают не столь уж и много. К тому же скупые комментарии Р. Брокара порой вовсе не проясняют ситуацию. Так, упоминается разбитый на площади Бель-Эйр бивуак «казаков Платова» – «живописных варваров с их дромедарами, колчанами и стрелами»¹⁵. Брокар при этом пространно цитирует книгу Анри Труайя об Александре I, где говорится о казаках: «Здесь все боятся и ненавидят их. Крестьян

¹² Следы изысканий М. Брокара можно встретить в отчетах заседаний «Археологического и исторического общества Лангра».

¹³ *Lefebvre de Behaine F.F.E. Le comte d'Artois sur la route de Paris. 1814. Paris, 1921. P. 75–126.* Граф Франсуа Арман Эдуард Лефевр де Беэн (1860–1930) в других своих книгах подробно рассматривал начальный этап кампании, не акцентируя, впрочем, внимания на истории оккупации Лангра. См.: *Lefebvre de Behaine F.F.E. Napoléon et les alliés sur le Rhin. Paris, 1913. Idem. L'invasion: Décembre 1813–janvier 1814. Paris, 1913–1934.*

¹⁴ *Brocard R. Op. cit.* См. также обзор заметок Пьера Жакюино, сделанный Р. Брокардом: *Jacquinet Pierre: Les alliés à Langres en 1814. Récit d'un témoin par Raymond Brocard // Revue de l'Institut Napoléon. 1989. № 153. P. 47–57.*

¹⁵ *Brocard R. Alexandre Ier... P. 95.*

пугает гортанная речь этих пришедших с севера людей, особенный же страх внушают им казаки, киргизы, калмыки – косматые свирепые всадники, примчавшиеся сюда из диких степей. Они с гиканьем проносятся по улицам, хватая кур и свиней, расправляются с мужчинами, насилуют женщин»¹⁶. Но Труайя писал «вообще», не о Лангре и не об отряде М.И. Платова, писал, доверяя образу, сложившемуся в исторической памяти французских обывателей. И здесь бы Р. Брокару уточнить, что выражение «казаки Платова» можно понимать только в самом расширительном смысле, что «казаки» бывают разные, что отряд под непосредственным командованием донского атамана в тот момент действовал совсем в другом месте.

После Р. Брокара лишь в 2010 г. блогер из Верхней Марны Дидье выложил в Интернете составленные в 1839 г. воспоминания о 1814–1815 гг. еще одного жителя Лангра – Жана Кристофа Делеке де Шанже¹⁷. По этим воспоминаниям видно, что мемуарист читал Монтрола и Минере: автор время от времени пытается подкрепить свои воспоминания ссылками на авторитет исследователей или, наоборот, поправляет их, например, относительно количества французских войск в Лангре 31 декабря (12 января).

Воспоминания Делеке де Шанже не были известны ни Стинакеру, ни Пиепалу, которым они где-то противоречат, а где-то дополняют. Между тем, личность эта не проходная. Делеке де Шанже был кавалером орденов Святого Людовика и Почетного Легиона. Его фамилия насчитывала в Лангре с начала XVI в. несколько поколений каноников, торговцев, мэров, военных. Сам Кристоф, как и его отец, лейтенант жандармерии, выбрал в 1786 г. военную карьеру. В 1791 г. он эмигрировал, служил в корпусе Конде, участвовал в компаниях 1793 и 1794 годов. В 1800 г. вернулся во

¹⁶ «Разумеется, по приказу царя в городах соблюдается строгая дисциплина, но на окраинах хижины и целые деревни подвергаются опустошительным набегам. Крестьяне защищаются, вооружившись ружьями и вилами. Отряды этих франтиреров скрываются в лесах, устраивают засады и неожиданно нападают на врага». См.: *Труайя А. Александр I. Северный сфинкс*. М., 2008.

¹⁷ «Relation des évènements qui se sont passés à Langres en 1814 et 1815 écrite par M Christophe Delecey de Changey chevalier de Saint Louis et de la Légion d'Honneur qui commandait la garde nationale de cette ville». См.: *Delecey de Changey Ch. Souvenirs d'un notable Langrois en 1814* // URL: histo52.blogspot.ru/2010/04/souvenirs-dun-notable-langrois-en-1814.html (дата обращения: 14.02.2015).

Францию, в родной Лангр, где и женился. С 1810 г. командовал национальной гвардией Лангра. Делеке де Шанже рассказывает в основном о событиях, связанных с его службой в качестве командира национальных гвардейцев, многое из повседневной жизни горожан времен оккупации остается вне его поля зрения, он не останавливает внимания на тех заботах и хлопотах, которыми жили простые смертные. Он имел весьма смутное представление, почему суверены союзных держав собрались именно в Лангре, и в чем было значение этой встречи.

Таким образом, полную картину пребывания союзников в Лангре еще предстоит написать: французские, немецкие, русские, как архивные, так и опубликованные документы ждут своего часа. Но даже те нарративы, что уже есть в наших руках, позволяют детализировать и нюансировать историю с взятием союзниками Лангра, охарактеризовать восприятие французами противника, в частности, русских (Александра I, казаков), наметить некоторые тенденции в эволюции этого образа в историографии и исторической памяти.

Как свидетельствовали мемуаристы, с конца 1813 г. головы жителей Лангра и округа были заняты думами о том критическом положении, в каком находилась Франция. Поступавшие каждый день новости лишь усиливали тяжесть этих раздумий. 12 (24) декабря в Лангре стало известно, что союзники начали переправу через Рейн.

Сенатор и главный церемониймейстер императорского двора, чрезвычайный эмиссар в департаменте Верхняя Марна граф Сегюр издал 28 декабря (9 января) в соседнем с Лангром Шомоне пламенную прокламацию, призывающую население братья за оружие и оказывать сопротивление врагу. Граф писал в этой прокламации, апеллируя к крестьянской расчетливости: «Настолько человек должен был бы быть глуп, чтобы поверить в мнимую умеренность этих иностранцев? Их армия в Германии не имела денег и использовала долговые расписки. По прибытии в страну, в первый день они еще платят несколько экю, во второй расплачиваются бумагой, на третий – насилиями и оскорблениями». А, когда речь заходит о насилии, то в дискурсе тут же появляется такой неотъемлемый и как бы само собой разумеющийся фактор наси-

лия как казаки¹⁸. Генерал-комендант департамента Верхняя Марна (с 1809 г.) барон Ф.-Ж. Оффенштейн (Offenstein) (1760 – 1837) писал 25 декабря (6 января) префекту департамента Верхняя Марна барону Габриэлю-Жозефу Жерфаньону (Jerphanion) (1758–1832), что в соответствии с рапортом капитана Пико (Picot), командовавшего постом конных егерей в деревне Фейл-Бийо, что на дороге между Лангром и Везулем, противник дня через два-три будет у стен Лангра. Он просил приложить максимум усилий, чтобы поднять население на сопротивление. Но население осталось глухо ко всем призывам властей: в Лангре удалось набрать лишь 40 отставных военных и 3 лесничих...¹⁹

Делеке де Шанже со своей стороны, так же обратил внимание на явную нехватку сил защитников Лангра. Оффенштейн назначил временным комендантом крепости Лангра лейтенанта жандармерии Иньяра (Ignard) или, как его именует Стинакер, Имара (Imard)²⁰ и отдал приказ национальным гвардейцам незамедлительно приступить к выполнению полицейских функций по обеспечению безопасности в городе. В помощь им была обещана департаментская рота, которая, однако, насчитывала только 35 человек. Впрочем, к этому небольшому отряду в Юме (Nîmes) присоединилось от 50 до 60 таможенников, под командованием капитана Мессаже (Messenger), которые оставили свои посты на границе и получили приказ направляться в Лангр. Департаментская рота прибыла в город к вечеру 26 декабря (7 января). Сама же национальная гвардия Лангра, которой командовал Делеке де Шанже, состояла в основном из недавно мобилизованных молодых рекрутов²¹. Стинакер рисует ту же картину: оборонительные сооружения были ничтожны, а «гарнизон состоял, из нескольких национальных гвардейцев, пятидесяти таможенников, которые отставили

¹⁸ В прокламации в частности говорилось: «Уже один из наших авангардов изгнал их (врагов. – А. Г.) из Кольмара, а один отряд отогнал их от Безансона почти до Бельфора, эльзасские фермеры уже заставили казаков раскаяться за совершенные ими насилия». См.: *Steenackers F.-F. Op. cit. P. 15.*

¹⁹ *Steenackers F.-F. Op. cit. P. 22–23.*

²⁰ *Ibid. P. 31.* Из более или менее подходящих под звание лейтенанта жандармерии известен Жан-Клод Иньяр (Ignard), родившийся в Лангре в 1790 г. и с 1808 г. служивший в 14-м линейном полку. В 1810 г. был дважды ранен. Уволился со службы младшим лейтенантом в 1815 г. См.: *Ibid. P. 160.*

²¹ *Delecey de Changey Ch. Souvenirs d'un notable Langrois en 1814...*

свою пограничную службу при приближении противника, и двух команд элитной жандармерии»²².

24 декабря (5 января) в Лангр прибыл Сегюр, чтобы проинспектировать положение дел. Энтузиазма у горожан его появление не прибавило, тем не менее, в коммуне Фейл-Бийо (Fayl-Billot), расположенной в нескольких милях от Лангра, на границе департаментов Верхняя Сона и Верхняя Марна, был устроен наблюдательный пост из конных егерей 3-го полка, которыми командовал Жан-Франсуа Бише де Шалансе (Bichet de Chalancey) (1766–1832)²³.

Первыми из частей союзников, что появились у стен Лангра, оказался летучий отряд под командованием австрийского подполковника графа Турна (Thurn), который был сформирован, чтобы вести разведку в сторону Нанси (Nancy) и Вердена (Verdun)²⁴. Ночью с 20 на 21 декабря (с 1 на 2 января) отряд Турна занял без единого выстрела Люр (Lure), 25 декабря (6 января) достиг Везуля (Vesoul), где пленил до 200 французов, а посланная им вперед партия под командованием баварского капитана егерей Флейшмана (Fleischmann) захватила в соседнем Порт-сюр-Сон (Port-sur-Saône), что расположен по дороге из Везуля в Лангр, еще несколько новобранцев. Отсюда уже было рукой подать и до Лангра.

Ф. Кох описывал движение Турна к Лангру как составную часть движения в этом направлении корпуса Гиулая, полагая, что Турн двигался на Лангр не по везульской, а по дижонской дороге: 29 декабря (8 января) из Везуля (Vesoul) Гиулай двумя колоннами двинулся на Лангр, а перед ними в авангарде шли отряды «полковника Турна» и генерала Хехта (Hecht).²⁵ 1 (13) января Турн, ко-

²² Steenackers F.-F. Op. cit. P. 28.

²³ Шалансе – коммуна в Верхней Марне с одноименным замком и, соответственно, бароном....

²⁴ А. Турн – подполковник 12-го австрийского гусарского полка «Палатината» («Palatinal»): в австрийской армии каждый линейный полк имел своего «шефа», по имени которого и называли весь полк. Он упоминается довольно часто в работе Вейля. См.: Weil M.-H. La campagne de 1814 d'après les documents des archives impériales et royales de la guerre à Vienne: la cavalerie des armées alliées pendant la campagne de 1814. 4 т. Paris, 1891–1896. Т. 1. Pp. 27, 28, 34, 36, 43, 44, 49, 56, 62, 63, 75, 85, 95, 96, 97, 114, 117, 129, 139, 160, 161, 162, 163, 166, 172, 174.

²⁵ То же см. у Карла фон Дамица: Damitz K. v. Geschichte des Feldzuges von 1814 in dem östlichen und nördlichen Frankreich bis zur Einnahme von Pa-

торый следовал дорогой через Грей (Gray)²⁶ в 18 км от Лангра у Шасиньи (Chassigny) наткнулся на французскую кавалерию, опрокинул ее и занял в 7 км. впереди Лонжо-Персе (Longeau-Percey). Генерал Хехт, по мнению Коха, шел севернее Турна – дорогой через Пон-сюр-Сон (Pont-sur-Saône)²⁷. Он наткнулся на французские аванпосты у Фейл-Бийо (Fayl-Billot)²⁸ и отбросил их до Гриффонот (Griffonotte). Слишком слабый, чтобы что-то предпринять против самого Лангра он занял позицию между Шатене (Châtenay) и Монтландон (Montlandon), ожидая подхода всего корпуса Гиулая²⁹.

Вейль обнаружил рапорт Турна Гиулая из Цинтре (Cintrey) от 9 января 1814 г. в 6 утра³⁰. Он описывает движение Турна к Лангру не по дижонской, а по везульской дороге: 27 декабря (8 января) Турн прошел Гуржон (Gourgeon) и ночевал в Цинтре, где обнаружил французский аванпост из 15 егерей, которые после небольшой перестрелки ретировались в Фейл-Бийо³¹. Отряд продолжил движение через Ла-Карт (La Quart) и Фейл-Бийо (Fayl-Billot), где опять натолкнулись на егерей: 37 французских кавалеристов во главе с лейтенантом получив, якобы, несколько ранений, ретировались в Лангр³²... Турн рапортует, что не имеет воз-

ris: als Beitrag zur neueren Kriegsgeschichte. Т. 1. Berlin: E. S. Mittler, 1842. S. 180.

²⁶ Примерно посередине дороги между Везулем и Дижоном.

²⁷ Надо полагать, все же через Порт-сюр-Сон (Port-sur-Saône).

²⁸ Известие о появлении врага, полученное от французских аванпостов из Фейл-Бийо, как писал Бошан, заставило жителей Лангра «запереть ворота и взяться за оружие; всю ночь циркулировали патрули». *Beauchamp A. Histoire des campagnes de 1814 et de 1815: comprenant histoire politique et militaire des deux invasions de la France, de l'entreprise de Bonaparte au mois de Mars, de la chute totale de sa puissance, et de la double restauration du trône, jusqu'à la seconde paix de Paris.* 2 v. Paris, 1816–1817. Т. 1. P. 128.

²⁹ *Koch Fr. Mémoires pour servir à l'histoire de la campagne de 1814: accompagnés de plans, d'ordres de batailles et de situations.* 2 v. Paris, 1819. Т. 1. P. 84.

³⁰ См.: *Weil M.-H. Op. cit.* Т. 1. P. 75

³¹ *Ibid.* Т. 1. P. 75.

³² *Weil M.-H. Op. cit.* Т. 1. P. 36, 43, 62, 85. По воспоминаниям Делеке де Шанже, 27 декабря (8 января) около 11 ночи в Лангре попросили укрытия 20–25 кавалеристов 3-го полка, которые стояли в Феи (Faÿs), но вынуждены оставить этот населенный пункт после того, как были стремительно атакованы кавалерийскими пикетами наступавшего противника. Поскольку коммуна Феи находится более чем в 100 км к востоку от Лангра, под Эпиналем, видимо, речь должна идти о Фейл-Бийо (Fayl-Billot), что в 20 км от Лан-

возможности что-либо предпринять против Грей (Gray), выражает надежду «еще сегодня овладеть Лангром» и затем уже двинуться на Грей, хотя по имеющимся у него разведанным все вражеские конвои Грей уже покинули»³³.

В Лангре, получив от вернувшихся из Фейл-Бийо егерей известие о приближении противника, лейтенант Имар приказал закрыть ворота; национальные гвардейцы и департаментская рота резервистов всю ночь несли дежурство, ожидая атаки. Из пороха, найденного у торговцев в городе, сделали 150 зарядов и распределили их среди защитников. Когда 25 гусар появились у ворот Мулен, отряд обороны был готов дать отпор³⁴.

28 декабря (9 января) Турн прибыл со своим небольшим отрядом в Гриффонот, и здесь ему пришла в голову идея в одиночку захватить Лангр. Ему казалось, что это будет не сложнее, чем захват Везуля или Люра. Будучи убежден, что Лангр можно захватить без единого выстрела, Турн направил в город парламентаря: офицер в сопровождении двух гусар должны были сообщить мэру о прибытии отряда Турна, а коменданту Лангра передать от имени «командующего авангардом армии союзников» следующее послание: «Я призываю Вас, господин комендант, сдать город победоносным армиям; сопротивление бессмысленно. Мои силы таковы, что город не сможет устоять. Я предлагаю пощадить город от печальных последствий войны»³⁵. Эта история с некоторыми вариациями встречается до Вейля еще у Бошана, а потом у Стинакера, которые утверждали, что защитники города в этот день справились без посторонней помощи³⁶.

гра. Об этом сообщалось также в «Journal de l'Empire»: наблюдательный пост в Фейл-Бийо после короткой стычки с противником отступил в Лангр. См.: Journal de l'Empire. 18.01.1814. P. 2. «8 января был атакован наблюдательный пост в Фей-Бийо и после непродолжительной схватки французские разведчики в 11 вечера вернулись в Лангр». Стинакер специально подчеркивал, что никто при этом не пострадал: стреляли из пистолета в лейтенанта Н. Бэзара (Baizard), но пуля застряла в патронной сумке. См.: Steenackers F.-F. Op. cit. P. 30.

³³ Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 75.

³⁴ Steenackers F.-F. Op. cit. P. 31.

³⁵ См.: Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 85. Стинакер писал, что это было в 7 вечера, что сопровождали парламентаря 4 человека, а еще один эскадрон гарцевал невдалеке. См.: Steenackers F.-F. Op. cit. P. 31–32.

³⁶ Бошан писал, что сначала в сопровождении двух гусар прибыл один парламентар, который потребовал мэра, но гвардейцы начали стрелять и

Стинакер, ссылаясь на рапорт военному министру Кларку от 28 декабря (9 января), писал, что в тот момент, когда парламентар решил передать послание городским властям, в город попытался вместе с ним проникнуть и весь сопровождавший его эскадрон. Тогда офицер национальной гвардии Фор (Faure)³⁷ с 9 гвардейцами своей роты, видя, что австрийцы пытаются проникнуть в город, счел себя вправе открыть по ним огонь: несколько гусар были ранены, а лейтенант (парламентар) пленен³⁸.

Естественно, наполеоновская пропаганда не оставила такое проявление патриотизма без внимания. «Journal de l'Empire» от 6 (18) января пересказала письмо из Лангра с «детальными, которые гарантируют его аутентичность».

По версии газеты, французские разведчики из Фейл-Бийо доложили вечером 27 декабря (8 января), что враг проявляет намерение направиться к Лангру. Тот час же все население взялось за оружие. Утром следующего дня 28 декабря (9 января) партия вражеских гусар появилась у дижонских ворот (это соответствует направлению движения, указанному Кохом). Это была партия графа Турна. Гусары намеревались войти в город и переговорить с мэром. Весь день они гарцевали на дороге на виду у горожан и тогда национальные гвардейцы выдвинули свой пост вперед на 4 лье от города. К 5 вечера появился парламентар в сопровождении двух гусар полка Цеклера. Когда парламентары проходили городские ворота еще 30 гусар, оставшихся неподалеку на дороге, направились к городским воротам, видимо, намереваясь захватить пост национальных гвардейцев и проникнуть в город вместе с парламентаром. В ответ раздались выстрелы: один гусар остался лежать на месте, остальные ускакали. В этот момент через шомонские ворота в город входил авангард императорской гвардейской

парламентар с гусарами отступили: «Гусары гарцевали на дороге у ворот и угрожали жителям». Национальные гвардейцы сделали разведку в предместье на четверть лье от Лангра. К пяти вечера австрийцы попытку повторили, но на сей раз парламентаров сопровождал, пишет Бошан, отряд из 30 гусар. Лейтенант национальных гвардейцев открыл огонь: один гусар и две лошади остались на месте. См.: *Beauchamp A. Histoire des campagnes de 1814...* Т. 1. Р. 129. Стинакер уверял, что он читал в военном архиве рапорт, в котором констатировалось, что капитан Шалансе повел себя в сложившихся обстоятельствах весьма решительно: это он приказал открыть огонь и противник ретировался. См.: *Steenackers F.-F. Op. cit. P. 31.*

³⁷ В «Journal de l'Empire» указан как Форе-Пелетье (Faures-Pelletier).

³⁸ *Steenackers F.-F. Op. cit. P. 32.*

кавалерии. Они были свидетелями успеха отважных горожан, прогнавших австрийцев³⁹.

В другом письме, которое пересказывает та же газета, сообщалось, что 28 декабря (9 января) противник 4 раза появлялся у стен города и на четвертый раз (около 5 вечера) австрийцев было до 120 человек. Когда этот отряд остановился, чтобы направить парламентаров к мэру, лейтенант Форе-Пелетье открыл огонь и ранил двух лошадей, в результате чего один вражеский офицер оказался на земле и был пленен⁴⁰. Пленный был передан в руки подполковника гвардейских конных егерей, который с присущим французам юмором назвал австрийца «парламентаром грабителей». И, как намекает газета, не безосновательно: на следующий день на дороге, по которой спешно бежали австрийцы, был найден портмоне с различными серебряными украшениями⁴¹. В том же выпуске «Journal de l'Empire» от 6 (18) января напечатано еще одно известие о событиях в Лангре, в котором утверждалось на сей раз, что в 6 утра 28 декабря (9 января) 25 гусар появились у городских ворот. Гвардейцы открыли огонь и враг отступил. Второй раз он появился вечером, но в предместье противника опять обстреляли, убив три лошади и ранив несколько кавалеристов. При этом никто из «бравых линьонцев» не пострадал⁴².

Вейль, изучивший донесения Турна Шварценбергу, уточнял, что поскольку в течение двух часов Турн не получил никаких известий от своего парламентаря, он обеспокоился и понял, что действовать нужно благоразумней. К Лангру был отправлен весь авангард под командованием капитана Буркхарда (Burckhardt), а не три человека. Авангард Буркхардта беспрепятственно вошел в длинный пригород Лангра, через который шла дорога на Везуль. Он уже почти прошел городские ворота, когда столкнулся с толь-

³⁹ Journal de l'Empire. 18.01.1814. P. 1.

⁴⁰ В мемуарах Делеке де Шанже писал, что сам Форе-Пелетье представил дело так, что это были вовсе и не парламентары, что баварский офицер и сопровождавшие его гусары вели себя агрессивно, и он лишь защищался. Шанже так же писал, что «один полицейский агент» рассказывал ему, что он видел отчет Форе-Пелетье, и отчет этот «дает понимание той меры доверия, с какой надо подходить к оценке официальных заявлений». Согласно этому отчету офицер Форе с несколькими гренадерами отбросил вражескую кавалерию от городских укреплений, когда она едва не прорвалась в центр города.

⁴¹ Journal de l'Empire. 18.01.1814. P. 2.

⁴² Op. cit.

ко что прибывшим в Лангр авангардом гвардейской кавалерии Мортье: «французские кавалеристы при поддержке жандармов и вооружившихся горожан атаковали партию Буркхарда и заставили ее отступить на Фейл-Бийо».⁴³ Более того, во время этого отступления австрийские гусары едва не были полностью уничтожены: когда они пересекали близлежащую к Лангру деревню Шодене (Chaudenay), на них напали местные крестьяне и убили 1 офицера и 12 рядовых⁴⁴. Такого отпора Турн не ожидал: сначала горожане, затем крестьяне...

Наконец, мы имеем еще свидетельство о событиях 28 декабря (9 января) – Делеке де Шанже – хотя на это свидетельство и наложило свой отпечаток знакомство автора с прессой и текстами историков – своих предшественников. В его изложении (как и в газете, и у Водонкура, и у Стинакера) жители Лангра сумели защитить свой город на первых порах без всякой помощи кавалеристов Мортье (на обратном настаивал оправдывающийся Турн). По воспоминаниям Делеке де Шанже, он лично в ночь с 27 декабря (8 января) на 28 декабря (9 января) проверил пост, выставленный у городских ворот на Сомюр, с удовлетворением при этом отметив, что «расположившиеся в соседнем кабаре» таможенники и несколько вооруженных жителей предместья в любой момент по первому же сигналу готовы усилить охрану ворот, и опасности с этой стороны ждать не следует, тем более что со стороны Феи (Фейл-Бийо. – А. Г.) никакого движения не наблюдалось. К 4 утра 28 декабря (9 января) командующий национальными гвардейцами отправился спать, но уже в 6 утра ему доложили, что противник в количестве 15 или 20 кавалеристов показался у закрытых ворот города. Надо было объединить всех способных носить оружие, но сделать этот так, чтобы не распространились болезни: от-

⁴³ Водонкур дает свою интерпретацию: «Двери города оказались открыты, и один эскадрон уже перешел на галоп, но огонь охранников заставил врага отступить». См.: *Vaudoncourt G. Histoire des campagnes de 1814 et 1815, en France. 5 v. Paris, 1826. T. 1. P. 151–152.* Стинакер: «Во время этой небольшой стычки в город вошел генерал Оффенштейн (что маловероятно. – А. Г.) с полковником Лафитом (Lafitte) во главе двух эскадронов гвардейских егерей с одной пушкой <...> Жители с энтузиазмом кричали: “Да здравствует император!”». См.: *Steenackers F.-F. Op. cit. P. 32*

⁴⁴ Турн резюмирует: в этом деле он потерял лейтенанта Салашта (Schlachta), а капитан Буркхардт (Burckhardt) был ранен. См.: *Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 85–87.*

ступающие из Германии осколки французских частей принесли в город тиф, и было много жертв⁴⁵. При проявлении австрийцев офицер охраны разместил своих людей на городских стенах, демонстрируя, что у города есть защитники, но, не «проявляя при этом никакой враждебности, чтобы не навлечь слишком серьезных последствий». Однако, только один единственный выстрел сержанта гренадер Арбельтье-Куртэ (Arbeltier) заставил вражеский пикет ретироваться⁴⁶.

К 8 часам утра временный комендант Лангра лейтенант жандармерии Иньяр отдает приказ о сопротивлении, но на него откликнулось так мало мужчин, что когда в 11 утра объявили общий сбор, лишь несколько человек собралось у мэрии. Тут стало известно, что враг вновь появился в предместье. Но опять один-два выстрела заставили противника отступить. Именно тогда было решено отправить разведчиков по дороге на Фейл-Бийо. Около 50 человек во главе с Делеке де Шанже выдвинулись вперед, заняв позицию на самой окраине предместья. Противника не было видно, и командир национальных гвардейцев отправился обедать и заодно доложить в мэрии о происходящем. Когда он в 4 часа после полудня собрался вернуться в предместье, то встретил на площади коменданта Иньяра, который сообщил, что национальные гвардейцы, таможенники и департаментская рота отведены из предместья за стены города, ибо находиться в предместье почти беззащитными им не было смысла. «Дело не обошлось без стаканчика водки»: один расхрабрившийся офицер из егерей просил у Делеке де Шанже 20 человек, чтобы вновь выдвинуть пикет в предместье и прогнать оттуда бандитов, если они появятся.

В мэрии комендант Иньяр и мэр Гюйо⁴⁷ беседовали с захваченным баварским парламентаром. Иньяр говорил, что ему нужно 24 часа, чтобы получить соответствующие указания от Ф.-Ж. Оффенштейна, мэр также тянул время, предлагая парламентару отобедать и выпить вина. Но тут командир прибывшего эскадро-

⁴⁵ Об этом со ссылкой на Минере писал Ф. Стинакер. См.: Р. 28.

⁴⁶ Леонс Пиепап приписывал инициативу открыть огонь по врагу капитану егерей барону Шалансе (Chalancey). О том, что это Шалансе приказал открыть огонь по отряду австрийских гусар, упоминал до Л. Пиепапа и Стинакер. *Steenackers F.-F.* Op. cit. Р. 31. Делеке де Шанже, напротив лишь удивлялся, почему нет никакой помощи и поддержки от Шалансе.

⁴⁷ Мэром в Лангре с 1808 г. был Гийом-Агюстен-Жан-Мари Гюйо де Сен-Мишель (Guyot de Saint Michel).

на егерей королевской гвардии Лафит (Lafitte) приказал парламента арестовать как пленного, что вызвало даже у Делеке де Шанже сомнения в соблюдении правил войны⁴⁸. После всех этих событий прибыл и сам генерал Франсуа-Жозеф Оффенштейн. Для всех стало ясно: попытка Турна взять Лангр «на испуг» не удалась.

29 декабря (10 января) в Лангр прибыла батарея легкой артиллерии и часть гвардейской кавалерии: егерей разместили на постой в Сен-Жом (Saint-Geosmes), а конных гренадер – в (Chamrigny)⁴⁹. Врага было не видно, но на дороге на Фейл-Бийо были замечены крестьянские телеги: видимо, противник осуществлял реквизиции. Это был тем более «грустный спектакль», сокрушался Делеке де Шанже, что военные, обещавшие «утопить казаков в Соне» не предприняли ничего, чтобы спасти имущество крестьян. Вслед за артиллерией и кавалерией 30 декабря (11 января) прибыл гвардейский батальон пеших егерей, а 31 декабря (12 января) и сам маршал Мортье, пожелавший принять у себя офицеров местной национальной гвардии. Подошли еще 3 батальона егерей и 4 батальона гренадер старой гвардии. Всего в Лангре сосредоточилось от 4 до 5 тыс. человек и 20 или 25 пушек⁵⁰.

Префект Г.-Ж. Жерфаньон был очень воодушевлен поведением защитников города, которые «подтвердили свою репутацию людей верных и храбрых». Мортье писал, что противник три раза пытался взять Лангр, но национальная гвардия его успешно отражала, пока подоспевшие егеря не заставили врага ретироваться⁵¹.

Тем временем Гиулай, который 26 декабря (7 января) занял Везуль, отправил отсюда свой авангард на Лангр, но получил от-

⁴⁸ «Journal de l'Empire», как мы видели выше, писала о пленении и передаче «парламента грабителей» в руки подполковника гвардейских конных егерей Лафита, не упоминая никаких переговоров и никак даже не намекая на затяжку времени властями Лангра. См.: Journal de l'Empire. 18.01.1814. P. 2.

⁴⁹ Сен-Жом – ближайшая коммуна к югу от Лангра, Шампньи-ле-Лангр – напротив, ближайшая к северу от города.

⁵⁰ А. Бошан насчитал в Лангре у Мортье 12 000 войска. См.: *Beauchamp A. Histoire des campagnes de 1814...* Т. 1. P. 130. С. Минере писал, что на 31 декабря (12 января) 1814 г. в Лангре скопилось до 10 000 французских войск, но Шанже, полагал, эту цифру завышенной минимум в два раза. Данные о численности французов Минере, скорее всего, заимствовал у Монтрола. См.: *Montrol F. Op. cit.* P. 374.

⁵¹ *Steenackers F.-F. Op. cit.* P. 33.

пор. 1 (13) января около часу ночи 600–700 французских кавалеристов бригадного генерала барона Л. Шуара (Chouart) напали на аванпосты III-го корпуса Гиулая, преследовали их до Шатене (Chatenay) и между тремя и четырьмя утра вернулись в Лангр. Через два часа вылазка возобновилась⁵². Гвардейские егеря нашли в Фейл-Бийо три поста пехоты и эскадрон кавалерии противника, удалось захватить 60 пленных. Аналогичная схватка была, по рапорту Мортье, у Лонжо (Longeau). Так, части Мортье в ночь с 1 (13) на 2 (14) января освободили от аванпостов союзников деревни Шатене и Монтлодон (Montlaudon)⁵³. Но, как писал Стинакер, стычки участились, они проходили уже не просто каждый день, а едва ли не каждый час; силы, люди, припасы таяли, а все возрастающий поток противника было не остановить⁵⁴.

Турн, который не имел на тот момент прямого контакта с Гиулаем, подумав, что ночные столкновения с французами у Шатене-Воден – инициатива Гиулая, решил отвлечь на себя внимание неприятеля и атаковал Мулен-Барийо (Moulin-Barillot)⁵⁵, где, как он полагал, располагался только небольшой пост из 100 пехотинцев и 50 егерей. Но здесь он неожиданно натолкнулся на отряд в 400 кавалеристов, которых поддерживал батальон гренадер. Турн отступил, он жаловался Шварценбергу, что его отряд понес

⁵² По воспоминаниям Шанже, вечером в соседней Шатене (Chatenay) по наводке мэра французы напали на слабый вражеский авангард: почти всех либо убили, либо захватили в плен. (1) 13 января в Лангр вернулись раненые французы и несколько пленных из Шатене. В 2,5 км от Лангра находится Шатене-Машерон (Chatenay-Mâcheron), еще в 4 км. на восток – Шатене-Воден (Chatenay-Vaudin), а еще в 4,5 км к востоку от последней – Монтлодон (Montlaudon). Бошан писал, что 22 января французы атаковали «австрийский авангард, состоящий из кавалерии и пехоты, который был отброшен на Шатене-Воден в двух лье от Лангра». См.: *Beauchamp A. Histoire des campagnes de 1814...* Т. 1. Р. 130.

⁵³ Подр. см.: *Steenackers F.-F. Op. cit.* Р. 33–36. Кох писал, что Мортье приказал сделать ночью разведку в направлении Шатене и Монтлондон: обе деревни были освобождены, а посты противника вынуждены отступить на соединение с основной частью отряда генерала Хехта, который начал контратаку и принудил в свою очередь французов вернуться в Лангр. Корпус Гиулая продолжил свое движение и 15–16 января соединился под Лангром, который решено было атаковать на следующий день. См.: *Koch Fr. Op. cit.* Т. 1. Р. 84–85.

⁵⁴ *Steenackers F.-F. Op. cit.* Р. 38.

⁵⁵ Ферма в 13 км на юго-юго-восток от Лангра на окраине коммуны Виоло (Violot).

большие потери и сильно уменьшился: 13 погибших, 19 раненых, 11 пропавших; «я прошу Ваше Сиятельство усилить мою кавалерию, после сегодняшней схватки мой эскадрон гусар не превышает 60 человек»⁵⁶. Турн откровенно признается, что из-за слабости отряда он не может реализовать свое желание сделать что-нибудь полезное для союзников. После неудачи под Мулен-Барийо отряд Турна отступил к Бюссьеру (Bussiè-res-les Belmont)⁵⁷. Он докладывал 2 (14) января Шварценбергу, что «население Верхней Марны в отличие от населения Верхней Соны проявляет враждебность к союзникам», и «отказывает нам во всем, даже в пище»⁵⁸.

2 (14) января Гиулай двинулся на Лангр. В этот день в Лангре было замечено движение кавалерии неприятеля на равнине в 5,5 км к югу от города между Балем-сюр-Марн (Balesmes-sur-Marne) и фермой Дрэй (Dreuil). Распространился слух, что враг уже занял Нанси (Nancy), что вюртембергцы идут к Бурбоне (Bourbonne), а их авангард уже в Даммартене (Dammartin).

4 (16) января к полудню стало известно, что императорская гвардия завтра оставит город. Эту новость подтвердил и комендант крепости, который сообщил ее по секрету командиру национальных гвардейцев: в городе планировалось оставить только 60 солдат и 15 новобранцев, которые эскортировали артиллерию из Оксона (Auxonne)⁵⁹. Леонс Пиепап опубликовал у себя в книге письмо маршала Мортье из Лангра от 4 (16) января: «Лангр – хорошее укрытие от вражеской кавалерии, но городская крепость не в состоянии защищаться от таких армейских корпусов, какой стоит передо мной. Сюда из Оксона направлены 12 пушек, множество пороха, но нет ядер. В настоящий момент я могу оставить здесь только 40 ветеранов и 3 егерей: гарнизон явно недостаточный. Убытие императорской гвардии повергло все население в самое большое уныние, <...> страх перед врагом парализовал их. Недавно начатые работы по укреплению крепости очень мало продвинули дело вперед в виду нехватки рабочих и исключи-

⁵⁶ Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 114.

⁵⁷ В 8,5 км к востоку от Виоло и в 5,5 км к юго-западу от Фейл-Бийо.

⁵⁸ Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 117. Турн писал, что хотел выйти на дижонскую дорогу, но получил приказ от Гиулая следовать за ним на Лангр. Изпод Лангра Турн отправился 14 января с эскортом на Дижон. По дороге имел стычку с французским конвоем, отбил 23 экипажа, захватил несколько пленных. T. 1. P. 139.

⁵⁹ Delecey de Changey Ch. Souvenirs d'un notable Langrois en 1814...

тельной жесткости земли. <...> Генерал Друо сообщил мне, что 2-я дивизия старой гвардии, направляясь в Лангр, прибыла в Тул. Без сомнения она опоздает, ибо Ней 15 января ночевал в Вуад. Я отправил офицера, чтобы тот предупредил эту дивизию, что я отхожу на Шомон и Труа. Враг передо мной на тех же позициях, все говорит о том, что он усиливается. В данный момент мне сообщили, что атакован пост в Лонжо (Longeau)...»⁶⁰. Мортье обещал жителям Лангра через два дня вернуться, Делеке де Шанже, сомневаясь в этом, однако заверил, что национальные гвардейцы и лично он выполнят свой долг до конца. Как писал еще Монтрол, Мортье отступил, возложив защиту города на «50 императорских гвардейцев и храбрость горожан»⁶¹.

Стинакер с некоторыми дополнениями рисует в сущности ту же картину беззащитного города. Мортье в рапорте от 4 (16) января писал, что полная эвакуация Лангра была не оправдана, поэтому из двух батальонов егерей и гренадер выбрали 50 добровольцев, офицеров и унтер-офицеров, которые составили бы «ядро обороны». К ним присоединены «400 национальных гвардейцев» и 25 солдат из 153-го линейного полка⁶², которые сопровождали порох в Дижон. К этим «войскам», предполагалось, присоединяться все мужчины города, способные носить оружие. Мэр, супрефект и командир национальной гвардии обещали Мортье выполнить свой долг: конечно, прокламации союзников обещали жителям безопасность и защиту, но союзники, – был уверен маршал – особенно баварцы, доставят им многочисленные примеры самых отвратительных притеснений⁶³.

5 (17) января Мортье незаметно эвакуировался из Лангра: в 4 утра он ушел на Шомон, где уже вечером занял высоты, с которых можно было контролировать переход через Марну⁶⁴. Вейль писал, что в Лангре оставлены 184 человека и 13 пушек во главе с новым

⁶⁰ *Piérape L.* Op. cit. P. 7.

⁶¹ *Montrol F.* Résumé de l'histoire de la Champagne, depuis les premiers temps de la Gaule jusqu'à nos jours. Paris, 1826. P. 374. Слово в слово повторено в популярном многотомнике Абеля Юго. См.: *Hugo A.* France pittoresque. Delloye, 1835. P. 229.

⁶² По Коху, Мортье оставил в городе 125 человек из 153-го полка. См.: *Koch Fr.* Op. cit. T. 1. P. 85.

⁶³ *Steenackers F.-F.* Op. cit. P. 39.

⁶⁴ Вейль считает, что Мортье задачу свою выполнил, его небольшой корпус своими маневрами сдержал, притормозил наступление противника.

комендантом полковником Ж.-Б.-Ш. Симоном де Ла Мортьером (Simon de La Mortière) (1770–1856), которому дан приказ держаться до последнего и затем капитулировать, чтобы избавить город от негативных последствий атаки союзников⁶⁵.

В тот же день 5 (17) января Шварценберг направил своего адъютанта подполковник Войну (Woyna) для переговоров к городским воротам, но оказалось, что переговариваться-то особенно и не с кем⁶⁶. К Войне из любопытства присоединились два русских офицера «квартирмейстерской части»: Ф. Дист (Диест) и Трескин⁶⁷. Все трое в сопровождении трубача подъехали к воротам Лангра, на переговоры вышел Симон де Ла Мортьер. Офицеры успели увидеть, что неприятель город оставил, что его охраняет только несколько солдат, о чем спешно доложили Гиулаю. Союзники подтянули артиллерию и направили ее на ворота. Лангр не мог обороняться: 180 человек против корпуса, да еще, если верить «Журналу военных движений», жители заклепали 8 пушек, к оставшимся снаряды были другого калибра⁶⁸, а национальная гвардия требовала сдачи города. Стоило Мортье уехать и, как он сам писал об этом от 5 (17) января, «буржуа заговорили о необходимости сдать город, а национальные гвардейцы побросали ружья». Никакие прокламации уже не помогали.

В соседнем Шомоне аббат Сурдат вечером 5 (17) января писал, что противник появился перед Лангром, но город опять не был им захвачен. Впрочем, уверен аббат, это «лишь отсрочило немного те несчастья, что нам угрожают»⁶⁹. Видно, последние новости до Шомона не успели еще дойти...

Еще утром 5 (17) января защитники Лангра, кажется, готовы были хотя бы для виду посопротивляться, чтобы потянуть время и добиться почетных условий капитуляции: «В тот момент последние отступающие солдаты императорской гвардии еще пили

⁶⁵ Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 134. По А. Бошану, защитников было «200 человек и несколько пушек: меньше, чем было нужно для защиты Лангра...». См.: *Beauchamp A. Histoire des campagnes de 1814...* T. 1. P. 131. По Р. Брокару – «150 раненых и едва передвигающихся солдат». См.: *Brocard R. Alexandre Ier...* P. 92.

⁶⁶ Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 133–136.

⁶⁷ Журнал движений... от 5 (17) января. С. 93.

⁶⁸ Там же. С. 93.

⁶⁹ *Sourdat. Un village de la Haute-Marne. Villiers-en-Lieu // Revue de Champagne et de Brie. Arcis-sur-Aube. 1900. T. 12. P. 486.*

свой прощальный стаканчик водки, а уже можно было предвидеть то волнение, которые вызовет их уход из города»⁷⁰. Оставшийся в городе за коменданта Симон де Ла Мортьер был, по свидетельству Делеке де Шанже, сильно раздражен: его оставили все сразу. Он послал курьера к Мортье, видимо, надеясь получить разрешение оставить Лангр, но к 10 часам утра получил ответ держаться до последней возможности. «Я отлично понимаю, что я жертва», – сказал на это Симон де Ла Мортьер. Мэру Лангра также доставили письмо от Мортье, в котором предписывалось путем издания прокламации призвать всех граждан к оружию и объявить, что французская армия вернется в Лангр в течение двух дней.

Но еще Монтрол писал о защитниках Лангра: «что они могли сделать без оружия, боеприпасов, с полуразрушенными укреплениями, готовыми окончательно рухнуть лишь от грохота пушек!»⁷¹. Стало известно, что некоторые офицеры императорской гвардии угрожали, что подвергнут Лангр грабежу, если горожане не будут сопротивляться. «Жестокая, но пустая угроза, они знали, что больше сюда не вернуться!» – писал Шанже.

Около 3 часов у стен города появился парламентар. В окошко, что открыли в городских воротах для переговоров, было видно и слышно, как кавалеристы эскорта, сопровождавшие парламентаря, пьют поднесенное им жителями предместья вино за здоровье французских солдат и выражают желание побрататься с ними. Это был момент своего рода перемирия, который успокоил умы: дамы, которым не разрешалось даже приближаться к городским стенам, теперь спешили удовлетворить своё любопытство. Симон де Ла Мортьер и командир национальных гвардейцев Делеке де Шанже отправились ужинать. Но вскоре раздалось два пушечных выстрела: так австрийцы для убедительности поддержали миссию очередного парламентаря. Как уверял Бошан, австрийцы угрожали предать город грабежу, если он окажет сопротивление⁷². Симон де Ла Мортьер было начал рассуждать, что сдаст крепость только значительно превосходящим силам противника, но под

⁷⁰ *Delecey de Changey Ch. Souvenirs d'un notable Langrois en 1814...*

⁷¹ *Montrol F. Op. cit. P. 374–375.*

⁷² *Beauchamp A. Histoire des campagnes de 1814... T. 1. P. 131.*

давлением горожан решил все же капитулировать⁷³. Переговоры, по свидетельству мэра Гюйо, были короткими: комендант и мэр просили разрешения вывести гарнизон из города, им ответили, что защитники будут считаться военнопленными, но офицеры сохранят свои шпаги и багаж, а унтер-офицеры и сержанты свои вещи и ранцы. Обещалось, что будет оказано уважение к личности и собственности, сохранится французское правосудие, с французскими ранеными и больными будут обращаться гуманно. В местной гостинице в 5 вечера Симон де Ла Мортьер подписал капитуляцию, которая вечером была оглашена горожанам⁷⁴. Во главе эскадрона легкой кавалерии и батальона полка Кленана с двумя пушками Гиулай в 6 вечера 5 (17) января вступил в Лангр.

Шварценберг был изумлен и обрадован: «Центральная позиция, господствующая над всею Францией, взята без боя»⁷⁵. Монтрол передает общее впечатление: при приближении армии союзников, оставленные в городе солдаты поспешили бросить оружие и попрятаться в домах горожан, откуда их потом заставят выйти и сдать. Он же приводит и пример французской самоотверженности и верности долгу: один из гвардейцев предпочел умереть, чем открыть дверь городских ворот и сдать в плен: первые австрийцы не могли войти в город иначе, чем через его труп⁷⁶. Монтролу вторит Минере: «Наступившая ночь добавила ужаса к положению города, загроможденного голодными и замерзшими войсками. У ворот города, через которые входили войска союзников, распростерся труп одного несчастного жандарма, убитого вопреки капитуляции – грустный спектакль, предвестник того, что можно ожидать от военной оккупации»⁷⁷. Союзники

⁷³ Кох писал, что городская стража, которая поначалу выказывала намерение содействовать императорской гвардии в защите Лангра, сочла теперь сопротивление бесполезным. См.: *Koch Fr. Op. cit.* Т. 1. Р. 85.

⁷⁴ *Mignere S. Précis de l'histoire de Langres...* Р. 256. *Steenackers F.-F. Op. cit.* Р. 43.

⁷⁵ *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного союза. Т. 4. С. 169. Гиулай двинулся к Лангру и «после малой ружейной перестрелки и нескольких выстрелов» занял оный. См.: Журнал военных движений и действий российско-императорских и королевско-прусских армий со времени прекращения последнего перемирия, т.е. с 5/17 августа 1813 года [по 17 марта 1814 г.]. Б.м., 1814. С. 93.

⁷⁶ См.: *Montrol F. Op. cit.* Р. 374–375.

⁷⁷ *Mignere S. Précis de l'histoire de Langres...* Р. 257. А Минере, в свою очередь, вторит Стинакер. См.: *Steenackers F.-F. Op. cit.* Р. 43.

запросили из числа горожан трех человек, которые были бы заложниками, гарантирующими хорошее поведение остальных: заложников отравили на временное проживание в Великое герцогство Баденское⁷⁸.

Вечером 5 (17) января в Лангр вступили 15 или 20 батальонов, которые разместились как могли. Клэр Оберив в статье «Дома Лангра и их гости» упоминает сцены «хаоса и паники, которые ознаменовали вторжение в город в полутьме зимнем вечером 1814 г.»⁷⁹. Делеке де Шанже писал и неудобствах и притеснениях, но никакого «хаоса» в его интерпретации событий нет. Оставивший свою службу бывший командир национальных гвардейцев лишь свидетельствует, что «полки авангарда выглядели очень плохо, я полагаю, большей частью это были хорваты и другие войска с турецкой границы». Делеке де Шанже радовался, что к нему на постой никто до поры до времени не встал. Правда к 10 вечера его предупредили о прибытии генерала с 11 солдатами и слугами, но, ни генерал, ни свита так и не появились: возможно, они отправились далее на Шомон⁸⁰.

На следующий день 6 (18) января в 10 утра в мэрии собрался городской совет, чтобы решить вопрос о реквизициях, которые предписал сделать австрийский комиссар⁸¹. Вдруг с площади, где

⁷⁸ *Steenackers F.-F.* Op. cit. P. 44.

⁷⁹ *Auberive C.* Une maison de Langres et ses hôtes // Société Historique et Archéologique de Langres. 1958. № 170.

⁸⁰ *Delecey de Changey Ch.* Souvenirs d'un notable Langrois en 1814...

⁸¹ «Несмотря на английские деньги, войска союзников были весьма плохо экипированы. В Лангре помимо продуктов питания австрийцы и баварцы затребовали за два дня 500 шинелей белого драпа и столько же коричневого, 1 000 сорочек, 2 200 кюлот и 1 000 парт гетр. Несколько дней спустя новое требование: 25 000 локтей драпа и 50 000 холстины». См.: *Jégo Y.* La campagne de France 1814. Paris, 2013. P. 64. Эти же данные с теми же интонациями И. Жего приводит и М.П. Рей. См.: *Rey P.-M.* 1814, un tzar à Paris. Paris, 2013. P. 101. Эти сведения о реквизициях в Лангре мы находим первоначально у Стинакера, который использовал данные архива префектуры. 6 (18) января издан приказ от командующего 3-го корпуса, предписывающий Комиссии по административным вопросам округа Лангр обеспечить 1 000 венгерских кюлот (голубого цвета), 1 200 немецких кюлот, 500 кавалерийских шинелей (белого драпа), 500 обычных шинелей для пехоты, 1 000 рубашек, 1 000 пар гетр, 400 ярдов обычного холста, 500 ярдов коричневого холста. Все указанное должно быть предоставлено в течение двух дней. По указанию генерального квартирмейстера барона Иоганна Прочаски (Prohaska) контрибуция была сокращена до двух тысяч ярдов ткани. Но и из

было размещено на бивуак несколько тысяч человек, раздался страшный крик, который привел в ужас членов городского совета, решивших, что это сигнал к грабежу. Командир национальных гвардейцев успокоил чиновников: «Если это крик радости, то это не опасно». А это как раз было мощное «ура» в честь прибытия очередного генерала⁸².

8 (20) января через Лангр продолжали идти войска союзников. 9 (21) января здесь, в доме супрефекта Берто (Berthot) князь Шварценберг установил свою штаб-квартиру. Гиулай квартировал в доме напротив – у месье Тевно (Thévenot). Сюда под конвоем привели мэра и под угрозой расправы потребовали предоставить карты местности⁸³. Месье Берто не замедлил бросить свои функции супрефекта. Вместо него была создана специальная комиссия, а работа муниципалитета организована таким образом, чтобы каждый день трое его членов присутствовали в мэрии и помогали мэру⁸⁴.

Р. Брокар пишет: 9 (21) января 1814 г. «Александр I въехал в Лангр на белой лошади; впереди него скакали несколько отборных казаков, а за ним следовал кортеж из 60 генералов, включая Шварценберга»⁸⁵. Делеке де Шанже, напротив, правильно указывал, что это событие имело место 10 (22) января пол третьего дня: «в Лангр в сопровождении многочисленного штаба и генералитета прибыл русский император. Великолепный кортеж представлял собой очень красивое зрелище, впечатление от которого смазывали лишь нескольких иррегулярных казаков, которые бродили по улицам в своих грубых одеждах, да ощущение бремени которое уже легло на плечи города и которое еще должно было возрасти»⁸⁶. Император Александр I остановился в доме у Шалансе,

этих двух тысяч ярдов купец Петито-Параде (Petitot-Paradey) предоставил лишь шестьсот тридцать. 14 февраля последовало новое распоряжение: предоставить 26 000 локтей драпа и 50 000 холстины. См.: *Steenackers F.-F.* Op. cit. P. 284–285.

⁸² *Delecey de Changey Ch.* Souvenirs d'un notable Langrois en 1814...

⁸³ Об этом писал и Стинакер. См.: *Steenackers F.-F.* Op. cit. P. 44.

⁸⁴ *Delecey de Changey Ch.* Souvenirs d'un notable Langrois en 1814...

⁸⁵ *Brocard R.* Alexandre Ier ... P. 92–93.

⁸⁶ *Delecey de Changey Ch.* Souvenirs d'un notable Langrois en 1814...Путь Александра I из Базеля в Лангр по территории Франции прослежен Михайловским –Данилевским: 4 (16) января – Дель, 5 (17) – Менбельяр, 6 (18) – Виллерсексель, 7 (19) – Везуль, 8 (20) – Комбофонштен, 9 (21) – Фебильо, 10 (22) января – Лангр. См.: *Михайловский-Данилевский А.И.* Ук. соч. Т. 1. С. 55–56.

где портрет Людовика XVI, якобы, воскликнул: «Я ношу этот образ в своем сердце!»⁸⁷.

2 (24) января в город в сопровождении своего младшего сына и Карла Людвиг Фридриха Церингена – великого герцога Баденского прибыл король Пруссии Фридрих-Гийом III. Прибывший 13 (25) января император Австрии расположился в доме мэра Гюйо. В Лангре расположилось до 15 000 войск союзников. Город поделен на три, как их называл Минере, «зоны оккупации» с тремя комендантами: на юге – русские, в центре – пруссаки, на севере – австрийцы⁸⁸. В Лангре был устроен госпиталь для больных и раненых⁸⁹.

Стинакер почти не преувеличил: все народы Европы были представлены в этом несчастном городе. Даже самые широкие улицы Лангра запружены экипажами и повозками с багажом⁹⁰. Как выразился Лефевр де Беэн, Лангр стал «временной столицей союзников»⁹¹. Товары в местных магазинах очень быстро раскупили, цены выросли. Клэр Оберив ссылается на манускрипт, посвященный «вторжению 1814 г.», в котором, в частности, речь идет о росте в течение нескольких недель стоимости жизни для местного населения в три раза⁹². В поисках продуктов питания гости города (да, видимо, и не только гости) часто обращались к многочисленным русским маркитантам, которые «расположили свои повозки на улице Шамбо, продавая на вес золота кофе, ром и водку». Цыпленок величиной с кулак продавался за 8 франков.

Р. Брокар вслед за очевидцем П. Жакюино отмечал: «Поведение русских штабных офицеров было безупречно; среди них было некоторое число французов, эмигрировавших во времена Революции. <...> Что касается собственно войск, они были очень разношерстные, некоторые совсем дикие, пришедшие из самых

⁸⁷ *Brocard R. Alexandre Ier ...* P. 93

⁸⁸ *Mignere S. Op. cit.* P. 257. То же см.: *Brocard R. Alexandre Ier, Tsar de Russie...* P. 95.

⁸⁹ *Казаков И.М. Поход во Францию 1814 г...* С. 528.

⁹⁰ *Steenackers F.-F. Op. cit.* P. 44.

⁹¹ *Lefebvre de Behaine F.F.E.. Le comte d'Artois sur la route de Paris. 1814. Paris, Perrin, 1921.* P. 75–126. См. также: *Lefebvre de Behaine F.F.E. L'invasion: Décembre 1813-janvier 1814. Paris, 1934.*

⁹² *Auberive C. Une maison de Langres et ses hôtes // Société Historique et Archéologique de Langres. 1958. № 170.*

отдаленных регионов необъятной империи»⁹³. Здесь под «дикарями» понимаются «казаки Платова» с их «верблюдами, луками и стрелами».

П. Жакюино свидетельствует, что император Австрии искал себе в городе профессора музыки, чтобы тот с его поваром и еще двумя любителям музыкантами сыграли скрипичным квартетом. Каждому за такое выступление платили по дукату. Король же Пруссии жил не столь утонченно: ему вечерами играл под окнами военный оркестр. Александр I не гнушался в окружении своих генералов прогуливаться по улицам города, весьма куртуазно приветствуя жителей. Однажды порыв ветра сорвал с его головы треуголку с плюмажем, и, как свидетельствует устная традиция, одна юная девушка подняла ее и вернула владельцу, получив за такой «жест коллаборационизма» искреннюю императорскую благодарность⁹⁴.

Делеке де Шанже также позволил себе сравнительные наблюдения: австрийский император предпочитал выезжать в сопровождении князя Лихтенштейнского⁹⁵ или князя Эстерхази⁹⁶. Александр I предпочитал выезжать один. Повстречав на своем пути дам, он вежливо им кланялся и непринужденно перебрасывался парой фраз. Он оставил несколько «следов своей гуманности и человечности». Говорят, что несколько раз ему кричали «Да здравствует император!». А вот присутствие прусского короля не вызвало никакой сенсации. Он был далек от того благородства, что демонстрировали два других суверена⁹⁷.

Оккупация Лангра не только оказала гнетущее воздействие на защитников соседних городов (Шомона и др.), она воодушевила местных противников императорской власти. По приезду Александра I местные роялисты образовали комитет, в заседаниях которого принимали участие два адъютанта русского импера-

⁹³ *Brocard R. Alexandre Ier, Tsar de Russie ...* P. 95.

⁹⁴ *Op. cit.* P. 96.

⁹⁵ Вероятно, имеется в виду австрийский фельдмаршал князь Алоиз Гонзага Лихтенштейнский (1780–1833).

⁹⁶ Видимо, имеется в виду австрийский фельдмаршал, князь Миклош Иосиф Эстерхази де Галата (1765–1833) (*d'Esterhazy de Galantha*).

⁹⁷ *Delecey de Changey Ch. Souvenirs d'un notable Langrois en 1814...* Р. Брокар предположил, что интерес Александра I к Лангру был повышен из-за того, что это была родина Дидро, которого в свое время Екатерина II приглашала в Санкт-Петербург, и который мог бы стать учителем Александра.

тора полковники Рошешуар (Rochechouart) и Рапатель (Rapatel) – бывшие эмигранты. Нацепив белые кокарды как символ Бурбонов, эта небольшая группка роялистов в сопровождении двух или трех русских кавалерийских полков собиралась промаршировать в сторону Осерра или Тоннера. Александр I пресек эту попытку. Комитет ограничился тем, что послал Людовику XVIII в Англию письмо с заверениями в своей преданности и лояльности⁹⁸.

В течение пятидневного пребывания Александра I в Лангре был прояснен вопрос о мире и войне. 15 (27) января в Лангре состоялось совещание монархов и дипломатов относительно дальнейших действий: сюзерены России, Австрии и Пруссии, а также Меттерних, Каслри, Разумовский, Гарденберг, Нессельроде, Поццо ди Борго и других. Меттерних 13 (25) января, описывая свой путь в Лангр, отмечал, что «все спокойно и народ кричит только о мире»⁹⁹. На этом совещании Меттерних выступал против всякого продвижения войск союзников вперед по территории Франции, Каслри, поддерживая его, указывал на непредвиденные опасности оккупации Парижа. Францию хотели вернуть в дореволюционным границам... В ночь с 16 (28) января на 17 (29) января из Шомона доложили, что Наполеон перешел в наступление. 17 (29) января за час до рассвета Александр I покинул город отправился в Шомон¹⁰⁰. Перед отъездом мадам Шалансе получила от него великолепный изумруд в окружении бриллиантов, а ее дочь – бриллиантовую заколку с рубином¹⁰¹.

Большое впечатление на французов произвели иррегулярные войска союзников. Подле места под названием Блашн-Фонтен, где любили прогуливаться горожане, писал автор «Истории Лангра», был разбит «лагерь тех диких орд, которые русские всегда таскали за собой. Вид этих варваров, вооруженных луками и стрелами и восседающих на дромадерах позволял думать, что вернулись старые времена, эпоха, когда Аттила командовал разрушением города лингонов»¹⁰². Башкиры, казаки, калмыки, крымские

⁹⁸ Brocard R. Alexandre Ier, Tsar de Russie ... P. 96.

⁹⁹ Op. cit. P. 97.

¹⁰⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Ук. соч. Т. 1. С. 77. Mignere S. Op. cit. P. 258; Brocard R. Alexandre Ier, Tsar de Russie ... P. 98. Император Австрии покинет Лангр 3-го февраля.

¹⁰¹ Brocard R. Alexandre Ier, Tsar de Russie ... P. 97.

¹⁰² Mignere S. Op. cit. P. 258. Стинакер дословно повторил эту метафору Минере. См.: Steenackers F.-F. Op. cit. P. 44. Кочевники действительно были в

татары русского императора – все это вдруг стало составной частью повседневной жизни Европы...

Не только город, но и вся округа Лангра заполонена войсками союзников. До поры до времени резонансных конфликтов с местным населением не было. Князь Д.В. Голицын пишет из деревни Ла Карт (La Quart)¹⁰³ 8 (20) января: «что до жителей, то невероятно, как они нас встречают. <...> Они смотрят на нас как на освободителей и не просят ничего взамен»¹⁰⁴.

Конечно, без эксцессов, видимо, все же не обошлось. С. Минере упомянул, что казаки «пронеслись по деревням» а потом устроили у городских ворот Лангра базар, на котором горожане не брезговали скупать у казаков награбленное в соседних деревнях¹⁰⁵... И Минере здесь больше удивляет даже не поведение казаков, а беспринципное поведение его соотечественников. Р. Броккар, со своей стороны, признавал, что в городе дисциплина у казаков была строгая: их наказывали кнутом, в то время как пруссаки своих провинившихся – шпицрутенами¹⁰⁶. Видимо, союзники не только продавали, но и покупали. В одном из обзоров «Археологического и исторического общества Лангра» упоминаются gobелены и витражи из кафедрального собора Лангра, остатки которых еще существовали в 1814 г. во время оккупации и были

рядах русской армии: в 1812 – 1814 гг. в ее составе воевало 2 башкирских, 2 мишарских, 2 тептярских, 4 крымско-татарских, 2 калмыцких (астраханских) пятисотенных и один тысячный ставропольских (крещенных) калмык полков». За свои луки и стрелы в купе с экзотическим обликом башкиры тогда получили прозвище «северные амурь» или «злые купидоны». См.: Рахимов Р.Н. История тептярских конных полков. 1790–1845. Уфа, 2008; Он же. Башкирская конница под Тильзитом: Краткая встреча – долгое эхо. (К проблеме участия иррегулярной кавалерии в наполеоновских войнах) // Проблемы войны и мира в эпоху нового и новейшего времени (к 200-летию подписания Тильзитского договора): Материалы международной научной конференции. С.-Петербург, декабрь 2007 г. СПб., 2008. С. 184. Он же. История тептярских конных полков. 1790–1845. Уфа, 2008.

¹⁰³ Примерно в 20 км по прямой из Лангра по дороге на Везуль.

¹⁰⁴ Петерс Т. С полей сражений. 1812–1815 гг. М., 2012. С. 277.

¹⁰⁵ Migneret S. Op. cit. P. 258. Минере вторит Стинакер: «Казаки наведались в соседние деревни и вывезли оттуда на своих лошадях отнятую у крестьян добычу к импровизированному рынку, устроенному у городских ворот; горожане же «не боялись извлекать выгоду из такой торговли награбленным». См.: Steenackers F.-F Op. cit. P. 44.

¹⁰⁶ Brocard R. Alexandre Ier, Tsar de Russie ... P. 95.

«проданы российским офицерам, которые увезли их в свою страну»¹⁰⁷.

Возможно, дисциплина ослабла после отъезда Александра I из Лангра, возможно, поддерживать дисциплину в отдаленных от начальства пунктах было сложнее. Но Минере уверял, что коммуны Перансе-ле-Вьё-Мулен и Нуадан-ле-Рошё, что в 5–6 км. в восток от Лангра были разграблены некоторыми из «банд казаков»¹⁰⁸. Крестьяне из этих коммун попросили помощи в соседних деревнях и через несколько часов образовали внушительную вооруженную толпу. Когда она прибыла в разграбленные казаками деревни, тех там уже не было, но в этот момент показался русский обоз, направляющийся к Перансе-ле-Вьё-Мулен и Нуадан-ле-Рошё. Крестьяне же, полагая, что идут очередные грабители, набросились на них и убили 15 человек, а остальных обратили в бегство в Лангр. Это событие отмечено Минере как «Убийство русских обозных под Нуаданом». Стинакер пересказывает этот случай, обозначив его как «Атака одного русского отряда крестьянами у Вьё-Мулен». Он подкрепляет сноской на Минере сведения из писем П. Дарденна о росте крестьянского сопротивления: «жители многих деревень прятались в лесах и не боялись нападать на изолированные отряды или конвои», хотя это и вызывало опасность репрессий¹⁰⁹.

Вскоре из Лангра в Вьё-Мулен прискакал эскадрон австрийских егерей с приказом арестовать всех виновных в нападении на

¹⁰⁷ Bulletin de la Société historique et archéologique de Langres. 1914. № 91. P. 439.

¹⁰⁸ Migneret S. Op. cit. P. 261

¹⁰⁹ «Минере в своей “Истории Лангра” рассказал факт, который согласуется с мнением автора “Исторических писем” <...> Поступки того же порядка и даже более смелые имели место и в других местах. В различных рапортах из военного архива мы находим множество выразительных свидетельств озлобленности, которая овладела населением». Стинакер цитирует рапорт Пире, в котором сообщалось, что крестьяне «на десять лье в округе» объединяются в отряды и наказывают врага за посеянный им террор: в Борбонне, Нефшато, Бассиньи, Барруа циркуит «дух брожения», отовсюду приходят люди и просят оружия, боеприпасов, офицеров. Все это, возможно, было и так, но рапорт Пире датирован не январем, а 28 марта, когда была уже совсем другая обстановка! И то, что у стен Лангра патрулем союзников были арестованы двое крестьян вооруженных пистолетом и палкой, так это было в соответствии с приказом Шварценберга от 10 марта. См.: Steenackers F.-F. Op. cit. P. 168–169.

обозных, кого найдут. В итоге «несколько стариков» были отправлены в Лангр. Между тем, русские согласились, чтобы суд над ними был осуществлен по французским законам и в присутствии французского комиссара. После нескольких недель разбирательств, крестьян этих освободили¹¹⁰.

После отступления французов в Лангр перестали поступать французские газеты, население жило в информационной изоляции. Единственные новости – пленные французы, которые стали прибывать после сражений при Бар-сюр-Об, Бриенне, Ла-Ротьере. Среди прочих здесь оказался и представитель знаменитого рода, давшего Франции много видных маршалов, генералов и пэров, граф Эммануэль де Косе Бриссак (Cossé Brissac) (1793–1870). Циркулировали многочисленные слухи: 17 (29) января откуда-то стало известно, что якобы, Платов уже под Орлеаном; 8 (20) февраля об этом снова говорили (это был отряд под командованием А.Н. Сеславина). Как-то в город прибыла некая «мадам Платова» (Mme Platow), которая квартировала в доме у сборщика налогов г-на Бертона (Berthon), где и разрешилась беременем¹¹¹. Делеке де Шанже в своих мемуарах также упомянул, как у него останавливался генеральный интендант русской армии и будущий министр финансов России Е.Ф. Канкрин: «человек по своим манерам очень простой, но умный», даром, что немец¹¹².

Когда стало известно о неудаче союзников под Ножаном и Монтро, это вызвало не радость, а лишь новые опасения: повсюду мы видим людей, пишет Делеке де Шанже, которые предвидят отступление союзнических войск и, как следствие, новые несчастья для города¹¹³. Чувства патриотизма (там, где они были) и самосохранения вступили в противоречие: никто не хотел видеть в городе отступающих голодных и злых солдат союзников. Ожидали несчастий еще больших, чем при первом их появлении. 14 (26)

¹¹⁰ *Migneret S. Op. cit. P. 262.*

¹¹¹ 5 февраля она приедет в Нёфшато, где пробудет до 23 марта. Ни в одном из списков рождения или смерти из архива муниципалитета Лангра, о рождении кого-либо у «мадам Платовой» нет ни намека. Хотя случаи смерти иностранных солдат фиксировались, например запись от 17 января свидетельствует о смерти 25 солдат из разных полков союзников и испанских заключенных, 26 января – новая запись о смерти ещё 11 испанских заключенных.

¹¹² *Delecey de Changey Ch. Souvenirs d'un notable Langrois en 1814....*

¹¹³ *Idid.*

февраля вокруг Шанже (Changey)¹¹⁴ разбили бивуаки части Баркляя де Толля и Милорадовича: запасы продовольствия были израсходованы за два дня. 2 марта русская кавалерия квартировала в Шарме (Charmes): сгорела местная мельница... «Горожане старались вечерами не отходить далеко от дома из опасения быть принятыми патрульными солдатами за разведчиков <...> Только к середине марта ситуация в городе стала относительно комфортной и допускала вечерние променады»¹¹⁵.

П. Жакюино рассказывает еще одну историю с супругой генерал-лейтенанта графа К.О. Ламберта (Lambert), еще одного адъютанта Александра I, которая прибыла из Шомона в Лангр в момент временного отступления союзников. Будучи беременной, она привезла с собой из Шомона акушерку. После родов акушерка была отблагодарена 30 дукатами, ей выделили экипаж для возвращения домой. Но в Шомон из Лангра она не вернулась. Муж ее начал розыски и обнаружил, что две русских служанки, видя щедрость своей хозяйки по отношению к акушерке, коварно убили ее по дороге домой, дукаты забрали себе, а тело сбросили в Марну. Преступницы в кандалах были отправлены в Россию для наказания¹¹⁶.

13 (25) марта в Лангре становится известно, что Шомон занят французским авангардом генерала И.-М.-Г. Пирэ (Piré). Союзники же распускали слух, что Наполеон разбит под Арси-сюр-Об и это только один небольшой отряд его армии вошел в Шомон. Но опасения союзников, их страх перед Наполеоном были весьма велики. Гарнизон союзников, состоящий тогда из двух батальонов ландвера¹¹⁷, закрылся в городе, ужесточив пропускной режим: 15 (27)

¹¹⁴ В 7 км. к северо-северо-востоку от Лангра, на берегу озера Шарме. Кох писал, что еще 6 (18) января штаб-квартира Баркляя де Толля был установлен в Фейл-Бийо, а его войска расположились между этой коммуной и Порт-сюр-Сон. Последующие дни были посвящены маршам и контрмаршам, чтобы установить линию корпуса между Фейл-Бийо и Рансоньере (Rançonnières), что в 19 км. к северу от Фейл-Бийо. См.: *Koch Fr. Op. cit. T. 1. P. 103.*

¹¹⁵ *Delecey de Changey Ch. Souvenirs d'un notable Langrois en 1814...*

¹¹⁶ *Brocard R. Alexandre Ier, Tsar de Russie ... P. 99.*

¹¹⁷ Ими командовал князь Кевенхуллер (Kevenhuller). Отношения с этим командиром ландвера у местной администрации сложились весьма дружеские. Квартировал принц Кевенхюллер у г-на Шамблэ. После окончания службы, вернувшись к себе домой, он отправил в Лангр хозяину своей квартиры и мэру города ящик с фазанами, о которых и через 25 лет мемуарист

и 26 (28) марта потребовалось специальное разрешение, чтобы похоронить на кладбище за пределами города капитана Шарля де Ливе (Lyver), который лечился здесь от тифа, да так и не вылез из больницы¹¹⁸.

Между тем, «в конце марта деревни в округе Лангра начали восставать. Жители Ла Карт (La Quart) и Прессини (Pressigny)¹¹⁹ укрылись в лесах, откуда выходили на дорогу и грабили экипажи, принадлежащие императору Францу¹²⁰. И не надо полагать, что другие экипажи они не грабили...

Впрочем, уже 17 (29) марта стало известно, что французы Шомон оставили, ситуация стала проясняться: звезда Наполеона померкла. 7 апреля вечером официально объявлено о капитуляции Парижа, 6 июня опубликовали условия мира, а 15 июня в Лангр вернулись французские войска: 23-й полк пехоты. Никаких проблем у них с австрийским гарнизоном не было. Комендантом Лангра назначен барон Шалансе (Chalancey), Берто вновь вернул себе функции супрефекта. Последние иностранные солдаты, в том числе, русский майор барон Бохлен (Bohlen) со своим адъютантом покинули Лангр 26 июня 1814 г.: 165 дней оккупации закончились¹²¹.

Даже с точки зрения истории событийной, история оккупации Лангра и его окрестностей еще требует уточнений и комментариев. Данные французских мемуаристов и историков, весьма противоречивы: когда речь идет о численности войск противни-

вспоминал, как об «очень хороших». См.: *Delecey de Changey Ch. Souvenirs d'un notable Langrois en 1814...*

¹¹⁸ *Delecey de Changey Ch. Souvenirs d'un notable Langrois en 1814...* С 17 января по 24 июня 1814 г. в городе умер 431 человек. Эта цифра уже сама по себе позволяет говорить о степени распространения инфекционных заболеваний, а так же о тяжести условий, в которых выживало население. Анализ статистики отказа от детей так же подтверждает эту ежедневную нищету.

¹¹⁹ Прессини расположена в 4 км к юго-западу от Ла Карт по другую сторону дороги Лангр-Везуль, на опушке леса.

¹²⁰ *Delecey de Changey Ch. Souvenirs d'un notable Langrois en 1814...* 12 (24) марта Дарденн писал из Шомона, что в округе «крестьяне пришли в движение: они останавливают отставших врагов и убивают их. <...> Может ли это крестьянское движение заставить союзников отступить?» В письме от 14 (26) марта мы читаем: «Крестьяне восстают и арестовывают или убивают солдат, попавших им в руки: они вооружены дубинками, косами, пистолетами, ружьями <...> но им не хватает боеприпасов». Цит. по: *Steenackers F.-F. Op. cit.* P. 166.

¹²¹ *Brocard R. Alexandre Ier, Tsar de Russie ...* P. 99.

ка, то цифры практически всегда завышены, когда речь идет о соотечественниках, то историки на свой вкус выборочно используют официальные донесения, неофициальные письма, мемуары и даже газетные публикации, не слишком заботясь о сопоставлении и корреляции содержащихся в них данных. При этом появляются ошибки в датах, путаница или двусмысленность в именах и фамилиях, натянутые интерпретации. Порой, чтобы выяснить происхождение той или иной информации, кочующей из книги в книгу, из статьи в статью, приходится проводить полудетективное расследование, чтобы установить ее первоисточник и, одновременно, разочароваться в его надежности. Даже официальные рапорты, выуженные из архивов – источник весьма ненадежный, особенно, когда дело касается описания событий разными противоборствующими сторонами или когда речь заходит о поощрении героев... Конечно, не все здесь исключительно плохо: французские краеведы не одно поколение трудились и трудятся над сбором информации, как в региональных, так и в центральных архивах, и их не столь уж и давние находки требуют включения в научный оборот.

Но одним исследователям, видимо, авторитетность фамилий предшественников не позволяет взяться за детальную картину оккупации Лангра и его окрестностей, другим же, просто не интересен региональный подход; они предпочитают более масштабные полотна, для которых достаточно более или менее проверенных (точнее, не оспариваемых в историографии) сведений, позволяющие, абстрагируясь от частных деталей, рассуждать о стратегических замыслах и тактических действиях противников в кампании 1814 г., обращаясь к событиям вокруг Лангра, как к иллюстративному примеру.

Оккупация Лангра и его окрестностей интересна не только для военной истории, точнее, не только для военной истории в ее традиционном понимании. Антропологический уклон последних двух десятилетий в этом историографическом направлении заставляет исследователей обращаться к вопросам отношения гражданских лиц к интервентам, сопротивлению и коллаборационизма, повседневности в условиях оккупации. Источники личного происхождения доносят до нас атмосферу тревожного ожидания от первой встречи с «Другим», для многих еще неведомым. На тревоги и опасения за жизнь и собственность наслаиваются усилия правительственной пропаганды, которая через прессу или

прокламации пытается поднять население на массовое сопротивление интервентам, но умами владеет больше чувство самосохранения. Хорошо еще, что не открыли городские ворота при первом же требовании первого же встречного офицера союзников, как это бывало в других городах. Национальная гордость усмирена: некоторые даже стреляли во врага! Удовлетворено и дамское любопытство: оккупация сулила новые ощущения и впечатления.

Прибытие регулярных войск, казалось, должно бы вызвать подъем энтузиазма. Но надежды, если они и были, быстро угасли: французы отступили. С каждым глотком «на прощание» уходящих гвардейцев настроение городских буржуа становилось все сумрачнее, они остались предоставленными на милость победителя. Бодрые заверения в намерении «сбросить казаков в Сону» или «выполнить свой долг до конца» при приближении этого самого врага быстро сменяются у большинства пессимизмом и поиском аргументов, оправдывающих нежелание расставаться с жизнью, несмотря на обещания, долг и даже угрозы ветеранов Мортье или кого бы там ни было. Отчаяние коменданта, приказы «держаться» и фактический отказ национальных гвардейцев сопротивляться, наконец, пара выстрелов союзников из пушки, быстрая капитуляция и символ дня – труп у городских ворот единственного погибшего в этой истории несчастного француза как месть за оказанное сопротивление.

Стеснение и неудобства от расквартированных войск – явление не самое страшное, но хорошо запоминаемое. Этот непосредственный, личностный контакт с «Другим» вызывает у мемуаристов больше эмоций, чем геройство погибшего теперь уже не совсем понятно за что соотечественника. Рост цен на вино и продукты питания, обозы и маркитантки, заполнившие улицы города и совсем уже непривычное и достойное философской сентенции о бренности бытия и нравственности простолюдинов любой национальности – торговля награбленным добром у стен города, – все нарушает обычный ритм жизни. Госпиталь с тифозными больными или манифестации обрадовавшихся местных роялистов, чужая речь, диковинные наряды и вооружение воинов, навевающих смутные образы средневековья и заставляющие вспомнить историю времен Атиллы, даже крик варваров «Ура!», – все вызывает опасения.

Вместо привычного префекта – временная комиссия, вместо доверия администрации – заложники. Новые власти – новые стра-

сти. Реквизиции горожане были обязаны обеспечивать и раньше – для нужд французских войск. Но, когда речь идет о реквизициях в пользу союзников по антифранцузской коалиции французским авторам следовало вздыхать и сетовать на их «непомерность». Как будто им была известна эта самая «мера» и как будто эти требования кто-то выполнял в полном объеме.

Ярчайшее воспоминание – превращение Лангра во временную столицу союзников. Сюзерены, министры, штабы, эскорты. Возможность ознакомиться с музыкальными пристрастиями императора Австрии или короля Пруссии, вероятность встречи на улице с императором России. Высокопоставленные квартиранты и щедрые подарки по их отбытию. И, что немаловажно – свежая информация от этих постояльцев.

Оккупированный и изолированный от других город – царство слухов. Слухи и до первой встречи с «Другим» во многом определяли поведение гражданского населения: кто-то предпочел бросить деревни и укрыться за стенами города, кто-то, кому позволяли возможности, напротив, стремился вообще уехать подальше от театра военных действий. Теперь слухи практически единственный источник информации за исключением прокламаций союзников. То говорили о какой-то роженице «мадам Платовой», то о самом Платове, воюющем уже под Орлеаном. Известия о неудачах союзников – новые опасения для местного населения: отступающие, потеряв самоощущение «освободителей», всегда вели себя более жестко по отношению к гражданским лицам, чем наступающие. И, вот – женская преступность: убийство на почве алчности и справедливое наказание виновных. К весне – рост агрессии по отношению к союзникам со стороны крестьянства. Убийства обозных в ответ на грабежи «казаков». И наказания: грабителей по своим законам – кнутом или шомполами, французов – по французским. Хотя, впрочем, и французы не брезговали грабежами на большой дороге Лангр – Везуль.

Весна настойчиво зывала и вот уже, преодолев страх быть принятыми за разведчиков, жители Лангра возобновили свои вечерние променады в окрестностях города. Для жителей Лангра вместо интервенции настало время мирной оккупации.

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

УДК 94(47).084(072.3)+316.75

ШКОЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

А.В. Филиппов

Международный Институт
гуманитарно-политических исследований
e-mail: semen.serpent@gmail.com

В статье излагаются основные итоги исследования «Общая история России и народов постсоветских стран», в рамках которого были проанализированы учебники по истории для средней школы 12 бывших республик Советского Союза. Анализ учебников был дополнен опросом общественного мнения, проведённым в 14 постсоветских странах.

Ключевые слова: История, школьные учебники по истории, общественное мнение, постсоветские страны.

THE SCHOOL HISTORY AND PUBLIC OPINION IN POST-SOVIET COUNTRIES

A.V. Filippov

The article summarizes the main results of the research "The Common History of Russia and the peoples of post-Soviet countries," in which were analyzed history textbooks for secondary schools 12 former Soviet republics. Analysis of textbooks was supplemented opinion poll conducted in 14 post-Soviet countries.

Key words: History, school history textbooks, public opinion, post-Soviet countries

Учебники истории – предмет повышенного общественного интереса. Как отметил историк и писатель Марк Ферро, «история в том виде, как её рассказывают детям... позволяет одновременно узнать и то, что общество думает о себе, и то, как изменяется его положение с течением времени»¹. Со времен М. Ферро изучение учебников по истории как эффективного средства формирования исторической памяти стало одним из популярных направле-

¹ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 9

ний в историографии. Исследователи сегодня рассматривают учебник по истории «как социокультурный феномен, позволяющий судить о господствующих в обществе представлениях и стереотипах в восприятии, как собственного народа, так и других наций»².

Распад СССР и образование новых независимых государств вызвали к жизни в каждой из стран учебную литературу, обосновывающую идею национальной государственности. В книге, написанной на рубеже 1980–1990-х гг., Марк Ферро констатировал: «На востоке, от Праги до Улан-Батора, все этнические и национальные конфликты до последнего времени объяснялись согласно одной и той же модели, принадлежащей якобы Марксу, но в московской интерпретации. А все общества Юга деколонизируют свою историю, и часто теми же средствами, какими пользовались колонизаторы, т.е. конструируют историю, противоположную той, что им навязывалась прежде»³. В настоящее время в постсоветских странах вполне сложилась «деколонизационная» историография в «южном» духе.

Курсы истории, преподаваемые в новых национальных государствах, в той или иной мере известны в России. Российская пресса публикует обзоры учебников истории стран ближнего зарубежья, написанные в юмористическом тоне⁴. Однако шутки не могут заслонить серьёзность проблемы. Е.Ю. Зубкова считает влияние взглядов на историю, преподаваемых в новых независимых государствах, фактором кризиса идентичности, переживаемого Россией: «Историческая память россиян... пережила как бы два «вторжения»... Одно – изнутри, в результате процесса переосмысления, прежде всего советской истории, проходившей под знаком её дегероизации. Другое... – извне, когда постсоветские

² Соколов А.Б. «Патриотический нарратив»: школьные учебники истории в США (вторая половина 40-х – первая половина 60-х гг. XX века // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3.

³ Ферро М. Как рассказывают историю детям... С. 11.

⁴ См. например: Волошин В., Савичева А. Вождь гуннов Атилля был украинцем, а эстонцы побили Суворова // Комсомольская правда. 31.01.2008; Маркарян К., Маринин К., Оганенко А., Родина Е., Дудка И., Синявская Н., Несова И., Ратников Д., Чижиков М. Гитлера победили румыны, а Наполеона – украинцы? // Комсомольская правда. 01.09.2005.

государства приступили к созданию собственных национальных историй»⁵.

В последние годы появились исследования, как по общим, так и вполне частным вопросам изучения истории в различных школах мира⁶. Вышел в свет ряд статей о преподавании истории в разных странах бывшего СССР⁷. Был опубликован сборник «Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: Старые и новые образы в современных учебниках истории»⁸. В нём анализировались школьные учебники, изданные в постсоциалистических странах, в том числе и восьми странах бывшего Советского Союза: Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Латвии, Литвы, Эстонии и Украины. За исключением статьи об украинских учебниках⁹, статьи носили

⁵ *Зубкова Е.Ю.* «Универсальная история». На пути к новой концепции школьного историознания. // *Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы.* / Под ред. К. Аймермахера и Г. Бордюгова. М., 2002. С. 100.

⁶ *Стрелова О.Ю., Вяземский Е.Е.* Учебник истории: старт в новый век. М., 2006; *Багдасарян В.Э.* и др. Школьный учебник истории и государственная политика. М., 2009; *Шарифжанов И.И.* Изолированная страна. История России на страницах западных школьных учебников. Казань, 2009; *Дидактика истории и обществознания: от школы к университету.* Выпуск 2. Школьный учебник истории / под ред. А.Б. Соколова. Ярославль, 2010. *Гладышев А.В.* Конструирование исторической памяти и школьные учебники (опыт Франции) // *Европа. Международный альманах.* Вып. IX. Тюмень, 2010; *Гладышев А.В.* Формирование исторической памяти: школьные учебники и Французская революция // *История и историческая память.* Вып. 2. Саратов, 2010; *Гладышев А.В.* Конструирование памяти: можно ли забыть Наполеона, но помнить о Монопотаме // *История и историческая память. История и историческая память.* Вып. 3. Саратов, 2011; *Гладышев А.В.* Некоторые вопросы изучения истории Первой мировой войны во французской средней школе // *Культурное измерение войны: Первая мировая война в образах, в памяти и истории (к 70-летию факультета истории, философии и искусств).* Материалы международной конференции. Ставрополь, 2015.

⁷ *Сикевич З.* История Украины в интерпретации украинских учебников для средних школ // «Ливадийский клуб» // URL:http://www.livadiacub.com/pages_174/index.html (дата обращения: 12.01.2014). *Лошков Д.Б.* Россия и страны Балтии — не лучше ли обойтись без претензий? // *Преподавание истории в школе.* 2005. № 8.

⁸ *Старые и новые образы в современных учебниках истории* / Под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. М., 2002.

⁹ *Моисеенкова Л., Марциновский П.* Россия в украинских учебниках истории: Новое видение или проявление конкуренции на идеологическом рын-

апологетический по отношению к учебной литературе каждой страны характер, что и не удивительно, поскольку среди авторов обзоров были сами создатели учебников. На материале данного сборника статей написан раздел в коллективной монографии «Школьный учебник истории и государственная политика»¹⁰.

Капитальный труд о борьбе азербайджанской и армянской, абхазской и грузинской, грузинской и осетинской версий истории написал В.А. Шнирельман¹¹. В центре внимания автора находилась не учебная, а научная (или претендующая на научность) литература. Тонкие наблюдения и фундированные выводы В.А. Шнирельмана имеют методологическое значение для анализа учебных изданий, в особенности детальная характеристика националистической историографии. В.А. Шнирельман выделяет 8 мифов, на которых базируется националистическая историография, среди которых особое значение имеют мифы о древности и автохтонности народа и о его заклятом враге.

В рамках проекта «Формирование у молодежи неконфронтационных, интеграционных взглядов на историю в России и странах постсоветского пространства», поддержанного грантом Фонда подготовки кадрового резерва «Государственный клуб»¹², был проведен сбор и частичный перевод 187 школьных учебников истории и учебных пособий 12 стран бывшего Советского Союза: Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Узбекистана, Украины и Эстонии.

Степень восприятия населением новых национальных версий истории позволяет оценить исследование, проведенное «Евразийским монитором» весной 2009 г. в рамках проекта «Восприятие молодёжью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов», поддержанного грантом Фонда подго-

ке? Взгляд из Крыма // Старые и новые образы в современных учебниках истории. / Под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. М., 2002.

¹⁰ Идеология школьных учебников истории на постсоветском пространстве: антироссийская консолидация // Багдасарян В.Э и др. Ук. соч. С. 227–308.

¹¹ Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.

¹² Грант номер 713–02

товки кадрового резерва «Государственный клуб»¹³. Краткий аналитический отчет об исследовании доступен на сайте агентства¹⁴.

На основе материалов, полученных в рамках указанных проектов, группой историков при поддержке Национальной лаборатории внешней политики подготовлен научный доклад, выпущенный в свет издательством «Просвещение»¹⁵. Исследование такого масштаба в России проведено впервые.

Анализ школьных учебников истории постсоветских стран показывает, что за исключением Белоруссии и (в меньшей степени) Армении, все остальные страны пошли по пути преподавания подрастающему поколению националистической трактовки истории, основанной на мифах об автохтонности, о прародине, о лингвистической преемственности, о славных предках, о высокой культурной миссии, об этнической однородности, о заклятом враге. При этом в качестве «заклятого врага» используется образ России и русских.

Образ врага закладывается в учебники даже для младших классов. Так, школьники 4 класса школ Грузии изучают историю и географию страны в курсе «Родина». Параграф, посвященный Южной Осетии (согласно грузинской терминологии – Шида-Картли) сводится к трем тезисам: 1) Шида-Карли – родина ряда выдающихся деятелей грузинской культуры; 2) осетины издавна живут «на грузинской земле в тесной дружбе и родстве с грузинами»; 3) в последние годы «коварный враг» посягнул на дружбу грузин и осетин и достиг своей цели. Два родственника народа с оружием в руках выступили друг против друга. «Но очень скоро все убедились в том, что вражда одинаково пагубна для обоих народов». Аналогичным образом построен параграф, описывающий Абхазию: «Враги сделали все, чтобы посеять вражду между грузинским и абхазским народами с целью отторгнуть Абхазию от Грузии. Но мы твердо уверены, что победит благоразумие, ибо никакая сила не может разорвать узы, связывающие два братских на-

¹³ Грант номер 905-02

¹⁴ URL: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-162.html> (дата обращения: 12.01.2014).

¹⁵ Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств / Под ред. А.А. Данилова, А.В. Филиппова. М., 2009.

рода на протяжении многих столетий»¹⁶. «Коварный враг» не назван по имени, но можно ли сомневаться в том, кто имеется в виду?

Обоснование древности национальной истории и приписывание современным народам славных предков в школьных учебниках зачастую доходит до анекдотических размеров. Так, в азербайджанских учебниках предки азербайджанцев объявляются современниками шумеров: «Первые письменные свидетельства о племенах древнего Азербайджана даны в шумерских эпосах и клинописях»¹⁷. Более того, шумеры объявляются тюрками, то есть родственниками азербайджанцев: «В VII–VI тысячелетиях до нашей эры тюркоязычные племена шумеров переселились в Месопотамию из Центральной Азии и подножия Алтайских гор»¹⁸. Среди предков кыргызского народа последовательно называются скифы, гунны и усунь¹⁹. В эстонских учебниках можно встретить утверждения о предках современных эстонцев и формировании «эстонского народа» примерно пять тысяч лет назад²⁰. В учебнике, подготовленном в рамках проекта Совета Европы, обсуждается тема «Этническое происхождение людей каменного века»²¹.

Однако наиболее фантастической должна быть признана украинская версия происхождения современной нации. В отличие от азербайджанских или эстонских историков, рассказывающих школьникам об эпохах по преимуществу бесписьменных, украинские авторы повествуют о временах, отраженных в многочисленных письменных источниках. В современных украинских учебниках излагается схема М.С. Грушевского, ключевым моментом которой является отрицание древнерусской народности и утверждение о параллельном существовании двух народностей: «украинско-русской» и «великорусской». Соответственно, по Грушевскому, Киевская Русь – государство «украинско-русской», а Вла-

¹⁶ Дондуа Д., Дарчиашвили Н., Карденахишвили Л. Родина: учебник для 4-го класса средней школы. Тбилиси: Интелекти, 2002. С. 26–31, 81, 96–97.

¹⁷ Алиев В., Юсифов Ю., Бабаев И., Джафаров И., Мамедова А. История Азербайджана: учебник для 6 класса. Баку, 2002. С. 55.

¹⁸ Там же. С. 59.

¹⁹ Мырзакматова А.С., Осмонов О.Дж., Молдокасымов К.С. Краткая история Кыргызстана: учебник для 5-го класса средней школы. Бишкек: Бийиктик, 2004. С. 55, 67, 70.

²⁰ Кыйв М. История древнего мира: учебник для 6 класса. Часть I. Таллин, 2005.

²¹ Каупа З., Мязсалу А., Паюр А., Страубе Г. История Балтийских стран. Б/м, 1999. Часть 1. Гл. 3.

димиро-Суздальская – «великорусской» народностей. Киевский период истории «украинско-русской народности» постепенно переходит в Галицко-Волынский и затем Литовско-польский, а Владимиро-Суздальский период истории «великорусской народности» – в Московский.

М.С. Грушевский пытался доказать, что вместо единой русской истории существуют две истории двух разных народностей: «История Украины-Руси» и «История Московии, или Великороссии». При этом он утверждал, что «только Иловайские²²» могут верить в единство русского народа. Однако М.С. Грушевский никак не мог ответить на простейший вопрос: если единой древнерусской народности никогда не существовало и русский народ никакого отношения к Киевской Руси не имеет, то почему же важнейший памятник духовной культуры Киевской Руси – богатырский эпос, былины, сохранились до XIX–XX вв. и были записаны фольклористами не под Киевом или Галичем, а на Русском Севере?

В настоящее время «История Украины-Руси» Грушевского определена Министерством образования и науки Украины как «метрика украинского народа»²³.

Внимание к древности национальной истории и обоснование автохтонности современной нации имеют очевидные проекции на современность. Провозглашение древних азербайджанцев современниками шумеров призвано обосновать тезис: «Современная Армения возникла на территории древнего Западного Азербайджана»²⁴.

Картографический материал учебника истории Грузии для 5-го класса прямо призван продемонстрировать, что в древности территория Грузии была намного больше, чем нынешняя. Как в учебнике истории Грузии, так и в учебнике по географии приводится карта, на которой в качестве «исторических областей Грузии» изображены территории, находящиеся в составе Азербайджана, России и Турции.

²² Имеется в виду учебник русской истории для гимназий и реальных училищ Д.И. Иловайского, в конце XIX – начале XX вв. выдержавший 44 издания.

²³ МОНУ Інформує: Про вивчення історії у 2009/10 навчальному році // Історія та правознавство. 2009. Серпень. № 22–24 (194–196). С. 3.

²⁴ Алиев В., Юсифов Ю., Бабаев И., Джафаров И., Мамедова А. Ук. соч. С. 6.

Общей чертой школьных учебников новых национальных государств является стремление представить контакты с русскими и Россией как источник бедствий. Первые исторические знакомства азербайджанцев с русскими описываются в учебниках так: «Во время похода 914 года славянские дружины месяцами беспрерывно грабили и разоряли населенные пункты на азербайджанских берегах Каспийского моря»²⁵. Первые контакты предков эстонцев с русскими описываются как грабительские набеги. Попытки совместного отражения крестовых походов, выдвигавшиеся на первый план в советский период, ныне отодвинуты в тень. Интересна включенная в учебник сентенция: «Отчего же Запад не осуществил масштабный крестовый поход на Русь?... К 1240 году время было упущено»²⁶.

России как государству с древности до наших дней приписывается агрессивность. Изображение России как агрессора доходит до курьёзов. В учебнике по истории Узбекистана географическая экспедиция, отправленная Петром I для исследования Средней Азии, изображается как попытка завоевания: «истоки российского завоевания Туркестана уходят во времена Петра I, когда в 1717 г. двухтысячный отряд русских солдат во главе с Бекович-Черкасским вторгся на территорию Хивинского княжества, но был уничтожен правителем Хивы Шергази-ханом»²⁷.

Присоединение к России и Российской империи тех или иных территорий, как правило, оценивается только негативно. Выгоды, получаемые народами в рамках большого государства, замалчиваются.

Трудно поверить, но в украинских учебниках воссоединение Украины с Россией трактуется как признание Москвой независимости Украины. «Мартовские статьи», устанавливающие условия службы Запорожского войска русскому царю, называются «украинско-московским договором 1654 г.» Содержание «статей» излагается так: «По условиям договора, Украина признавалась независимой державой, возглавляемой гетманом... украинско-московский договор 1654 г. Украинскую казацкую державу как самостоятельного

²⁵ Махмудлу Я., Юсифов Ю., Алиев Р., Годжаев А. История Азербайджана: учебник для 7-го класса. Баку, 2002. С. 124.

²⁶ Адамсон А., Валдмаа С. История Эстонии. Таллин, 2000. С. 38–39

²⁷ Абраров С.А. История Узбекистана. Учебное пособие. В 2-х ч. Ташкент, 2007. Ч. 1. С. 112.

участника международной политики»²⁸. Соответственно вымышленная «Украинская казачья держава» оказывается затем «уничтожена» Москвой, что называется одним из «тяжких преступлений царизма перед украинским народом»²⁹.

Статус своих территорий в составе Российской империи учебники истории Азербайджана, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Узбекистана оценивают как «колониальный» и соответственно квалифицируют русских как «колонизаторов», осуществляющих «колониальную политику» и «колониальное угнетение» народов. Армянские авторы проявляют более взвешенный подход, отмечая прогрессивные для армянского народа стороны завоевания Россией Закавказья, но применительно к эпохе Александра III утверждают: «На Армению смотрели как на колонию, делали из нее сырьевой источник и рынок сбыта товаров»³⁰. Идеи «колониализма» проникают и в украинские учебники. А.К. Струкевич настаивает даже на «колониальном характере» индустриализации Украины³¹.

Основным содержанием национальной истории в период нахождения в составе Российской империи оказывается национально-освободительная борьба. Эта борьба конструируется из «подручных материалов». Пример такого конструирования даёт казахстанский учебник: «Борьба казахского народа против русского колониализма длилась долго, охватив вторую половину XVIII в. до 90-х гг. XX в.»³². В национально-освободительное движение казахского народа против русского господства включены «события в Темиртау 1959 г.» – выступление рабочих всесоюзной

²⁸ Струкевич А.К., Романюк И.М., Пирус Т.П. История Украины: учебник для 8 класса общеобразовательных учебных заведений. Киев, 2008. С. 139–140.

²⁹ Турченко Ф.Г., Мороко В.М. Історія України. Кінець XVIII – початок XX століття: підручник для 9 кл. загальноосвіт. навч. закл. Київ, 2003. С. 74

³⁰ Армянская история. Новое время: учебник для 8-го класса общеобразовательной школы / под ред. академика НАН РА В. Бархударяна. Ереван, 2007. С. 110.

³¹ Струкевич О.К. Історія України: підручник для 9-го кл. загальноосвіт. навч. закл. Київ, 2009. С. 182.

³² Койгельдиев М.К., Толеубаев А.Т., Касымбаев Ж.К., Далаева Т.Т., Калиева Е.Т. История Казахстана: Важнейшие периоды и научные проблемы: учебник для 11-го класса обществ.-гуманит. направления общеобразоват. школ. Алматы, 2007. С. 6.

комсомольско-молодёжной стройки (в большинстве, естественно, русских) против невыносимых бытовых условий³³.

События революций 1917 г. и гражданской войны рассматриваются учебниками через ту же «национально-освободительную» призму. В школах Азербайджана, Армении, Грузии, Молдовы, Латвии, Литвы, Эстонии сам термин «гражданская война» не употребляется. В украинской школе используются как учебники, сохраняющие традиционную терминологию, так и учебники, в которых термин «гражданская война» не употребляется, зато введены понятия «Украинская национальная революция 1917 года» и «Борьба за независимость»³⁴ или «Украинская революция 1917–1918 гг.» и «Борьба за сохранение государственного суверенитета 1918–1920»³⁵.

Большевики вычёркиваются из состава той или иной нации, причём это совершается даже в наиболее «красных» регионах России. На выборах в Учредительное собрание большевики получили на территории современной Эстонии 40,4% голосов (в целом по России – 24%), советская власть была установлена в Эстляндской губернии на два дня раньше, чем в Петрограде. Однако современные учебники изображают большевиков либо русскими (представляли «преимущественно местный русский рабочий класс и солдат здешнего гарнизона»³⁶), либо марионетками в руках русских, но ни в коем случае не эстонцами.

Установление советской власти в Азербайджане, Грузии, Украине изображается как «агрессия», «интервенция», «завоевание», «оккупация». Авторы учебников не скупятся на резкости: «агрессию против Грузии, Армении и Азербайджана в Москве было решено завуалировать установлением советской власти»; «Советская Россия не удовлетворилась завоеванием Грузии и созданием подвластного ей оккупационного правительства. Теперь Москва

³³Койгельдиев М.К., Толеубаев А.Т., Касымбаев Ж.К., Далаева Т.Т., Калиева Е.Т. История Казахстана. С. 69.

³⁴ Мисан В.О. Вступ до історії України: підручник для 5-го кл. загальноосвіт. навч. закл. Київ, 2006. С. 145–146.

³⁵ Турченко Ф.Г. Новітня історія України. Частина перша (1914–1939): підручник для 10-го кл. серед. загальноосвіт. навч. закл. Київ, 2006. С. 40–135, 157–172, 178–190, 207–212.

³⁶ Адамсон А., Валдмаа С. Ук. соч. С. 158.

приступила к осуществлению своего вероломного плана – разделению Грузии на автономные единицы»³⁷.

В учебниках Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана применяется термин «гражданская война». Большевики изображаются пришлыми иноземцами. «В созданном в ноябре 1917 года правительстве Туркестана ни один из 15 народных комиссаров не являлся выходцем из коренного населения»³⁸. «Среди местных большевистских лидеров русской национальности преобладало шовинистическое мировоззрение. Подобное отношение большевистских лидеров к коренному населению не очень-то отличалось от позиции чиновников колониальных времен»³⁹. «Большевики, придерживавшиеся по отношению к Польше и Финляндии «демократических» позиций, в отношении среднеазиатских народов предпочли решить вопрос о форме государственности без согласия этих народов»⁴⁰.

Кыргызские и узбекские учебники изображают басмаческое движение «национально-освободительным». «Вопрос о полном трагизма движению за независимость долгое время освещался не объективно, с антинаучной точки зрения... Однако ныне имена мужественных борцов за свободу восстановлены в истории. Это движение было... народным... Их героизм и мужество, преданность борьбе за дело свободы и независимости своей Родины навсегда остались в народной памяти»⁴¹.

Весь советский период истории учебники Азербайджана, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана оценивают как «колониальный». Кыргызстанский учебник дает коммунистам хлесткое определение «колонизаторы с партбилетом в кармане»⁴². В украинских учебниках культивируется миф о СССР как «тоталитарной империи», где «отсутствовала украинская государственность» и велась «политика русификации».

³⁷ Вачнадзе М., Гурули В. История Грузии (XIX–XX вв.): учебник для 11-го класса средней школы. Тбилиси, 2003. С. 116.

³⁸ Мырзакматова А.С., Осмонов О.Дж., Молдокасымов К.С. Ук. соч. С. 144.

³⁹ Иманкулов М.К. История Кыргызстана XX–XXI вв: учебник для 9-го класса средней школы. Бишкек, 2006. С. 31.

⁴⁰ Койгельдиев М.К., Толеубаев А.Т., Касымбаев Ж.К., Далаева Т.Т., Калиева Е.Т. Ук. соч. С. 64–65.

⁴¹ Там же. С. 40–41.

⁴² Иманкулов М.К. Ук. соч. С. 62, 64.

Происхождение Второй мировой войны учебники Грузии, Латвии, Литвы, Молдовы, Украины и Эстонии связывают с «пактом Молотова-Риббентропа». Он оценивается как соглашение агрессоров о начале Второй мировой войны. В молдавском учебнике причиной войны называется существование СССР: «Третьей причиной мировой войны... было само существование Советского государства и его нескрываемое намерение, используя внутренние противоречия капиталистической системы, взорвать её и разжечь мировую коммунистическую революцию»⁴³. «Советская оккупация» Латвии, Литвы, Молдовы, Западной Украины, Эстонии оказывается составной частью Второй мировой войны.

Изображение Советского Союза виновником Второй мировой войны и агрессором помогает реабилитировать местных коллаборационистов и представить их борцами за свободу. В украинских учебниках культивируется миф о двух течениях Сопротивления на Украине: советского и самостийнического, при этом самостийники ОУН-УПА якобы «представляли наибольшую угрозу гитлеровцам»⁴⁴. При этом ни одной значимой операции УПА против немцев авторы не называют – их не было. Тиражируется фальсификация о карательных операциях в отношении населения Западной Украины сотрудников НКВД, переодетых в форму УПА⁴⁵. В учебнике С.В. Кульчицкого и Ю.И. Шаповала приводится фотография с подписью: «Солдаты спецподразделения НКВД, переодетые в форму воинов УПА. Западная Украина, 1947 г.»⁴⁶. Однако доказано, что на снимке – «боёвка» УПА⁴⁷.

⁴³ Назария С., Роман А., Спрычанэ М., Раца С., Барбус Л., Дубровский А. История. Новейшее время: учебник для 12-го класса. Кишинев, 2006. С. 137.

⁴⁴ Турченко Ф.Г., Панченко П.П., Тимченко С.М. Новітня історія України. Частина друга (1939–2001): підручник для 11-го кл. серед. загальноосвіт. навч. закл. Київ, 2006. С. 27–29, 42, 44, 69–70.

⁴⁵ Турченко Ф.Г., Панченко П.П., Тимченко С.М. Вказ. праця. С. 53; Кульчицький С.В., Шаповал Ю.І. Новітня історія України (1939–2001): підручник для 11 класу загальноосвітніх навчальних закладів. Київ, 2005. С. 94.

⁴⁶ Кульчицький С.В., Шаповал Ю.І. Вказ. праця. С. 94.

⁴⁷ Россов О. Миф о «переодетых энкаведэшниках»: Спецгруппы НКВД в борьбе с бандформированиями на Западной Украине // Великая оболганная война–2. Нам не за что каяться! М., 2008. С. 241–259. О. Россов установил имя и подпольную кличку одного из националистов, изображенных на снимке.

За исключением Армении и Беларуси, учебники истории новых национальных государств выдвигают против Российской империи и Советского Союза обвинения в геноциде своих народов.

В азербайджанских учебниках вся политика России и СССР изображается геноцидом: «В результате политики этнической чистки и геноцида, целенаправленно осуществляемой в последние два века на Кавказе против азербайджанцев, наш народ пережил тяготы и лишения, национальные трагедии»⁴⁸. В кыргызстанских учебниках геноцидом называется подавление восстания в Туркестане 1916 года. В украинских учебниках как геноцид квалифицируется голод 1932–1933 годов. «Голодомор» рассматривается в контексте сталинских репрессий⁴⁹. Авторы учебников называют потери от «голодомора» от 3 до 12 миллионов⁵⁰, что, учитывая общую демографическую ситуацию в стране, является явным преувеличением. Параграф о голоде в казахском учебнике носит название «Геноцид Голощекина и трагедия казахского аула»⁵¹. Учебники Грузии, Латвии, Литвы, Молдовы, Узбекистана и Эстонии оценивают политические репрессии как этнический геноцид.

Школьная история оказывает значимое воздействие на формирование общественного мнения. Оценить его позволяют данные исследования, проведенного международным исследовательским агентством «Евразийский монитор»⁵². Так, несмотря на все усилия властей, навязать общественному мнению Украины пози-

⁴⁸ История Азербайджана: учебник для 11 класса / Под общей редакцией С. Гандилова и И. Мамедова. Баку, 2002. С. 227.

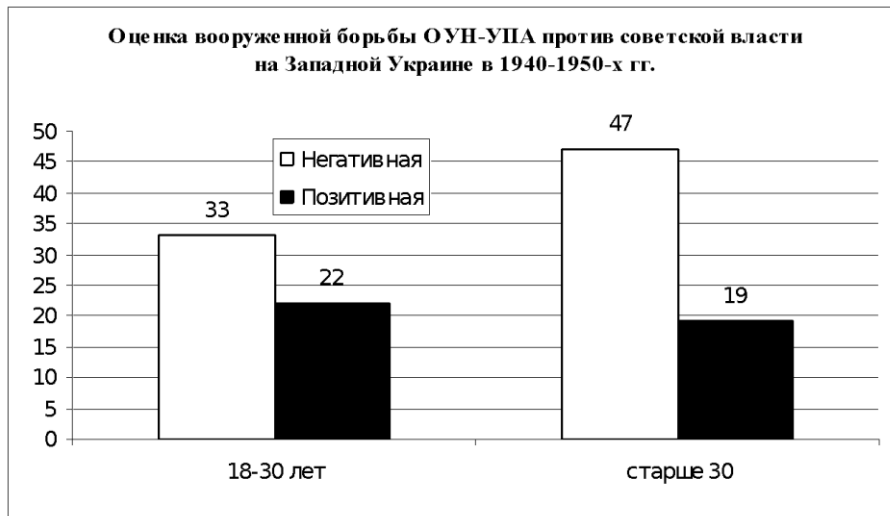
⁴⁹ Турченко Ф.Г. Вказ. праця. С. 279–282, 313.

⁵⁰ Ф.Г. Турченко называет цифры потерь от голода – от 3 до 4,5 млн. чел. См.: Турченко Ф.Г. Вказ. праця. С. 282. П.Б. Полянский – от 3 до 12 млн. чел. См.: Полянский П.Б. Всемирная история. 1914–1939: учебник для 10-го класса общеобразовательных учебных заведений. Киев, 2003. С. 121. В учебнике В.С. Власова и О.М. Данилевской фигурирует цифра 5 миллионов человек: Власов В.С., Данилевська О.М. Вступ до історії України: підруч. для 5 кл. загальноосвіт. навч. закладів. Київ, 2006. С. 167.

⁵¹ Койгельдиев М.К., Толеубаев А.Т., Касымбаев Ж.К., Далаева Т.Т., Калиева Е.Т. Ук. соч. С. 98

⁵² В 14 странах бывшего СССР (за исключением Туркменистана) были проведены массовые опросы общественного мнения. В каждой стране опрошались не менее 1000 человек, из них не менее 30 человек – молодежи в возрасте от 18 до 30 лет. Всего опрошено 16 554 человека. Подр. см. краткий аналитический отчет исследователей URL: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-162.html> (дата обращения: 12.01.2014).

тивную оценку ОУН-УПА на момент проведения опроса (весна 2009) не удалось. Однако суждения молодёжи заметно отличаются от взгляда старших поколений.

Вытеснение советской версии истории выражается в забвении. Молодёжь в возрасте от 18 до 30 лет значительно хуже, чем старшее поколение, знает и деятелей, и события истории Российской империи и Советского Союза. Например, сегодня ничего не слышали о XX съезде КПСС 58% молодёжи Узбекистана, 40% – Армении, 34% – Грузии, по 29% – молодёжи Азербайджана и Казахстана и т.д. О Февральской революции 1917 г. ничего не знают 50% молодёжи Армении, 45% – Узбекистана, 30% – Азербайджана, 24% молодёжи Грузии и т.д. Это декларируемая информированность. Реальная же, как показывает опыт, ниже декларируемой на 10–20%.

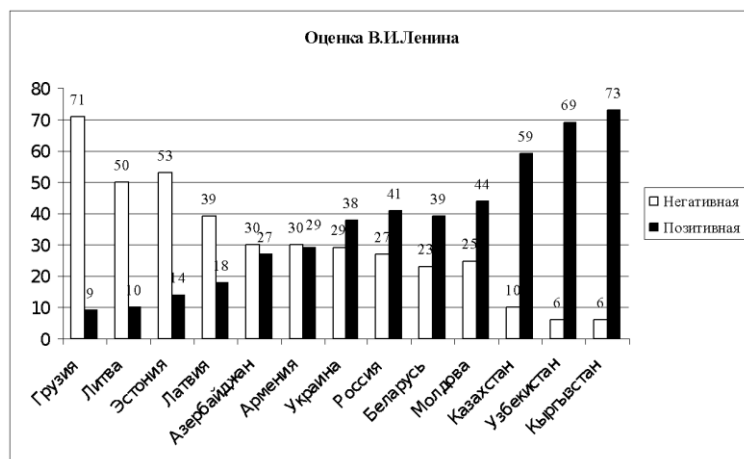
События советской истории для граждан новых независимых государств перестают быть общими событиями, так как значительная часть жителей о них уже ничего не знает.

Отчасти масштабы незнания являются показателем неэффективности системы образования той или иной страны. Так, в учебнике по истории Узбекистана о лидерах басмаческого движения утверждается: «Их героизм и мужество, преданность борьбе за дело свободы и независимости своей Родины навсегда остались в

народной памяти»⁵³. Однако в действительности молодёжь не знает о басмаческом движении (48% опрошенных жителей Узбекистана в возрасте от 18 до 30 лет ответили, что ничего не слышали о басмачах) и не осведомлена о его предводителях (66% молодёжи Узбекистана никогда не слышали о Мадамин-беке, 78% признали, что впервые слышат об Энвер-паше). Те же, кто знают о басмаческом движении, чаще относятся к нему негативно, чем позитивно: 16% опрошенных дали отрицательную оценку, 10% – положительную. Но когда 39% молодых жителей Эстонии или 46% молодых граждан Грузии – стран, в которых осведомленность о героях национальной истории достигает 100% – отвечают, что никогда не слышали о маршале Г. Жукове или о Ф. Дзержинском, очевидно, что предать забвению эти исторические фигуры является одной из задач местной национальной школы.

В целом отношение населения новых независимых государств к 11 событиям истории XX века позволяет выделить три группы: страны, радикально порвавшие с советским мифом (Грузия, Литва, Эстония, Латвия), расколотые по отношению к нему (Азербайджан, Армения, Беларусь, Молдова, Украина, Россия) и сохраняющих почти былую ему приверженность (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан).

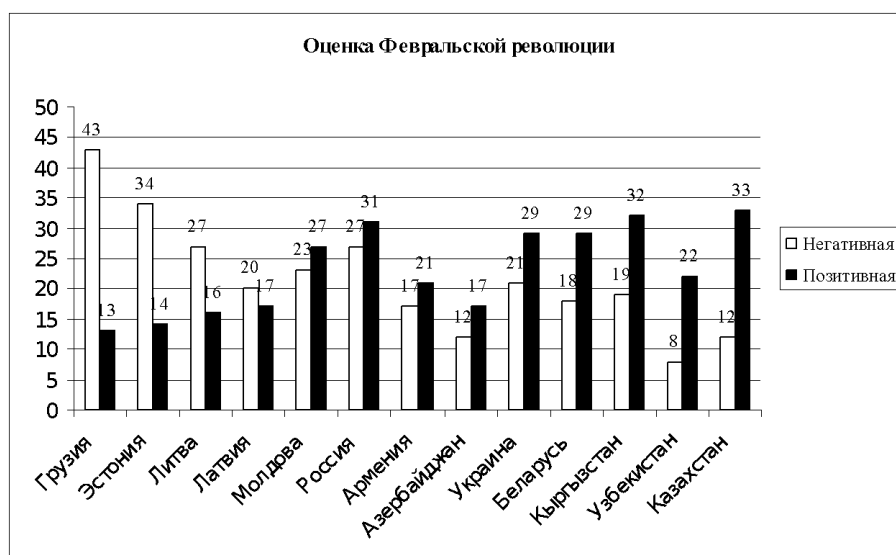
Отношение населения новых независимых государств к В.И. Ленину – наиболее ясный индикатор разрыва или сохранения преемственности с советской версией истории, в которой Ленин был объектом культа.

⁵³ Усманов К., Садиков М. История Узбекистана (1917–1991 годы): учебник для учащихся 1-го курса академических лицеев и профессиональных колледжей. Ташкент, 2007. С. 47.

Вместе с тем в общественном мнении мы встречаемся с явлениями, которые не могут быть объяснены только борьбой старой советской и новой национальной версий истории.

Февральская революция во всех проанализированных школьных учебниках оценивается позитивно. В частности, это она дала толчок национальным движениям, год спустя провозгласившим независимость Грузии, Эстонии, Литвы, Латвии. Однако опрос зафиксировал, что в общественном мнении как раз этих стран ныне преобладает негативное отношение к падению российского самодержавия. Разрыв с советским мифом не может служить объяснением этого – ведь национальные мифы, хотя и по другим причинам, чем советский, относятся к Февралю положительно.

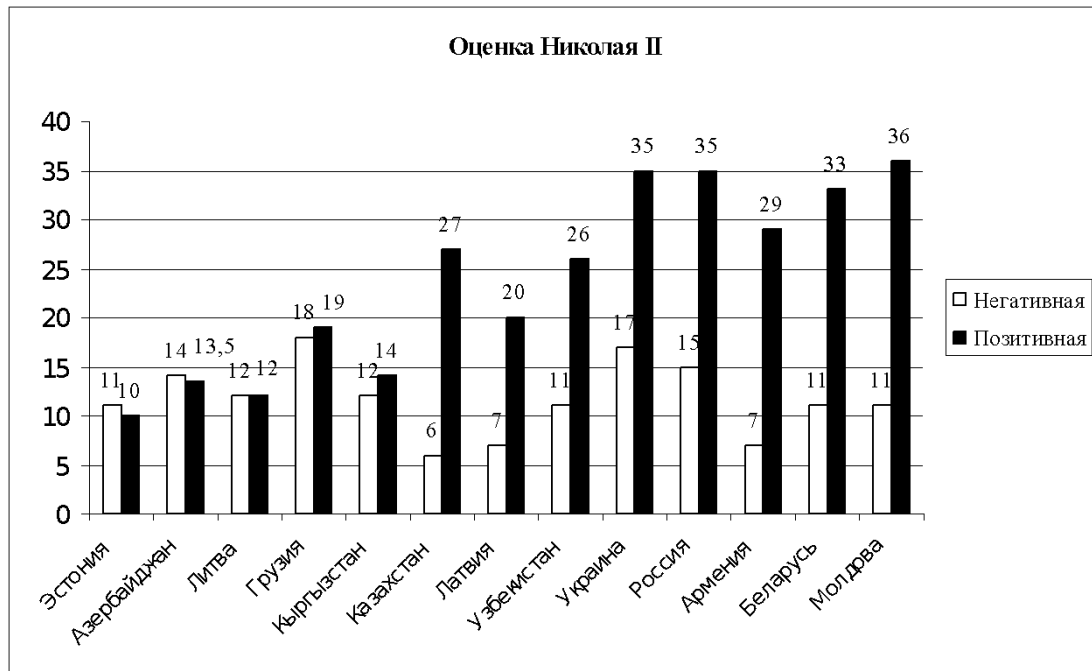

Ещё более интересны данные об отношении к дореволюционной Российской империи.

В советской историографии и личность Николая II («Николая Кровавого», «Николашки»), и его политика оценивались исключительно негативно, ничего положительного в них не усматривалось вовсе.

В новых национальных версиях истории негативные оценки сохранены и порой даже усугублены. Исключением здесь является лишь Армения. Тем парадоксальнее выглядит преобладание позитивных оценок над негативными в Кыргызстане, Казахстане, Узбекистане, Грузии, Латвии, Украине, Беларуси и Молдове. Ни из старой советской, ни из новых национальных версий школь-

ной истории положительной оценки Николая II почерпнуть нельзя.

Можно высказывать различные гипотезы о том, как и почему общества этих стран выработали позитивное отношение к последнему русскому царю, но в любом случае они сделали это не благодаря, а вопреки учебникам истории⁵⁴.

Ещё более парадоксальным выглядит ответ на вопрос, в котором респондентам предлагалось выбрать одну из двух противоположных идеологем.

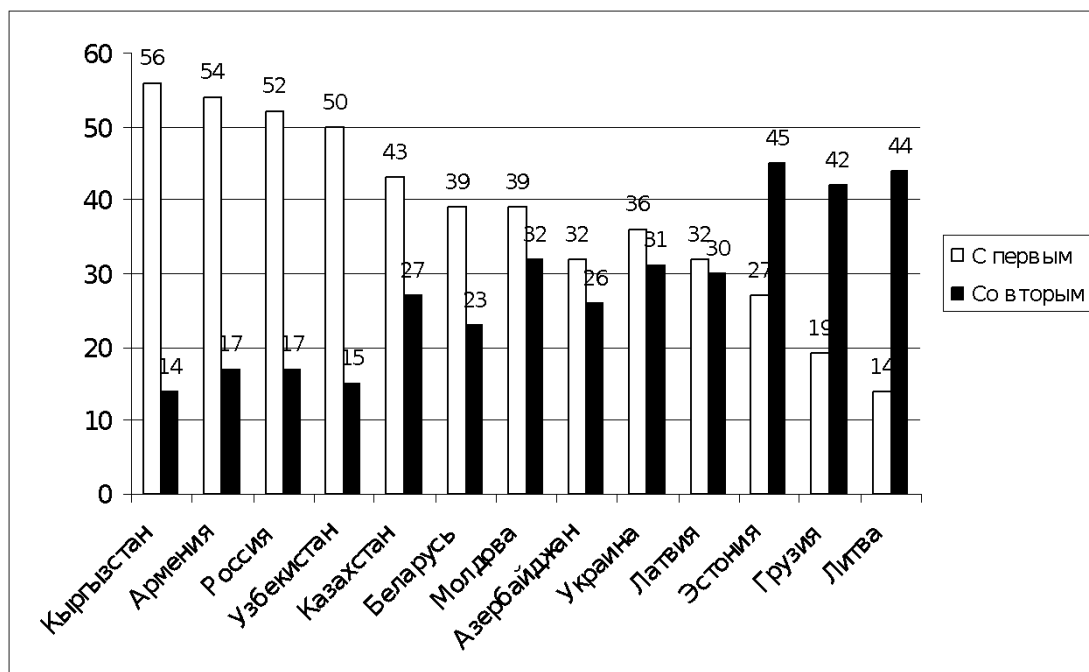
«СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, С КАКИМ ИЗ ДВУХ ПРЕДСТАВЛЕННЫХ НА КАРТОЧКЕ МНЕНИЙ И СУЖДЕНИЙ ВЫ СОГЛАСНЫ В БОЛЬШЕЙ МЕРЕ?»

- В многонациональной Российской империи все народы, ее населявшие, имели права и возможности для развития своей национальной экономики и культуры.

⁵⁴ Те или иные проявления позитивных чувств по отношению к России и русским многие националисты в новых независимых государствах склонны объяснять влиянием российской пропаганды. Но такое объяснение ставит неизбежный вопрос: почему общественным мнением оказался воспринят именно тезис российской пропаганды, а не какой-то иной?

– В Российской империи проводилась политика грубого угнетения нерусских народов, их насильственной русификации, подавления их национальной культуры».

Ответы представлены в таблице:

И в советской, и в новых национальных версиях истории тезис о Российской империи как «тюрьме народов», в которой все нерусские страдали от национального гнёта, принадлежит к числу краеугольных камней всей исторической конструкции. В современных школьных учебниках новых независимых государств этот тезис излагается гораздо более развёрнуто, чем в советских изданиях, и с несравненно большим эмоциональным накалом. Однако лишь в Эстонии, Грузии и Литве большинство опрошенных согласны с этим положением. В Молдове, Азербайджане, Украине и Латвии респонденты раскололись при ответе на вопрос почти пополам; в Казахстане, Узбекистане, Армении и Кыргызстане заметное и даже подавляющее большинство считает, что национального гнёта в Российской империи не было.

Важно не только то, о чём говорится в школьных учебниках. Не менее важно, о чём умалчивается. Кратко можно сказать – обо всём хорошем, что получили народы бывшего СССР от проживания в едином государстве бок о бок с русским народом.

Отношения между народами в националистической историографии понимаются только как игра с нулевой суммой. Если Россия, русские, империя прилагали усилия для социально-экономического развития окраин, инвестировали ресурсы, прокладывали каналы и железные дороги, строили заводы и города, создавали театры и университеты, то в логике проанализированных учебников это лишний раз доказывает, что они эти окраины русифицировали и эксплуатировали. Если какие-то положительные изменения в жизни нерусских народов всё же происходили и не упомянуть о них никак нельзя, то они совершались исключительно вопреки «имперскому центру» и его политике. Исключением из этого правила являются учебники истории Беларуси и (в меньшей степени) Армении, стремящиеся к объективной оценке прошлого.

Если существующие тенденции продолжатся, то через 15–20 лет события XX века будут прочно забыты населением. В сознании народов бывшего СССР будет сформирован образ России как злобной империи, которая веками уничтожала, подавляла и эксплуатировала их предков. А этого-то как раз и не хотелось бы...

ЗАПАД НА ВОСТОКЕ, ВОСТОК НА ЗАПАДЕ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ВЗАИМНЫЕ ВОСПРИЯТИЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

УДК 94(47+569.1)+929

ОБРАЗЫ ФРАНЦУЗСКИХ КОЛОНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ КОНГРЕССА ПО ТУРИЗМУ 1931 ГОДА)

Е. Н. Моисеева

Саратовский государственный технический
университет им. Гагарина Ю.А.
кафедра «Менеджмент туристического бизнеса»
e-mail: moiseevaen@rambler.ru

В публикации анализируются материалы Конгресса по туризму 1931 г., которые позволяют изучать начальный период туристского освоения Африки французами, а также позволяет выявить взаимосвязь пропаганды туризма в колониях с имперской пропагандой.

Ключевые слова: туризм в колониях, имперская пропаганда, Конгресс по туризму.

IMAGES OF THE FRENCH COLONIES IN THE FIRST HALF OF XIX CENTURY (ON THE BASIS OF MATERIALS OF THE CONGRESS ON TOURISM OF 1931 YEAR)

E.N. Moiseeva

The article analyzes of the materials of the Congress on tourism of 1931 year, which allows to study an initial stage of tourist development of Africa by French, and its allow to reveal interrelation of propaganda of tourism in colonies with imperial propaganda.

Key words: *tourism in colonies, imperial propaganda, Congress on tourism.*

Изучение туризма в колониальных империях – это новый взгляд на имперское прошлое, отдельное исследовательское поле, такое же, как изучение колониальных войн, колониальных идей, насилия в колониях и т.д. Зарождение массового туризма во второй половине XIX в. совпало с новым витком колониальной экспансии европейских держав, с промышленным развитием Евро-

пы. Организованный туризм в Африке, на Востоке возникает в то время, когда эти территории были в зоне колониального воздействия европейских держав. Вот почему изучение туризма в период активной колониальной экспансии открывает перед историками целый комплекс проблем, связанных с имперским прошлым Франции.

Надо отметить, что в 2000-е гг. ряд крупных французских изданий в качестве сквозной темы исследования выбрали тему туризма и различных туристских практик, складывавшихся в странах Африки и Азии в XX веке. Журнал «Autrepart» в 2006 г. посвятил специальный номер антропологии туризма, а именно современному культурному туризму в странах Востока и Африки, который изучается авторами публикаций как фактор воздействия на традиционные общества, один из факторов модернизации и формирования идентичности в странах Востока¹.

В 2006 г. специализированный журнал по туристской проблематике «TEOROS: revue de recherche en tourisme» посвятил выпуск туристским практикам на Ближнем Востоке. В статье Сандрины Гамблэн «Томас Кук в Египте в Луксоре: изобретение современного туризма в XIX веке» рассказывается о первых инициативах Томаса Кука и его фирмы по созданию туристской инфраструктуры в Египте, в частности, в Луксоре в период с 70-х гг. XIX и по начало XX века. Автор также выявляет связь между развитием туризма в Египте и перипетиями колониальной истории последней трети XIX века. Так политический кризис в Египте 1881–1884 гг., способствуя снижению турпотока в эту страну, по мнению автора, вынудил агентство «Томас Кук и сын» помочь с транспортом и продовольствием британским войскам².

Журнал «Actes de la recherche en sciences sociales» в 2007 г. в специальном номере «Новые (?) границы туризма» нацеливает авторов на изучение социальных и экономических условий формирования туризма, изучение тех групп, организаций, ассоциаций и т.п., которые были и остаются, задействованы в туристском процессе³.

Журнал «Civilisations» в выпуске, посвященном туризму, ставит несколько исследовательских проблем. Среди них – туризм в эпоху

¹ Doquet A., *Le Menestrel S. Introduction // Autrepart. 2006. № 40. P. 3–13.*

² Sandrine Gamblin. *Thomas Cook en Égypte et à Louxor: l'invention du tourisme moderne au XIXe siècle // TEOROS: revue de recherche en tourisme. Désirs d'Orient. 2006. № 25/2. P. 19–25.*

³ Actes de la recherche en sciences sociales. 2007. № 170. P. 5.

глобализации: проблемы локального и глобального характера; взаимосвязь туризма и национализма иными словами туризм и конструирование национальной идентичности; наконец, фигура самого туриста⁴.

Исследованию туристского феномена от стран Магриба до Южной Африки посвящен специальный выпуск «Cahiers d'études africaines». Авторы статей сосредоточили свое внимание на межкультурном взаимодействии, а также на туристских практиках, которые местные участники туристского процесса и локальные власти присваивали или оспаривали. Изучению культурного туризма во французской колониальной Африке в 20–50-е гг. посвящена работа Софии Дюлюк.

Африка южнее Сахары на несколько десятилетий позднее была вовлечена в туристский бизнес, чем Северная Африка. С. Дюлюк исследует первые шаги по включению местных африканских культур в сферу интересов европейских туристов⁵. Это попытка вписать историю туристских практик в колониях в широкое исследовательское поле изучения взаимодействия культур, формирование колониальных знаний. Автор не ставит знака равенства между туризмом и неоколониализмом. Поднимается неоднозначный вопрос о роли местного населения в процессе вовлечения собственного культурного пространства в практику туризма.

С. Дюлюк на основе разнообразных письменных источников делает вывод о том, что «вечная» и «самобытная» Африка стала такой благодаря деятельности колониальных властей⁶. Развитие туризма в колониальной Африке до Второй мировой войны С. Дюлюк связывает с немногими инициативными чиновниками колониальной администрации, военными, любителями путешествий. По мнению исследовательницы, знания о колонизируемых народах, формировавшиеся в процессе туристских перемещений формировали имперскую идентичность во Франции, а вовлечение в туризм локальных культур привело к их стандартизации.

Большое количество нерешенных вопросов в рамках общей темы «туризм в колониях» подвиг коллектив историков к публикации

⁴ Civilisations Tourisme, mobilités et altérités contemporaines. 2008. Vol. LVII. № 1–2.

⁵ Dulucq S. «Découvrir l'âme africaine». Les temps obscurs du tourisme culturel en Afrique coloniale française (années 1920–années 1950) // Cahiers d'études africaines. 2009/1. № 193–194. P. 27–48.

⁶ Dulucq S. «Découvrir l'âme africain»... P. 30.

сборника «Туризм во французской империи. Политика, практика, представления (XIX – XX вв)»⁷. Один из центральных вопросов сборника – это вопрос конструирования африканской идентичности с помощью туризма, вопрос взаимодействия культур в эпоху колониализма. Авторы поднимают также вопрос о взаимосвязи туризма и колониальной идеологии. Исследуются современные туристские практики в Африке.

С. Дюлюк в статье «Зарождение туризма во французской тропической Африке (1920–1950-е гг.)» ставит целый ряд вопросов, которые позволяют историкам вести дальнейшие исследования в новом проблемном поле. Это история развития сервиса и туристской инфраструктуры во французской тропической Африке; изучение деятельности колониальных властей по пропаганде туризма, публикации путеводителей и разработке туристских маршрутов в Африке; изучение туристских практик первых туристов на отдельных территориях; изучение различных вариантов ответов местного населения на туристское «вторжение» европейцев⁸.

В центре моего внимания материалы Конгресса по туризму, опубликованные в 1932 году⁹. Как устроители Конгресса рассуждали об империи и о туризме в Империи, какие меры предлагалось принять для развития туризма в различных колониях?

Конгресс проходил по инициативе Французской колониальной морской лиги (одна из организаций «колониальной партии») в 1931 году. Впервые термин «колониальная партия» употребил в июне 1894 г. президент Французского Колониального Союза господин Мерсе на первом банкете этой ассоциации в парижской ратуше¹⁰. Исследователи охотно пользуются этим термином, хотя речь не идёт о партии в политическом смысле этого слова. Речь идёт о группах, ассоциациях с размытыми контурами, объединённых идеями, как «совокупность индивидуумов и ассоциаций»¹¹.

⁷ Zytnicki C., Kazdaghli H. (dir.) *Le tourisme dans l'empire français. Politiques, pratiques et imaginaires (XIXe-XXe siècles)*. Paris: SFHOM, 2009.

⁸ Dulucq S. *La naissance du tourisme en Afrique coloniale française // Zytnicki C., Kazdaghli H. (dir.), Le tourisme dans l'empire français. Politiques, pratiques et imaginaires (XIXe-XXe siècles)*. Paris: SFHOM, 2009. P. 62.

⁹ Agence générale des colonies. *Congrès du tourisme et du cynégétisme coloniaux*. Melun: Impr. administrative, 1932.

¹⁰ Brunschig H. *Mythes et réalités de l'impérialisme colonial français : 1871–1914*. Paris, 1962. P. 111.

¹¹ Brunschig H. *Op. cit.* P. 112.

Методы воздействия ассоциаций, входящих в колониальную партию, на общественное мнение, были заимствованы у Географических обществ: публиковались бюллетени, проводились конференции, банкеты, на которых обсуждались проблемы колониальной политики, велась пропаганда, привлекалась молодежь, субсидировались экспедиции. Приоритетной целью «колониальной партии», а точнее совокупности различных организаций, было лоббирование своих интересов в парламенте, правительстве, а также пропаганда колониальной политики в обществе.

Организаторы Конгресса по туризму рассматривали туризм в колониях как «фактор широкого и плодотворного экономического движения»¹² и, в конечном счете, как фактор процветания французских колоний. «В период, когда туризм, не будем об этом забывать, является международным двигателем, он сможет принести новый элемент благосостояния нашим заморским территориям»¹³, – отмечали докладчики. На Конгрессе обсуждалось множество вопросов: среди них пропаганда туризма в колониях, организация туристских перевозок, создание новых туристских маршрутов и т.п. По этим вопросам и формировались секции на конгрессе:

1. Пропаганда.
2. Транспорт.
3. Гостеприимство. Отели.
4. Наземный транспорт.
5. Памятники.
6. Авиация.
7. Морская болезнь и лечение морской болезни.

Отдельные секции были выделены по регионам Африки. Специальные заседания были посвящены вопросам организации охоты в колониях. На первой секции обсуждались организационные вопросы организации туризма в Западной Африке, Индокитае, Антильских островах. Среди докладчиков был глава морской колониальной Лиги – Господин Морис Ронде-Сэн (1863–1937), автор множества работ по французской империи. Он начал свой доклад словами «*Стоит ли напоминать, что туризм дело не только*

¹² Agence générale des colonies. Congrès du tourisme et du cynégétisme coloniaux. Melun : Impr. Administrative, 1932. P. 5.

¹³ Ibid. P. 5.

национальное, но международное?»¹⁴. Он выразил озабоченность тем, что огромное количество денег (миллиарды) сосредоточены в основном в руках 6–8 туристских фирм и первенство принадлежит англосаксам.

Докладчик убеждал своих слушателей в том, что Французская Западная Африка должна как можно быстрее быть включена в туристический процесс. Для того чтобы туристы поехали в эти земли необходимо, по мнению, докладчика, решить организационные вопросы: устройство кемпингов, переносных туалетов, освещения, набор персонала, транспортировка провизии, организация медицинских постов на пути передвижения¹⁵. Господин Морис Ронде-Сэн рассчитывал на богатых туристов, привыкших к комфорту, поэтому вопросы организации были очень важны. Туристские маршруты, представленные докладчиком на Конгрессе, должны были познакомить потенциальных туристов с природным и этнографическим разнообразием Французской Западной Африки. Природа и население – вот что должно стать объектом туристского интереса в недавно открытых африканских землях.

Далее автор сделал доклад о туризме на Антильских островах¹⁶. «Необходимо, чтобы наши Антильские острова были включены в туристические маршруты. Необходимо начинать сотрудничество с крупными фирмами такими как «Томас Кук и Ко» и создавать туры»¹⁷. Для каждого острова докладчик предложил разработать свою программу пребывания. Например, связать Антильские острова с именем Жозефины, так как Мартиника – ее родина. «Это интересно американцам, как и все что связано с Наполеоном... Можно и восстановить дом Жозефины и создать для американцев музей Наполеона», – предлагал докладчик¹⁸. В каждой из колоний, по мнению Мориса Ронде-Сэн, должен быть создан специальный орган, координирующий туристскую деятельность.

Докладчик выдвинул следующие предложения:

1. Направить инспектора уполномоченного изучить возможность включения островов в туристские маршруты с целью привлечь крупные туристские фирмы.

¹⁴Agence générale des colonies. P. 12.

¹⁵ Ibid. P. 14–15.

¹⁶ Ibid. P. 23.

¹⁷ Ibid. P. 27.

¹⁸ Ibid. P. 29.

2. Осуществлять рекламу.

3. Привлечь гостиничный бизнес. «Необходимо, чтобы гостиничная индустрия признала новые потребности и увидела финансовые преимущества туризма в колониях»¹⁹.

«Туризм – это экономический фактор первостепенной важности в развитии наших колоний. Для Антильских островов это настоящий источник процветания»²⁰, – сделал вывод докладчик.

По поводу организации туризма в Индокитае докладчик заявил следующее: «Наша чудесная азиатская территория должны быть включена в туристский процесс. Туризм в Индокитае на начальном этапе своего развития. А ведь Японию ежегодно посещают 25 тысяч американских туристов, почему же Индокитай все еще в стороне? На Яву приезжают 12–13 тысяч, но никто не останавливается в Индокитае... Надо ехать на Яву и изучать опыт голландцев, а потом и копировать его. Это удивительно, но ни на одном американском лайнере нет ни одной карты или афиши, на которой бы хотя бы упоминался наш Индокитай. Необходимо добиться регулярного потока туристов в Индокитай. Для этого надо пропагандировать Индокитай в Европе и Америке и приглашать представителей турфирм, показывать им Ангкор, Сайгон и другие достопримечательности»²¹.

Заканчивая доклад, Морис Ронде-Сэн сказал, что его главная забота – это величие и процветание Франции на пяти частях света. Пропаганда туризма и имперская пропаганда, таким образом, слились воедино в речи докладчика.

В докладе о гостиничной индустрии в колониях, который делал господин Бонту, также видна эта связь между колониальной пропагандой и пропагандой туризма в колониях. «Колонии привлекают своей экзотикой, вкус к которой повсюду распространяется»²². Однако турист теперь, по словам господина Бонту «желает, чтобы удобства сопровождали его в чащах, пустынях, джунглях»²³. «Прежде чем бросить нашу колонию в большой туризм мы должны ее привести в порядок с точки зрения наличия в ней оте-

¹⁹ Agence générale des colonies. P. 34.

²⁰ Ibid. P. 35.

²¹ Ibid. P. 36–37.

²² Ibid. P. 51.

²³ Ibid. P. 52.

лей, мы должны дать путешественнику уверенность в том, что его буду хорошо обслуживать в любое время года»²⁴.

В Империи, по мнению докладчика, есть 4 главных центра туристского притяжения – это Индокитай, Мадагаскар, Французская западная Африка и Сирия²⁵. Анализ состояния гостиничной индустрии в этих центрах – основная цель доклада. «В Сайгоне, Ханое и других городах Индокитая уже есть комфортабельные отели (конечно не такие как в Гонконге, там в 40-е гг. был построен отель Астор, на Яве, но аналогичные тем, что есть на Цейлоне, в Сингапуре)»²⁶. «В наших колониях есть и бунгало, и постоянные дворы и прочие средства размещения, но речь идет о Международном туризме»²⁷. По мнению докладчика, для развития международного туризма в колониях не хватает комфортабельных средств размещения. «Что же мы имеем? – спрашивал Господин Бонту и своих соратников. – В Сайгоне – 2 отеля, в Ханое – 1 отель высокого класса. В Ангкоре – в этих знаменитых руинах – 1 бунгало»²⁸. Колониальные власти уже выстроили дороги и порты в колониях, дело осталось за возведением отелей.

Изучив отельный бизнес в Мадагаскаре, господин Бонту пришёл к выводу, что там нет отелей международного класса. В Западной Африке история похожая. Есть отели в Дакаре, Сен-Луи, еще несколько населенных пунктов можно назвать, но они далеки от уровня комфорта, например, марокканских отелей²⁹. «Наша Западная Африка способна привлечь туристов своими лесами, живописными скалами и массивными вершинами гор, разнообразием племен, населяющих эти территории и возможностями охоты, даже африканское искусство, такое модное сейчас, может привлечь туристов, надо лишь создать им условия для путешествия»³⁰. Устроители Конгресса видели колоссальный туристский потенциал Африки и желали извлечь из него выгоду.

Недавно приобретенные после Первой мировой войны территории также нуждались, по мнению Господина Бонту в туристском освоении. «У наших дверей прямо у порога Европы Сирия!

²⁴Agence générale des colonies. P. 52.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. P. 52.

²⁸ Ibid. P. 53.

²⁹ Ibid. P. 55.

³⁰ Ibid.

Территория, которую мы получили после войны. Она может конкурировать с Египтом и Палестиной. Однако Бейрут на сегодняшний день лишь несколько модернизировал свои отели, построенные во времена Османской империи»³¹, – к такому неутешительному выводу пришёл докладчик.

По мнению Господина Бонту, Франция, для того, чтобы достигнуть успехов в индустрии гостеприимства в Индокитае, на Мадагаскаре и в Западной Африке, должна учиться у Голландии строить отели для туристов. «На Яве не забыто ни одно место, куда бы ни прибыл турист. Там построены вместо высоких зданий по типу казарм одноэтажные павильоны с верандой, отдельной ванной комнатой и комнатой для отдыха. Веранда выходит в сад, и никто не мешает отдыху»³².

Докладчик призывал колониальную администрацию помочь частному бизнесу в колониях. «Туризм только зарождается в наших колониях и без помощи государства не обойтись. В руках колониальной администрации земли, бюджет...Если вы скажете, что строительство отелей выходит за рамки государственных обязанностей в колониях, то я отвечу, что речь идет о нашем национальном наследии и о процветании наших территорий, это также важно, как и автомобильные и железные дороги, субсидии в транспортную инфраструктуру, без этого туризм в колониях будет лишь в теории»³³.

Туризм, по мнению Господина Бонту, должен был способствовать процветанию империи. Докладчик сделал вывод, что развитие колониального туризма немислимо без строительства комфортабельных отелей, а это не может осуществиться без помощи колониальных властей. «Если это произойдет, то поток туристов в наши колонии будет таким многочисленным, что как говорили раньше про испанскую империю Солнце никогда не зайдет для них»³⁴.

Таким образом, проанализировав некоторые доклады Конгресса можно сделать вывод о том, что Организаторы Конгресса по туризму рассматривали туризм в колониях важным фактором колониального процветания³⁵. Пропаганда туризма в колониях

³¹ Agence générale des colonies. P. 55.

³² Ibid. P. 56.

³³ Ibid. P. 58.

³⁴ Ibid. P. 60.

³⁵ Ibid. P. 68.

оказалась в связке с имперской пропагандой, с идеей процветания Франции на пяти континентах, с величием метрополии. Колониальный туризм выходил из чисто экономической сферы в сферу политическую и в конечном итоге имперскую. Именно туризм с помощью туристских маршрутов (автомобильных, прежде всего), по мнению организаторов Конгресса, в конечном итоге смог бы связать воедино северную Африку с Африкой Южнее Сахары.

Изучение организации туризма во французских колониях поможет историкам не просто обогатить свои знания о начальном этапе развития туризма в Азии и Африке, но ввести туристские исследования в проблемное поле имперской историографии, изучать многочисленные варианты имперского господства Франции в эпоху существования колониальной империи.

УДК: 94 (560): 821 (560).09

ТУРЕЦКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ О ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ КОНФЛИКТЕ В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ (ПО РОМАНУ ОРХАНА ПАМУКА «СНЕГ»)

Д.В. Дворцова

Адыгейский Государственный университет
кафедра всеобщей истории
e-mail: dianchito93@mail.ru

В статье рассматривается проблема противостояния цивилизаций Запада и Востока на примере романа «Снег» Нобелевского лауреата по литературе (2006) Орхана Памука. Статья содержит краткую биографическую справку об авторе произведения. Раскрывается содержание понятий «интеллектуальная история» и «постмодернизм».

Ключевые слова: Орхан Памук, Турецкая Республика, кемализм, вестернизация, интеллектуальная история, постмодернизм.

TURKISH INTELLECTUAL ABOUT THE CONFLICT OF CIVILIZATIONS IN MODERN TURKEY (BASED ON THE NOVEL «SNOW» BY ORHAN PAMUK)

D.V. Dvortsova

This article deals the problem of the confrontation of the worlds of the West and the East on the example of the novel "Snow" by Nobel literature laureate (2006) Orhan Pamuk. The article contains a short biographical note about the author. The concept of "intellectual history" and "postmodernism" is exposed.

Key words: Orhan Pamuk, the Turkish Republic, kemalism, westernization, intellectual history, postmodernism.

На протяжении почти века Турция представляет собой целый комплекс фундаментальных противоречий во всех жизненно важных сферах социального бытия – будь то социально-политическая, экономическая или культурная. Представляя собой государство светского, лаицистского характера, Турция является, прежде всего, страной, за спиной которой развивается зеленое знамя ислама. Расширенный парламентаризм с 1950 г. фактически превратил

турецкую политику в спор между двумя полюсами. С одной стороны выступали сторонники продолжения курса Мустафы Кемала Ататюрка, первого президента Турецкой республики, с другой – сторонники усиления исламистских и националистических тенденций. В результате, это вылилось в необъявленную гражданскую войну, начавшуюся во второй половине прошлого столетия, в которой столкнулись интересы элит и народных масс, возглавляемых политическими партиями и их лидерами, а также лидерами духовными, так как ислам так и не утратил своей социокультурной важности для простого населения Турции. Эти противоречия нашли свое отражение в творчестве известного турецкого писателя Орхана Памука.

Безусловно, жизнь и творческая судьба писателя-романиста – это, прежде всего, предметное поле литературоведческих исследований. Однако изучение творчества представителей интеллектуальной элиты той или иной эпохи, страны находится и в поле зрения исторической науки, особенно с появлением такого направления научно-исторических исследований, как «интеллектуальная история».

Ферит Орхан Памук – современный турецкий писатель черкесского происхождения, лауреат нескольких национальных и международных премий, в том числе Нобелевской премии по литературе (2006)¹. Популярен как в Турции, так и за ее пределами: произведения писателя переведены на 50 языков мира. О. Памук родился в Стамбуле в 1952 г. и рос в большой семье, похожей на те, которые он описывает в своих романах «Джевдет-Бей и его сыновья» и «Черная книга», в состоятельном европеизированном районе Нишанташи. Как он пишет в своей автобиографической книге «Стамбул», с детства до 22 лет он посвятил себя главным образом живописи и мечтал стать художником. По окончании светского американского Роберт-колледжа в Стамбуле он изучал архитектуру в Стамбульском Техническом университете в течение трех лет, но отказался от цели стать архитектором и художником. Он пошел в аспирантуру по журналистике в Стамбульском университете, но никогда не работал в качестве журналиста.

¹ The Nobel Prize in Literature 2006 Orhan Pamuk // URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/2006/ (дата обращения: 15.01.2016).

В возрасте 23 лет Памук решил стать писателем, отдаться этому делу. Он удалился в свою квартиру и начал писать².

О. Памук – один из первых турецких литераторов, кто задался целью вскрыть средствами современной прозы факторы, дестабилизирующие современное турецкое общество. Хотя в турецкой литературе практически с самого ее появления в конце XIX века тема бездумного подражания Западу, ведущего к потере национальной самобытности, поднималась неоднократно, в творчестве Памука она приобрела новое, как по ракурсу, так и по средствам актуализации, воплощение. Писатель сумел углубить представление о национальном характере и истории, которые, по его мнению, восходят не только и не столько к древней тюркской кочевой культуре, но к культурному синтезу османской эпохи, являющей собой сложный симбиоз элементов византийской, христианской и арабо-персидской мусульманской цивилизаций.

Для Памука утрата этого главного синтезирующего компонента, которая произошла вследствие навязывания идеологией кемализма (правда, кемализм сам лишь ускоренно развил тенденции заката империи) нового, псевдозападного образа жизни привела к феномену утраты турецким обществом самоидентификации. Одни излишне европеизированы, другие излишне консервативны (речь идет о тенденции слияния с чуждым османской культуре радикальным вариантом политического ислама), но и те и другие скрывают за внешними, заметим, чужими образами полное отсутствие индивидуальности и, шире, этнического своеобразия³.

Роман О. Памука «Снег», который он описывает как свой «первый и последний политический роман», был опубликован в 2002 году⁴. Памук рассказывает историю насилия и напряженности в отношениях между политическими исламистами, солдата-

² Orhan Pamuk site: biography // URL: www.orhanpamuk.net (дата обращения: 15.01.2016).

³ Сулейманова А.С. Постмодернизм в современном турецком романе: на примере творчества Орхана Памука: дис. ... к. фил. н. СПб., 2007 // URL: <http://www.dissercat.com/content/postmodernizm-v-sovremennom-turetskom-romane-na-primere-tvorchestva-orkhana-pamuka> (дата обращения: 15.01.2016).

⁴ Памук О. Интервью // URL: <http://noblit.ru/node/2585> (дата обращения: 15.01.2016).

ми, атеистами, курдскими и турецкими националистами⁵. Роман отражает жизнь современной Турции, ее взаимоотношения с Западом и самоидентификацию. Вот как трактует его сам писатель в интервью редактору газеты «Die Zeit» Йоргу Лау: «Мой роман посвящен внутреннему конфликту в душе современного турка, противоречию между исламом и современностью, стремлением стать частью Европы и в то же время страхом перед этой Европой. Еще один фактор, который принято недооценивать на Западе, состоит в том, что крушение Османской империи оставило по себе столь опустошающую скорбь, что турки очень долго не могли смириться с этой печальной действительностью. Реакцией на эту трагическую утрату была попытка уйти в себя. Западный образ мысли воспринимался как вызов, заставляя сосредотачиваться на самих себе, распевать на манер суфиев: «Мы не такие, как все, мы никогда не будем такими, и мы гордимся своим отличием»⁶. Некоторые порядки, устанавливаемые «современным» обществом, шли и идут вразрез с традициями и жизненными ценностями, которым следовало мусульманское общество на протяжении веков.

Действие романа происходит в забытом богом приграничном городе Карсе, в который приезжает Керим Алакуш-Оглу (Ка), главный герой романа, из-за выборов в муниципалитет и женщин-самоубийц. Ка жил далеко от Турции, но он знал, что Карс в последние годы был самым бедным и забытым районом страны. Город разрушался, беднел и становился несчастным. Размышляя о былом величии Карса, прежний глава муниципалитета рассказал Ка об одной революционной пьесе, поставленной в 1940-е годы в Народном доме молодыми людьми, в числе которых был и он. В произведении рассказывалось о «пробуждении» одной девушки, носившей черный чаршаф⁷, и о том, как она, в конце концов, снимает его с головы и сжигает. Сейчас девушки в чаршафах, в косынках, в повязках заполнили улицы Карса. Они кончают жизнь самоубийством, потому что с этим символом политического ислама на голове не могут попасть на занятия. В европеизированных кругах Стамбула, где Ка провел детство, женщина в ко-

⁵ Orhan Pamuk site: biography // URL: www.orhanpamuk.net (дата обращения: 15.01.2016).

⁶ Вяльцев А. Черная книга в руках слепого // Дружба народов. 2006. № 2.

⁷ Род чадры у турчанок.

сынке была или приезжей из пригородов Стамбула, например, из садов Картала, в город, чтобы продать виноград, или женой молочника, или кем-нибудь ещё из низших сословий.

Ситуация в Карсе на момент пребывания в нем Ка далека от европеизации, исламисты набирают силу, борются за власть над городом. Сторонники введения религиозных порядков ходят от двери к двери, сразу становятся друзьями в кварталах бедняков, устраивают дружеские встречи женщин. «Отдайте ваш голос за Партию Благоденствия, которую называют Партией Аллаха, – говорят они, – наша бедность и нищета из-за того, что мы отвернулись от пути Аллаха»⁸. Они разговаривают с мужчинами, с женщинами. Они завоевывают доверие гневных безработных.

Снег, сопровождающий весь ход романа, пробуждает в Ка чувство одиночества, нарастая, это чувство сопровождается страхом, что пришёл конец этой части общества, в которой он воспитывался и рос в Стамбуле, и вообще конец европейскому образу жизни в Турции. Он – чужой среди своих. Ка любит Тургенева, с тоской мечтавшего в Европе о своей стране, которую презирая, покинул, устав от ее нескончаемых проблем и первобытной дикости. Ка всегда искренне, как ребёнок, хотел, чтобы его страна возродилась, чтобы люди стали свободными и современными. Ему всегда казалось, что ислам против этого. Он хотел жить как европейцы. Его жизнь прошла вдалеке от религии, потому что он понял, что не сможет одновременно быть европейцем и верить в Аллаха, который запикивает женщин в чаршаф и приказывает им закрывать лица.

Более радикальной мерой в борьбе против наступающей на исламизированную Турцию европеизации стало убийство директора педагогического института, запрещавшего появляться на парах студенткам, носящим платок. Таинственный незнакомец, впоследствии ставший убийцей директора, говорит о красоте своей родины, сожалеет о том, что они, турки, не знают свою страну, не любят свой народ, что считается достоинством предавать, не уважать Турцию, турецкую нацию. Он задаётся вопросом: «Что важнее: приказ нашего светского государства или приказ Аллаха?»⁹. Смертный приговор, адресованный директору инсти-

⁸ Памук О. Снег // URL: <http://lib.ru/INPROZ/ORHAN/sneg.txt> (дата обращения: 15.01.2016).

⁹ Памук О. Снег // URL: <http://lib.ru/INPROZ/ORHAN/sneg.txt> (дата обращения: 15.01.2016).

тута, заключает в себе главный страх, причину отрицания Запада мусульманами: тайный план превратить мусульман светского государства Турецкой Республики в рабов Запада, лишить их уважения и религии. Европеизированная часть Стамбула хочет показать, что главная ценность не только людей, но и всей нации заключается не во внешнем облике, а в духовном содержании. Что всем необходимо стремиться к европейским ценностям вместе с цивилизованными и современными нациями, освободившись от чаршафа, платка, фески и чалмы, которые повергают во тьму дух и являются символом отсталости. Они считают, что религия парализует общественную и духовную жизнь турецкого общества. Ответная реакция исламистов заключается в следующем: «Защитить сегодня ислам намного важнее, чем совершать намаз и соблюдать пост»¹⁰.

Драматическая коллизия между западничеством и исламизмом пронизывает страницы романа: «Мы не сможем быть такими, как европейцы. Те, кто насильно пытается переделать нас по их образу, в конце концов, может быть, и смогут это сделать, убивая нас танками и ружьями. Но они никогда не смогут изменить нашу душу... Я не буду ни европейцем, ни тем, кто подражает им. Я буду жить в своей истории и буду сам собой. Я верю, что человек может быть счастлив, не подражая европейцам, не являясь их рабом»¹¹.

Орхан Памук – яркий представитель литературного постмодернизма. Постмодернизм – направление, пришедшее на смену модерну и отличающееся от него не столько оригинальностью, сколько разнообразием элементов, цитатностью, погруженностью в культуру, отражающее сложность, хаотичность, децентрированность современного мира¹². Турецкий литературный постмодернизм – новое направление в национальной литературе последней четверти XX – начала XXI веков. Он, как представляется, в большей степени был подготовлен общественно-политической ситуацией, процессом «вестернизации» или европеизации общества, которая осуществлялась государством, нежели развитием

¹⁰ Памук О. Снег // URL: <http://lib.ru/INPROZ/ORHAN/sneg.txt> (дата обращения: 15.01.2016).

¹¹ Там же.

¹² Малахов В. Постмодернизм в искусстве // URL: http://encyclopaedia.bigru.ru/enc/liberal_arts/POSTMODERNIZM.html (дата обращения: 15.01.-2016).

собственно литературного процесса, которому, впрочем, также не удалось избежать модернизации по европейской модели¹³.

Детальный анализ романа «Снег» показывает, что в них постмодернистский взгляд писателя на эпоху модерна получает концептуальное оформление. Постфилософская идея «конца истории» преломляется в скептически-пессимистическом подходе О. Памука к историческому процессу, историческому познанию вообще и к истории Турции в частности. Это во многом происходит от разочарования писателя в эпохе модерна и ее ценностях, то есть в линейно-позитивистском принципе подхода к истории, в линейном концепте прогресса. Турецкий вариант проекта эпохи модерна – кемалистский – писатель воспринимает как тоталитарный, ущемляющий права человека, стирающий человеческую индивидуальность. Он считает, что прогресс, ломающий жизнь людей в угоду доктрине, государственной «пользе», вытесняющей из нее одухотворенно – прекрасное, оборачивается трагедией для страны. Это и порождает меланхолию автора, подпитываемую восточной чувствительностью.

Отказ писателя от линейного исторического детерминизма в пользу нелинейного дает ему возможность показать следующее: жесткий детерминизм «плановой вестернизации», потонувшей в заснеженных улицах Карса и в мутных водах Босфора, чреват катастрофами (общественными и личными), в то время как чистая игра случайностей порождает плюралистическую множественность выбора для Турции собственного пути в постсовременном мировом пространстве. Памук стремится показать, что в условиях европеизированного азиатства (кемалистской Турции), где в рамках нового «исторического проекта» людей «кроят» и «воспитывают» по новым просветительским лекалам, а по существу, заменяют симулякрами, в которых форма оторвана от содержания, влечение человека к смерти возобладало над его влечением к жизни, опустошая жизнь и обескровливая нацию¹⁴.

¹³ Сулейманова А.С. Постмодернизм в современном турецком романе: на примере творчества Орхана Памука: дис. ...к. фил. н. СПб., 2007. // URL: <http://www.dissercat.com/content/postmodernizm-v-sovremennom-turetskom-romane-na-primere-tvorchestva-orkhana-pamuka> (дата обращения: 15.01.2016).

¹⁴ Репенкова М.М. Постмодернизм в литературе Турции: автореф. дис. ... д. фил. н., представленной в виде опубликованной монографии. М., 2010. С. 23.

УДК 94(575.1)+323.21(575.1)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМА НАСЛЕДОВАНИЯ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА)

С.Ю. Шенин

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Институт истории и международных отношений,
кафедра международных отношений
и внешней политики России
e-mail: sheninsy@sgu.ru

Данная статья посвящена анализу политической ситуации, сложившейся в Узбекистане в связи с возможной скорой сменой высшей власти. Изучается как внутренняя расстановка сил и возможные варианты переходного периода, так и общерегиональный контекст назревающих изменений. Анализируются возможные последствия для региональной стабильности грядущей смены власти в Узбекистане.

Ключевые слова: Узбекистан, Центральная Азия, Ислам Каримов, Хизб-ут Тахрир, Исламское движение Узбекистана, «цветные революции», преемники, Китай, Россия.

THE POLITICAL RISKS IN CENTRAL ASIA: THE PROBLEM OF SUCCESSION OF POWER (THE CASE STUDY OF UZBEKISTAN)

S.Yu. Shenin

The article is devoted to analysis of the political situation that has formed in Uzbekistan because of a possible change of the supreme power. The internal balance of powers and possible developments of the transitional period, as well as general regional context, are studied. Also possible consequences of the coming change of power in Uzbekistan for the regional stability are analyzed.

Key words: Uzbekistan, Central Asia, Islam Karimov, Hizb-ut Tahrir, Islamic Movement of Uzbekistan, «color revolutions», successors, China, Russia.

После периода умеренной «демократизации» на пространстве бывшего СССР возобладали авторитарные формы правления.

В постсоветских столицах сегодня правят «сильные личности», просвещенные и не очень.

У авторитаризма есть свои несомненные плюсы – используя авторитарные методы легче договариваться, контролировать и управлять. Население воспринимает «сильные личности» как «спасителей отечества», и эта мысль усиленно подкрепляется государственной пропагандой. Вся история, близкая и далекая, свидетельствуют о продолжающихся «происках заграницы», о бесконечном «враждебном окружении», о жизни в «осажденной крепости», необходимости «напрячься с силами», «дать отпор» и т.д.

Во всех постсоветских странах авторитаризм прикрывается для приличия прописанными в конституциях демократическими положениями и институтами, которые, правда, не работают. Население, конечно, понимает, что качество управления при авторитаризме достаточно низкое, а риски нестабильности, утраты баланса интересов в обществе и элите – высокие. Еще более серьезный минус авторитарной формы правления, который на постсоветском пространстве до сих пор себя не проявил в полной мере, но который может поставить под угрозу стабильность на всем евразийском материке, это отсутствие институтов передачи власти.

Действительно, смена власти в такой политической системе – это момент повышенной уязвимости, поскольку уходит старый и слабый президент, который не может контролировать процессы в стране как он хотел бы, а другой руководитель приходит, но он тоже слаб, пока не в состоянии контролировать государственную машину. Конкуренты в этот момент могут взять реванш и навязать передел ресурсов и собственности, например, под видом реформ. При этом те силы, которые пытаются режиссировать этот процесс политического транзита, сталкиваются с труднейшей задачей просчитать весь баланс сил с учетом традиционных кланово-родственных, родоплеменных и прочих отношений, что крайне сложно.

Соответственно, при такой уязвимости, процесс передачи власти осуществляется в обстановке абсолютной информационной закрытости, особенно в том, что касается здоровья первых лиц. Небогатая история наследования власти на постсоветском пространстве уже дала нам почти анекдотический пример – тот, кто первый узнал о болезни президента Туркменистана (конечно же, министр здравоохранения), тот и унаследовал высший пост.

Пришедшие к власти новые силы обязательно начинают (как правило, под видом реформ) процесс радикального перераспределения ресурсов, потому что без этого сохранить власть просто невозможно. Однако такое перераспределение неизбежно смещает баланс сил и интересов как внутри элиты, так и внутри общества. Такие смещения часто затрагивают очень «слабые звенья» – на них может увеличиться нагрузка, что создает риск дестабилизации всей общественной системы. «Слабые звенья» есть в каждой стране (этно-религиозные, родоплеменные или клановые отношения, взаимодействие с соседями или великими державами, наличие сильных оппозиционных фигур и т.д.), и новые власти, как правило, не очень задумываются об угрозах, которые несет с собой такое перераспределение нагрузки. Они выпускают «джина», рассчитывая, что, использовав его для победы, потом смогут загнать обратно в кувшин.

Конечно, ситуацию перехода можно было бы значительно разрядить и снизить риски (убрать совсем их нельзя), если бы существовали четкие условия транзита, принимаемые элитой и обществом (по крайней мере, его большинством). Поскольку все страны Центральной Азии являются «демократическими», то законы, регламентирующие процедуру передачи власти, прописаны во всех конституциях. Как правило, они ориентируются на стандарты, принятые в странах Запада¹.

Однако было бы удивительно, если бы в условиях правового нигилизма, неспособности жить по законам, именно эта часть законодательства свято соблюдалась. На это рассчитывать невозможно. В действительности, в этих странах сложилась практика, когда тот, кто сможет привлечь большие ресурсы в момент передачи власти (внутренние, внешние, информационные, финансовые, силовые), тот и получит вожденный пост (хотя, надо еще раз подчеркнуть, что это отнюдь не последний этап перехода: как отмечалось, пытаясь перераспределять ресурсы, можно дестабилизировать страну и потерять результаты победы). Поэтому, несмотря на наличие в странах Центральной Азии законодательно оформленных процедур властного транзита, он проходит везде по-разному, в зависимости от привлекаемых ресурсов и с учетом факторов дестабилизации.

¹ Назаров Е. Казахстан после... Алматы, 2013.

Например, Киргизия – страна нестабильная, подвержена инфекции «цветных революций», здесь процесс передачи власти не устоялся, может состояться в любой момент и принять самые разнообразные формы. Тем не менее, в Киргизии уже формируются традиции демократических выборов и межкланового консенсуса, что в среднесрочной перспективе внушает оптимизм. В Туркмении Г. Бердымухамедов слишком мало времени провел в кресле президента, чтобы задумываться о формах ее передачи (правда, в 2006 г. он сам заложил традицию не соблюдения закона, когда был арестован спикер сената – законный наследник Туркменбаши). Таджикский президент Э. Рахмон уже двадцать лет у власти, но он находится в еще в хорошей физической форме и готовит династический вариант передачи власти наследникам (его плюсом является наличие у Рахмона сыновей – в Центральной Азии это не менее важно, чем в Азербайджане).

Однако в Казахстане и Узбекистане, двух ключевых странах региона, ситуация иная, более острая. У местных руководителей времени осталось очень мало – оба в преклонном возрасте, оба не имеют сыновей, что исключает простой династический вариант политического транзита, здесь нет прецедента передачи власти (оба лидера руководят странами еще с советских времен). Кроме того, это очень населенные, поликонфессиональные и мультиэтнические страны, где при организации перехода надо учитывать множество факторов. Наконец, последствия неудачного транзита для региональной стабильности могут быть более серьезными, более болезненными, чем дестабилизация в тех же Киргизии, Таджикистане или Туркмении (особенно в случае передачи власти по «цветному» варианту или «арабской весны»)².

Узбекистан имеет тридцатимиллионное население – самое большое в регионе. Узбекская диаспора – самая большая в России. У руководства этой страны, в первую очередь, президента Ислама Каримова, самые сложные отношения с исламистами, как внутренними (Хизб-ут-Тахрир), так и внешними (Исламским движением Узбекистана и его наследниками). Большинство наблюдателей считает, что решение проблемы наследования власти в этой стране может оказать огромное влияние на стабильность как

² Сатановский Е. Дестабилизация Центральной Азии. Повторение «арабской весны» на южных границах России более чем возможно // URL: <http://vpk-news.ru/articles/19189> (дата обращения: 15.01.2016).

внутреннюю, так и внешнюю (особенно, принимая во внимание доминирующие черты региональной политики И. Каримова – изоляционизм, гегемонизм, агрессивность)³.

Ислам Каримов более 25 лет руководит Узбекистаном. Ему 76 лет, по слухам в марте 2013 г. он перенес обширный инфаркт. Оппозиции в стране нет (даже исламской), претендентов на престол тоже нет – приближенные, включая родственников, боятся даже сформулировать свои президентские амбиции, поскольку из тех, кто пытался о них заявить, не все успели добраться до границы⁴. В обществе вопрос о наследовании власти официально не обсуждается. А неофициально главным претендентом считается старшая дочь И. Каримова Гульнара, позиции которой последнее время сильно пошатнулись, в том числе и в глазах отца⁵.

В Конституции страны указано, что смена власти в Узбекистане должна произойти «при невозможности исполнения обязанностей действующим президентом» (очень расплывчатая формулировка, здесь отсутствует, например, очень важное понятие «добровольная отставка»). Временным президентом на три месяца при этом становится глава сената (по конституции 2010 г., ст. 96 в редакции Закона РУз от 18.04.2011)⁶. Однако мало кто сомневается, что в случае необходимости назначен, будет другой человек, тот, который устроит лично И. Каримова.

Лояльность, преданность нового руководителя страны нынешнему президенту является ключевым фактором смены верховной власти, поскольку формулировка ухода в отставку не предполагает смерть президента. Возможно, Каримов рассчитывает еще долгое время, может быть, постепенно, поэтапно отходить от дел, а это сформирует очень большую степень его зави-

³ Сатановский Е. Указ соч.

⁴ Долгов С. Кто унаследует Узбекистан? // Эксперт № 14 // URL: <http://expert.ru/expert/2013/14/kto-unasleduet-uzbekistan/> (дата обращения: 15.01.2016); Малащенко А. Узбекистан: транзит пока не виден. М.: Московский центр Карнеги, 2014. С. 3–4.

⁵ Кислов Д. Узбекистан: Власть Каримова не дает трещин // Фергана. Информационное агентство // URL: <http://www.fergananews.com/articles/8059> (дата обращения: 15.01.2016).

⁶ Назаров Е. Правила передачи власти в странах Центральной Азии // Хроника Туркменистана // URL: <http://www.chrono-tm.org/2013/07/pravila-peredachi-vlasti-v-stranah-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 15.01.2016); Черкасов А.И. Глава государства и правительство в странах современного мира (Конституционно-правовое регулирование и практика). М., 2006.

симости от временного преемника, который сможет серьезно влиять на выбор будущего постоянного лидера. Конечно же, надо принимать во внимание, что кроме своих личных интересов, нынешний президент думает также об интересах семьи (две дочери) и клана (самаркандско-бухарский). Наконец, можно не сомневаться, что Каримов ищет приемлемую схему наследования в интересах стабильности и безопасности всей страны, что неотделимо от интересов семьи и клана.

Одновременно, все понимают, что одни только легальные механизмы наследования, особенно под полным контролем самого Каримова, не смогут дать надежной легитимации нового президента-преемника. Поэтому он хотел бы, конечно, подкрепить легальный механизм приемлемыми для большинства населения Узбекистана династическим принципом престолонаследия. Об этом говорит, например, его долгая и терпеливая поддержка амбиций старшей дочери – Гульнары. Однако, поскольку вся ее деятельность оказалась дискредитирующей (как в отношении семьи, так и государства), президент, как представляется, все же отказался от идеи организовать престолонаследие по женской линии (хотя есть еще младшая дочь, но она вряд ли согласится стать преемницей – ей больше нравится заниматься коммерцией, пусть даже очень сомнительной)⁷.

Отсутствие наследников по мужской линии заставляет президента думать о том, чтобы передать власть надежным людям из окружения. Правда, это будет не очень легитимно, ибо конституционной процедуре избрания нового главы государства явно не будет хватать демократического содержания. Самыми серьезными претендентами на наследование власти президента на данный момент являются несколько человек.

В первую очередь, это самый доверенный человек И. Каримова, руководитель Службы национальной безопасности (СНБ) Узбекистана Рустам Иноятов. Правда, есть сомнения в том, нужен ли ему самому пост президента – вполне возможно, что его устраивает роль «серого кардинала», всесильного руководителя госбезопасности. Если так, то Иноятов сможет поддержать первого вице-премьера, министра финансов Рустама Азимова, который, в целом, придерживается прозападного вектора внешней ориента-

⁷ Малащенко А. Узбекистан: транзит пока не виден... С. 5-7.

ции страны и пользуется поддержкой не самого сильного «ташкентского» клана.

Азимову может составить конкуренцию премьер-министр страны Шавкат Мирзияев, который пользуется большим доверием президента (они оба принадлежат к «самаркандско-бухарскому» клану), но во внешней политике премьер сориентирован на Москву (если, конечно, принять во внимание его дальнородственные связи с российским миллиардером А. Усмановым)⁸.

Приход к власти нового, не очень легитимного президента может не устроить конкурентов внутри элиты. Не исключено, что формой сопротивления могут стать исламистские протесты. Однако это не очень опасно, поскольку Каримов жесточайшими репрессиями практически подавил исламское движение в стране – оно сейчас очень ослаблено и загнано глубоко в подполье. Соответственно, местные исламисты вряд ли смогут воспользоваться моментом транзита. Однако если следующий президент будет не таким жестким, как Каримов, то они смогут «поднять голову», и со временем идеи «исламской справедливости» могут стать более популярными. Однако сегодня узбекские исламисты из движений Хизб-ут Тахрир, Акромийя и Исламия сами не в состоянии изменить политическую ситуацию в стране – им нужен внешний детонатор⁹.

Этот внешний детонатор, как все хорошо знают, существует давно, еще с конца 1990-х гг., и называется он Исламское движение Узбекистана (ИДУ). Именно тогда ИДУ пыталось проникнуть в Узбекистан из Афганистана через территорию Таджикистана и Киргизии. После этого ИДУ потеряло своих лидеров и распалось на ряд группировок, самыми заметными из которых являются Союз исламского джихада и Исламское движение Туркестана (ИДТ). Тем не менее, они все готовы сегодня единым фронтом вновь двинуться на Узбекистан, для чего оттачивают свое военное мастерство в Сирии, воюя на стороне фундаменталистской оппозиции¹⁰.

Однако успех прорывов ИДУ и местного радикально-исламистского восстания в кратко- и среднесрочной перспективе мало-

⁸ Долгов С. Кто унаследует Узбекистан? // Эксперт № 14 // URL: <http://expert.ru/expert/2013/14/kto-unasleduet-uzbekistan/> (дата обращения: 15.01.2016); Малащенко А. Узбекистан: транзит пока не виден... С. 8–10.

⁹ Малащенко А. Узбекистан: транзит пока не виден... С. 15.

¹⁰ Долгов С. Кто унаследует Узбекистан?

вероятен, ибо то, что было едва-едва возможно в 1999 г., уже невозможно в современных условиях. Реакцией на такого рода события должно стать резкое вмешательство ШОС, которая и была создана для отражения подобных угроз. Соответственно, Москва и Пекин, под предлогом необходимости борьбы с исламским фундаментализмом (который распространяется, как они считают, в рамках концепций «центрально-азиатской весны», «дути нестабильности», «управляемого хаоса» и т.д.), получают возможность радикально усилить свои позиции в Центральной Азии, стать гарантами стабильности региона. Конечно, у Москвы и Пекина нет сильных лобби в Ташкенте, но они вполне могут обойтись при необходимости и без лоббистов¹¹. Естественно, что геополитические оппоненты России и Китая явно не готовы предоставить им такой удобный предлог.

Поэтому, скорее всего, исламского восстания в Узбекистане не будет, ибо США и ЕС хорошо понимают риски с этим связанные и, особенно, в контексте уроков, полученных на Украине. Для США Ташкент – только временный партнер на время выхода из Афганистана¹². А Каримов, в свою очередь, всегда умел выбрать правильную дистанцию в отношениях с Вашингтоном: так, после событий 11 сентября 2001 г. он блестяще сыграл свою партию, выиграв сотни миллионов долларов экономической и военной помощи, а в 2005 г., после Андижана, не побоялся полностью переключиться на Москву.

Тем не менее, появляющаяся в процессе вывода афганского контингента США возможность вбить клин между РФ и Китаем является слишком большим соблазном для Вашингтона. Поэтому, зная повадки «лиса Каримова», США постараются создать сильные привязки к своей политике, например, за счет передачи Ташкенту части используемого в Афганистане американского оружия. Эти привязки, в совокупности с внешним давлением через исламские движения, могут сработать в среднесрочной перспективе (через 5–7 лет), когда, не исключено, «операция преемник» может стать достаточно актуальной.

С другой стороны, период политического транзита в Узбекистане, когда он случится, вряд ли повлияет на ухудшение ситуации на таджикском направлении. Тяжелые отношения между Ду-

¹¹*Kramer A. Rumors About Uzbekistan Leader's Health Set Off Succession Debate // The New York Times. 07.04.2013. P. 14.*

¹² *Ibid.*

шанбе и Ташкентом во многом проистекали из личных антипатий Э. Рахмона и И. Каримова, поскольку последний, помогая первому прийти к власти, рассчитывал на полное понимание таджикского коллеги. Рахмон, однако, сумел воспользоваться противовесами в лице Москвы и Вашингтона, чтобы проводить независимую региональную политику. В целом, личностный характер конфликта и возможность взаимной нейтрализации факторов потенциального обострения (например, Ташкент может использовать железнодорожную блокаду в ответ на водно-энергетическое давление Душанбе) наводит на мысль, что преемник Каримова не будет использовать этот фактор для дополнительной «консолидации нации»¹³.

В целом, риски попадания в зону очередной «весны», «цветной революции», либо исламского «возрождения» с неизбежным подавлением последнего со стороны партнеров по ШОС, угрожают Узбекистану ослаблением независимости и усилением контроля со стороны либо Востока, либо Запада. Хотя в Ташкенте, как указывалось, есть сторонники всех внешнеполитических направлений, в такой ситуации – в момент транзита – местная элита, скорее всего, будет вынуждена искать компромиссную фигуру, которая смогла бы сохранить межклановый баланс сил и существующие экономические порядки («туркменский вариант» наследования власти). В противном случае (т.е. если не будет найден консенсус), внутренние противоречия обострятся, их постараются использовать внешние силы, и при наличии в стране «пятой колонны» исламистов и региональных соседей-конкурентов Узбекистан вполне может ждать «украинизация». Маловероятно, что существующая элита допустит такое развитие событий.

В целом, в Узбекистане, на наш взгляд, никакое реформирование в транзитный период не будет возможно, а деятельность переходной фигуры будет нацелена на сохранение и воспроизводство существующей в этой стране системы распределения власти и богатства. Инспирированных из-за рубежа потрясений, скорее всего, удастся избежать (в силу имеющихся заинтересованных внешних гарантов – России и Китая), но возможные социальные потрясения в среднесрочной перспективе могут негативно повлиять на региональную стабильность.

¹³ Долгов С. Кто унаследует Узбекистан?

ПАМЯТЬ О КОНФЛИКТЕ ИЛИ КОНФЛИКТЫ ПАМЯТИ

УДК 94 (47)+929 Ящеров

РУССКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ В СЕРБО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1876 ГОДА В ЗЕРКАЛЕ ВОСПОМИНАНИЙ В.В. ЯЩЕРОВА

С.А. Кочуков

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Институт истории и международных отношений,
кафедра истории России и археологии
E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Автор статьи анализирует содержание мемуаров русского добровольца в Сербо-турецкой войне 1876 г. В.В. Ящерова. В центре внимания проблема восприятия рядовыми участниками исторического события целей и повседневности добровольческого движения на Балканах.

Ключевые слова: Сербо-турецкая война 1876 г., русские добровольцы, общественное мнение, мемуары, В.В. Ящеров.

RUSSIAN VOLUNTEERS IN THE SERBO-TURKISH WAR OF 1876 IN THE MIRROR OF V.V. YASCHEROV'S MEMORIES

S.A. Kochukov

The author analyzes the content of the memoirs of Russian volunteers in the Serbo-Turkish war of 1876, V.V. Yascherov. The focus of the problem is the perception of the ordinary members of the historical events and everyday purposes volunteerism in the Balkans.

Key words: Serbo-Turkish War of 1876, Russian volunteers, public opinion, memoirs, V.V. Yascherov

Участие русских добровольцев в Сербо-турецкой войне 1876 г. неоднократно являлось предметом исследования¹. Вместе с тем,

¹ См.: Кочуков С.А. Русские на Балканах в 1876 году в свете источников личного происхождения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия история. Международные отношения. Вып. 1. Саратов, 2009. С. 65–69; Он же. Русский доброволец на Балканах в 1876 году (Письмо офи-

среди мемуаров существуют исторические источники, которые позволяют по-новому взглянуть на внутривосточную ситуацию в Российской империи и на Балканах. В отличие от Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которая активно освещалась в прессе и впоследствии получила широкое отражение в мемуарной литературе, участие русских добровольцев в Сербско-турецкой войне 1876 г. изображалось крайне скупо. Конечно, на страницах периодических изданий красочно описывались подвиги российских волонтеров², но данная информация была далека от истины, так как корреспонденты старались показывать лишь парадную сторону военных действий. Что же касается мемуаров и дневниковых записей, где бы характеризовалась и рассматривалась война 1876 г., то их чрезвычайно мало. Может быть поэтому, сама тема русских добровольцев на Балканском полуострове не получила в исторических исследованиях еще должного освещения. В отечественной историографии этот момент российской истории представлен чрезвычайно однобоко³. Большинство исследователей акцентируют внимание на непосредственно военной стороне деятельности добровольцев, что же касается формирования их взглядов, организации переправки на Балканы, то эти аспекты продолжают оставаться слабо изученными. Исключение составляет, пожалуй, статья Л.В. Кузьмичевой в сборнике «Россия и восточный кризис»⁴.

цера Белевского полка Э.В. Гофману) // Славянский сборник. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2009. Вып. 8. С. 119–123; *Он же*. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012; *Он же*. Русские добровольцы на Балканах в 1876 году (по материалам визуальных источников) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. В 4ч. СПб., 2015. Ч. 2. С. 386–399.

² *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России 1858–1876 годах. М., 1960. С. 260–307.

³ *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970; *Он же*. Россия и освобождение Болгарии // Вопросы истории. 1978. № 7; *Он же*. Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // Вопросы истории. 1946. № 4; *Козьменко И.* Русское общество и апрельское болгарское восстание 1876 г. // Вопросы истории. 1947. № 5.

⁴ См.: *Кузьмичева Л.В.* Русские добровольцы в сербско-турецкой войне 1876 г. // Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981.

Отношение России к самому факту начала освободительного движения на Балканском полуострове было достаточно сложным и противоречивым. Безусловно, значительная часть русского общества, зная о бедственном положении южных славян, всегда готова была помочь и принимала активное участие в добровольческом движении. Об этом в первую очередь свидетельствуют пожертвования в пользу братьев-славян⁵, сообщения прессы и т.д. Но были и совершенно противоположные реакции на апрельское восстание 1876 г. В частности газета «Набат» так определяла свою позицию по Балканскому вопросу: «Возбуждающий и поддерживающий восстание славян совершает двойное зло: он обманывает разоренное население восставших мест, заставляя его проливать кровь и разорять еще более своих детей во имя обманчивого обещания ему лучшей доли, которой нет впереди; он бросает и забывает свою обязанность, как русского, бороться со злом дома или, по крайней мере, приготовиться к этой борьбе»⁶. Что же касается позиции официального Петербурга, то его осторожно-сдержанная реакция выразилась в опубликовании в «Правительственном вестнике» документов о «турецких зверствах»⁷.

Однако, несмотря на разброс мнений по балканской проблеме желающих отправиться «пострадать за веру» и «защитить честной крест»⁸ было много⁹. Так же был достаточно пестрым соци-

⁵ См.: Поглубко К. Весна освобождения. Кишинев, 1978.; ГАРФ. Ф 1750. Оп. 1. Д. 233.

⁶ Цит. по.: *Фортунатов П.К.* Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М. 1950. С. 42.

⁷ *Козьменко И.* Указ. соч. С. 97. Осторожные действия официального Петербурга были в какой-то степени продиктованы достаточно резкими заявлениями определенной части русского общества. А.Д. Градовский отмечал: «Уважение Европы нужно нам, несмотря на то. Что по существенным вопросам внешней политики мы расходимся с ней, что по славянскому вопросу мы сталкиваемся с противодействием. Именно теперь, когда вопросы поставлены резко, необходимо, чтобы не было сомнений в качествах знамени, находящегося в наших руках, в нашей способности поддержать его и довести дело до конца. Необходимо, чтобы и на поприще славянского вопроса в нас видели силу европейскую, а не какую-либо иную, чтобы в нас видели соперника равнородного, а не пришельца из другой части света». (*Градовский А.Д.* Трудные годы. (1876–1880): очерки и опыты. М., 2007. С. 297).

⁸ *Драгоманов М.П.* Турки внутренние и внешние. Париж, 1902. С. 62.

⁹ На войну 1876 г. из России было отправлено 3992 человека, из них больше всего из Одессы – 2000 человек, из Москвы – 1176 и Петербурга – 816 соответственно. (См.: *Кузьмичева И.* Указ. соч. С. 91).

альный состав русских добровольцев. В составе добровольческих дружин были профессиональные военнослужащие, которые испросив отпуск у полкового начальства, отправлялись на Балканы, но в большинстве случаев это были люди далекие от армии: канцелярские служители¹⁰, фельдшеры¹¹, студенты¹².

Среди мемуарного наследия русских добровольцев 1876 г. можно выделить воспоминания нижегородского помещика Василия Васильевича Ящерова¹³. Впервые эти записки были напечатаны в 1878 г. в журнале «Русский вестник». Затем они дважды переиздавались. Первый раз в 2006 г. в сборнике «Русские о Сербии и сербах» были помещены отрывки из этого источника¹⁴. Второй раз (полностью) мемуары В.В. Ящерова были опубликованы в сборнике «Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение 1875–1878 гг.» в 2009 году¹⁵. Но все эти переиздания выходили в свет без должных комментариев. В ряде исследований мемуары Ящерова упоминались, но их детального рассмотрения не было. Тем не менее, этот исторический источник важен тем, что в нем Сербо-турецкая война 1876 г. и движение русских добровольцев рассмотрены «человеком из провинции».

Безусловно, желание Ящерова, как и многих других добровольцев отправиться на Балканский полуостров и принять участие в войне против турок, было подогрето выступлениями «народного диктатора» И.С. Аксакова, деятельностью Московского славянского благотворительного комитета, патриотическими публикациями в русской прессе. Вместе с тем, отправиться на театр военных действий было не просто. Губернские жандармские управления согласно циркуляру № 17 от 1875 г. должны были следить за стремлением отдельных представителей русского общества пополнить ряды добровольцев в Сербии и Герцеговине и всячески их пресекать¹⁶. С другой стороны, опять же согласно об-

¹⁰ См.: ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 233. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 6–6об.

¹² См.: Шипка и Плевна – слава русского оружия. М., 2003. С. 10.

¹³ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Кн. 1, 7.

¹⁴ См.: Там же. С. 243–247.

¹⁵ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение 1875–1878 гг. Самара, 2009. С. 237–297.

¹⁶ См.: Народы Поволжья и борьба южных славян. С. 35.

зорам губернских жандармских управлений, обстановка в отдельных регионах страны не соответствовала той идиллической картине, которую рисовала русская пресса. В одном из таких обзоров указывалось: «...лучшее общество выражает свое желание, чтобы собравшиеся на политическом горизонте мрачные тучи рассеялись и дали России возможность заняться своими внутренними делами (а их у нас не мало), но для сего нужно полное внешнее спокойствие (а не стоять вечно на страже в полном вооружении), чтобы привести к благу и совершенству все то, что начато и делается на пользу человечества»¹⁷.

19 июля 1876 г. В Нижнем Новгороде был разработан проект по отправке добровольцев в Сербию. Главный вопрос, который был поставлен в этом проекте, касался в основном материальной составляющей, то есть того, на какие средства добровольцы доберутся до Балкан и на какие средства будут там содержаться. Наряду с этим указывалось: «Если в Турции публично объявляют гават, или священную войну, против неверных, то полагаю, что и русское общество имеет полное право помогать со своей стороны восточным христианам, и наше правительство, наверное, не будет этому препятствовать, лишь бы оно само оставалось в стороне, и дело не носило официального характера»¹⁸. Вероятнее всего именно этот проект и повлиял на решение Ящерова отправиться на войну.

Само отправление в Сербию проходило сумбурно. Это подтверждает в своих воспоминаниях и сам доброволец: «Цель поездки, разлука с ближними, может быть, навсегда, – все это производило в голове такой хаос, что я не в состоянии дать себе отчет в волновавших меня ощущениях»¹⁹. Вместе с тем, если ориентироваться лишь на мемуары Ящерова, то возникает ощущение, что отъезд волонтеров в Сербию был делом легким и даже праздничным. Действительно, как только нижегородский помещик появился в дверях Славянского комитета, так сразу же он был экипирован всем необходимым, кроме того получил деньги на путешествие. Кажущая легкость определялась главным образом тем, что новоявленный доброволец в прошлом был военным, а Славянский комитет, безусловно, был заинтересован получить в ряды

¹⁷ Народы Поволжья и борьба южных славян. С. 36.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 83. Л. 15.

¹⁹ Ящеров В.В. Указ соч. С. 188.

волонтеров профессиональных военных. Желавших отправиться на Балканский полуостров было много. Все добровольцы проходили определенную процедуру. Необходимо было направить в Славянский благотворительный комитет прошение. Писались подобные прошения одинаково, а состав волонтеров был достаточно пестрым: от сидельца в лавке до чиновника²⁰. Достаточно большое количество прошений было от женщин, которые хотели работать в среде волонтеров в качестве сестер милосердия.

Однако не стоит забывать, что среди добровольцев было множество всякого рода авантюристов. По мнению многих современников, главным недостатком сербской армии был ее разнородный состав. Протестуя против грубого и бестактного поведения некоторых добровольцев в Сербии, М.П. Драгоманов писал в то же время еще в 1876 г. такие строки: «наших добровольцев не следует смешивать всех в одну кучу. Были между ними и такие, которые искренно и сознательно шли сложить свои кости за народную свободу, многие из них говорили, как тургеневская Елена, – «что делать в России»? Затем честно и искренно шли крестьяне и значительная часть солдат. Эти шли «пострадать за веру» и защитить «честной крест»²¹. Ящеров упоминал, что в Кишиневе недосчитались нескольких добровольцев, они просто сбежали с поезда по мере того как приближались к театру военных действий²².

Мемуары Ящерова также дают возможность проследить, как менялись настроения среди волонтеров. Перед Кишиневом все без исключения добровольцы были настроены драться до победы. И даже мемуарист сочинил по этому поводу стихи.

²⁰ Прошение отставного канцелярского служащего М.А. Липского: «Имею желание поступить в ряды русских добровольцев сражавшихся против турок в княжестве Сербском, я покорнейше прошу комитет сделать распоряжение об отправлении меня куда следует и снабдить меня на экипировку и путевые издержки деньгами; т.к. я собственных средств на это не имею». (ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 233. Л. 5.); Прошение фельдшера А.Н. Черняева: «Имея в виду бедственное и несчастное положение в настоящее время наших единоверцев и желая верно служить в Сербии; по части фельдшерской... но не имея наличных средств проехать в Сербию, покорнейше прошу Комитет сделать распоряжения об отправке меня в Сербию на место военных действий и какое будет сделано распоряжение прошу меня уведомить». (Там же. Л. 6–6об.).

²¹ Драгоманов М.П. Турки внутренние и внешние. Париж, 1902. С. 62.

²² Ящеров В.В. Указ соч. С. 192–193.

*Смело, братцы, в бой кровавый.
В бой за веру и Славян!
С нами наш Черкасов бравый;
Разутешим мусульман!*

*Мы случайно здесь сошлись
С разных мест Руси родной
И пред Богом поклялись
Умереть за Крест Святой²³*

Но сразу же после первого боя восторженных настроений побавилось. Налицо были нехватка оружия и амуниции, большие потери, отсутствие перевязочных средств и т.д.²⁴

Мемуарист далек от того, чтобы критически отнестись к поведению русских волонтеров. В воспоминаниях нет и намека на глубокую и детальную характеристику добровольческого движения. Фактически на протяжении всего изложения он отмечал, что «добровольцы держали себя прекрасно; ни ссоры, ни брани, ни пьянства»²⁵. Тем не менее, встречаются и совершенно противоположные описания русских волонтеров. В частности один из офицеров Белевского полка заявлял: «Нельзя сказать, чтобы город был гостеприимен относительно нас. Все смотрели даже как-то не дружелюбно»²⁶. Причина в столь различных характеристиках заключалась, вероятно, в том, что Ящеровым еще владели своеобразные иллюзии. Ему казалось, как в принципе и многим, что достаточно будет перейти границу, оказаться в Сербии и кампания будет закончена. В частности Ящеров так описывал сам факт перехода в Сербию: «Наконец то мы стали на сербскую землю! Мы сняли шапки, молча перекрестились... Минута более чем трогательная»²⁷. Однако, ситуация оказалась сложнее, чем рассуждали волонтеры.

Безусловно, сильной стороной воспоминаний Ящерова является описание той обстановки, в которую попадали русские добровольцы. Мемуарист достаточно подробно характеризует повсе-

²³ Ящеров В.В. Указ соч. С. 192.

²⁴ Там же. С. 220.

²⁵ Там же. С. 196.

²⁶ Цит. по: Кочуков С.А. Русский доброволец на Балканах в 1876 году (письмо офицера Белевского полка Э.В. Гофману) // Славянский сборник. Саратов, 2010. Вып. 8. С. 122.

²⁷ Ящеров В.В. Указ соч. С. 200.

дневность в Сербии, в то время как в основной массе воспоминаний и дневников присутствует лишь батальная составляющая. По всей видимости, он оценивал Сербию с хозяйственной точки зрения, так как основную часть своей жизни он провел в деревне, и аграрные вопросы сильно занимали его. По словам Ящерова: «...сербское село представляет соединение множества хуторков, расставленных вдоль улицы и разделяемых в больших селениях еще переулками. Общий вид очень красив: белые мазанки с цветными крышами, одетые ползучими растениями... И не расстался бы с таким уютным, приветливым местечком!.. Молочного хозяйства нет. Сливки и масло можно достать только по заказу; зато нет ни одной кучи, где бы не приготавливался овечий сыр – любимое кушанье сербского крестьянина... Сербия страна плодородная... Еще одно качество присуще сербскому народу: это замечательная честность; воровства здесь почти нет»²⁸. Очевиден подразумеваемый контекст сопоставления с реалиями жизни русских крестьян.

Постепенно даже у такого оптимистически настроенного человека, каким был Ящеров, стали проявляться разного рода недовольства. Еще не прозвучало первого выстрела, еще русские добровольцы не вступили в бой, как проявились серьезные недостатки организационного характера. Ящеров в связи с этим высказал критику в адрес Славянским комитета, откровенно намекая на халатное отношение к обязанностям. По словам мемуариста: «Под названием “сборный пункт”, вероятно, вся читающая Россия подразумевала место, где добровольцы собираются, формируются в отряды, вооружаются и направляются к месту военных действий: следовательно, здесь уполномоченный славянских комитетов или его помощник, доверенный, назовите как хотите... Оказалось, что ничего подобного не было. Что нам собственным измышлением пришлось добратся до города пешком всею толпой – на это никто не был в претензии: какие подводы там, где все лошади и волы взяты в армию! Но чтобы некому было нас встретить на месте, указать помещение, руководить действиями нашими, этого никто не ожидал. А это было так! Господа уполномоченные русских комитетов, сидя в Белграде, упустили именно это из виду!»²⁹.

²⁸ Ящеров В.В. Указ соч. С. 201–202, 203.

²⁹ Там же. С. 203–204.

Вообще из воспоминаний Ящерова складывается мнение, что волонтеры были предоставлены в Сербии сами себе. Несмотря на подобные трудности И.С. Аксаков продолжал обращаться к русскому обществу с призывами оказать материальную и военную помощь славянам. В одном из таких документов отмечалось: «Московский славянский комитет взывает к русской общественной совести и молит о помощи жертвам восстания...»³⁰. В результате чего, действительно, желающих ехать на Балканы было предостаточно, но прибыв на театр военных действий, в большинстве своем они были предоставлены сами себе. Поэтому, когда объединенные в отряды добровольцы под командованием М.Г. Черняева вступили в бой, они нередко показывали свою несостоятельность. Мемуары Ящерова это подтверждают. Он так описывает ситуацию с русскими добровольцами: «В Кладове мы нашли более сотни прежде прибывших добровольцев, которые тоже ждали. То есть без толку шлялись по “кафанам”, проедая все свои деньги в ожидании. Но никому не было до них дела. А как идти без провожатых, без пищи, без подвод, без оружия и куда? До сих пор вижу господина в цилиндре, в подбитом воздухе пальто, дрожащего от холода и просящего поделиться куском хлеба: у него не было ни гроша...».³¹ Впрочем, источники происхождения многочисленных проблем заключались не только в плохой организации добровольческого движения, но и в особенностях состава самих добровольцев. На облик русских добровольцев повлияли не только пропаганда славянских комитетов, информация прессы и настроения общественного движения, но и самый обыкновенный авантюризм. Не многие осознавали, что они делают на Балканах. Прозаик и публицист Григорий Де-Воллан в своих мемуарах так описывает русского волонтера, «случайно» отправившегося освобождать братьев-славян: «Один изящный, богатый офицер и не думал ехать в Сербию. Вся жизнь была для него поприщем радости и наслаждения. Он сознавался потом, что вся эта сербская история – ужасная глупость. Он возвращался с пирушки в Павловске, после музыки; какое-то грустное чувство овладело им, он не мог отделаться от него и на другой, и на третий день. Все казалось ему бессодержательно, мелко, пусто кругом. «Поеду в Сербию», – решил он и поехал. А таких было много, и они делали свое де-

³⁰ Аксаков И.С. Собрание сочинений. В 8 т. М., 1886. Т. 1. С. 216.

³¹ Ящеров В.В. Указ соч. С. 204.

ло»³². Но главное в том, что у русских добровольцев, рвавшихся на помощь славянам из самых разных побуждений, было совершенно неправильное понимание предстоящей войны и абсолютное незнание противника. Что собой представляет турецкая армия – «про то хорошо не знали: на месте будет виднее».

Лучше любого отрезвляющего действия на русских добровольцев оказывало появление первых раненых. Даже не смотря на то, что Ящеров был профессиональным военным и участником Венгерской кампании, он тоже был удручен: «При виде первых изувеченных не то чтобы боязнь овладела мною, но точно крючком зацепило сердце и потянуло медленно, медленно с места. И нам предстоит ли то же? Нет! Уж лучше смерть!»³³.

Еще один факт, который заслуживает внимания, это столкновения на национальной почве. Между русскими добровольцами и сербами были моменты «выяснения отношений». Даже были случаи, когда волонтеры открыто называли сербов предателями. Но в данном конкретном случае речь шла о столкновении русских и поляков. По словам мемуариста, «разыгралась одна из безобразных сцен». Ситуация была «безобразной» еще и потому что русские добровольцы считали, что дело освобождения славян должно исходить только от них и ни от кого больше. Ящеров так описывает эту сцену: «“Пустите! Всех побью! Как смеее вязать русского офицера!” – вопил он благим матом. Выговор так отдавал Варшавой, что сомненья не было: “русский буян” был кровнейший поляк.

– Не смейте называться русским! – крикнул кто-то, зажимая ему рот»³⁴.

Столкновение с реальностью приводило к крушению иллюзий, а национальные стереотипы, которые по своей природе амбивалентны, начинали проявлять свою «обратную сторону»: «братья по вере», «братья-славяне», «угнетенные народы», «братушки» превращались в восприятии русских добровольцев в недисциплинированных воинов, плохих борцов за свою же собственную свободу и даже совсем не патриотов своего Отечества. Действительные причины взаимного охлаждения отношений,

³² де-Воллан Г.А. В Сербии. Недавняя старина // Русский архив. 1879. Кн. 2. № 7. С. 355.

³³ Ящеров В.В. Указ соч. С. 210.

³⁴ Там же. С. 22.

видимо, заключались в несовпадении представлений русских и славян о контурах национального строительства на Балканах. Распространенный в русском общественном сознании миф о славянском единстве вступал в противоречие с реальной сложной картиной их отношений³⁵; не принимались югославянской стороной и однозначные призывы к ориентации на православную религию (имеются в виду хорваты – католики). Кроме того, для болгар и сербов был естественен взгляд на Россию как всего лишь одну из внешнеполитических сил, на которые можно опереться.

В определенной степени воспоминания Ящера это подтверждают. Пытаясь как-то объяснить поражение сербских войск и приданных им отрядов русских добровольцев, мемуарист отмечает: «...сама Сербия не может уже дать ничего, кроме второго и третьего класса воинов. И что это за воиники! оторванные от семьи, не умеющие взять ружья в руки, – могут ли они выдержать бойню?.. Видя перед собой “брата русса”, увлекаясь его отвагой, они на минуту одушевляются, в них пробуждается древний воинственный дух сербов, но это – мимолетная вспышка. “Брата русса” укладывает пуля и робкий земледелец, бросив оружие, бежит»³⁶. Как видно, Ящеров виновником всех бед и поражений считал самих сербов, не умеющих, да и не желающих воевать. Мемуарист также недоволен тем, что этих «горе-воjak сербов» лучше кормят, чем их спасителей – русских³⁷.

Подобные настроения разделял в своих «Воспоминаниях» и князь В.П. Мещерский. Он писал, что главный недостаток сербской армии «...это отсутствие чего бы то ни было похожего на патриотическое настроение во всех сербах, на спасение которых явился Черняев и явились сотни и тысячи русских добровольцев.

³⁵ Уже после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. сербский генерал К. Протич писал: «Я зол на русских... Русские отнимают у сербов сербской кровью искупленные и освобожденные сербские земли, отдают их болгарам, мы вынуждены угрожать оружием, только чтобы их удержать, и это русские, – сербские друзья» (*Станић М. Коста Протич о Русима // Мешовита грађа. Београд, 2003. Књ. XXI. С. 100; См.: Кузьмичева Л.В. Современные проблемы историографии и источниковедения Великого восточного кризиса 1875–1878 гг. // Россия и Сербия глазами историков двух стран. СПб., 2010. С. 107).*

³⁶ Ящеров В.В. Указ соч. С. 32.

³⁷ Там же. С. 37.

А уж об отсутствии братского сочувствия к русским и говорить нечего: я его нигде не нашел в Сербии»³⁸.

Сам глава Московского славянского благотворительного комитета Аксаков мог судить о ведении боевых действий в Сербии только по корреспонденциям Черняева. А последний старался несколько залакировать действительное состояние вещей³⁹. Например, журналист Н.В. Максимов считал, что на какие бы единицы сербскую армию не делили, – получился бы один и тот же результат⁴⁰. Более того, он был совершенно убежден: «Горе армии (сербской армии – С.К.) заключалось вовсе не в том, что она была разделена на бригады и батальоны; оно заключалось в том, что при наборе армии ускользнула целая масса здоровых, сильных, вполне годных в строй людей и ускользнула самым преступным образом»⁴¹. Интересные размышления о причинах взаимного непонимания русских и сербов можно встретить в мемуарах публициста Г.А. Де-Воллана: «Сербь не знали русского общества, не знали назревших в России вопросов, не знали стремлений русской молодежи. Для них впечатлительность русского образованного человека, требовательность его была новостью. Братья пришли и стали все мерить на свой аршин. Братьям нужно скорее поспеть к Черняеву, им ничего не стоит загнать лошадь для такой цели. Что такое лошадь для русского? А для серба-поселянина это – все: на этом зиждется все благосостояние его семьи, а он любит свою семью больше всего... Серб видит одно разорение впереди, а у иных вырывается жесткое выражение: «Лучше турки, чем русские»⁴².

³⁸ Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2001. С. 366.

³⁹ См.: ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 2. Д. 53. Л. 14.

⁴⁰ Максимов Н.В. Две войны 1876–1878 гг... С. 189.

⁴¹ Там же. Н.В. Максимов называл еще одну слабую сторону сербской армии – дезертирство:

«– Вы ранены, что ли?

– Ранены, господынэ, ранены! – таково жалостливо замотают сербы головами.

– Что же, все в руки ранены?

– У руки, господынэ, у руки.

– Ну-ка, покажи, разверни тряпку-то...

Смотришь: между пальцами скользнула пуля, слегка задевши мягкую часть кисти. Отодранная когда-то от большого места покрылась уж пеленой новой, розовой кожицы». (Там же. С. 184).

⁴² де-Воллан Г.А. Указ. соч. С. 356.

Вообще Ящеров старался в своих мемуарах сконцентрировать внимание на батальных сценах, описании подвигов, на полководческом даровании М.Г. Черняева, т.е. на чем угодно, только не на характеристике состояния русских частей. Красочно описывая прибытие в Сербию новых партий русских волонтеров⁴³, Ящеров не утруждал себя объяснить, почему добровольцы попадают на Балканы в таком плачевном обмундировании и почему Московский славянский комитет не обращает на них никакого внимания. Как ни удивительно, Славянские комитеты не оказали русским добровольцам должной помощи и даже бросили их на произвол судьбы. Разобраться в таком положении вещей не так сложно. Руководство Славянских комитетов было огорчено столь неудавшимся для России «блицкригом» на Балканском полуострове. Идея И.С. Аксакова, что турки «покатятся» к Константинополю, едва увидев русских волонтеров и сербские войска, была абсурдна с самого начала. Да и помощь «братьев славян» оказалась не такой существенной, как ожидалось ранее. С точки зрения русских добровольцев, сербы просто ждали, что свободу преподнесут для них русские как некий подарок, за который не надо страдать и умирать, а их действия ограничатся лишь «музыкой, звоном колоколов и служением молебнов»⁴⁴. Несмотря на всеобщее желание русского общества, воодушевленного призывами Славянских комитетов, оказать помощь братьям по вере, общая численность добровольцев на Балканах была не велика. Около 4 или даже 5 тыс. человек не могли кардинально изменить сложившуюся ситуацию на сербо-турецком фронте. Кроме того, у Славянских комитетов появилось новое «увлечение» «возрождением Болгарии»⁴⁵, на которую теперь переключалось их основное внимание.

Несмотря на то, что мемуарист старался концентрировать внимание читателя на безукоризненном поведении русских волонтеров⁴⁶ существовали и абсолютно противоположные характеристики. В.П. Мещерский писал от лица русского добровольца: «...я (имеется в виду русский доброволец. – С. К.) приехал сражаться, да; но я не хочу, чтобы у меня было отнято право распо-

⁴³ Ящеров В.В. Указ соч. С. 44–45.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 332. Л. 13.

⁴⁵ См.: Кузьмичева Л.В. Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г. // Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981. С. 95.

⁴⁶ См.: Ящеров В.В. Указ соч. С. 48.

лагаться своей личностью – и уходить, когда мне вздумается... Вот на этом-то праве «*поступать, куда я хочу*» и «*уходить, куда вздумается*» основали свои отношения к армии Черняева немало из добровольцев, и это-то, немислимое в действующей армии, начало ввело много и очень много путаницы и беспорядков в область штабного дела в Черняевской армии»⁴⁷.

Примерно такую же позицию в данном вопросе как и кн. Мещерский, занимал русский писатель и публицист Г.И. Успенский⁴⁸. Он прибыл в армию генерала Черняева за несколько дней до ее разгрома под Джунисом. И на глазах Г.И. Успенского разворачивалась трагедия в рядах русских добровольцев. Это, безусловно, не могло не отразиться на взглядах публициста. Было совершенно очевидно, что русские добровольцы просто не готовы к войне, необходимо нечто большее, чем резкие беспелляционные высказывания и проклятия в адрес турок. Успенский так описывал обстановку в рядах добровольцев: «...возвращающиеся с поля битвы раздражены, оскорблены, обижены, недовольны тысячами вещей и лиц. Можно положительно сказать, что из всех приехавших в Сербию русских, в настоящую минуту не было ни одного, кто бы сказал о ком-нибудь хоть одно доброе слово, хотя каждый очень хорошо знает, что доброе слово можно и должно сказать о многом и о многих»⁴⁹.

Но, по мнению В.В. Ящерова, недостатки, если и присутствовали, то только в организационной составляющей. В частности, автор мемуаров жаловался на плохую экипировку⁵⁰. От всего ос-

⁴⁷ Мещерский В.П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 132. Выход по мнению Мещерского должен был заключаться в следующем: «многие русские офицеры, сознававшие фальшивость положения русских добровольцев относительно главнокомандующего, высказывали мне то мнение, что следовало бы установить известную форму присяги знамени для всякого поступающего в армию, или же заставлять их подписывать известный договор, как это делалось в Америке, на основании которого доброволец подчинялся безусловно всем правилам военной дисциплины» (Там же. С. 132).

⁴⁸ См.: Чешихин-Ветринский В. Глеб Иванович Успенский. Биографический очерк. М., 1929.

⁴⁹ Успенский Г.И. Из Белграда. (Письмо невоенного человека) // Отечественные записки. 1876. № 12. С. 172.

⁵⁰ По свидетельству мемуариста: «1 декабря нам выдали полушубки и шинели, но что за полушубки! Что за шинели! Без крючков, из мерзейших овчин; кожа шершавилась, шерсть лезла пучками... Невольно вспомнились мне великолепные черные и коричневые, расшитые шелками полушубки,

тального Ящеров был в восторге. И от полководческого таланта М.Г. Черняева, и от поведения добровольцев, и от лазаретов, и от парадов.

Возвращение русских добровольцев в Россию было совсем не таким торжественным, как их отправка на Балканы. Из многочисленных источников следует, что все проходило достаточно тихо и буднично⁵¹. Но даже в этой ситуации Ящеров нашел причину радоваться. Если о рядовых добровольцах у него фактически нет ни слова, то очень подробно описан парад в Сербии 8 января 1877 года. Так же в мемуарах Ящерова не представлен анализ неудач русских и сербских войск в 1876 г. Тем не менее, даже для В.В. Ящерова было совершенно очевидно, что авантюра с добровольцами не удалась. В конце своих воспоминаний он вынужден был признать, что только объявление войны Турции со стороны России может исправить дело, а отряды русских волонтеров называются им «нестройными кучками и партиями»⁵².

Несмотря на то, что мемуары В.В. Ящерова перенасыщены приукрашенными патриотическими настроениями и отличаются отсутствием в них серьезного анализа, тем не менее, они имеют свою ценность. Она заключается главным образом, в характеристике Сербо-турецкой войны 1876 г. и добровольческого движения человеком из провинции. Безусловно, внешний лоск и парадная сторона дела доминируют в источнике, тем не менее, скрытая в нем информация выявляет многие критические моменты и по своему дополняет ту мемуарную литературу, которая характеризует ситуацию на Балканах в 1876 году.

присланные из Англии в распоряжение английского консула и английского лазарета в Белграде; я увидел, когда их выгружали. А нам дали шинели короткие, выше колена, без пуговиц; одновременно выдали сапоги, из которых лезли двутесные гвозди; через неделю они уже никуда не годились» (*Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 136. № 7. С. 54*).

⁵¹ Подр. см.: *Кочуков С.А. Русские добровольцы на Балканах в зеркале графики (1876 г.) // Славянский сборник. Межвузовский сборник научных трудов. 2015. Вып. 12. С. 90–101.*

⁵² *Ящеров В.В. Указ соч. С. 64.*

УДК 94(55)+94(620).05

ИРАН И ЕГИПЕТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 2011 ГОДА: ВОСПРИЯТИЯ И ТРАКТОВКИ

А.В. Баранов

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Институт истории и международных отношений,
кафедра всеобщей истории
e-mail: baranovav@mail.ru

В статье проводится анализ официальных трактовок событий на Ближнем Востоке и в Египте в 2011 г. с точки зрения официальных властей Ирана. Дается обзор доминировавших в тот период концепций «Исламского пробуждения» аятолы Али Хаменеи и «Гуманитарного пробуждения» Махмуда Ахмадинежада. Также проводится анализ неофициальных трактовок событий «Арабской весны», с точки зрения критики внешней политики официальной власти Ирана.

Ключевые слова: Исламское пробуждение, Гуманитарное пробуждение, Арабская весна, Ближний Восток, Иран, Исламская Республика Иран, Хаменеи, Ахмадинежад, внешняя политика, международные отношения.

IRAN AND EGYPTIAN REVOLUTION OF 2011: PERCEPTIONS AND INTERPRETATIONS

A.V. Baranov

The article analyzes the official interpretations of events in the Middle East and in Egypt in 2011 in terms of the authorities of Iran. In article gives the overview of dominating official concepts of Khamenei's Islamic awakening and Ahmadinejad's Humanitarian awakening. Also, an analysis of the informal interpretations of the events of the "Arab Spring", in terms of foreign policy and critics of the official authorities of Iran.

Key words: Islamic awakening, Humanitarian awakening, Arab Spring, Middle East, Iran, Islamic Republic of Iran, Khamenei, Ahmadinejad, foreign policy, international relations.

Египетские события января и февраля 2011 года привели к отставке действующего президента страны Хосни Мубарака и оказались знаковыми не только для страны, но и для всего региона. Падение «нового фараона», стоявшего во главе государства с 1981 года, превратило единичный случай «жасминовой револю-

ции» в Тунисе в динамичный процесс, с легкой руки журналистов, получившего названия «Арабской весны». Именно египетская революция 2011 года дала старт серии массовых антиправительственных выступлений по всему региону Ближнего Востока – от Марокко на западе, до Йемена – на востоке.

Исходя из анализа развития ситуации в 2011 году, можно говорить о кардинальном переформатировании расклада региональных центров «силы». Ливия Муаммара Каддафи, Египет Хосни Мубарака и Сирия Башара Асада, как до этого и Ирак Саддама Хуссейна, по тем или иным причинам, ушли в прошлое¹.

Кризис и распад сложившейся системы региональной безопасности, в связи с событиями «Арабской весны», поставил на повестку дня вопрос о форматировании новой системы региональных координат, которая должна прийти на смену прежней. Ослабление традиционных «центров силы» на Ближнем Востоке, вывело на первые роли «внерегинальные» страны. И, прежде всего, шиитский Иран, который мог бы использовать происходящие события в своих интересах, и попытаться изменить негативную ситуацию, в связи со своей внешнеполитической изоляцией и режимом международных санкций, введенных из-за ядерной программы.

Ставка на восстановление отношений с Египтом, разорванные по инициативе иранской стороны на волне антишахской Исламской революции 1979 г., была призвана создать новую стратегическую ось на Ближнем Востоке «Тегеран – Каир», вокруг которой и могла строиться новая система координат в регионе². Пока в Египте правил Хосни Мубарак, ставший наследником политики своего предшественника Анвара Садата, подписавшего мирный договор с Израилем в Кэмп-Дэвиде, между двумя странами диалог был не возможен. Отставка Хосни Мубарака открывала возможную перспективу по налаживанию добрососедских связей и восстановления дипломатических отношений, на что очень надеялись в Тегеране. В данном случае возникал вопрос идеологического обоснования Тегераном возможности и необходимости

¹ Баранов А.В. Концепция Исламского пробуждения аятоллы Али Хаме-неи // История и историческая память: межвуз сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2014. Вып. 9. С. 190.

² Месамед В.И. Иран и последние события в Египте // URL: <http://www.iimes.ru/?p=12045#more-12045> (дата обращения: 30.01.2011).

подобного восстановления отношений со своим соперником, противником и антагонистом, каким был Египет при Мубараке.

В Иране, естественно, отслеживали события, разворачивавшиеся в регионе, анализировали причины и возможные последствия, как для региона, в целом, так и для Ирана, в частности. В официальных заявлениях и выступлениях иранских государственных деятелей, в дискуссиях на научных форумах и иранской прессе, появилось огромное количество информации, требовавшей систематизации и анализа основных подходов к трактовке происходящих событий и реакции на них со стороны Ирана. Появилось много статей, посвященных тем или иным проблемам политики ИРИ в условиях «Арабской весны»³.

Однако статей по исследованию собственно проблем восприятия и трактовки событий 2011 года в Иране оказалось на удивление мало. Так одной из первых стала статья Амира Мохаммада Хаджи-Юсефи «Иран и Арабские революции 2011: восприятия и действия»⁴. Она была посвящена анализу официальных подходов иранских властей к характеристике событий в Арабском мире. Автор останавливается на статистическом анализе высказываний Рахбара аятоллы Али Хаменеи и действующего президента ИРИ Махмуда Ахмадинежада. Им в оборот были введены термины, применяемые для характеристики подходов Хаменеи и Ахмадинежада, а именно «Исламское пробуждение» и «Гуманитарное пробуждение».

Отдавая должное уважение работе Амира Мохаммада Хаджи-Юсефи за его кропотливый труд по статистической обработке частоты высказываний, собранных и представленных в виде соответствующих таблиц, нужно указать на существенный недостаток, который заключается в отсутствии анализа моделей восприятия, так называемых, «неофициальных» источников формирования общественного мнения среди иранцев. В данном случае можно согласиться с выводами российских иранистов Дунае-

³ См. например: *Hossein, E.G.; Yahya M.S.* Preservation of Islamic system as a religious imperative in light of Imam Khomeini's political thought // *Majlis & Rahbord*. 2012. Vol. 19. № 69. Pp. 91-118; *Barzegar K.* The Arab Revolutions and Iran's Regional Policy // *Discourse: An Iranian Quarterly*. 2012. Vol. 10. № 39-40; *Matin S.M.H.* Iran's Desired Power Status // *Iranian Review of Foreign Affairs*. 2012. Vol. 3. No. 1. Pp. 183-206.

⁴ *Haji-Yousefi A.M.* Iran and the 2011 Arab Revolutions: Perceptions and Actions // *Discourse: An Iranian Quarterly*. 2012. №. 37-38. Pp. 23-60.

вой Е.В. и Мамедовой Н.М. о наличии в Иране общественных организаций и институтов, которые влияют «как на выработку внешнеполитических решений, так и практическое проведение внешнеполитического курса страны. Эти институты формируют общественное мнение или параллельно с внешнеполитическим ведомством занимаются международной деятельностью и таким образом влияют на внешнюю политику страны»⁵.

Действительно, в Иране существует немало исследовательских и аналитических центров, занятых разработкой внешнеполитических проблем. Некоторые из них связаны напрямую с государственными структурами, как, например, Центр стратегических международных исследований МИДа ИРИ, Центр стратегических исследований Совета по целесообразности, исследовательские центры при Маджлисе (парламенте) и Совете экспертов. У других связь с тем или иным властным центром напрямую не просматривается, они представляют собой частные или полугосударственные институты. Ко второй группе надо отнести такие центры, как ИРАС – Центр евразийских исследований, вносящий значительный вклад в разработку подходов к развитию отношений Ирана с Россией, Центральной Азией и Кавказом. Таким образом, добавление к анализу официальных концепций происходящих событий, еще и «неофициальных», высказываемых и дискутируемых в академических кругах Ирана, серьезным образом расширяет и обогащает проблематику восприятия происходящих в регионе событий, давая материал, являющийся альтернативой официальной точке зрения.

Хронологически статья просвещенна анализу реакции иранской стороны на события, происходившие в Египте между двумя переворотами – февральским 2011 года и июльским 2013 года, когда были свергнуты Хосни Мубарак и Мохаммед Мурси. В эти два года перед Тегераном открылась перспектива полноформатного пересмотра своих отношений с Каиром и выстраивания стратегического союза, который мог бы стать мощным силовым центром притяжения всего региона. Именно в этот период Исламская Республика начала мощное идеологическое наступление, стремясь убедить египетские власти в выгоде восстановления

⁵ Дунаева Е.В., Мамедова Н.М. Особенности формирования внешней политики ИРИ // URL: <http://www.iimes.ru/?p=12154#more-12154> (дата обращения: 14.02.2011).

дипломатических отношений в выстраивании стратегического союза. Тем более что на волне народных выступлений, приведших к отставке Хосни Мубарака, в стране набирают влияние представители исламистов из «Организации братьев-мусульман» (Аль-ихван аль-муслимин), чей представитель, Мохаммед Мурси, избирается президентом страны в 2012 году.

Тегеран активно «разыгрывает» в своих внешнеполитических комбинациях исламскую карту, делая ставку на уникальность и самобытность исламской культуры и цивилизации. В этом отношении можно полностью солидаризироваться с утверждением Г. Мирского, подчеркнувшего: «Вполне естественно, что люди встают под знамя ислама: ведь это не только религия, но ядро и основа целой цивилизации. Четырнадцать столетий жители арабских стран жили, можно сказать, в "мусульманской атмосфере", в условиях полного доминирования исламских порядков. Коран определял и нравственные устои общества, и правовые отношения. "Исламский дух", вековые мусульманские традиции – это и есть, видимо, нечто наиболее органичное, наиболее адекватное даже для современных арабов, живущих в условиях модернизации»⁶.

Спецификой политической системы Исламской Республики Иран является ее своеобразная модель «двоевластия» – сочетание религиозной и светской вертикали власти при доминирующей роли первой. В данном случае стратегию развития страны, как внутреннюю, так и внешнюю, определяет фигура Рахбара или Лидера. С 1989 года, со смертью основателя и главного идеолога Исламской Республики – Имама Хомейни, этот пост занимает аятолла Сейид Али Хаменеи. В этой связи многочисленные публичные заявления аятоллы Хаменеи можно рассматривать как декларацию стратегических подходов официального Тегерана, что и является основным источником для изучения современных внешнеполитических инициатив Ирана на международной арене.

Первое, что обращает на себя внимание при анализе характеристики происходящих в регионе процессов – это стойкое неприятие аятоллой Хаменеи общепринятого в западных СМИ термина «Арабская весна». С самого начала, а если быть точнее, с пятнич-

⁶ Мирский Г.И. Международные отношения на Ближнем Востоке // Азия и Африка в современной мировой политике. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 203.

ной проповеди в Тегеранском университете 4 февраля 2011 года, аятолла Хаменеи охарактеризовал происходящее как «Исламское пробуждение»⁷.

Термин «Арабская весна» не устраивает аятоллу Хаменеи по нескольким параметрам. Во-первых, термин характеризует движения исключительно в национальных и светских тонах, что не верно. По мнению аятоллы Хаменеи основные лозунги движения окрашены в религиозные, исламские цвета. Выступая с большой речью в первый день нового 1390-го года (22 марта 2011 г.) в Мешхеде, он прямо заявил: «Новое движение, начавшееся в регионе – это движение исламской уммы с исламскими целями и ориентацией»⁸. Во-вторых, термин «Арабская весна» предполагает заведомую локализацию движения в рамках одного региона, что также, по убеждению аятоллы Хаменеи не отражает реального состояния дел. Он убежден, что воздействие этого движения выйдет далеко за рамки региона и распространится по всему миру. «Они воодушевят европейские народы на выступление против своих политиков и государственных деятелей, полностью находящиеся под влиянием культурных и экономических схем США и сионистов»⁹.

Египетские события стали ярким воплощением и символом народных революций, охвативших весь регион. Анализируя причины и предпосылки этих движений, аятолла Хаменеи выделяет два уровня: глобальный и региональный¹⁰.

Касательно глобального среза речь идет о констатации того факта, что современный мир находится в стадии переходной модели. «В недавнем прошлом мы были свидетелями неудачи политики Холодной войны и последовавшей за ней политики унилатерализма»¹¹. Последняя ассоциируется с претензиями США на

⁷ Friday prayers at Tehran University // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=7774> (дата обращения: 16.11.12).

⁸ US defeats in region to continue // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=7901> (дата обращения: 18.11.12).

⁹ Vigilance movements to continue to very heart of Europe // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8049> (дата обращения: 04.05.2011).

¹⁰ Подр. см.: Баранов А.В. «Исламское пробуждение» и «Арабская весна»: внешнеполитическая доктрина Исламской Республики Иран // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 3. С. 71–77.

¹¹ Friday prayers at Tehran University // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=7774> (дата обращения: 16.11.12).

роль единственной сверхдержавы современности. Однако, по мнению аятоллы Хаменеи, в реальности, в современном мире ни одна страна не может в одиночку контролировать мировое развитие. Свидетельства этому и являются провалы политики США на мировой арене.

Аятолла Хаменеи констатирует, что «сегодня Америка самая ненавистная великая держава среди народов мира», «когда лозунг «Смерть Америке» скандируют не только в Иране», а во многих странах мира, и Европа в данном случае не исключение. И это вызвано не только, и не столько, воинственной риторикой Вашингтона, сопровождающейся актами прямой агрессии, сколько тем фактом, что именно США являются главным покровителем и спонсором Израиля, который Хаменеи именуется не иначе, как «сионистское образование». Таким образом, только уничтожение «сионистского режима» в регионе, способно нанести окончательное и сокрушительное поражение США на глобальном уровне. Отсюда у аятоллы Хаменеи появляются лозунги антиамериканизма и антисионизма, которые стали краеугольными камнями в основании его концепции «Исламского пробуждения».

Переходя к региональному срезу, аятолла Хаменеи обращает внимание, в первую очередь, на причины, приведшие к краху диктаторских режимов в регионе на волне массовых антиправительственных манифестаций. Он называет эти режимы «американскими марионетками», и это, по его мнению, являлось одной из главных причин для антиправительственных выступлений в этих странах. «Тунисский народ управляется американской марионеткой и правителем – предателем, ... прислуживание Мубарака перед Америкой стало главной преградой для Египта к процветанию»¹².

По заявлению аятоллы Хаменеи, Египет всегда выделялся на общем фоне остальных арабских и мусульманских народов. Часто именно эта страна шла впереди знаковых событий в мире ислама. «Египет стал первой мусульманской страной, которая познакомилась с европейской культурой, первой арабской страной получившей независимость в поствоенный период». А также первой страной, поддержавшей палестинский народ и ставшей при-

¹² Supreme Leader's Inaugural Speech at the 16th Non-Aligned Summit // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=9708> (дата обращения: 30.08.2012).

бежищем для палестинских беженцев. Египет также стал местом деятельности видных исламских деятелей, выступавших за необходимость реформирования ислама. Речь идет о таких мыслителях как Сайид Джамаль ад-Дин аль-Афгани, Мухаммад Абдо, Хассан аль-Банна и многих других. «То, чему мы являемся свидетелями в Египте сегодня, есть прямой ответ на предательство, совершенное преступным диктатором против египетского народа»¹³. Режим Хосни Мубарака нанес глубокое унижение народу своей поддержкой Сионистского режима и следованию курсом США.

Главная ошибка Хосни Мубарака, по мнению аятоллы Хаменеи, заключается в его ориентации на сохранение близких отношений с Западом, в целом, и с США, в частности. Подобная политика не могла не привести к тому, что Египет не только политически, но и экономически оказался зависим от «помощи» со стороны Запада. Это привело к тому, что экономика не только Египта, но и других исламских стран, не могли развиваться самостоятельно, ориентируясь на внутренние нужды народа. И с началом мирового экономического кризиса, его последствия больно ударили по слабым экономикам Востока. В частности, касаясь экономических лишений, Хаменеи отметил, что «Мубарак, как приспешник Америки, не смог привести Египет к прогрессу и многие египтяне живут за чертой бедности»¹⁴.

Не менее, если не более, серьезным преступлением в глазах Хаменеи выглядит политика некоторых арабских стран в отношении Израиля. И здесь больше всех от Хаменеи досталось, опять же, Хосни Мубараку. Говоря об израильском направлении внешней политики Мубарака, Лидер Исламской революции не стесняется в выражениях. Мубарак является «не только сионистом, он их компаньон, коллега, доверенное лицо и слуга»¹⁵. Выступая с речью 3 июня 2012 г. по случаю годовщины смерти Имама Хомейни, Хаменеи дал развернутую характеристику, назвав Египет влиятельной страной региона, которую населяет великий народ. Далее он уточнил, что предыдущий режим был коррумпированным, и он похитил честь и достоинство египетского народа, об-

¹³ Friday prayers at Tehran University // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=7774> (дата обращения: 16.11.12).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

меняв их на стратегические выгоды сближения с Израилем, однако сегодня это предательство раскрыто. Режим Мубарака выступал гарантом безопасности Израиля даже тогда, когда 1,5 млн. палестинцев Газы в ходе 22-дневной войны 2009 года оказались заблокированы в секторе и отрезаны от внешнего мира. Сегодня, отметил Хаменеи, с падением Мубарака, Сионистский режим почувствовал себя голым и не прикрытым¹⁶.

Сегодня, наблюдая за крахом целого ряда ближневосточных режимов, можно сделать вывод, что причина этого неизбежного финала крылась в том, что еще «в 1950–60-е годы в регионе к власти пришли правительства, исповедовавшие материалистическую идеологию и практику, из-за этого они и попали в ловушку западных империалистических и колониальных сил»¹⁷. Расплата была неизбежна, так как народ устал от подобных экспериментов.

На проблеме кризиса западной цивилизации и ее системы ценностей аятолла Хаменеи останавливается довольно подробно, видя в этом одну из важнейших причин массовости антиправительственных манифестаций, направленных, в частности, и против той политики, которую проводили региональные режимы. По мнению аятоллы, власти оказались заложниками своей прозападной ориентации. Заявив о, так называемой, интеграции в мировую экономику, региональные страны превратились в периферию, зависимую от признанных центров мирового капиталистического хозяйства. Все попытки, предпринимаемые местными властями в последние несколько десятилетий, заимствовать идеи марксизма, либеральной демократии или светского национализма, оказались отторгнуты обществом, чьи жизненные ориентиры, в большинстве, определяются принадлежностью к исламскому миру. Аятолла глубоко убежден в том, что западная концепция материалистической цивилизации не может дать счастья и процветания всему человечеству, западное общество тяжело страдает от отсутствия морали, пренебрежениями божьими заповедями,

¹⁶ Imam Khomeini, father of Islamic Awakening // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=9483> (дата обращения: 25.11.12).

¹⁷ 'West seeks to defeat Muslim's revolutions' // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8585> (дата обращения: 16.11.12).

отсутствием доступности к благам цивилизации, попранием принципов семьи¹⁸.

Есть ли выход из этой кризисной ситуации, в которой оказался египетский народ, а также все остальные мусульманские народы мира? По уверениям аятоллы Хаменеи – есть. Этот альтернативный путь развития на протяжении последних трех десятилетий демонстрирует Иран, осуществивший подлинную Исламскую революцию. «Исламская революция в Иране», заявляет аятолла, «имела своей характерной чертой сохранение иранского народа на его первоначальных, исламских принципах и ценностях. Ислам является краеугольным камнем этих ценностей и принципов, легших в основу независимости, свободы, материального прогресса и национального единства. ИРИ духовно и материально может стать моделью для других наций»¹⁹.

Движение Исламского пробуждения должно всколыхнуть, пробудить исламские народы ото сна. Однако инерция, заложенная долгой ориентацией на Запад, все еще сохраняется, и с ней надо бороться. Суть проблемы, согласно аятолле Хаменеи, заключается в том, что у современной мусульманской молодежи (даже в современном Иране!) все еще сохраняется чувство, что «нам необходим Запад, чувство нашей неполноценности по отношению к Западу»²⁰. И этим чувством неуверенности в собственных силах, чувством неполноценности, без сомнения, воспользуется противник.

Свержение диктатора – это только начало, а не конец борьбы за подлинную независимость. «Нужно быть готовыми к тому, что Запад будет постоянно плести интриги против мусульманских народов региона, с целью затормозить или изменить общий вектор развития движения Исламского пробуждения. Против всех

¹⁸ Meeting with the Iranian Air Force personnel on the anniversary of brave action of the Air Force // <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=9121> (дата обращения: 08.02.2011).

¹⁹ Speaking to a large group of commanders and staff of the IRI Army Air Force // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=7790> (дата обращения: 16.11.12).

²⁰ Supreme Leader Meets with Teachers and Professors of North Khorasan // URL: // <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=10017> (дата обращения: 11.10.2012).

козней Запада Мир Ислама может выстоять, только объединившись, отложив свои распри»²¹.

Ситуация в регионе, по мнению аятоллы Хаменеи, может развиваться по нескольким направлениям: первое – приход к власти представителей религиозной элиты, что должно, в идеале, воплотиться в установлении правления «исламской демократии»; второе – установление диктаторских режимов различных оттенков; третье, самое опасное – возвращение марионеточных режимов под прикрытием лозунгов демократии и свободы²². Таким образом, на мусульман региона ложится серьезная ответственность, избегая ловушек, устраиваемых Западом, следовать по пути к торжеству Ислама. Ирану же выпала честь первопроходца, который своим примером и делом, будет вдохновлять, и наставлять других.

Концепция «Исламского пробуждения», сформулированная аятоллой Али Хаменеи, стала официальной стратегической установкой по идеологическому осмыслению массовых народных антиправительственных движений, охвативших регион Ближнего Востока в 2011 году. Реализация этих установок стала делом исполнительной власти Исламской Республики Иран. Для анализа этого внешнеполитического направления пришлось привлечь солидный объем материалов, содержащих официальные заявления, высказывания, интервью и выступления официальных государственных лиц, главным образом, действующего президента ИРИ Махмуда Ахмадинежада, главы МИД ИРИ Али Акбара Салехи, главы законодательной власти – спикера Маджлиса Али Лариджани, а также представителей иранского дипломатического корпуса в странах региона.

Признавая бесспорное родство между концепцией аятоллы Хаменеи и концепцией, сформулированной Махмудом Ахмадинежадом, которую он впервые охарактеризовал в своем выступлении 6 октября 2011 года во время визита в город Асадабад, как

²¹ Regional movements, anti-US, anti-Zionist in nature // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8268> (дата обращения: 21.11.12).

²² Head and members of the Experts of Leadership's Assembly // <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8557> (дата обращения: 08.09.2011).

«Гуманитарное пробуждение»²³, необходимо признать и тот факт, что в изложении представителей исполнительной власти, она имела существенные отличия от первоначального оригинала. Термин «Исламское пробуждение» не получил широкого признания в кругах внешнеполитического ведомства страны, так как слишком уж явно прослеживалась в нем ссылка на руководящую роль Ирана в региональных событиях. Также хотелось бы обратить внимание и на тот факт, что первоначально, до октября 2011 года, Ахмадинежад в своих заявлениях говорил о так называемом «Новом Ближнем Востоке», когда характеризовал происходящие события. Но и данный термин не «прижился», так как вызывал ассоциации с инициативой Вашингтона по построению демократического «Большого Ближнего Востока», ставшего основой ближневосточной политики США при Дж. Буше-младшем.

С точки зрения Махмуда Ахмадинежада, основные причины, приведшие к массовым народным движениям в регионе, имеют не внутреннее, а исключительно внешнее происхождение. Всему виной является современная мировая экономическая, основанная на принципах капитализма, и политическая системы, основанная на принципах либерализма. Мало того, что «либерализм и капитализм чужды человеческой сущности, и никогда не смогут сделать человечество счастливым, так как остаются главным источником всех несчастий – войн, бедности и лишений». К тому же и сама капиталистическая система сегодня переживает свой «период кризиса и разложения»²⁴. Она, как до этого марксизм, неизбежно уйдет в прошлое.

В связи с тем, что современная система была рождена по итогам Второй мировой войны, это означает, что в центре этой системы, ответственной за ее жизнедеятельность стоят США и их западные союзники. Именно Америка «создала несправедливую систему распределения мировых богатств», от чего страдают все остальные народы мира. Свое доминирующее положение США подкрепляют многочисленными военными базами во всех частях

²³ Islamic Revolution inspires awakenings // URL: [http:// irdiplomacy.ir/en/page/16806/Islamic+Revolution+inspires+awakenings.html](http://irdiplomacy.ir/en/page/16806/Islamic+Revolution+inspires+awakenings.html) (дата обращения: 07.10.2011).

²⁴ Text of Ahmadinejad's speech at the UN General Assembly // URL: <http://en.mehrnews.com/news/52404/Text-of-Ahmadinejad-s-speech-at-the-UN-General-Assembly> (дата обращения: 28.09.2012).

мира, поддержкой марионеточных и реакционных режимов²⁵, и прямыми военными интервенциями. «Посмотрите на ситуацию в Ираке и Афганистане. Это не может больше продолжаться, чтобы одна страна осуществляла военную оккупацию во имя борьбы с терроризмом и наркотрафиком, хотя, на самом деле, производство наркотиков выросло, терроризм расплзается в разных направлениях, тысячи невинных людей погибли, ранены или стали беженцами, инфраструктура уничтожена, а система региональной безопасности серьезным образом подорвана. И те, кто повинен во всем этом, продолжают обвинять других»²⁶.

США и страны Запада, ради сохранения своего доминирующего и привилегированного положения в регионе, способствовали формированию диктаторских, коррумпированных режимов. «В отношении вопроса о бывшем президенте Египта, нужно ответить на простой вопрос – чьи правительства его поддерживали? И остальное станет ясно. Покажите мне какого-нибудь диктатора в мире, которого бы не поддерживали США или некоторые европейские правительства. Таких почти не существует. Я думаю, что диктатура и гегемония – это часть одного феномена. И это является нарушением прав человека. И это необходимо изменить»²⁷. Так как подобная политика привела к тому, что такие правители «дистанцировались от человеческих ценностей, морали и учения божественных откровений».

Подобное положение дел привело к обострению внутренней ситуации в стране. Как отметил постоянный представитель ИРИ при ООН Мохаммад Хазаи: «Страна (Египет – А. Б.) сталкивается с комплексом проблем. В частности, это проблемы, связаны с экономическим процветанием сегодняшней мировой экономики, наличием бедности, безработицы, технического разрыва, и так

²⁵ West seeking to break up Jordan to save Israel: Ahmadinejad // URL: <http://en.mehrnews.com/news/45311/West-seeking-to-break-up-Jordan-to-save-Israel-Ahmadinejad> (дата обращения: 04.04.2011).

²⁶ Text of Ahmadinejad's speech at the UN General Assembly // URL: <http://en.mehrnews.com/news/52404/Text-of-Ahmadinejad-s-speech-at-the-UN-General-Assembly> (дата обращения: 28.09.2012).

²⁷ Full Transcript: Interview With President Mahmoud Ahmadinejad of Iran // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/16441/Full+Transcript+Interview+With+President+Mahmoud+Ahmadinejad+of+Iran.html> (дата обращения: 21.09.2011).

далее. Это связано с проблемами наличия непредставительных правительств, коррупции, и иностранной зависимости»²⁸.

Выступая с речью на Генеральной Ассамблее ООН 26 сентября 2012 года, Махмуд Ахмадинежад призвал положить конец этой преступной связки мирового гегемона и региональных диктаторских режимов. «Пришло время положить конец тем, кто определяет демократию и свободу, устанавливает стандарты, которые сами же первыми и нарушают. Они больше не могут выступать одновременно и судьями и исполнителями, бросая вызов настоящим демократически избранным правительствам»²⁹. Народы региона «пробудились для просвещения, и теперь требуют справедливости, свободы и прав».

Необходимо позволить народам самим решать свои проблемы. При этом в принципе недопустимо, какое-либо вмешательство или давление, а тем более, угрозы применения силы со стороны. В официальном заявлении, МИД ИРИ уже 5 февраля 2011 года, осудило «попытки вмешательства со стороны США и Сионистского режима. И предупреждает, что любое действие, идущее вразрез с общим направлением исламского народного движения в Египте, против интересов народа, против единства нации, неизбежно приведет к возмущению всей исламской уммы и ненависти во всем мире».³⁰ Официальные власти Ирана на всех уровнях – от Президента страны до послов – неоднократно подчеркивали факт невмешательства Тегерана во внутренние дела стран региона³¹.

²⁸ *Khazae, Mohammad*. Middle East in transition // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/12550/Middle+East+in+transition.html> (дата обращения: 08.05.2011).

²⁹ Text of Ahmadinejad's speech at the UN General Assembly // URL: <http://en.mehrnews.com/news/52404/Text-of-Ahmadinejad-s-speech-at-the-UN-General-Assembly> (дата обращения: 28.09.2012).

³⁰ Iran warns US, Israel against meddling in Egypt // Tehran Times. 2011. February 5. № 11080.

³¹ Egypt and Iran can change 'regional balance': Ahmadinejad // URL: <http://en.mehrnews.com/news/53951/Egypt-and-Iran-can-change-regional-balance-Ahmadinejad> (дата обращения: 05.02.2013); Colonialism and mega-capitalism near collapse: Ahmadinejad // URL: <http://en.mehrnews.com/news/53988/Colonialism-and-mega-capitalism-near-collapse-Ahmadinejad> (дата обращения: 07.02.2013); Egyptian people should decide their future // URL: <http://en.mehrnews.com/news/55905/Egyptian-people-should-decide-their-future> (дата обращения: 13.07.2013).

Характеризуя развитие ситуации в Египте, и приветствуя решительную победу египетского народа над диктаторским режимом Хосни Мубарака, представители иранских властей обращают пристальное внимание на возможность восстановления полноценных отношений между странами. Спикер Маджлиса Али Лариджани, заявив, что народ и власти Ирана с самого начала поддерживают египетскую народную революцию, добавил, что ИРИ будет продолжать свою поддержку этой североафриканской страны. При этом он описал отношения между странами как братские и дружественные, имеющие глубокие исторические, культурные и религиозные скрепы, заложившие основы для расширения взаимовыгодной кооперации во всех сферах жизнедеятельности³².

В сходных выражениях прокомментировал ситуацию и глава МИД ИРИ Али Акбар Салехи, выступая на пресс-конференции в Дохе (Катар), 2 мая 2011 года: «Иран и Египет имеют потенциал в различных сферах, и это прокладывает путь к возобновлению политических, культурных и экономических отношений». Главная цель, которую преследует в данном случае Тегеран – это создание стратегического союза между двумя странами, так как «Иран и Египет имеют высокий статус в регионе, и их сотрудничество будет выгодно региону и исламскому миру». Он также заявил, что отношения между Ираном и Египтом не будут угрожать интересам ни одной региональной державе. Наоборот, уверен Салехи, «сотрудничество между двумя странами, в особенности в политической сфере, будет способствовать установлению стабильности, безопасности и мира в регионе»³³.

Заключение подобного стратегического альянса между «двумя влиятельными полюсами в мусульманском мире»³⁴, по заявлениям Махмуда Ахмадинежада должно проходить без какого-либо давления. «Иран хочет сотрудничать с Египтом в атмосфере ува-

³² 'Iran-Egypt ties strategic for Muslims' // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/12850/%27IranEgypt+ties+strategic+for+Muslims%27.html> (дата обращения: 17.05.2011).

³³ Tehran-Cairo strong ties will benefit the region: Iran // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/12462/TehranCairo+strong+ties+will+benefit+the+region+Iran.html> (дата обращения: 04.05.2011).

³⁴ Speaker Urges Tehran-Cairo Rapprochement // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/1902308/Speaker+Urges+TehranCairo+Rapprochement+.html> (дата обращения: 04.06.2012).

жения и справедливости, и мы не хотим навязывать какие-либо политические требования, развитие Египта – это наше развитие»³⁵. Египетский народ, подчеркивает еще раз Ахмадинежад, должен сам определиться в данном вопросе.

Концепция «Гуманитарного пробуждения» предусматривает доминанту воли народа в определении будущего страны. Чтобы воля народа стала таковой, необходимо предпринять определенные усилия. Так спикер Маджлиса Али Лариджани призвал египетский народ не прекращать своих акций протеста до тех пор, пока не удастся добиться своей главной цели – смены всей системы власти. «Победа Египта зависит от установления демократической системы, а не от подчинения США. Свержение египетскими революционерами режима Мубарака – это только первая стадия, на второй стадии должна произойти смена режима»³⁶. Развивая свою мысль далее, он продолжает: «Цель египтян – не просто свергнуть старого диктатора и заменить его группой молодых генералов. Цель, скорее всего, заключается в том, чтобы египетский народ достиг настоящей демократии и возродил свою национальную и религиозную идентичность»³⁷. Только так можно добиться гарантии своих прав на свободу и независимость от иностранного засилья, тирании и деспотии.

Построение подлинно независимого свободного государства, приведет египетский народ к внутреннему освобождению, очищению от слепого преклонения перед западными духовными ценностями. Египетский народ, являющийся мусульманами, волеется в глобальный процесс исламского пробуждения. «К сожалению», отмечает Махмуд Ахмадинежад, «в современных международных отношениях, эгоизм и болезненная зависть заменили собой такие гуманистические концепты как любовь, жертвенность, достоинство и справедливость. Вера в Единого

³⁵ Colonialism and mega-capitalism near collapse: Ahmadinejad // URL: <http://en.mehrnews.com/news/53988/Colonialism-and-mega-capitalism-near-collapse-Ahmadinejad> (дата обращения: 07.02.2013).

³⁶ Change of system, next stage of Egypt revolution // Tehran Times. 2011. February 15. № 11089.

³⁷ 200 scholars holding dialogue on Islamic unity in Tehran // Tehran Times. 2011. February 20. № 11093.

Бога была подменена эгоцентризмом»³⁸. Но сегодня, мы можем наблюдать как «Исламское пробуждение, Исламская цивилизация и Исламское единство вышли далеко за свои первоначальные пределы, и стали делом, которое заботит большинство мусульман. Когда они приходят к Исламскому пробуждению, это не что иное, как возвращение к истинному исламу»³⁹. А истинный ислам, по словам Ахмадинежада, основывается на трех принципах – монотеизме, единстве и правах человека.

Осознание себя мусульманами, приведет египетский народ к признанию себя неотъемлемой частью исламской уммы, возрождение которой даст возможность всему региону избавиться от наследия колониального прошлого, навязанное Западом и США. Но так просто последние не откажутся от своего привилегированного положения. «Каждый должен оставаться решительным в своих убеждениях, потому что они (США – А. Б.) стремятся похитить народные восстания с целью заставить их служить интересам капиталистов»⁴⁰, предупреждает Ахмадинежад. Развивая свою мысль, в дальнейшем он заявляет: «Колониальные державы пытаются создать раскол между Ираном и арабскими странами, шиитами и суннитами, региональными и соседними странами Персидского залива, но региональные народы должны знать об этом и быть бдительными»⁴¹.

Противостоять заговорам, разжиганию межрелигиозной и межнациональной вражды, можно только сохраняя единство целей и интересов. Мусульмане региона должны осознать себя единым целым, единой и неделимой уммой. Обращаясь ко всем мусульманам, Махмуд Ахмадинежад по этому поводу заявил: «Вы должны знать, что региональные народы и Иран недовольны заговорами, чинимые США, их союзниками и существующим фей-

³⁸ Text of Ahmadinejad's speech at the UN General Assembly // URL: <http://en.mehrnews.com/news/52404/Text-of-Ahmadinejad-s-speech-at-the-UN-General-Assembly> (дата обращения: 28.09.2012).

³⁹ Disappearance of Zionist regime in near future // URL: <http://en.mehrnews.com/news/55078/Disappearance-of-Zionist-regime-in-near-future> (дата обращения: 01.05.2013).

⁴⁰ West seeking to break up Jordan to save Israel: Ahmadinejad // URL: <http://en.mehrnews.com/news/45311/West-seeking-to-break-up-Jordan-to-save-Israel-Ahmadinejad> (дата обращения: 04.04.2011).

⁴¹ Ahmadinejad: New Mid East to be created without US, Zionist regime // URL: <http://isna.ir/en/print/9001-09806/Ahmadinejad-New-Mid-East-to-be-created-without> (дата обращения: 13.04.2011).

ковым Сионистским режимом. Народы продолжают выступать за окончание доминирования США и Сионистского режима в регионе»⁴². В этом отношении внешнеполитические устремления Ирана совпадают с интересами региональных народов. Как заявил по этому поводу спикер Маджлиса Али Лариджани: «Мы не хотим видеть мусульман, живущих под гнетом США, и неважно кто они – сунниты или шииты»⁴³.

Однако помимо внешнего противника, в лице США, существует еще и «внутренний» противник, с которым также необходимо бороться, так как он подрывает единство уммы. По словам Махмуда Ахмадинежада, Иран достиг многого в различных сферах благодаря тому, что целью иранской революции было не установление господства одной группы над другими, а исполнение народных требований. Поэтому Исламская Республика Иран является одной из самых демократичных и прогрессивных стран мира,⁴⁴ где правительство идет навстречу народным чаяниям. Ему вторит и спикер Али Лариджани, заявляющий, что арабские народы хотят увидеть перемены в своих странах, хотят увидеть, что их законные требования признаются, поэтому это является главной причиной, по которой ИРИ и поддерживает их. «Но на свои требования народ в ответ не должен получать пули»⁴⁵.

На практике это должно означать, что правительства стран, охваченных народными протестами, должны идти навстречу этим требованиям. Иначе, как заявил Ахмадинежад: «Любая помощь врагам в осуществлении их планов в регионе, приведет к соответствующему к ним отношению со стороны региональных народов, которые станут рассматривать их как пособников врага,

⁴² Ahmadinejad: New Mid East to be created without US, Zionist regime // URL: <http://isna.ir/en/print/9001-09806/Ahmadinejad-New-Mid-East-to-be-created-without> (дата обращения: 13.04.2011).

⁴³ 200 scholars holding dialogue on Islamic unity in Tehran // Tehran Times. 2011. February 20. № 11093.

⁴⁴ Text of Ahmadinejad's speech at the UN General Assembly // URL: <http://en.mehrnews.com/news/52404/Text-of-Ahmadinejad-s-speech-at-the-UN-General-Assembly> (дата обращения: 28.09.2012).

⁴⁵ 'Iran's support for uprisings has nothing to do with Sunnism, Shiism' // URL: <http://en.mehrnews.com/archive?pi=1&all=1&ms=0&dy=8&mn=4&yr=-2011> (дата обращения: 08.04.2011).

с вытекающими для них последствиями»⁴⁶. Это, в свою очередь, подразумевает всемерную поддержку народу в его противостоянии антидемократическим режимам в регионе.

Но куда большую опасность единству мусульманской умме представляет другой противник, который может своими действиями полностью не допустить достижения целей «гуманитарного пробуждения» в регионе. Это – Израиль, являющийся американской креатурой, и служащий претворению целей, преследуемых США в регионе Ближнего Востока. И здесь Тегеран отводит одну из главных ролей Египту, имеющего общую границу с Израилем и Палестинскими территориями. «Политическая география региона изменится, если Иран и Египет займут единую позицию по палестинскому вопросу»⁴⁷, – заявил Махмуд Ахмадинежад во время своего посещения Египта, призвав египетские власти теснее координировать действия по тем проблемам, которые существуют в регионе.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание, разбирая сущность концепции «Гуманитарного пробуждения». Иранские власти на всех уровнях подчеркивают факт того, что политика Тегерана не определяется конфессиональными предпочтениями. Иранский президент Махмуд Ахмадинежад резко осудил провокационное разжигание вражды между суннитами и шиитами. «Шиито – суннитская рознь – это новый план раскола, предлагаемый империалистами. Если Египет и Саудовская Аравия будут противостоять какой-либо агрессии, мы поддержим их так же, как сделали бы это и для других государств»,⁴⁸ заявил Ахмадинежад. Подчеркнув, что Иран оказывает свою поддержку различным региональным организациям, одни из которых шиитские, как ливанская Хизбалла, а другие суннитские, как палестинский ХАМАС.

⁴⁶ 'Hegemons seeking to incite Iran-Arab conflict to save Israel' // URL: <http://en.mehrnews.com/news/45350/Hegemons-seeking-to-incite-Iran-Arab-conflict-to-save-Israel> (дата обращения: 08.04.2011).

⁴⁷ Egypt and Iran can change 'regional balance': Ahmadinejad // URL: <http://en.mehrnews.com/news/53951/Egypt-and-Iran-can-change-regional-balance-Ahmadinejad> (дата обращения: 05.02.2013).

⁴⁸ Egypt and Iran can change 'regional balance': Ahmadinejad // URL: <http://en.mehrnews.com/news/53951/Egypt-and-Iran-can-change-regional-balance-Ahmadinejad> (дата обращения: 05.02.2013).

Спикер Али Лариджани 8 апреля 2011 года заявил в Куме, подтверждая заявления Ахмадинежада, что поддержка Ираном восстаний в Арабском мире ничего не имеет общего с шиизмом или суннизмом. «Иран бросил все свое влияние на поддержку восстаний в Египте, Тунисе и Йемене, хотя эти страны населены в основном суннитами. Иран рассматривает эти вопросы с гуманитарной точки зрения»⁴⁹.

Следуя в этом же ключе, МИД ИРИ Али Акбар Салехи в резких выражениях раскритиковал попытки определенных западных стран столкнуть две региональные державы – Иран и Турцию – утверждая, что Турция – это суннитская держава, а Иран – шиитская. Он назвал эти заявления бесперспективными и провокационными. «Нет двух стран, даже управляемых мусульманскими правительствами, которые были бы одинаковыми. Иран и Турция, в данном случае, не исключение»⁵⁰. По словам Салехи, ислам един и концепций «иранского ислама» или «турецкого ислама» не существует.

Переходя к анализу взглядов экспертов, не входящих в правительственный аппарат власти, необходимо отметить естественное отсутствие стройной и единой концепции. Мы не будем останавливаться на анализе высказываний «проправительственных» специалистов, так как, разделяя основные подходы «официальной» точки зрения, просто повторили бы уже сказанное выше. Хотя следует признать, что подобных статей в иранских СМИ предостаточно, что говорит о доминировании подобных взглядов в среде экспертного сообщества в исследуемый период⁵¹.

⁴⁹ 'Iran's support for uprisings has nothing to do with Sunnism, Shiism' // URL: <http://en.mehrnews.com/archive?pi=1&all=1&ms=0&dy=8&mn=4&yr=-2011> (дата обращения: 08.04.2011).

⁵⁰ There is no Iranian or Turkish Islam: Salehi // URL: <http://en.mehrnews.com/news/45161/There-is-no-Iranian-or-Turkish-Islam-Salehi> (дата обращения: 14.03.2011).

⁵¹ См. например: *Amiri H.* Deja vu in Iranian and Egyptian revolutions // URL: <http://en.mehrnews.com/news/44578/Deja-vu-in-Iranian-and-Egyptian-revolutions> (дата обращения: 12.02.2011); *Hanizadeh H.* The tsunamis of February 11 in Iran and Egypt // *Tehran Times*. 2011. February 13. № 11087; *Sonboli N.* The Emerging Order in the Middle East // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/10403/The+Emerging+Order+in+the+Middle+East+.html> (дата обращения - 20.02.2011); *Ruivaran H.* New Egypt continues to support Iran // URL: <http://en.mehrnews.com/news/52420/New-Egypt-continues-to-support-Iran> (дата обращения: 01.10.2012); *Aghaei D.* Does the Muslim Brotherhood Export

Куда более важно остановиться на аналитических построениях тех экспертов, которые относятся с определенной долей скептицизма к официальной внешнеполитической линии правительства президента Махмуда Ахмадинежада. Как правило, это представители или сторонники президента Мохаммада Хатами, занимавшего данный пост с 1998-го по 2005-й год, и прославившийся своими «либеральными» взглядами и инициативой по диалогу цивилизаций, что предполагало поиск компромисса по смягчению отношений с Западом и США. Актуальность данного анализа также заключается в том, что критика официальной позиции помогла выявить слабые места внешнеполитической стратегии Махмуда Ахмадинежада, что было учтено при формулировании внешнеполитических приоритетов нынешним президентом Хасаном Роухани, избранным на этот пост летом 2013 года.

Первое, что обращает на себя внимание при анализе подходов к характеристике происходящих в регионе событий, это единодушное отрицание использования термина «Исламское пробуждение». Как заметил по этому поводу Мохаммад Фразманд: «Некоторые аналитики в нашей стране рассматривают ситуацию с нынешними восстаниями в рамках Исламского пробуждения и революции. Они рассматривают Исламскую революцию 1979 года в Иране как вдохновителя нынешних восстаний. Пока, однако, в арабском мире никто не использует выражение Исламское пробуждение». Сам Фразманд предпочитает их называть «гражданским движением протеста»⁵². Некоторые, как например, Ахмад Нагибзаде, говорят о «Новом Ближнем Востоке»⁵³. Хотя большинство экспертов все же используют распространенный в мировых СМИ термин «Арабская весна».

Основные причины, приведшие к массовым антиправительственным протестам населения в регионе, и Египет в этом случае, не исключение, носили сугубо внутренний характер, обострившиеся на фоне мирового кризиса. Поэтому общие требования

Revolution? // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/1911221/Does+the+Muslim+Brotherhood+Export+Revolution.html> (дата обращения: 06.01.2013).

⁵² *Frazmand M.* Nations, not governments, will make the new Middle East // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/10798/Nations,+not+governments,+will+make+the+new+Middle+East+.html> (дата обращения: 27.03.2011).

⁵³ *Naghibzadeh A.* Iran and the New Middle East // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/10786/Iran+and+the+New+Middle+East.html> (дата обращения: 04.04.2011).

народа состояли из различных экономических, социальных и политических желаний. Конкретнее, это сводилось к антиавторитаризму, демократии, сменяемости власти, свободе слова и свободе политической деятельности, участие в принятии решений, справедливость, борьба с проявлениями экономической коррупции. «Основными требованиями народа в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене, Саудовской Аравии и других арабских странах», подчеркивает Садег Зибакалам, «являются требования политических свобод и свободных выборов. Народы хотят, чтобы их страны управлялись в соответствии с волей народа и ответственно перед народом. Правительства должны уважать гражданские права своих граждан, и не рассматривать себя выше народа»⁵⁴.

На практике эти выводы означают, что господствовавшая точка зрения в официальной внешней политике ИРИ о доминировании ислама, как главной движущей силы народных движений в регионе, в корне не верна. По заявлениям того же Садега Зибакалама, исламисты могут прийти к власти в Египте только в результате свободных выборов, но это не означает, что ислам станет доминирующим лозунгом их политики. Мохаммад-Али Собхани, разбирая эту ошибку, приходит к выводу, что: «Внутри Ирана, культурные и медийные круги, недостаточно ясно представляют себе природу происходящего в Египте. Причины этого, к несчастью, ясны, так как с Революции 1979 года, наши взаимоотношения с Египтом были полностью прерваны, и мы потеряли связь с социальным развитием Египта»⁵⁵. А другой эксперт, Сейэд Абдоламир Набави, объясняет, почему это невозможно: «Египетское общество поликультурное, где существуют соперничающие идеологии и политические партии. Следовательно, хотя исламисты и выиграли первый круг выборов (в ноябре 2011 года – А. Б.), им необходимо сотрудничество с другими партиями и группами

⁵⁴ *Zibakalam S.* ME Movements are not Anti-West in Nature // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/10802/ME+Movements+are+not+AntiWest+in+Nature.html> (дата обращения: 27.03.2011).

⁵⁵ *Sobhani M-A.* Egypt's Developments and Regional Affairs // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/10353/Egypt+Developments+and+Regional+Affairs.html> (дата обращения: 15.02.2011).

ровками, чтобы получить большинство в конституционном комитете»⁵⁶.

Также под сомнение ставятся и базовые положения официальных концепций, что движения в регионе основываются на лозунгах антиамериканизма, антисионизма и исламского единства.

В отношении лозунга антиамериканизма, а также антизападничества, народных движений на Ближнем Востоке, эксперты обращают внимание на ряд факторов. Так Расул Джафариян⁵⁷, анализируя американский подход в отношении египетских событий, отметил тот факт, как легко США, опекавшие тридцать лет режим Мубарака в Египте, приняли произошедшие события. Они, по мнению эксперта, не защищали Мубарака. Наоборот, в соответствии с концепцией «мягкой силы», американская администрация поддержала народные движения и продемонстрировала свою неготовность идти против народных требований, которые, в целом, характеризовались требованиями Запада о расширении демократических свобод. Этот подход идет в разрез с утверждением, что США поддерживают диктаторов. Следовательно, уверен Джафариян, если завтра подобные события произойдут в Саудовской Аравии, и правительство не сможет устоять, США не будут защищать саудовского короля. Это естественно, что если народ не выступает против своего правительства, США сотрудничает с таким правительством.

В свою очередь и египетские «братья-мусульмане», по мнению Абдоламира Набави, не намерены придерживаться антиамериканской политики. Наоборот «братья-мусульмане попытаются выстроить свою линию с иностранными державами, в первую очередь с США, с которыми они уже начали консультации. Такие же консультации проводятся и с Германией»⁵⁸. Все эти переговоры, по мнению Набави, если они будут плодотворными, могут привести к установлению доверительных отношений меж-

⁵⁶ *Nabavi S.A. Cognizance and Compromise: The Brotherhood in Egypt's politics* // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/18687/Cognizance+and+Compromise+The+Brotherhood+in+Egypt%27s+politics.html> (дата обращения: 09.12.2011).

⁵⁷ *Ja'farian R. Muslim Brotherhood's Failure* // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/1918084/Muslim+Brotherhood's+Failure.html> (дата обращения: 02.07.2013).

⁵⁸ *Nabavi S.A. Cognizance and Compromise: The Brotherhood in Egypt's politics* // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/18687/Cognizance+and+Compromise+The+Brotherhood+in+Egypt%27s+politics.html> (дата обращения: 09.12.2011).

ду сторонами и, в случае победы исламистов, Египет будет вынужден соблюдать свои обязательства и права меньшинств.

Также не стоит недооценивать и еще один важный фактор сохранения египетско – американских отношений, на который обращает внимание Хосейн Ройеваран, это заинтересованность обеих сторон в сохранении традиционных связей⁵⁹. Речь идет об ежегодных миллиардных субсидиях Египту из американского бюджета, а Вашингтону важно сохранять Египет в качестве «арабского» плацдарма на палестино-израильских переговорах.

Последнее ставит под сомнение заявления официальных властей Ирана об антисиионизме региональных движений. Как подчеркивает Мохаммад-Али Собхани: «Среди иранцев распространено ошибочное представление, что египтяне буквально заряжены на атаку Израиля. Нужно, однако, отметить, что египетское общество разнообразное, с разными взглядами на региональные дела, включая и арабо-израильский конфликт». Да, возможно, что не все египтяне согласны с условиями Кэмп-Дэвидских соглашений и внешней политикой свергнутого Хосни Мубарака. «Но», подчеркивает Собхани, «с уверенностью, можно сказать, что новоизбранное правительство не будет проводить политику, направленную на разрыв соглашений с Израилем»⁶⁰.

С выводами Собхани согласен и другой специалист по проблемам Ближнего Востока Моджтаба Фердоусипур⁶¹, который также высказывает сомнения по поводу возможной антисиионистской политики нового египетского правительства. По мнению Фердоусипура, Египет хоть и дистанцировался от политики Мубарака, но в целом структура управления страной еще сохраняется неизменной. Так что не стоит ожидать значительных подвижек, таких как, например, уменьшение статуса отношений или односторонний выход из Кэмп-Дэвидских соглашений с Израилем. Египет находится в тяжелой экономической ситуации: на-

⁵⁹ *Rouyvaran H.* Egyptians: No Israel Needed Anymore! // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/16181/Egyptians+No+Israel+Needed+Anymore%21.html> (дата обращения: 12.09.2011).

⁶⁰ *Sobhani M-A.* Egypt's Developments and Regional Affairs // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/10353/Egypt+Developments+and+Regional+Affairs.html> (дата обращения: 15.02.2011).

⁶¹ *Ferdowsipour M.* Don't Expect Much from Cairo // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/1898987/Don't+Expect+Much+from+Cairo.html> (дата обращения: 14.03.2012).

циональная валюта падает, вместе с туристическим потоком и транзитом через Суэцкий канал, что является двумя основными источниками пополнения бюджета страны. Огромный дефицит бюджета также ослабляет власти страны, что приводит к предоставлению иностранным акторам возможность оказывать давление на Каир в вопросе формирования и проведения его внешней политики.

В совокупности можно говорить о невозможности создания единой мусульманской уммы, как это постулируется официальным Тегераном. По мнению Кейхана Барзегара,⁶² сложно ожидать от исламистского правительства Египта ориентации единственно на Иран. Внешняя политика Каира основывается на стремлении Мурси активно налаживать отношения со всеми региональными игроками, стремясь, тем самым, легализовать роль братьев-мусульман в египетской политической структуре власти, а также, стремясь соответствовать требованиям среднего класса, прилагая усилия для восстановления египетской экономики. Отсюда его контакты с Королевством Саудовская Аравия и Катаром, чтобы привлечь финансовую помощь, а также с Ираном и Турцией для достижения региональной стабильности. При этом Каир не забывает и об отношениях с США, Россией и Китаем, стремясь продемонстрировать свою значимость региональной державы, и, одновременно, достигать своих экономических целей.

То, что Ирану будет сложно навязывать Египту свое внешнеполитическое видение региона, согласен и Сабах Занганэ. По его мнению,⁶³ внешняя политика Египта строится по принципу трех перекрывающихся сфер интересов. Первая – отношения с Палестиной, вторая – отношения со странами арабского мира, и третья – отношения со странами мусульманского мира. Палестина, таким образом, является основанием всех трех сфер. В этом ракурсе, отношения Египта с Ираном не будут приоритетом для Каира. Приоритетными направлениями будут являться отношения с соседними странами: Палестиной, Ливией и Суданом. Ду-

⁶² *Barzegar K.* The Arab Spring and the Balance of Power in the Middle East // URL: <http://www.powerandpolicy.com/2012/10/30/the-arab-spring-and-the-balance-of-power-in-the-middle-east/> (дата обращения: 30.10.2012); или URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/1908606/The+Arab+Spring+and+the+Balance+of+Power+in+the+Middle+East.html> (дата обращения: 02.11.2012).

⁶³ *Zanganeh S.* Iran Is Not Egypt's Priority // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/13394/Iran+Is+Not+Egypt's+Priority.html> (дата обращения: 02.06.2011).

мается, что примирение с Ираном – это второстепенная цель для египтян, заключает свою мысль Занганэ.

А по мнению Ахмада Нагибзадэ⁶⁴ добиться единства мусульманских стран будет сложно и по другой причине – из-за принадлежности к разным направлениям в исламе. Как известно, Египет – суннитская страна, а Иран – шиитская. Исторически сложилось так, что сунниты и шииты конкурирует друг с другом за доминирование в регионе. И приход к власти в Египте исламистов, в лице Организации братьев-мусульман, «может нарушить идею об исламском единстве, продвигаемой Ираном». Братья-мусульмане рассматривают шиитов не только как еретиков, но они также имеют свои планы и традиции, которые противоречат вере и политике иранцев.

Следовательно, в случае прихода в Египте к власти исламистов, у такого правительства будет куда больше точек для соприкосновения не с Ираном, а с Турцией, где у власти находится суннитская Партия справедливости и развития, возглавляемая ее харизматичным лидером Реджепом Тайипом Эрдоганом. Пожалуй, самым безапелляционным выглядит утверждение Абдоламира Набави: «Возможно, что единственная причина для победы умеренных исламистов в Северной Африке – это впечатляющие экономические достижения Партии справедливости и развития в Турции»⁶⁵. По его мнению, турецкая модель развития – это удачный опыт синтеза современных экономических новаций, демократических устоев и исламских ценностей. В этих оценках к нему присоединяется и Садег Зибакалам, когда сравнивает политические модели ИРИ и Турции, и их воздействие на демократизацию региона. «Мы не должны обольщаться скорым установлением демократии и свободы в арабском мире. Однако я уверен в том, что в будущем арабский мир и БВ станет демократичным и

⁶⁴ *Naghizadeh A.* Iran and the New Middle East // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/10786/Iran+and+the+New+Middle+East.html> (дата обращения: 04.04.2011).

⁶⁵ *Nabavi S.A.* Cognizance and Compromise: The Brotherhood in Egypt's politics // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/18687/Cognizance+and+Compromise+The+Brotherhood+in+Egypt%27s+politics.html> (дата обращения: 09.12.2011).

свободным, что доказывает модель развития, реализуемая в современной Турции»⁶⁶.

Действительно, Турция в последнее десятилетие проводит очень активную политику в регионе. Наряду с Египтом, Ираном и Саудовской Аравией, она является ведущей региональной державой. Кейхан Барзегар⁶⁷ отмечает, что Турция стремится удерживать региональное лидерство и пытается использовать «Арабскую весну» для усиления своих связей с новыми арабскими правительствами, используя свою «мягкую силу», чтобы гарантировать и свои экономические интересы в регионе.

Анализируя активизацию Турции в регионе, Бахрам Амирахмадиян⁶⁸ обращает внимание на важность для Анкары формирования стратегических отношений с Каиром. Во-первых, между двумя странами существуют традиционные исторические связи, уходящие в эпоху существования Османской империи. Во-вторых, Египет, находящийся в стадии своей перестройки и поиска путей дальнейшего развития, может остановить свой выбор на «турецкой модели» развития. «Тем более, как мы знаем, некоторые фракции египетских братьев-мусульман являются частью Партии справедливости и развития (АКР)». И, в-третьих, Турция заинтересована в ёмком рынке сбыта своих товаров, а также рынка сбыта своих инвестиций.

В связи с этим Тегерану будет очень не просто реализовать декларируемую идею об «исламском единстве» на фоне жесткой конкуренции за лидерство между региональными державами.

С другой стороны, по мнению ряда экспертов, в ситуации крайней неопределенности развития ситуации в будущем, Иран, бесспорно, встретится с серией вызовов своим интересам в регионе и своей национальной безопасности.

⁶⁶ Zibakalam S. ME Movements are not Anti-West in Nature // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/10802/ME+Movements+are+not+AntiWest+in+Nature.html> (дата обращения: 27.03.2011).

⁶⁷ Barzegar K. The Arab Spring and the Balance of Power in the Middle East // URL: <http://www.powerandpolicy.com/2012/10/30/the-arab-spring-and-the-balance-of-power-in-the-middle-east/> (дата обращения: 30.10.2012).

⁶⁸ Amir-Ahmadian B. Erdogan's Thoughtfulness in Visit to Egypt // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/16271/Erdogan's+Thoughtfulness+in+Visit+to+Egypt.html> (дата обращения: 16.09.2011).

Ахмад Нагибзадэ⁶⁹ уверен, что движения, охватившие регион, выведут на политическую арену новые фигуры. И не факт, что эти новые игроки будут настроены про-ирански. «В этой ситуации ни кто не будет готовить почву для расширения влияния Ирана». Скорее, наоборот, новый расклад сил будет создавать новые неудобства, вызовы и конфликты для Ирана. Нагибзадэ уверен, что «если коллапс Советского Союза привел к отсутствию порядка на северной границе Ирана, то нынешние беспорядки на БВ приведут к еще большим ограничениям для Ирана в регионе. Ирану придется противостоять новым реалиям, которые будут создаваться под вывеской демократии и прав человека». Для Тегерана это будет означать увеличение внешнеполитического давления со стороны США и «международного сообщества» по поводу его политики в отношении прав и свобод человека.

На дестабилизацию региона, как одну из угроз безопасности Ирана, указывает и Кейхан Барзегар,⁷⁰ что заставляет региональных, в лице Ирана, Турции, Египта и Саудовской Аравии, а также внерегиональных – США, Россию и Китай, активизировать свою политику в регионе по купированию новых угроз. Иран, по мнению Барзегара, в своей региональной политике попытается следовать двум основным векторам – сдерживание вероятных угроз своей национальной безопасности, а второй – расширение своего политического влияние в регионе. Причем в качестве нового вызова станет развитие ситуации в Сирии. Там Иран будет стремиться сдержать угрозу возможному ослаблению своего влияния, пытаясь играть активную роль в мирном урегулировании, через ускорение политической реформы и трансформации существующей политической системы. Это может произойти как с Ассадом, так и без него, что будет зависеть от воли сирийского народа.

Возрастающее значение «сирийского вызова» для национальной безопасности Ирана указывает и другой эксперт – Мохаммад

⁶⁹ *Naghizadeh A.* Iran and the New Middle East // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/10786/Iran+and+the+New+Middle+East.html> (дата обращения: 04.04.2011).

⁷⁰ *Barzegar K.* The Arab Spring and the Balance of Power in the Middle East // URL: <http://www.powerandpolicy.com/2012/10/30/the-arab-spring-and-the-balance-of-power-in-the-middle-east/> (дата обращения: 30.10.2012).

Али Мохтади⁷¹. По его мнению, в Сирии сталкиваются интересы как региональных, так и внерегиональных игроков. «Фактически то, что происходит в Сирии, имеет решающее значение для всех региональных и международных игроков, поэтому ни одна из сторон не отступит и не уступит другой, и единственный возможный выход из тупика – это военное решение, которое и определит судьбу конфликта». Для Ирана даже победа в Сирии сторонников Башара Асада, являющегося союзником Тегерана, может привести к экспорту конфликта в соседние Ливан и Ирак.

В свою очередь, Сейид Мохаммад Садег Харази⁷², анализируя развитие событий в регионе, приходит к неутешительным выводам. Во-первых, возрастает угроза роста соперничества между Ираном и Турцией из-за идейного руководства революционным процессом в регионе. Во-вторых, региональные движения оказались серьёзным вызовом традиционному доминированию Запада, включая Европу и США, в регионе. Это приведет к еще большему вовлечению США в дела региона. В-третьих, главная озабоченность сейчас – это экстремизм и радикализм в регионе, представленный растущим влиянием аль-Каиды и ее союзников.

Таким образом, в результате проведенного анализа существующих концепций восприятия происходящих в регионе Ближнего Востока событий, можно говорить о заинтересованности иранской стороны в этих процессах. Официальные концепции, представленные «Исламским пробуждением» и «Гуманитарным пробуждением», предполагают идеологическую привязку арабских движений к Ирану. Лозунги, выдвигаемые в рамках этих концепций – антиамериканизм, антисионизм и исламское единство – ведут к активизации политики Ирана в регионе, с целью полного переформатирования всей системы безопасности.

В свою очередь, проведенный анализ неофициальных подходов к вышеизложенным концепциям, позволяет выявить целый ряд «слабых» мест в официальной доктрине Ирана, легших в основу ее политики в отношении «Арабской весны», в целом, и в попытке наладить отношения с Египтом, в частности. Вобщем,

⁷¹ *Mohtadi M-A. Unclear Fate of the Middle East // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/1914434/Unclear+Fate+of+the+Middle+East.html> (дата обращения: 31.03.2013).*

⁷² *Kharazi S.M.S. Democracy & Rationalism in the Middle East // URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/11946/+Democracy++Rationalism+in+the+Middle+East.html> (дата обращения: 16.04.2011).*

критика официальных подходов ярко высветила изначальный провал политики Махмуда Ахмадинежада в стремлении восстановить дипломатические отношения с Каиром в период правления там исламиста Мохаммеда Мурси, с привязкой Египта к стратегическому союзу с Ираном. Тот факт, что до сих пор дипломатические отношения между странами так и не восстановлены, позволяет говорить о правомерности сделанных выводов критиками официального подхода.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И «ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»

УДК 93:902(093)

ГОРИЗОНТЫ И ТУПИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ В РОССИИ*

С.П. Щавелёв

Курский государственный медицинский университет,
кафедра философии
E-mail: sergei-shhavelev@yandex.ru

Статья посвящена истории краеведения в России, изложению особенностей этого процесса в различные периоды, начиная с XVI в. и до современности. Автор анализирует научное и культурное значение исторического краеведения, последствия воздействия политических доктрин и социальных условий на краеведческую деятельность, высказываются предположения о ее дальнейшей судьбе.

Ключевые слова: гуманитарные науки, краеведение, архивные комиссии, археологические съезды, Академия наук, Центральное бюро краеведения, региональные исследования, издательская деятельность, политические репрессии.

HORIZONS AND DEADLOCKS OF LOCAL HISTORY IN RUSSIA

S.P. Schavelev

The article is deals with the history of local history in Russia, presenting the features of this process in different periods, since the XIX century to the present. The author analyzes the scientific and cultural value of local history, the impact of political doctrines and social conditions in the regional studies, and perspectives of this branch of knowledge.

Key words: humanities, local history, the archival commission, Archaeological Congress, Academy of Sciences, the Central Bureau of local history, regional studies, publishing, political repressions.

Как известно, к рубежу XIX–XX вв. в России сложилась своеобразная организация гуманитарной науки, включая историю,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01018 «Духовная практика как философская проблема: онтологические, эпистемологические, аксиологические аспекты».

палеографию, архивистику, археологию, этнографию, фольклористику, антропологию, и т.п. дисциплины ретроспективной направленности¹. Одной из примечательных сторон этой организации было сотрудничество дипломированных специалистов и любителей – в столь впечатляющих масштабах, которых, пожалуй, не знали за пределами России. У более или менее профессиональных ученых из Академии наук и университетов имелась разветвленная сеть добровольных помощников на местах – в большинстве губернских, в отдельных уездных городах и даже кое-где на селе. Это были представители чиновничества, учительства, духовенства, сельских хозяев-помещиков, деятелей земства, расквартированного там и сям офицерства и тому подобных общественных групп. В разной степени присущий всем им дилетантизм чаще всего не мешал самоотверженной, на общественных началах выполняемой работе по сбору различных древностей, а также сведений о памятниках старины. В ту пору никто из них не называл себя «краеведом». Они считали себя любителями истории, этнографии, фольклористики, архивного дела, археологии. Хотя по сути они занимались именно тем, что в 1920-е гг. в Советской России получит название краеведения.

Вопрос о научном и культурном значении исторического краеведения сложен, деликатен и запутан в нашей историографии. Оценки соответствующего общественного явления колеблются в широком диапазоне. Многие представители университетской и академической науки относились и относятся до сих пор к своим добровольным и бескорыстным помощникам из провинции с иронией, если не с пренебрежением. Воронежец С.Н. Введенский

¹ См.: *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986; *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002; *Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010; *Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М., 2011; *Тихонов И.Л.* История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII – первая четверть XX в.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2013; *Клейн Л.С.* История российской археологии: учения, школы и личности. Т. I. Общий обзор и дореволюционное время. Т. II. Археологи советской эпохи. СПб., 2014; *Захарова Е.Ю.* История археологии Центрального Черноземья России (последняя четверть XVIII в. – 1970-е гг.). Дис. ... докт. ист. наук. Воронеж, 2015.

на следствии в ГПУ в 1931 г. показывал: «В области краеведческой работы можно отметить участие в ней только профессора Невзорова; остальные профессора [Воронежского университета] были к краеведению совершенно равнодушны, считая его каким-то бесполезным и ненужным придатком к науке, а не наукой»².

Таково, надо признать, господствующее мнение дипломированных специалистов. Поищите профессионала, который бы не относился к дилетантам в своей узкой сфере без иронии, а то и вражды... В точных, естественных науках с их очень сложным формально-математическим аппаратом, опытно-экспериментальной техникой отчуждение от самозванцев вполне понятно. Время изобретателей «вечного двигателя» давно прошло. Что же касается наук гуманитарных, и отчасти наук о жизни (как они стали называться в наши дни), то здесь роль любителей сложнее. Ведь соответствующие источники если и не доступнее для истолкования, то по крайней мере подлежат поиску, сбору и хранению не только специалистами. Рукописи и старопечатные книги, предметы старинного быта, случайные археологические находки. Монументальные памятники старины, которым угрожает разрушение. Устное народное творчество, безвозвратно умирающее вместе с исполнителями. Уникальные природные ландшафты, их экосистемы. Метеориты, окаменелости, образцы палеофауны. Здесь везде есть, где приложить усилия практически любому желающему. Игнорируя поиски краеведов, замалчивая их достижения, кастовые ученые порой заимствуют их находки, а то и идеи без ссылки на первооткрывателей.

В других случаях краеведческое движение наоборот превозносилось как проявление народной, земской инициативы, высокое служение науке и просвещению³. В столь высоких оценках имелась доля истины. Представители Губернских статистических комитетов, Губернских ученых архивных комиссий, Церковно-исторических обществ, земских музеев и тому подобных организаций, будучи новичками, учениками в научной работе, как прави-

² ГАОПИ Воронежской области. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 9353. Оп. 2. Ч. 8б. Л. 160об.

³ См.: Шмидт С.О. Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 156–178; Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003; Формозов А.А. Записки русского археолога (1940–1970-е годы). М., 2011.

ло, стремились овладеть правильной в свое время методикой раскопок, фиксации находок. Они довольно тесно сотрудничали с академическими и университетскими центрами Москвы, Санкт-Петербурга и других университетских городов.

Специалисты же из университетских центров, начиная с Москвы и Петербурга, их периодически консультировали, инструктировали на раскопках и музейных выставках, в архивах. Всероссийские, а затем и областные Археологические съезды объединяли и ученых, и любителей, и меценатов – общественных деятелей, и представителей власти. Ведь и сами ученые археологи в то время только формировали идейную и методическую парадигму своих занятий древностями и поэтому не слишком далеко опережали самодеятельных ревнителей отечественного прошлого. А археология в ту пору, лет сто назад, еще понималась гораздо шире теперешнего – как всяческое древлеведение. Так что на упомянутых съездах обсуждались не только результаты раскопок, но и вопросы церковной архитектуры, иконописи, архивных документов, исторической географии, нумизматики, палеонтологии и прочие тому подобные. Короче всё то, что потом получило бюрократическое наименование «вспомогательных исторических дисциплин».

Любителей старины объединяло патриотическое стремление лучше узнать прошлое своей родины и распространить это знание в народе. Но у представителей разных сословий и общественных групп имелись и некоторые отличия в их археологической мотивации. Чиновничье, офицерское и особенно помещичье дворянство первым начало заниматься археологией (в только что упомянутом широком смысле этого слова – как «древлеведением» вообще). К разным «антикам», собирательству предметов старины дворян подталкивал и опыт зарубежных вояжей с обязательным посещением музеев и раскопок, и установка императорской власти (начиная с Николая I) проследить глубинные истоки российской государственности, и культурутрегерское отношение к зависимым от них крестьянам. Для стремительно набравшего свой общественный вес купечества личные музеи и пожертвования на охрану памятников былого стали одной из козырных карт в игре на повышение своего социального статуса. Духовенство в ходе реформ Александра II получило право отдавать своих детей не только в духовные семинарии, но и в императорские университеты, и в прочие светские учебные заведения. Этим правом восполь-

зовались не только священники да причетчики, но и прочая «мелкая сошка» из низов служилого класса и даже зажиточного крестьянства. Так возникла и быстро росла разночинческая интеллигенция, из среды которой вышло больше всего краеведов⁴.

Рядовые заседания всякой ученой архивной комиссии, либо другого похожего общественного комитета любителей старины объединяли и высших чиновников губернии (порой вплоть до самого губернатора или вице-губернатора), и гимназических учителей, священнослужителей, офицеров, действующих и отставных, получивших образование разночинцев, вроде предпринимателей-меценатов да коллекционеров всякого рода. Вместе они решали вопросы проведения раскопок, устройства музеев, описания архивов... Представить себе такое впоследствии, в наши дни уже невозможно. А ведь это и были своего рода ячейки гражданского общества в довольно успешно модернизируемой России.

Показателем доброкачественности тогдашнего любительства в гуманитарных исследованиях стала целая плеяда выдающихся историков, археологов, этнографов, фольклористов, которые начинали накануне и сразу после революции именно в качестве краеведов. Как, скажем, П.С. Рыков в Саратове, А.А. Спицын и Д.К. Зеленин в Вятке, В.А. Городцов на Рязанщине, В.И. Стрельский и Ю.А. Липкинг в Курске, С.Н. Замятнин и М.Е. Фосс в Воронеже, и еще многие другие светила русской и советской науки. Правда, среди губернских и уездных любителей изучать прошлое родного края большинство составляли, конечно, куда более скромные фигуры. Встречались там и акцентуированные чудачки плюшкинского типа. Но у большинства имелось настоящее образование – гимназическое, университетское или богословское. Не только историко-филологический да юридический факультеты дореволюционных университетов, но и военные, инженерные, коммерческие институты, училища давали своим студентам глубокие и широкие знания древних и новых языков, истории мировой и русской культуры. Возможность периодических поездок в университетские центры страны и за границу насыщала академическое общение любителей и специалистов, тиражировала лучший опыт архивной, музейной, библиотечной работы.

⁴ *Формозов А.А.* Заметки о русской интеллигенции 1940–2000-х годов // *Формозов А.А.* Статьи разных лет / сост. *С.П. Щавелев*. Курск, 2008. С. 7.

Для такой громадной империи, как Российская, к тому же только начинавшей свою комплексную модернизацию европейского типа, нипочем было не организовать и не оплатить работу профессиональных гуманитариев разных специальностей по всем её градам и весям. На просторах такой страны никогда не хватало и никогда не хватит дипломированных кадров. А любители археологии и всей прочей старины находились повсюду. Они-то в меру сил и выявляли, собирали, описывали местные памятники истории и культуры. Таким образом, любительская историография накануне революции составляла необходимую и в общем полезную питательную среду академической науки и просветительской практики.

Разумеется, краеведческая активность совсем не отменяла для нашей страны необходимости развития профессиональных институтов гуманитарных наук – учебных, научно-исследовательских, музейно-лабораторных. Никакие краеведы не могли полностью заменить архивистов, археологов, филологов, искусствоведов, этнографов, антропологов, музейных работников и прочих гуманитариев со специальной подготовкой. Краеведы без ученых подобны маленькому ребенку, оставшемуся без взрослых. Известная критика ученых архивных комиссий Д.Я. Самоквасовым лишний раз это продемонстрировала. Но патриарх русской археологии осуждал прежде всего ту ситуацию, когда правительство прикрывало деятельностью кружков любителей старины кричащий дефицит средств для содержания государственных архивов, факультетов, музеев. А самим комиссиям тот же самый профессор Самоквасов активно помогал – личными деньгами, печатными изданиями, консультациями, участием в раскопках⁵.

Итак, в силу особых условий становления и развития русской науки (гигантские размеры территории страны, слабое финансирование, некоторое отставание от западноевропейских стандартов научной организации, имперская идеология правящих классов и неонародническая идеология интеллигенции, патриархальный менталитет основного населения – крестьянства), сочетание профессионализма и любительства, по крайней мере в гумани-

⁵ Щавелев С.П. Историк русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск, 1998; Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843–1911) / сост. С.П. Щавелев. Курск, 2007.

тарных дисциплинах, получилось вполне закономерным и в целом плодотворным.

Все изменилось после октября 1917 года. Ученое сословие разом потеряло свой престиж и даже материальные условия существования. «Бывших» специалистов массово выселяли, увольняли, лишали избирательных и других прав, высылали и арестовывали. Большинство академических центров, курировавших провинциальных помощников, перестало существовать (археологические общества, комиссии, институты и тому подобные). А те, что сохранились (Академия наук, университеты), были целиком поглощены собственной перестройкой на новый лад. Ученые архивные комиссии и тому подобные объединения на местах перед закрытием потеряли большую часть своих самых активных членов – те вынуждены были эмигрировать, либо остаться, но затаиться, отказаться от любой общественной деятельности. Напротив, у всякого рода разночинцев доступ к ценностям науки и культуры расширился. Их фигуры не так резко контрастировали с новой революционной властью, как профессора, офицеры да священники. Уже по одному этому обстоятельству – понижению общего уровня кадров – *первые советские объединения краеведов* не могли существенно превзойти достижений своих непосредственных предшественников. Однако некоторая преемственность тут сохранилась, и кадровая, и организационная, а общественно-политические условия до поры, до времени благоприятствовали краеведческой работе. Она подавалась и представлялась в качестве слагаемого «культурной революции» – приобщения пролетариата и крестьянства к грамоте и вообще просвещению. Новые столичные центры краеведческой работы – Народный комиссариат просвещения, Центральное бюро краеведения оказывали какую-то методическую поддержку местным объединениям, пытались координировать и направить их работу, но уже не обладали для этого должным научным, академическим потенциалом, и к тому же сами находились под сильнейшим давлением большевистской политики и идеологии. Отсюда первое поколение советских краеведов налегало в основном на просветительскую, школьно-учебную и агитационную работу, в гораздо меньшей степени занималось научными исследованиями, обработкой музейных коллекций и раскопками. Их основная заслуга – спасение какой-то части культурных ценностей из пламени Гражданской войны и последовавшей разрухи в стране. В общем, времени и денег на

реальную краеведческую работу советским любителям истории и природы родного края было отпущено слишком мало. Например, весьма типичное в своем роде курское краеведческое общество за все десять лет своего существования успело провести одни-единственные раскопки (роменского кургана на окраине города), да пару экскурсий со сборами подъемного материала⁶. 99% экспонатов и фондов археологической части их музея осталось от коллекций, накопленных Ученой архивной комиссией. Единственное появление столичных археологов в этот период на курской земле было связано со случайной находкой богатейшего погребения эпохи Великого переселения народов в районе р. Суджи, место которого шурфовали (безрезультатно) специалисты из Государственного исторического музея и Эрмитажа⁷. Периодические издания курских краеведов по собственно археологической части публиковали только планы будущих экспедиций, которым не суждено было сбыться. В других регионах страны краеведам удалось провести больше археологических исследований, но предреволюционного уровня эта работа нигде не достигла. Что, наверное, естественно для страны, недавно пережившей столь масштабные военно-революционные катаклизмы.

После неизбежной перегруппировки сил в первой половине 1920-х гг. и нескольких лет активной деятельности объединения краеведов СССР стали слишком удобной мишенью для тех, кто по заданию коммунистической партии отстреливал «врагов народа». У тех-то ведь в большинстве случаев никаких общих организаций на самом деле не было – ни «промпартии» у инженеров, ни «союза борьбы» у академиков. А у краеведов организация была, причем весьма разветвленная. Оставалось придумать ей нелегальное крыло. Что и было сделано чекистами⁸.

Вслед за известным «Делом Академии наук», сфабрикованным советской политической контрразведкой в 1929–1930 гг. в отношении столичных ученых-гуманитариев, репрессии против ин-

⁶ Щавелев С.П. Первооткрыватели курских древностей. Вып. 3. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Советское краеведение в провинции: взлет и разгром (1920-е – 1950-е гг.). Курск, 2002. С. 26–27.

⁷ См.: Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи. М.; Л., 1934.

⁸ См.: Акиншин А.Н. Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х гг.) // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 117–126; Щавелёв С.П. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов. (Курский «филиал»). Курск, 2007.

теллигенции распространились на провинцию. Кроме ленинградского и московского «штабов» этого «заговора», чекисты придумали воронежский «центр» «контрреволюционной монархической организации "Краеведы"». В Центрально-Черноземном округе сложилась особенно разветвленная структура краеведческих групп, а председатель воронежского городского и ответственный секретарь областного бюро краеведения историк С.Н. Введенский (1867–1940) периодически ездил в Ленинград для консультаций с академиком С.Ф. Платоновым, которого объявили руководителем «Всенародного союза борьбы за возрождение России». В качестве «филиалов» этой мифической «организации» были представлены группы краеведов из Воронежа, Задонска, Липецка, Острогожска, Тамбова, Орла, Курска, Старого Оскола. По версии следствия, в случае начала военной интервенции против СССР, эти группы на местах должны были «взять власть во избежание анархии». Резонные возражения вроде того, что «краеведы обычно люди пожилые, совершенно непрактичные, разве они способны справиться с анархией?» (Н.П. Анцыферов) – вызывали у следователей по этому делу только новые приступы агрессии по отношению к «запирающимся заговорщикам». В указанных городах с ноября 1930 по февраль 1931 года арестовали по нескольку (от четырех в Курске до четырнадцати в Тамбове) краеведов, а в Воронеже еще и представителей других учреждений и общественных групп, которые будто бы готовились вместе свергнуть советскую власть. Среди них находились бывшие дворяне, офицеры, чиновники, чины полиции, купцы, священнослужители – независимо от того, чем они занимались к моменту ареста, фотографы, музейные и научные работники, преподаватели, а также лица гораздо более прозаичных профессий, вплоть до сторожей и безработных. Личные знакомства, нередко случайные, превращались в глазах следствия в свидетельства организации заговора. Так «контрреволюционная организация» выросла почти до сотни человек. Единственным доказательством ее существования для чекистов могли стать и стали личные признания обвиняемых. Методы их получения выясняются из позднейшего реабилитационного заявления преподавателя Ф.Ф. Руднева (Орел): «Следствие сопровождалось угрозой расстрела и ареста моей семьи»⁹. Камера, в которой он сидел на

⁹ Щавелев С.П. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов. (Курский «филиал»). Курск, 2007. С. 134.

следствии, располагалась рядом с уборной, а форточка в окне камеры всю зиму была без стекла. В таких условиях одни подследственные сразу или через какое-то время дали все те показания, которые диктовали им следователи, но несколько обвиняемых (тот же Руднев, куряне Н.И. Пузанова, М.А. Резанцев) сумели выстоять и не оклеветать ни в чем не повинных людей. Чекисты потеряли к ним интерес после нескольких допросов, поняли, что признания их ни не выжмешь. Так произошло с воронежским профессором М.Н. Крашенинниковым, которого обвинили в игнорировании марксизма. На что он и на воле, и в тюрьме повторял, что никакого марксистского языкознания пока нет и преподавать его он поэтому просто не мог. По мнению следователей, «запиравшиеся» оказались «достаточно точно изобличены показаниями других обвиняемых».

Решающим основанием для арестов и обвинения послужили всеобъемлющие признания С.Н. Введенского. Якобы «обратив [Археографическую] комиссию в штаб своего контрреволюционного союза, Платонов решил и Воронежский филиал [ее] обратиться в одно из своих отделений». «Равным образом, столь же удачно выбран был Платоновым для его цели и фронт краеведческих обществ. Обнимая в своем составе старых педагогов, ответственных чиновников – пенсионеров разных ведомств, бывших служащих земства, статистических комитетов, архивных комиссий и подобных им лиц, краеведческие общества содержат в себе много социальных элементов, чуждых советскому строю, а иногда прямо ему враждебных. Таким подбором членов, между прочим, в сильной степени страдают и краеведческие организации ЦЧОбласти в городах которой, особенно в Воронеже, было много контрреволюционных и антисоветских элементов и объектов старого общественного строя, что способствовало быстрому развитию и укреплению идей контрреволюционной монархической организации...». Так что «под прикрытием научной работы проводилась антисоветская работа...»¹⁰. Ее целью было «уничтожение сов. строя и замена его буржуазно-демократической республикой» (эта последняя нестыковка с навязчивыми обвинениями в «монархизме» всех старых краеведов чекистов не смущала – все антисоветское они валили в одну кучу).

¹⁰ Щавелев С.П. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов. (Курский «филиал»). Курск, 2007. С. 156.

Кроме Платонова, «глава воронежского центра» показал на нескольких ученых, преимущественно историков, ленинградцев, – С.И. Тхоржевского, С.К. Богоявленского, академика А.Е. Ферсмана, И.М. Гревса, Н.П. Анциферова, А.И. Андреева, и на москвича, академика М.М. Богословского. «Их человеком» является будто бы и высланный из мест предыдущего заключения в Курск историк, бывший полковник старой армии Г.С. Габаев.

5 мая 1931 г. следствие по делу 92 краеведов ЦЧО закончилось. В соответствующем постановлении «уполномоченный 2-го Отделения Секретно-политического Отдела Полномочного представительства ОГПУ по ЦЧО Кушнир» констатировал, что все подследственные «вполне изобличены в предъявленном им преступлении, предусмотренном ст. 58–10, 11 Уголовного кодекса». С этого дня все арестованные по этому делу «числились за коллегией ОГПУ». 66 человек оставались под стражей в Воронеже, 26 – в Курске, Орле, Тамбове. Суда краеведов не удостоили: коллегия ОГПУ в Москве заочно, без вызова обвиняемых, 5 июня вынесла внесудебный приговор. Власти не вывели краеведов на открытый судебный процесс, как «вредителей» некоторых других категорий, а приговорили втайне. Слишком уж контрастировали фантастические обвинения в подготовке военного переворота и мирные краеведческие занятия. Пятерых приговорили к расстрелу, большинство к заключению в концлагерь сроком от 3 до 10 лет, нескольких – к высылке в Северный край, Западную Сибирь, Казахстан. Рядовые, по версии следствия, «заговорщики» в целом получили не менее суровые наказания, чем их столичные «вербовщики» и «руководители» из числа сотрудников Академии наук и Центрального бюро краеведения. Среди 112 арестованных по собственно академическому делу в Москве и в Ленинграде расстреляли шестерых (бывших офицеров); 63 получили концлагерь на срок от 3 до 10 лет; 21 (среди них все сотрудники Академии наук) трети или пятилетнюю ссылку. В черноземном деле картина схожая. Расстреляли лиц, как-то связанных в прошлом с царской «охранкой» и белым движением. На 10 лет обрели даже не воронежских «руководителей», а их коллег из районов. По 5 лет концлагеря получили главные фигуранты всего провинциального дела, воронежские краеведы С.Н. Введенский, А.М. Путинцев, Т.М. Олейников, В.В. Литвинов; руководитель курских краеведов Г.И. Булгаков. Один-единственный, 92-й по счету обвиняемый – воронежец В.А. Преоб-

раженский оказался освобожден из-под стражи, следствие в его отношении прекратили.

Таков печальный итог «золотого десятилетия» (С.О. Шмидт) советского краеведения в Центральном Черноземье. В дальнейшем дееспособные объединения краеведов оказались ликвидированы по всей стране, их заменяли на липовые «кружки на производстве», а 10 июня 1937 г. СНК РСФСР окончательно «признал дальнейшее существование центрального и местных бюро краеведения нецелесообразным».

Кое-кто из осужденных по этому делу обращался в 1930-е гг. с прошениями о снятии с них судимости, а в 1950–1960-е – о реабилитации, но безуспешно. Лишь в июле 1978 г. Воронежский областной суд отменил вынесенный краеведам в 1931 г. приговор «за отсутствием события преступления». Несколько бывших сотрудников ОГПУ по ЦЧО, выступивших палачами краеведов, сами были расстреляны «за нарушение социалистической законности».

Сам термин «краеведение» отражал наивный пафос революционной переделки мира, привнесенный большевиками. Если кухарка может управлять государством, а матрос Железняк – национализированным банком, то почему недавние семинаристы, журналисты, техники, да и просто неквалифицированные рабочие да батраки не могут стать археологами, этнографами, археографами? Советские краеведы в своем большинстве искренне желали вписаться в культурную политику нового, большевистского государства – «сеять разумное, доброе, вечное», как завещали нашей интеллигенции народники, социалисты. Но никакого «спасибо сердечного», – метко заметил А.А. Формозов, – русский народ своим просветителям, историкам и учителям не сказал. Партия и комсомол быстро поставили краеведческие организации под жесткий идеологический и организационный контроль невежественных комиссаров. И без того мизерные дотации губернским объединениям краеведов урезали, затем вовсе отменили. «Проклятый царизм» накануне своего краха поставил губернские общества любителей старины на бюджетное финансирование, пусть и весьма скромное. Большевики оказались скупее. Советским краеведам удалось сделать немало полезного на своей научно-просветительской стезе, однако в разных регионах этот вклад был различен; в среднем – не слишком велик, заметно меньше дореволюционного. Достижения первого поколения советских краеведов преувеличены в последующей историографии, когда по обрыв-

кам их архивов некоторые все новые и новые историки стали писать о них книги, диссертации, выставляя себя их преемниками.

С начала 1930-х гг. организованное краеведение в нашей стране прекратило свое существование. С тех пор реальную работу с разного рода древностями в губернских центрах, а тем более в уездах могли проводить одиночки. Их объединения если и возникали, то чисто формально – оставались на бумаге партийно-хозяйственных отчетов, наравне с множеством дутых «кружков», блестяще высмеянных М. Булгаковым, И. Ильфом и Е. Петровым, А. Барто.

Показательна позиция краеведов, оказавшихся во время войны на оккупированной врагом территории¹¹. Многие из них, практически в каждой захваченной области, пошли на службу к немцам. Как правило, по своей специальности – сотрудниками музеев и архивов, учителями средних школ. Потом это объяснялось желанием спасти те культурные ценности, которые не удалось эвакуировать. Такое соображение резонно. Например, курский архивист, активный член советского краеведческого общества Леонид Николаевич Позняков остался за убывшего в эвакуацию директора областного архива, обеспечил работу мизерного коллектива сотрудников и добился сохранения большей части архивных фондов советского периода (прятать эту часть документов от немцев Познякову помогала мужественная архивистка Варвара Тимофеевна Богданова). Вот взятая наугад запись из служебного дневника этого архивиста за 1942, второй оккупационный в Курске, год: «Февраля 2. Печь дымилась и не согревала. [В здании архива, бывшей церкви] + 10 градусов. ... Ветер нанес чаду в комнату. Все переместились в помещение переплетной. Копирки нет, а какая есть негодная. Печатать нельзя. ... Поставили маяки глиной в трех местах. Заметно, что угол (старинного здания XVIII века постройки. – С. Щ.) опустился на несколько сантиметров. Сквозь трещину в одном месте видна крыша»¹².

Но задумывались ли оставшиеся на оккупированной территории краеведы, что бы стало с Россией, победи ее Гитлер?.. Приведем отрывок из дневника еще одной курянки, оставшейся неиз-

¹¹ См.: Ермолов И.Г. Коллаборационизм в сфере культуры и искусства на оккупированных территориях РСФСР в 1941-1943 гг. // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2008. № 2. С. 39-57.

¹² ГАКО. Ф. Р-330. Оп. 2. Д. 2. Л. 8-8об.

вестной, чью рукопись мне довелось опубликовать: «В июне [1942 г.] появились унгары (мадьяры. — С. Щ.), началась скупка полотенец с вышивками, открылся комиссионный магазин по продаже икон, драгоценностей, хрусталя, появились гражданские немцы, на рынках ходили с фотоаппаратами, снимали группы, типы, даже в церквях шли съемки во время богослужения, что видела сама в Сергиевском соборе. Церквей открыли много, поминали избавителя Адольфа» во время обедни. Журналов у них было много, где были снимки города Киева, Москвы, разных карикатур. Однажды я увидела большую карту до Волги; она была разделена на три части. От Ленинграда до Москвы написано Прибалтика, середина до Ростова Украина, а весь Кавказ, Крым [—] Туркмения, что означали эти карты так мне не удалось узнать»¹³.

Но большевики, вспомним, еще в 1930-е гг. закрыли отделы дореволюционного прошлого в губернских музеях, «чистили» архивы от «неактуальных» фондов, физически устранили лучших краеведов. Выжившие коллеги вряд ли это забыли. Большая часть тех представителей провинциальной интеллигенции, которая запятнала себя сотрудничеством с вражеской администрацией, была после войны осуждена к лишению свободы, меньшая наказана потерей работы. Поскольку к тому времени знающих знатоков местной старины осталось совсем мало, связанные с войной коллизии их биографий в очередной раз ослабили краеведческий потенциал регионов.

В послевоенный период эволюции «краеведения» на местах оно становилось все более противоречивым. Отдельным областям повезло, там обосновались талантливые и энергичные личности, которые при поддержке столичных ученых выросли до ведущих специалистов по местным древностям, вещественным и рукописным. Таковы, например, учитель из уездного брянского Трубчевска Всеволод Протасьевич Левенок (1906–1985), ставший директором музея местного края, а впоследствии и сотрудником академического Института истории материальной культуры; следующий руководитель того же музея Василий Андреевич Падин (1908–2003); музейный сотрудник Федор Михайлович Заверняев (1919–1994) в са-

¹³ НИОР РГБ. Ф. 369. Ч. 414. Д. 21. Л. 5–5об. Подр. см.: Щавелев С.П. «Под немецкой сворой...» Дневник оккупации города Курска в 1941–1943 гг. // События и люди в документах курских архивов. 110-летие архивной службы Курской области посвящается / под ред. В.Л. Богдановой. Курск, 2013. С. 33–42.

мом Брянске; военный врач Евгений Дмитриевич Петряев (1913–1987) в Вятке (Кирове); бывший юрист Владимир Иванович Самсонов (1886–1964) и учитель географии Юрий Александрович Липкинг (1904–1983) в Курске; еще целый ряд других музейных, вузовских, архивных, газетных работников, для которых краеведение стало вторым занятием и любимым призванием. Однако в целом по стране таких оставалось немного (сравнительно с тем, какова была численность предреволюционных и первых советских объединений их коллег).

Но свято место, как известно, пусто не бывает. На смену культурным, образованным краеведам в советской глубинке приходили «краеведы» самозванные, некультурные и необразованные, сплошь и рядом просто функционально неграмотные. Зато ретивые на рекламу своих начинаний, фанатичные в отстаивании местного приоритета по любому поводу, самоуверенные в обнаружении своих «достижений». Такие встречались и раньше, но тогда было кому считать и время от времени публично называть их маргиналами в науке и культуре. А теперь, наоборот, «белыми воронами» выглядели немногие выжившие интеллигенты старой закалки. Кое-что полезного представители очередной генерации краеведов приносили. Их заметки на разные темы с интересом читала массовая аудитория городских и районных газет. Они выступали перед школьниками, вели детские кружки в Домах пионеров и сельских клубах, а позже и познавательные программы на местном радио и телевидении. Кое-кто присоединялся к экспедициям столичных археологов и помогал им на раскопках, а в промежутках собирал для музея случайные находки разных древностей. Самым настойчивым удавалось собрать свои разыскания и наблюдения в целые книжечки, опубликованные областными, а после их закрытия межрегиональными издательствами. Однако качество всех этих работ, как правило, оставляло желать лучшего. Уверая себя и других в пользе своих занятий, новоявленные «краеведы» на самом деле приносили немало вреда. Их материалы грешили фактическими ошибками и фантастическими версиями. Те, кто получил доступ к самостоятельным разведкам и раскопкам, проводили их не слишком методично. Далекое не все из того, что они нашли, оказалось в музеях, архивах или библиотеках. Собранные коллекции остались необработанными и значительной частью вовсе утрачены. Дальше – больше. Личности этого пошиба инициировали фальсификацию 1000-летних юбилеев

ряда областных центров Центральной России (начиная с Белгорода, который накануне вполне правомерно отметил свое 300-летие); пытались сделать то же самое и в Воронеже, и в Липецке, и в Курске, в других местах. Они фанатично стремились не установить, сколько же тому или иному поселению на самом деле лет, а во что бы то ни стало удреветь этот возраст до предельной, а то и запредельной даты¹⁴.

Выход на арену общественной деятельности неквалифицированных любителей краеведения – закономерное следствие экспансии так называемой массовой культуры, причем в ее не самых цивилизованных – советском и постсоветском вариантах. Краеведы новых призывов «в гимназиях не обучались». Советские средние школы и даже институты уже не учили иностранным языкам, а остальная гуманитарная подготовка стала слишком идеологизированной. Справедливости ради надо отметить, что моменты антинаучной идеологизации бывали, и не раз, присущи также профессиональной исторической науке. Причем и до революции, и особенно затем, с тех же до- и послевоенных времен и до сегодняшнего дня. Еще характернее для «кастовой науки» советского периода «просто» отход его представителей, попавших в провинцию, от авторских исследований, замыкание на преподавании истории, либо вообще смена профессии. В определенных ситуациях, пользу для историографии приносили не те, кто писал и публиковался, а те, кто молчал.

Перспективы любительской историографии сегодня не ясны. С одной стороны, ряд краеведческих инициатив получил поддержку новых меценатов, спонсоров, региональных властей. Выходят краевые справочники, периодические органы, сборники материалов, биографическая литература. Там, где с краеведами практически работают настоящие ученые, реальные достижения налицо. В столице сложилась целая историко-культурная дисциплина – москвоведение, и ее есть по каким пособиям преподавать в школах. Все глубже наши представления и о «душе Петербурга»,

¹⁴ См.: *Аббасов А.М.* Вехи древнего Воронежа. Воронеж, 1995; *Пархоменко И.* Белгород: год основания? // Воронеж. Историко-краеведческий сборник. Воронеж, 1993. С. 97–112; *Рязанов Н.В.* Когда основан город Курск? (Полемические заметки краеведа) // Курск. Документы. Воспоминания. Статьи / отв. ред. и сост. А.Ю. Друговская. Курск, 1997. С. 5–19; *Шмелев Ю.Н.* Тайны Белгородского треугольника или страницы жизни из трех тысячелетий истории русов: исследование краеведа. М., 1995.

намеченной когда-то незабвенным Н.П. Анциферовым. Отрядным примером может служить Воронеж, где за последние десятилетия издана уже целая библиотечка полезной краеведческой литературы. Не так давно в Воронеже увидела свет региональная культурно-историческая энциклопедия¹⁵. Она получила высокие оценки специалистов. Университетские преподаватели сумели организовать и направить сбор словарного материала по множеству направлений, привлекая к нему не только своих коллег, чей круг все-таки ограничен, но и настоящих краеведов разных профилей (музыкального, спортивного, архитектурного и всяких прочих). Руководителями этого успешного проекта выступили доцент А.Н. Акиншин и профессор О.Г. Ласунский из Воронежского университета.

С другой стороны аналогичные по тематике опусы курских краеведов производят удручающее впечатление – «Краеведческий словарь-справочник “Курск”» и особенно «Большая курская энциклопедия» в нескольких томах при богатом полиграфическом оформлении переполнены абсурдными ляпсусами¹⁶.

Активность современных краеведов оттеняет некоторое снижение уровня гуманитарных исследований в провинциальных музеях, библиотеках и институтах (переименованных в университеты). Кризисные 1990-е гг. в высшей школе, других учреждениях науки и культуры российской провинции, похоже, до сих пор не закончились. Поэтому научная экспертиза и редактура, а то и элементарная корректура орфографических ошибок в краеведческих опусах ныне сплошь и рядом отсутствуют. Представители провинциальных, а то и столичных вузов нередко ставят свои имена с учеными степенями и званиями под низкосортными краеведческими изданиями. Как их «редакторы» и даже соавторы. Особенно охотно это делают бывшие «историки КПСС», перекавалифицировавшиеся в «историков Отечества». За годы Перестройки и последующих реформ когорта краеведов расширилась, только вот в неожиданные стороны. Их рядов коснулась общая коммерциализация российской жизни. И если применительно к экономике, торговле рыночные отношения, по идее, во благо, то в области изучения и охраны памятников старины вряд ли.

¹⁵ См.: Воронежская энциклопедия / гл. ред. М.Д. Карпачев: в 2 т. Воронеж, 2008.

¹⁶ См.: Щавелев С.П. [Рец. на кн.:] Большая курская энциклопедия. Т. I. Кн. 1-3 // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 166-170.

Больше всего среди современных «краеведов» просто коллекционеров разных редкостей, древностей. Филателисты, филокартисты, нумизматы, антиквары, реконструкторы исторических костюмов и вооружения, тому подобные. Пестрая среда, где благородное меценатство и прежде, и теперь соседствует с вульгарной наживой, спекуляцией. Отсюда выходят и союзники, и конкуренты, и сообщники официальных музейщиков, галеристов, ученых. Идеалом, а правду говоря, – нормой для деятелей этого сорта являлась бы передача, пусть и по завещанию, своих уникальных собраний на государственное хранение. Отрадных примеров такого обогащения столичной и провинциальной культуры за счет ее энтузиастов немало. Но куда больше печальных примеров обратного рода – безвозвратной потери, распыления частных собраний после смерти владельцев, их продажи в частные же руки и за рубеж, ограбления государственных музеев, библиотек, архивов в интересах антикварного рынка, порчи памятников археологии. В 1990–2010-е гг. ситуация с провинциальными древностями резко усложнилась благодаря эпидемии так называемых «черных копателей» памятников истории и культуры. В последние годы они идут уже не по отдельным памятникам, а по всем подряд в том или ином районе. Если грабителей не остановить, в ближайшем будущем целые области будут стерты с археологической карты России.

Разграбление археологических памятников – почти столь же древняя традиция, как и их сооружение. Помоложе, но не намного, фальсификация предметов старины. В 2000-х гг. наступил новый этап в развитии криминальной археологии в нашей стране – как по масштабам незаконных раскопок, так и по широте оборота украденных у государства артефактов на антикварном рынке. К сожалению, редко кто из профессиональных ученых и музейных работников разделяют те выводы, которые логично вытекают из наших наблюдений над «черной археологией». Эти выводы были изложены (в том числе автором этих строк), в частности, на «круглом столе» в редакции журнала «Российская археология»¹⁷. На мое выступление последовал отклик сотрудников Курского музея археологии. Они убеждены, что ради спасения для науки информации о ценных, нередко уникальных находках приходится кон-

¹⁷ См.: Незаконные раскопки и археологическое наследие России. Материалы круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // Российская археология. 2002. № 4. С. 70–89.

сультивировать грабителей, принимать на экспертизу их находки, не мешать их разрушительной деятельности¹⁸.

А в следующем выпуске того же журнала была опубликована диаметрально противоположная по своим выводам и аргументам статья В.С. Флёрва, который убежден, что «соучастие ученого в торговле древностями – это вопрос не только юридический, но и профессиональной этики». Цитируется «Кодекс профессиональной этики» Международного совета музеев за 1986 год. В частности: «Музейные работники не должны атрибутировать или иным путем определять аутентичность предметов, в отношении которых может возникнуть подозрение, что они нелегально или незаконно приобретены...»¹⁹.

Жизнь, как мне представляется, рассудила наше разногласие с курскими музейщиками и их единомышленниками. Вот что пишет публикатор новых монетных находок: «Опасность складывающейся ситуации состоит не только в том, что, меняя владельцев, монеты безвозвратно теряют "паспортные данные" о своем происхождении, но и в том, что вымышленные сведения о месте обнаружения сребреников могут попадать в научную литературу. В качестве примера можно привести публикацию в журнале "Российская археология" (№ 1 за 2004 г.), где приведены недостоверные сведения о находках двух сребреников князя Владимира в Курской области²⁰. Информация об одной из монет почерпнута на сайте "Кладоискатель Черноземья", где было указано неверное место ее обнаружения (близ д. Банищи) для направления по ложному следу конкурирующих кладоискателей из других регионов. В случае с другим сребреником, публиковавшимся ранее в журнале "Нумизматический альманах"²¹ и якобы найденном на Бесе-

¹⁸ См.: Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г. О проблеме сохранения археологического наследия // Российская археология. 2004. № 1. С. 120–125.

¹⁹ Флеров В.С. Найдено на аукционе «Christie». Роль эксперта в торговле древностями // Российская археология. 2004. № 2. С. 121.

²⁰ Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г. О проблеме сохранения археологического наследия // Российская археология. 2004. № 1. С. 120.

²¹ Молчанов А.А., Селезнев А.Б. Сребреник Владимира Святославича с Бесединского городища под Курском // Нумизматический альманах. 2010. № 4 (15). С. 12–15.

динском (Ратском) городище в Курском районе, сама подлинность монеты вызывает большие сомнения»²².

В процитированной работе В.В. Зайцева содержится наблюдение, которое убедительно, почти экспериментально подтверждает, археологи каких регионов нашей страны теснее всего ассоциированы с грабителями памятников старины, и к чему это приводит. За последние 10–15 лет, отмечает этот автор, количество находок древнейших русских монет X–XI вв. в сравнении с предыдущими годами значительно возросло. «Значительная часть ... монет происходит с территории современных Брянской и Курской областей Российской Федерации. ... Находки сребреников в этих областях были известны и ранее. ... В последние годы количество находок резко возросло. Так, за прошедшие 5–7 лет только в Брянской области было обнаружено не менее 15 экземпляров древнерусских монет. Однако большая их часть известна только по фотографиям и изображениям на Интернет-сайтах»²³, так что проверить их на подлинность затруднительно.

Недавно увидела свет книга, очень похожая на монографию по нумизматике: прекрасная полиграфия, множество иллюстраций, выражение благодарности коллегам-коллекционерам и научным сотрудникам, включая довольно известных специалистов. Настораживает отсутствие указания редактора и рецензентов. Подавляющее большинство упомянутых в книге монет якобы тмутараканского чекана содержится в частных коллекциях. Каков среди них процент подделок, трудно сказать, но наверняка немалый. Например, так называемые «монеты боярина Ратибора» явно копируют давно известные специалистам печати этого киевского посадника в Тмутаракани. Как видно, «монеты Ратибора создавались именно по образу и подобию его печатей, имеющих идентичную структуру», только добавлю, не в древние, а в новейшие времена фальшивомонетчиками для сбыта на антикварном рынке. Не случайно столь явные новоделы «появились в середине девяностых годов» (прошлого века. – С. Ш.) и «до недавнего времени эти чрезвычайно редкие монеты из-за их низкого качества и еще более неудовлетворительной сохранности не публиковались»²⁴. Первая пу-

²² Зайцев В.В. О новых находках древнерусских монет X–XI вв. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2007. Вып. 2. С. 6.

²³ Там же. С. 7.

²⁴ Бабаев К.В. Монеты Тмутараканского княжества. М., 2009. С. 4.

бликация, признавая их древнерусскими денежными знаками, не убедительна. Представить, что денежной эмиссией занялся бы не представитель княжеского Дома Рюриковичей, а кто-то из их подчиненных, для историка Руси невозможно – это противоречит всей системе научных знаний об ее социально-политической системе. На примере издания К.В. Бабаева видно, что коллекционеры подлинных и поддельных монет претендуют на научный статус, имитируют атрибуты профессиональной экспертизы своих сокровищ.

Таким образом, настоящим археологам сегодня приходится проявлять осторожность, принципиальность в общении с самодеятельными волонтерами по поиску древностей. К экспертизе и публикации следует принимать только безусловно случайные находки, в отношении которых исключена возможность их получения путем несанкционированных раскопок. В большинстве случаев так оно и происходит. Однако имеются и отдельные случаи некритического заимствования добычи «черных копателей». Вот один из примеров сказанному, цитата из монографии, защищенной как докторская диссертация: «Краеведом из Курчатова А.А. Катуниним в осыпях склонов городища собраны представительные материалы, которые он передал в Курский государственный университет»²⁵. Умолчанию подвергаются «методы» сбора – использование «краеведом» металлоискателя и, соответственно, лопаты для выкапывания засеченных под землей вещей. Судя по большому числу и малой величине находок, культурного слоя на упомянутом городище «краеведом» было перелопачено немало (найжены наконечники стрел и копья, 14 бляшек от ременной гарнитуры, серебряный перстень).

«За кадром» цитаты остается и тот несомненный факт, согласно которому и упомянутый грабитель, и многие его «коллеги» по криминальной «археологии» идут по областным памятникам археологии уже не выборочно, а систематически – пользуясь приобретенной у тех же музейных археологов картой этих памятников. Следовательно, скоро в Курской области уже не останется памятников старины с неповрежденным культурным слоем.

Как видно, сегодня невнятный ярлык «краеведа» накрывает очень разных персонажей. Как вполне добросовестных любителей старины, так и полукриминальных, и прямо криминальных

²⁵ Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005. С. 263.

дельцов нелегального рынка древностей. Очень пестрая группа деятелей, где наряду с добросовестными любителями немало откровенных шарлатанов и просто психически убогих персон. Закрывать глаза на опасности для просвещения и культуры, исходящей от безоглядной поддержки всех подряд нынешних краеведов, было бы недальновидным для представителей науки и государственной власти. Активность современных краеведов приносит то пользу, то прямой вред памятникам культуры. В этой ситуации стоит развивать подготовку и улучшать трудоустройство специалистов общего профиля (археологов, историков, архитекторов и т. д.), которые затем по роду своей деятельности могут специализироваться на изучении тех или иных древностей того или иного региона. И, в частности, осуществлять объективную экспертизу краеведческих проектов, далеко не все из которых достойны поддержки из казенных и общественных средств.

УДК 347.962:821.161.1

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ УЕЗДНОГО ГОРОДА САРАНСКА В ТВОРЧЕСТВЕ И.В. СЕЛИВАНОВА

О.А. Пивцайкина

Л.В. Сульдина

НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
e-mail: suldinalv@mail.ru

Авторами предпринята попытка воспроизвести картины провинциальной повседневности на примере города Саранска первой половины XIX века на основе анализа работ русского публициста Ильи Васильевича Селиванова. В процессе раскрытия темы представлены бытовые зарисовки из жизни обывателей уездного города, его культурная жизнь, выведены художественные образы представителей различных слоев общества.

Ключевые слова: А.И. Селиванов, «Провинциальные мемуары», писатель, литературное творчество, Мордовия.

THE HISTORICAL IMAGES OF THE COUNTY TOWN OF SARANSK IN THE WORKS A. I. SELIVANOV

O.A. Pivtzaikina

L.V. Suldina

The authors attempted to reproduce pictures of provincial everyday life exemplified by Saransk in the first half of the XIX century. The analysis made on a basis of the publicist's works Iliia Vasilyevich Selivanov. The cultural life of provincial town, the artistic images of representatives of various circles of the society have been outlined.

Key words: A.I. Selivanov, «Provincial memoirs», writer, literary creativity, Mordovian territory.

Литературное творчество писателя-сатирика И.В. Селиванова в настоящее время известно разве что профессиональным исследователям. Однако в середине XIX в. его произведения пользовались успехом у читающей публики. Широкой популярностью пользовались «Провинциальные воспоминания. Из записок Чу-

дака»¹, в которых «обличалось» русское чиновничество. В 1950-х годах имя Селиванова как литератора «обличительного направления» упоминалось зачастую рядом с именем М.Е. Салтыкова-Щедрина² – автора «Губернских очерков». На протяжении ряда лет судьба И.В. Селиванова была связана с мордовским краем, здесь проходила его служба, и здесь же был взят основной материал к его литературным творениям.

Илья Васильевич Селиванов³ родился 16 июля 1810 г. в селе Любава, Зарайского уезда, Рязанской губернии (ныне территория Луховицкого района Московской области) в семье некогда знатной, но небогатой. Тем не менее, в 1821 г. был отдан на обучение в частный пансион Д-ра Кистера в Москве, где получил блестящее образование. В возрасте 15 лет был принят на юридический факультет Московского университета, после которого состоял на гражданской службе в Москве и Петербурге. В сентябре 1838 г., И.В. Селиванов сочетался браком с Верой Фавстовной Маковой. В приданое за женой получил имение село Малое Маресево Саранского уезда Пензенской губернии (ныне Чамзинский р-н Республики Мордовия) с 219⁴ «душами» крепостных, куда супруги и переселились вскоре после свадьбы. Так Илья Васильевич оказался в Саранске.

В конце 1839 г. титулярный советник Илья Васильевич Селиванов местным уездным дворянством был избран на должность

¹ Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания. Из записок чудака. Собрал и привел в порядок И. Селиванов. Т. 1–2. М., 1857; Т. 3. М., 1861.

² Воронин И.Д. Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Саранск, 1976. С. 336.

³ Сульдина Л.В., Пивцайкина О.А. «...я жил больше сердцем...». Из судебной практики г. уездного судьи И.В. Селиванова // Центр и периферия. 2012. № 1. С. 14 – 23; Пивцайкина О.А., Сульдина Л.В. Илья Васильевич Селиванов: хроника уездного города глазами обывателя. Историко-культурные зарисовки г. Саранска XIX в. // Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России. VIII Сытинские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти историка С.Л. Сытина. Ульяновск, 2014. С. 89 – 97.

⁴ Козьмин Б.П. Селиванов и его письмо из революционной Франции 1848 г. // Литературное наследство Т. 67. М., 1959. С. 574. (Сам И.В. Селиванов пишет о 250 душах см.: Селиванов И.В. Мордва // Журн. землевладельцев. Т. 2., № 8. С. 59).

уездного судьи⁵. Указ Пензенского Губернского правления № 43409 об определении членов уездного суда был подписан 23 декабря 1839 г.⁶ (4 января 1840 г. по новому стилю), здесь же в Пензе новый уездный судья был приведен к присяге⁷. К своим же непосредственным обязанностям, судя по записям «Журнала заседаний Саранского уездного суда», он приступил 1 января (13 января по нов. стилю) 1840 года.⁸

Здесь он не без основания прослыл либералом и вольнодумцем. Селиванов резко отличался своими взглядами на служебную этику. Он служил сообразно своим представлениям о чести. Естественно, в губернии саранского судью воспринимали как чудака и даже поглядывали на него с некоторой опаской. В своих «Провинциальных воспоминаниях», во многом автобиографическом сочинении, Илья Васильевич характеризует себя следующим образом: «...в уездный суд выбрали человека нового, приезжего из Москвы. Незнакомый с преданиями уезда, или лучше не дорожающий ими, он, как всякая новая метла, принялся мести чисто»⁹. «...Один судья, нарушавший общую гармонию. – «Надобно его сверзить», говорили уездные власти, может быть вопреки грамматике, и имели на то тысячу причин, одна важнее другой. Первая и самая главная была та, что он не играл в карты; вторая – ходил рано в суд, и третья – не якшался с ними никогда и ни в чем. Этого было достаточно для того, чтобы его ненавидели все уездные власти»¹⁰. Во второй части «Провинциальных воспоминаний» Селиванов приводит оценку собственной персоне уже со стороны губернского окружения, здесь он выводит себя под именами Исаия Васильевича и Всеволода Петровича¹¹: «Судья? Ну, где ему? Да и не такого сорту человек совсем. Как есть мельница, ничего кроме; все закон да закон на языке, да фармазонство разное...»¹²; «Вы знаете судью: как ему втемяшится что-нибудь в голову, так, ка-

⁵ Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 15. Оп. 1. Д. 324. Л. 1 (далее – ЦГА РМ).

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 1.

⁸ Там же.

⁹ Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания ... Т. 1. С. 330.

¹⁰ Там же. С. 337.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 410.

¹² Там же. С. 447.

жется, сам чорт не выбьет»¹³; «Известно, вольнодумец! Начитался книг, так и думает, что чорт ему не брат.»¹⁴.

Сам Селиванов описывая в художественной форме членский состав суда отмечал следующее: «Большую часть все эти чиновники, учились на медные деньги, а чаще умеют только читать, да писать, и смотреть на службу как на кормилицу, от которой через несколько лет является у них домик, лошадка и всякие другие приятности этого мира»¹⁵, «Только слава одна, что чиновники. Разве присутственное место пришлет хорошего? ...Вот хоть прошлый раз из уездного суда прислали... Писать-то даже не умеет, – какую уж ведомость составлять, – он и слова-то такого, что значит ведомость, отродясь не слыхивал. Все время, что считался в комиссии, только печки с сторожем топил, да на почту за пакетами бегал»¹⁶.

Действительно дореформенный суд являлся составной частью громоздкой бюрократической машины российского самодержавия. В составе судов дореформенной России, по имеющимся данным, высшее или среднее образование имели только 55,5% служащих Фемиды¹⁷, из них со специальным юридическим образованием и вовсе было всего лишь около 20%. По этой причине чиновники по судебной части нередко оказывались не сведущими в законах, что приводило к запущенности делопроизводства и упущениям при разрешении дел¹⁸. Таким образом, Илья Васильевич был одним из немногих кто был подкован в правовых вопросах. «Чтоб в добрый час молвить, а в худой помолчать, начинают у нас время от времени показываться между судьями и заседателями, люди вникающие в дело, – отмечал он, – и ежели не обладание точным и ясным познанием законов, то старающееся усвоить себе дух и смысл их»¹⁹.

Работа новоизбранному судье предстояла колоссальная. В компетенцию уездного суда входило разрешение мелких гражданских и уголовных дел. Среди уголовных материалов, рассмат-

¹³ Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания... Т. 2. С. 448.

¹⁴ Там же. С. 411.

¹⁵ Там же. С. 330 – 331.

¹⁶ Там же. С. 406

¹⁷ Тараканова Н.Г. Судебная реформа 1864 г. в российской провинции. Саранск, 2009. С. 50.

¹⁸ Там же. С. 51.

¹⁹ Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания... Т. 2. С. 331.

риваемых судом первой инстанции, встречались дела об избияниях и покушениях на жизнь, убийствах, членовредительстве во избежание рекрутства, кражах, поджогах с целью грабежа, о незаконных порубках леса, так называемые бытовые преступления и др. Среди гражданских дел – наиболее часто рассматривались земельные, межевые споры, переход из рук в руки имений. Так же уездный суд вел регистрации дарственных актов, купчих на продажу земель, вотчин, духовных завещаний, отпускных на крестьян и дворовых людей, разделительных актов, купчих крепостей, заемных писем, закладных земель и имущества, вел книги по записи разных сделок и пошлин²⁰. Отмечая загруженность уездного суда, обширность делопроизводства и запутанность самого процесса судопроизводства Селиванов писал все в тех же «Провинциальных воспоминаниях»: «Помилуйте, Спиридон Антонович, сами посудите извольте: за 10 лет, сколько было дел тяжёбных, исковых, просительских, уголовных, арестантских; сколько поступило по этим делам денег, какого рода, сколько в казну, сколько на частное удовлетворение, – да ведь это каторга. У нас в одном уездном суде решается до 800 дел, да в магистрате ста четыре – это 12 сот, в 10 лет 12 тысяч; сами рассудите, ведь я один. Мне с этим в два года не справиться»²¹.

Из тех же «Провинциальных воспоминаний» можно вывести и картину судопроизводства региона первой половины XIX века. Разбирательство дел длилось очень долго от нескольких дней до нескольких лет, а иногда и десятилетий, об этом также указывается в «воспоминаниях»: «Что ж, когда вы нам доставите ответ? Ведь скоро три года будет!»²².

Характерной чертой суда в первой половине XIX века являлось то, что не были определены четкие границы возбуждения дела, также строго не ограничивались сроки проведения следствия. Инстанционный порядок судопроизводства, просуществовавший вплоть до реформы 1864 г., существенно замедлял решение дел и способствовал широкому распространению судебной волокиты. Собственно наверняка, поэтому зачастую одно и то же дело регистрировалось в журналах по нескольку раз²³, вследствие

²⁰ ЦГА РМ Ф. 15. Оп. 1. Д. 325, 327, 339, 352 и др. ; *Тараканова Н.Г.* Указ. соч. С. 54.

²¹ *Селиванов И.В.* Провинциальные воспоминания... Т. 2. С. 405.

²² Там же. Т. 1. С. 157.

²³ ЦГА РМ Ф. 15. Оп. 1. Д. 324, 325, 336.

этого объем дел увеличивался в разы. Сами дела, бывало, попросту не читали и подписывали не глядя. Селиванов в своих «Провинциальных воспоминаниях» пишет так: «Ведь и журналы тоже нужно подписывать. А ты бы велел себе статейки заложить, чтоб не искать; вырвалось свободное время, пришел бы, да и подмахнул»²⁴.

«Вы знаете, что подписываете?»

– Никак нет-с! Не знаю-с... я журналов не читаю-с: глаза болят-с.

– Ну, так заставьте кого-нибудь читать себе...

– Не могу-с, обманут!

– Ну, да как же, батюшка, с этим сделать? Сами читать не можете, заставить не хотите, так подписывайте так»²⁵; «Журналы все подписываются ими своевременно! Я строго наблюдаю за этим. Исходящие подписывает сельский заседатель.

– Да ведь, кажется, сельские заседатели у нас оба не грамотные.

– Точно так-с, не грамотные; но Ключев отдал свою печать регистратору и этот клеймит все, что нужно. Остановки у нас нет, будьте спокойны»²⁶.

В самих делах и в определении их категории также была полнейшая неразбериха: «Да как сделал – написал наобум, да и все тут. Сообразился примерно, сколько было в один год, да против этого и выставил за все годы, – только в одном прибавил, а в другом убавил, чтоб не все одно было. Ведь поверять не станут. А и вздумают поверять, так в делах-то чорт ногу переломит... Да и сверх этого, Спиридон Антонович, – воля ваша, – я не понимаю, что это за просительные дела такие?.. Известно, все дела просительские... разве дело начинается без просьбы? А потом еще различие тяжёбных от апелляционных... разве апелляционное дело не тяжёбное же?.. Да это бы уж куды ни шло – ведомость прошлого раза была хороша, а с нынешней я, так просто, ума не приложу, что и делать!»²⁷.

Пытаясь хоть как-то сориентироваться в сложившейся неразберихе Илья Васильевич мае 1840 года, чтобы упорядочить рабо-

²⁴ Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания... Т. 1. С. 27.

²⁵ Там же. С. 34.

²⁶ Там же. С. 171-172.

²⁷ Там же. Т. 2. С. 407.

ту суда, составил проект распределения чиновников в канцелярии уездного суда и их обязанности²⁸.

Следом он занялся зданием присутствия уездного суда. Присутствие являлось типовым зданием, построенным по «образцовому» проекту академика архитектуры А.Д. Захарова. Здание это, возведенное во время губернаторства Ф.Л. Вигеля, отца известного мемуариста и тайного советника Ф.Ф. Вигеля и сохранившееся до сих пор в Саранске (ныне Государственное унитарное предприятие «Развитие села» по улице Московская, бывшая Трехсвятская), представляло на ту пору двухэтажное каменное строение с четырьмя отдельными флигелями. На первом этаже находились комнаты для проживания городничего и уездное казначейство, на втором – уездный суд с дворянской опекой, земский суд и городническое правление²⁹.

Материалы архивных дел говорят о том, что здание присутствия и сами помещения находились в плачевном состоянии: «Присутственная комната была светло-зеленого цвета, который немного выцвел, штукатурка местами, особенно около пола и окон отвалилась, печь треснула. Канцелярия, которую занимают протоколист опеки, регистратура и журналист суда имеет те же самые недостатки, только цвет стен желтого цвета». «Комната, где размещались гражданские, уголовные и крепостные дела была еще в худшем состоянии, чем две предыдущие: двери от давнего употребления почернели, замка у наружной двери нет, печь треснула и около топки кирпичи выкрошились и выпали, душник пропускает дым, заслоны перегорели, полы и рамы погнили»³⁰.

Подобная разруха дома присутственных мест описывается и в «Провинциальных воспоминаниях»: «Дом, в который мы входим, – присутственные места, или, еще короче, суд. Ежели вы посмотрите на него несколько издали, вы тотчас заметите, что он разделяется на две части одною, очень характеристическою чертой: из семи, или девяти окон, составляющих фасад его, по два окна от каждого угла целы, остальные, в середине, непременно с перебитыми стеклами. Это признак, по которому вы всегда можете отличить дом этот от частных домов. Войдя на крыльцо, вам пред-

²⁸ ЦГА РМ Ф. 15. Оп. 1. Д. 324. Л. 551 – 552/об.

²⁹ Российский государственный исторический архив. Ф. 216. Оп. 2. Д. 166. Л. 4 – 42.

³⁰ ЦГА РМ Ф. 15. Оп. 1. Д. 325. Л. 230 – 231/об.

ставятся лестница на крыльцо и двери направо, или налево, с веревками вместо ручки, до того грязные, что грязь эту не смоешь никакою водой, разве отскоблишь ножом»³¹. «Ежели, войдя на широкое крыльцо, вы пойдете на лестницу наверх и поворотите налево, то войдете непременно прямо в канцелярию земского суда. ... За канцелярией следует присутствие, большая комната, большею частью зеленого цвета, со столом, покрытым красным сукном, забрызганным чернилами»³².

Обнаружив бытующие неполадки, Селиванов тут же потребовал произвести освидетельствование с целью их последующего устранения³³.

Далее на очереди в списке дел у уездного судьи стоял земский суд. Селивановым было обнаружено, что земский суд при составлении сведений не руководствовался предписанными правилами. Поэтому 15 октября (27 октября по новому стилю) 1841 г. Селиванов предложил сделать распоряжение о том, чтобы земский суд в своей работе опирался на приложение к 285 статье 11 тома свода законов Российской империи, т. е. «неукоснительно исполнять то, что законом назначено»³⁴.

Ввел Селиванов в работу суда и дисциплину, что доказывает следующий факт. 12 июля (24 июля по новому стилю) 1841 г. Илья Васильевич ушел в 29-тидневный отпуск³⁵, который, который, однако, был продлен еще на 2 месяца³⁶. Свои дела он временно сдал старшему дворянскому заседателю И.Н. Шибаеву. О том, как велась работа, в отсутствие господина уездного судьи, красноречиво говорят журналы заседаний Саранского уездного суда³⁷. Судья по записям, заседатели ставили свои подписи заранее, оставляя писарям место для заполнения. Незаполненные места на листах иногда занимали, чуть ли не половину страницы, либо наоборот записи ужимались из-за нехватки места. Встречаются записи, где проставлена роспись без указания ее расшифровки. Либо стоит расшифровка, но нет росписи самого исполнителя. Можно предположить, что подобное использование поля бумаги было связано

³¹ Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания... Т. 1. С. 81.

³² Там же. С. 83.

³³ ЦГА РМ Ф. 15. Оп. 1. Д. 324. Л. 560, 562-562/об.

³⁴ Там же. Д. 326. Л. 219/об-20.

³⁵ Там же. Д. 337. Л. 194-194/об.

³⁶ Там же. Д. 338. Л. 89, 90/об-91.

³⁷ Там же. Д. 337. Л. 195-495/об.; Д. 338. Л. 1-88/об.

с тем, чтобы соблюсти необходимый объем листажа. Но все же более вероятна версия того, что в отсутствие уездного судьи члены суда редко навещали место службы. Подобные нарушения встречались в дальнейшем, в отсутствие судьи³⁸. В присутствии Ильи Васильевича подобные огрехи встречались крайне редко.

Особенности судебного процесса Селиванов в художественной форме показал в первом томе «Провинциальных воспоминаний». Писатель, пусть и с определенной долей субъективизма, дает наглядную картину судопроизводства того времени. Земский суд, по словам Селиванова «был каким-то пугалом, которого боялись все, а ожидали не многие»³⁹. Обыватели были готовы скорее откупиться от следственных органов, чем выступать свидетелями и подвергаться бесчисленным допросам. И.В. Селиванов описывал случай, когда Временное отделение земского суда, выехав расследовать причину смерти найденного жителями с. Горки мужчины, осмотр и постановление готовило, не выходя на место и, закончив следствие за один вечер, заключило, что «нет сомнения: смерть натуральная». В благодарность за непричинение хлопот «суд» принял собранные деньги и продукты, нисколько не сомневаясь, что подобное «дело» пропустит и губернатор, и уголовная палата⁴⁰. «Все были довольны – и земский суд, потому что мог дела о скоропостижно умерших следовать, почти не выходя из комнаты; и уездный суд, потому что судить было нечего, писать мало; и начальник губернии, потому что убийств в уезде почти не случалось; и уголовная палата, потому что в нее дела такого рода вовсе и не поступают, а производить такие дела, по которым «нет хождения», очень скучно»⁴¹. Данный факт доказывают и архивные дела «Саранского уездного суда Пензенской губернии. Решительные определения суда по уголовным и гражданским делам». Анализ дел показывает, что все смерти, даже с самым очевидным фактом насилия, по судебному решению имели, как правило «натуральную» причину⁴².

Сами следственные дела представляли собой некоторые письменные сведения в виде записки с содержанием дела, доводами сторон, справками и ссылками на законы. Затем стороны и их дове-

³⁸ ЦГА РМ Ф. 15. Оп. 1. Д. 338. Л. 287–413.

³⁹ Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания... Т. 1. С. 239.

⁴⁰ Там же. С. 256–263.

⁴¹ Там же. С. 253.

⁴² ЦГА РМ Ф. 15. Оп. 1. Д. 326, Д. 339, Д. 343, Д. 342.

ренные удостоверяли правильность изложенных фактов своими подписями. Доступ сторон при рассмотрении дела в помещение, где его рассматривали, был закрыт, приговор зачастую выносился без прений сторон, на основании формальных доказательств⁴³. Таким образом, дело получало значение не живого состязания между сторонами, а собирания бумаг и письменных объяснений, вызванных письменными требованиями присутственного места.

В дальнейшем Илья Васильевич, несогласный с подобной системой, изложил свое видение судебного процесса в статье «Слово и дело. Практические заметки делового человека». «Самостоятелен ли у нас уголовный судья? – задается вопросом Селиванов. – Нет! Он не вполне самостоятелен... нравственной независимости у него нет – потому что завтра его решение перерешат другие и за то, что он думал иначе, нежели думает другой, его могут штрафовать, лишать наград и прочее»⁴⁴. Причину этого он, прежде всего, видел в зависимости судов от административной власти. Также Илья Васильевич говорил о необходимости введения институтов обвинения и защиты: «Только при этих двух силах, равнодействующих на него – судья может быть именно тем, чем он должен быть в самом деле: *судьею*»⁴⁵.

Кроме того он высказывался за необходимость непосредственного общения с самим обвиняемым. При этом И.В. Селиванов обозначал в судопроизводстве важность определения причины преступления, а не самого его факта. В своей судебной практике он также старался действовать сообразно с доводами здравого рассудка, а не слепого следования законам: «Что до меня касается, в продолжении всей моей жизни, а следственно и судебной практики, я жил больше сердцем – не стыжусь признаться в этом»⁴⁶. Эту же мысль он приводит и «Провинциальных воспоминаниях»: «...всегда буквально принимаемые законы могут повести к страшным заблуждениям и что всегда надобно стараться, прежде всего, понять дух закона, то есть мысль, руководившую законодателя во время составления закона. ...Иногда одна запятая совершенно изменяет смысл закона и что эта запятая, как опечатка, может иногда стоить чести, состояния, доброго имени сотням и тысячам – и

⁴³ Тараканова Н. Г. Указ. соч. С. 72 ; ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 326; 339, 340.

⁴⁴ Селиванов И.В. Слово и дело. Практические заметки делового человека // Библиотека для чтения. 1860. апрель. С. 1.

⁴⁵ Там же. С. 3.

⁴⁶ Там же. С. 4.

что по этому, ежели эта запятая составляет явную ошибку в законе, надо или требовать на нее пояснения или прикладывать закон к делу так, как по смыслу самой фразы или по смыслу предшествующих и последующих статей закона понимать ее нужно»⁴⁷.

Справедливость вышеприведенных слов Селиванова подтверждают дела из его практики. Уездному судье часто приходилось сталкиваться с неправильной, по его мнению, трактовкой закона. Благодаря сохранившимся в Центральном государственном архиве РМ документам можно проследить всю парадоксальность ситуаций и сравнить их с видением самого Селиванова.

В ноябре 1841 г. в Саранском уездном суде рассматривалось дело о купленном крепостным крестьянином Савелием Ивановым из деревни Леоновки Саранского уезда в Говоровском питейном доме вина и перевезенном затем через Инсарский уезд. Обстоятельства дела заключались в следующем: Савелий Иванов для празднования свадьбы и Михайлова дня купил в питейном доме с. Говорова, что в Саранском уезде два ведра вина и отправился домой. Однако назад, дабы сократить путь, он отправился через с. Верченки Инсарского уезда. При этом следует оговориться, что если бы крестьянин отправился назад через Саранский уезд то из с. Говорова до Леоновки ему пришлось бы проделать лишних 13 верст, а проезжая через сельцо Верченки Инсарского уезда, он сокращал свой путь. Однако, не доезжая до Верченок, Иванов был остановлен отставными солдатами Инсарской кормчей стражи. Суду предстояло разобраться в этой запутанной ситуации. Как следует квалифицировать это дело: как кормчество или все же закрыть глаза на явный факт нарушения закона, потому как умысла в противоправном деянии у крестьянина не было и преступление было им совершено по незнанию.

Все разбирательство запутанного дела представляло из себя различные вариации трактовки преступления. Так следуя закону, согласно ст. 488, 15 тома Свода законов уголовных, данное деяние квалифицируется как кормчество. Однако Селиванов, несогласный с подобным исходом тяжбы при слушании дела отметил следующее: «... по 488 ст. 15 тома свода законов уголовных перевоз вина из одного откупа в другой надобно считать кормчеством, но что в случае подобном нынешнему, буквальное приложение закона было бы стеснительно для жителей тех селений, которые

⁴⁷ Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания... Т. 1. С. 333.

находятся в подобных отношениях, по тому и предлагал войти о сем для разрешения с вопросом в Пензенское губернское правление». Из Пензы пришел следующий ответ: «Когда в законе определен род и вид наказания, но не определена мера оногo, тогда суд определяет меру наказания по мере преступления, сообразно правилам в последующих отделениях сей главы подробно изложенных, руководствуясь в прочем вообще двумя главными началами: 1 чтобы не налагать наказания паче меры содеянного преступления; 2 чтобы оказывать себя более милостивым нежели жестоким...» Учитывая данные инструкции в следственном деле отмечено: «Губернское правление указом своим предписано суду дело о кормчестве крестьянина Г. Теплова Савелия Иванова решить по точному основанию законов, и как местность селений его жительства и села Говорова такова, что миновать Инсарский уезд нет возможности 105 же ст. 15 тома свода законов уголовных судьям позволено в тех случаях, где нет прямого закона постановлять свое мнение». Суд положил: крестьянина Савелия Иванова, не сочтя корчемником, внушить ему, чтобы он на будущее время не осмеливался перевозить вина из одного откупа в другой⁴⁸.

Однако дело, как полагалось правилами, решение суда отправили на ревизию в Пензенскую палату уголовного суда. Пензенская палата уголовного суда обязала саранский уездный суд переписать определение по данному уголовному делу. На что конкретно было обращено внимание вышестоящей инстанцией, в архивных материалах не указано⁴⁹. О том каким образом завершилось данное дело и само разбирательство по нему представлены в повести Селиванова «Контрабанда»: «Видите ли: из деревни Леоновки поехал мужик в кабак купить винца к свадьбе. Леоновка, как вам известно, стоит на границе уезда; оно бы чего ближе поехать в другой уезд, да там взять, благо чужой кабак стоит на самой границе и от него всего-то версты 2 каких-нибудь будет. Однако мужик, как человек обстоятельный, туда не поехал. Подумал: ну их совсем, свяжешься с откупом, засудят тебя так, ни за что; взял да поехал в кабак в своем уезде. А этого не смекнул, что чужой-то уезд в наш уезд клином вдался, что к кабаку-то проехать чужим уездом 7 верст, а своим 14; да и дорога-то по чужому

⁴⁸ ЦГА РМ Ф. 15. Оп. 1. Д. 338. Л. 134/об-135, 281-281/об, 325-326/об, 425/об, 426 ; Д. 339. Л. 223-226/об.

⁴⁹ Там же. Д. 347. Л. 34.

уезду идет полевая и ровная, а по своему лесами да болотами, колеи да рытвины. Ну, мужик поехал, да и взял ведерочко, видно, винца. Едет себе, ни о чем не помышляет; хоть и далеконочко, говорит, за то вернее – беды не наживешь; эти собаки кордонные приставать не станут. Разумеется, пока он в кабаке пустой-то ехал, при переезде через границу, его и не обыскивали, – ему и невдомек, что он в чужой уезд заехал, – а как поехал назад с вином, его доброго молодца и сграбастали. «Откуда?» – говорят. «Да Мочалинского уезда, деревни Леоновки». «Где вино брал?» «В своем, уезде, – говорит, – в Пронюхоловском кабаке; извольте хоть справку навести». «Да как же ты в Зазнобинской уезд попал?». «Да как же не попасть-то, разсудите милостиво. От вашей Леоновки до Пронюхолова 7 верст, коли через Зазнобинский уезд ехать; а коли по нашему, по Мочалинскому, так 14; да и дорога-то там знаете какая – ой, ой! За 20 покажется. В середине лета проезду нет, а теперь весеннее время, только разве в грязи купаться туда ехать, и колес-то не выворотишь».

Взяли, однако, молодца, представили к становому. Следствие тут долго производить нечего; собственное сознание, ну, и в суд. И начал судья умничать. Говорит: «Какой же он контрабандист, коли в своем уезде вино купил» Я ему показываю закон, говорю так и так: «Разве не видите, что здесь написано: кто провезет через границу уезда, тот контрабандист!». «Это вздор, – говорит, – закон не может желать притеснять даром. Буквальное понимание закона вздор, – говорит. – Никогда не поверю, чтоб законодатель хотел даром мучить и еще в таком случае, когда сам виноват, положив границы уезда так, что свой кабак дальше, нежели чужой». «Ну уж это, – говорю, – позвольте; где касается до закона, это уж наше дело знать – мы на то стряпчие поставлены, чтоб наблюдать за соблюдением закона... и я вам против закона сделать не позволю. Закон надо буквально принимать». «Как, – говорит, – буквально? Так по-вашему, ежели бы случилось даром отшлепать человека потому только, что закон неясен, так и тут надо буквально держаться?» «Разумеется, надо, – говорю... Что за важность, что мужика отшлепают; поохает, поохает, перестанет; за то закон соблюден и неприкосновенен остался».

Спорили, спорили, да что толку? Разве в пустую голову втолкуешь что-нибудь? Стал на своем: не виноват, говорит, мужик, да и кончено. Как я ни бился, сделал по своему: представил губернскому правлению, что закон, дескать, неясен; нельзя думать, чтоб

мужиков даром секли и штрафы взыскивали за то только, что нелепым образом границы уезда положены. Говорил я ему: «Вздор Вы, Всеволод Петрович, делаете. Неужели вы думаете, что губернское правление, видя такую точность в словах закона, станет по Вашему представлению в суждение входить, или в сенат представлять? Уж, конечно, нет. Напишут вам какую-нибудь фигу, да тем и кончится». Так и случилось.

Много через неделю шлют указ из губернского правления. «Выслушали, – говорят, – представление Мочалинского уездного суда, приказали: дать знать уездному суду, чтоб он в точности руководствовался законами, да строго ему заметить, чтоб он неосновательными представлениями не утруждал начальство, под опасением строгого по закону взыскания». Получив такой указ, расходился наш судья – и рвет, и мечет. Я на эту пору угодил в суд. Бросился он на меня, словно ворон на кров, и заорал: «Что это такое ваше губернское правление делает?» Кричит: «Это не чиновники, а разбойники. Им говорят, что закон темен; что на основании этого закона страдают невинные; а они отвечают, чтоб руководствоваться законом. На что это похоже? Да я так не оставлю, я не побоюсь их. Я в сенат напишу; или они думают, что я не знаю статьи закона, где судам 1-й степени дано право прямо входить в сенат, ежели суды 2-й степени порют вздор...», – и чорт знает, чего он тут не наплел еще... Но так как он приставал ко мне с расспросами и советами, то я и сказал ему напрямик: «Послушайте! Вы все только один вздор делаете и чорт знает, из чего горячитесь. Хоть сенату представите, так все тоже будет. Не станут там из одного Вашего какого-нибудь мужика законы ломать, да беспокоить всех составлением нового закона? Об этом не беспокойтесь. Или промолчат вовсе или скажут тоже, что сказало губернское правление: действуйте сообразно с законами. Оставьте-ка лучше и приговорите мужика, как преступника; это умнее всего будет». Нет, не послушался-таки, сколько я ни уговаривал, освободил мужика от наказания. Разумеется, случилось то, что и должно было быть: уголовная палата уничтожила решение суда, мужика приговорила, а поступок уездного суда, судившего вопреки закона, передала обсуждению губернского правления»⁵⁰.

В своей практике Селиванову часто приходилось встречаться и с делами связанными с незаконной вырубкой леса. Так только

⁵⁰ Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания... Т. 2. С. 448–452.

за один день 15 марта (27 марта по новому стилю) 1840 г., в приказе Саранского уездного суда было вынесено 6 приказов к приведению в исполнение обвинительных приговоров в незаконной порубке леса⁵¹. В дальнейшем собирательный образ этих дел лег в основу его повествования «Полесовщики»⁵², где автор показал всю несостоятельность законодательной базы Российской империи. Анализ дел саранского уездного суда показывает, кто бы ни был виноват в порубке, наказание всегда нес полесовщик как недоглядевший. Закон всегда однозначно трактовал подобные преступления: «Если полесовщик изобличен будет в самовольном дозволении кому-либо вырубки леса, то предоставляется судебному месту, смотря по важности ущерба казны, определять ему телесное наказание, а следующий штраф взыскивается с целого селения, к которому лесная дача прилегает, неисключая из сего и виновного полесовщика» (Т. XV «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» свода законов Российской империи).

Да и сами приговоры были одинаковы: «Лесного надзирателя Гаврилова, как недоглядевшего в свое время о самовольном поступке крестьян, и тем нарушившего доверие общества в целостности лесных дач...в пример другим наказать розгами 15 ударами строго подтвердить быть внимательным к исполнению возложенных на него обязанности...»⁵³; «...исчисленную подлесничим Васильевым сумму, на которую порубка сделана...взыскать со всего общества не исключая и лесного надзирателя Кантеева...надзирателя Кантеева за слабое смотрение за лесом, чем нарушил он доверие своего общества...наказать на людской сходке, при бытности станового пристава розгами пятью ударами...»⁵⁴; «...за порубленные неизвестным леса 9 руб. 34 коп. взыскать со всего грибоедовского общества, не исключая и самого надзирателя Андреева...а между тем ему лесному надзирателю сделать строгое подтверждение чтоб он за целостностью леса имел неослабное наблюдение...»⁵⁵; «Как по произведенному по сему делу следствию в порубке в дачах села Говорова виновных ни кого не открыто и подозрения в том ни на кого не изъявлено, то по сему исчисленную подлесничим...сумму ...взыскать со всего того об-

⁵¹ ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 324. Л. 303/об-306.

⁵² Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания... Т. 2. С. 169-238.

⁵³ ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 326. Л. 2.

⁵⁴ Там же. Л. 3/об.

⁵⁵ Там же. Л. 5.

щества не исключая и лесных надзирателей Никитина и Степанова...лесных же надзирателей допустивших истребление леса и не обративших на сие внимания в течении почти целого года на весьма значительную сумму в пример другим наказать... розгами каждого по десяти ударов, поставив в обязанность общества избрать на место их других лесных надзирателей...»⁵⁶ и др. Возможно последние и стали прототипами главных героев рассказа «Полевовщики»: Никиты и Степана.

В журналах заседаний саранского уездного суда были также найдены несколько дел о краже бриллиантов,⁵⁷ которые в совокупности отдаленно схожи с повествованием «Волчья долина», встречались, и дела об имениях, которые находились в опекуновском совете, их также можно сопоставить с рассказом «Старое время».

Не устраивала Селиванова и обстановка которая складывалась в самой губернии. В Пензенской губернии процветало казнокрадство и взяточничество. На то время губернатором был А.А. Панчулидзе, возглавивший ее в 1831 г. Войдя в историю как самодур и мздоимец, он стал, пожалуй, самым одиозным правителем, когда-либо возглавлявшим Пензенскую губернию. Вспоминая о нем, Селиванов писал: «П*** был в Пензе губернатором 28 лет и воспитал целое поколение чиновников, которые считали его чуть ли не Богом – не честности, конечно, но власти и силы»⁵⁸. Соратник Селиванова по перу М.Е. Салтыков-Щедрин метко заметил о губернаторе, что на этом посту он «более двух десятилетий боролся с законом»⁵⁹.

За 28 лет пребывания Панчулидзева у власти губерния погрузилась в пучину коррупции. Нижестоящие чиновники на местах могли вытворять все, что им заблагорассудится, при условии, если заплатят подать вышестоящим. При попустительстве губернатора становые приставы находились на жаловании у воров, особенно конокрадов. В целом, беспредел царил во всех сферах. В Петербурге о вышеназванной губернии знали только то, что губернатору хотелось, чтоб знали. А те, которые не подчинялись заведенному порядку, безусловно, приходилось плохо. В их числе были в первую

⁵⁶ ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 326. Л. 7.

⁵⁷ Там же. Л. 325, 339.

⁵⁸ Селиванов И.В. Записки дворянина-помещика... Т. 28. Июнь. С. 289.

⁵⁹ Цит. по: *Соболев А.* Пензенские «Фандорины» // Улица Московская. 2010. 30 август. // URL: <http://www/ym-penza.ru> (дата обращения: 07. 12. 2011).

очередь саранский уездный судья и уездный предводитель Инсарского уезда А.А. Тучков. «И ежели меня не стер тогда, – вспоминал Селиванов, – то единственное потому, что у Пашковых в Москве ему обо мне говорил московский почт-директор Булгаков, бывший приятель моего тестя. П*** боялся, чтоб через меня не дошло до Петербурга что-нибудь из его проделок. Он, однако, достал меня потом, когда страх этот миновался»⁶⁰.

О том, что в губернии преуспевало конокрадство доказывают архивные дела саранского уездного суда⁶¹. Сам Селиванов считал, что пресечь конокрадство можно только в том случае если ликвидировать институты, учрежденные как раз для борьбы с данным явлением⁶². Возможно впечатленный подобным размахом дел в губернии Илья Васильевич позже отразил их собирательный образ в рассказе «Тетерников».

Помимо своих непосредственных служебных обязанностей Селиванову иногда приходилось вести дела предводителя уездного дворянства⁶³, так как настоящий предводитель, Андрей Андреевич Нечаев, был трусоват, и каждый раз, когда полученная им, откуда-нибудь бумага требовала затруднительного или незамедлительного ответа либо действия, он всегда сказывался больным и сдавал должность Илье Васильевичу.

Однажды на имя А.А. Нечаева пришло письмо министра, с просьбою уведомления о собранном в уезде урожае. Сия справка, по мнению Селиванова, требовалась от уезда, возможно, потому что приводным губернаторам перестали верить⁶⁴. Стоит ли говорить, что задание тут же перешло на Селиванова, так как сам предводитель дворянства неожиданно заболел. В тот год (1841) в уезде был богатый урожай, о чем напрямую, минуя губернские власти, и не преминул сообщить в своем донесении Селиванов. Узнавши про подобное самовольство, губернатор был взбешен. По предположению Селиванова, недовольство А.А. Панчулидзева было связано с тем, что последний хотел скрыть реальные цифры и отписаться, о случившемся в губернии неурожае, а вследствие этого получить

⁶⁰ Селиванов И.В. Записки дворянина-помещика, бывшего в должности предводителя палаты // Русская старина. 1880. Кн. 6. С. 291.

⁶¹ ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 326, 339, 349.

⁶² Селиванов И.В. Записки дворянина-помещика... Т. 28. Июнь. С. 290.

⁶³ ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 325. Л. 221/об, 222; Д. 337. Л. 143/об.

⁶⁴ Селиванов И.В. Записки дворянина-помещика... Т. 28. Июнь. С. 291.

причитающееся пособие. Несомненно, что большая его часть осела бы в кармане самого начальника губернии⁶⁵.

Позднее Илья Васильевич опишет этот случай в «Провинциальных воспоминаниях»: «Ты разве забыл, как насел губернатор на прошлого судью за то, что тот вздумал написать министру настоящий отчет об урожае? Губернатору-то хотелось показать министру плохой урожай, да и сказать, что на продовольствие хлеба, дескать, не достанет, так дайте пособия, – а судья тут ни к селу, ни к городу вздумал с своей правдою соваться, да и открыл, что урожай-то отличный. Мало ему пакостей-то делали? И бунтовщиком выставляли, и коммунистом, и, чорт знает, еще чем; бился, бился, и должен был не то, что в отставку выйти, и из губернии-то выехать»⁶⁶. Таким образом, это было первое столкновение Селиванова с губернатором. Этот случай и другие слухи, доходившие до начальника губернии о поведении уездного судьи спровоцировали затяжной конфликт. В дальнейшем писатель станет жертвой доноса мстительного губернатора, в результате чего в 1850 г. он будет сослан в Вятку «за превратный образ мыслей, выраженных в литературных сочинениях и частной переписке»⁶⁷. «Да губернатор этим не пронялся: написал куда следует, что он и коммунист, и вольнодумец, и чорт знает, что там еще, и должно быть ловко написал, потому что малого сграбастали да и услали куда-то далеко» – писал Селиванов в «Провинциальных воспоминаниях»⁶⁸.

Илья Васильевич, обладавший высокоморальными взглядами на службу и видевший в ней путь спасения и обновления России, не мог спокойно взирать на сложившееся положение дел: «Пусть говорят, что хотят о том, что один не сделает и прочее, – все это вздор, и ничего больше; фразы, выдуманые для того, чтобы прикрыть леность, своекорыстие, равнодушие»⁶⁹. В апреле 1842 г. Селиванов досрочно покинул пост уездного судьи⁷⁰. Что именно послужило тому причиной доподлинно неизвестно.

⁶⁵ Селиванов И.В. Записки дворянина-помещика... Т. 28. Июнь. С. 291–292.

⁶⁶ Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания... Т. 2. С. 409 – 413.

⁶⁷ Черняк Я.З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве (дело Огаревой – Панаевой). По архивным материалам. «ACADEMIA». М.; Л., 1933. С. 151–154, 467, 469.

⁶⁸ Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания... Т. 2. С. 413.

⁶⁹ Цит. по.: Лебедев Ю.В. Указ. соч. С. 11.

⁷⁰ ЦГА РМ Ф. 15. Оп. 1. Д. 347. Л. 372–372/об, 391.

После ухода с должности уездного судьи Илья Васильевич переезжает в Москву. Все шло своим чередом, но неожиданно, в декабре 1845 г., Селиванов получает из Саранска коллективное письмо от дворян уезда, в котором они приглашают его быть предводителем дворянства. Получив всю необходимую документацию, Селиванов возвращается в Саранск⁷¹. Но губернатор сделал все от него зависящее, чтобы лишить бывшего судью возможности занять предоставленную должность: «Довольно мне одного Тучкова, чтоб браться на шею другому (т.е. Селиванова)»⁷² – говорил по слухам, дошедшим до Селиванова, А.А. Панчулидзе. В Саранском уезде Илья Васильевич прожил до 1850 г.

Таким образом, на основе архивных документов саранского уездного суда было определено, что мордовский период жизни Селиванова стал временем накопления материала для его очерков и рассказов. Именно поэтому его «Провинциальные воспоминания» во многом оказались реалистичны. Произведение писателя представляет собой немалую ценность не только потому, что воссоздает обстановку, господствовавшую в провинциальном суде того времени, но и в целом рисует картину бытия региона первой половины XIX столетия.

⁷¹ Селиванов И.В. Записки дворянина-помещика... Т. 28, июнь. С. 295.

⁷² Там же. С. 296.

УДК 94(470.345)"18"

ПОСЛЕДНИЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ СЕЛА ТРОФИМОВЩИНА

Л.В. Сульдина

НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
e-mail: suldinalv@mail.ru

Статья посвящена происхождению дворянского рода Кикиных. На основе разнообразных источников была прослежена история рода по настоящее время. Большое внимание уделено тому, как Кикины попали в мордовский край и какую роль там сыграли.

Ключевые слова: Кикины, Наумовы, Е.Н. Кикин, Селезнёвы, село Трофимовщина, Саранский уезд.

THE LAST OWNERS OF THE TROFIMOVSCHINA VILLAGE

L.V. Suldina

The article is devoted to the origin of the noble family of the Kikins. The history of the clan is followed till the present on basis of a variety of sources. Much attention is paid to the fact how the Kikins got to the Mordovian region and what role they played here.

Key words: The Kikins' family, the Naumovs, E.N. Kikin, the Seleznevs, the Trofimovschina village, the Saransk Uyezd.

Трофимовщина – русское село, возникшее в середине XVII века на землях служилого дворянина Трофима Наумова, отсюда и название села. С этими местами связано имя Александра Васильевича Кикина, который был казнен Петром¹. Потомки Кикина породнились с Наумовыми и получили в приданое Трофимовщину – одно из самых крупных сёл бывшего Саранского уезда².

Кикины вели свое происхождение из Польши, откуда они выехали «в службу Московскую» к Великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому. Выехавший предок Кикиных, Логин (Лонгин) Ми-

¹ Кикины. История семьи. История рода. // URL: <http://www.kikin.ru> (дата обращения: 24. 11.2014).

² См.: Трофимовщина // Православная Мордовия: материалы к энциклопедии. Вып. I–V. / Под ред. С.Б. Бахмутова. Саранск, 2003. Вып. III. С. 313–315.

хайлович, был «паном радным» у короля Владислава Ягайло. У князя Дмитрия Ивановича Логин Кикин стал «введенным боярином и градодержавцем», за ним были записаны города Торжок и Волочек. Его сын Тимофей был боярином у удельного князя Петра Дмитриевича, сына Донского. Так у них и повелось далее в роду – служить московским государям.

Иван, отпрыск Тимофея, был кормленщиком и путником у князя Юрия Васильевича, а у Великого князя Ивана Васильевича держал жалование и кормление. Historики характеризуют Кикиных как «людей энергичных и способных, участвовавших во всех движениях тех времен». Видимо, эти их качества и способствовали тому, что Дмитрий и Иван Андреевичи Кикины были записаны в «тысяцкую книгу» лучших дворян и детей боярских (1550), когда «Великий Государь Царь и Великий Князь Иван Васильевич изволил отобрать тысячу лучших слуг и поселить их около Москвы». Кикины были записаны по Вязьме.

Позже Дмитрий Андреевич был послан в Чебоксары, Казань и Свияжск составлять писцовые книги (1566 – 68), умер бездетным. Брат его по указу Великого Государя Царя Ивана Васильевича из Вязьмы был переведен на Рязань. С этого момента на несколько столетий судьба рода будет связана с Рязанской землей. Иван Андреевич служил в Рязани «по выбору» и был товарищем воеводы Ивана Васильевича Шереметева в Данкове. Один из его сыновей, Федор Иванович, при государе Иване Васильевиче служил послом в Крыму (1565), тот же Федор Иванович был поставлен в Ельце станичным головой. Его брат, Семен Иванович, в той же должности служил в городе Новосельске. После него остался сын Иван, который был бездетным и убит в смутное время, в Коломне.³

У Федора Ивановича остались три сына – Иван Большой, Иван Маленький и Петр. Иван Большой Федорович убит при осадном московском сидении при царе Василии Ивановиче Шуйском. Иван Федорович, меньшой Кикин, участвовал в обоих Московских осадных сиденьях.

Петр Федорович Кикин поехал на богомолье в Зарайск. По пути его взяли в плен и продали в рабство, где провел многие годы, был откуплен в Азове. Вскоре после возвращения он умер. После него остались двое сыновей – Иван да Василий.

³ *Иванчин-Писарев Н.* Прогулки по древнему коломенскому уезду // URL: <http://www.history-ryazan.ru/node/337> (дата обращения: 30.11.2014).

Иван служил стряпчим и умер бездетным в походе под Смоленск при царе Алексее Михайловиче. Брат его, Василий Петрович был пожалован в стряпчие по именному указу царя Алексея Михайловича, затем в стольники. В 1654 послан был в Малороссию для принятия городов Киевского полка «под Государеву руку», в 1656 снова послан к Хмельницкому, для переговоров; играл выдающуюся роль в дальнейших сношениях наших с Малороссией. Его дети тоже служили на государственной службе. Двое из них Петр и Иван были стольниками, а третий Варфоломей – стряпчим. Наиболее известен четвертый сын, Александр Васильевич, в 1693 г. бомбардир в потешном полку. Сопровождал Петра I как денщик в Азовском походе. В 1697 г. отправился вместе с Великим посольством в Голландию, где учился судостроению. Получив звание мачт-макера, работал на Воронежской, затем на Олонецкой верфях. В начале 1707 г. по указу Петра I вступил в управление Петербургским Адмиралтейством. В 1707 – 15 занимался вопросами кораблестроения, снаряжения флота, ревизиями верфей. В 1708 был направлен с дипломатическим поручением к гетману Мазепе в Батурын. В 1712 произведен в адмиралтейств-советники. В 1715 за злоупотребления отставлен от управления Адмиралтейством и арестован, затем отправлен в Москву. Содействовал царевичу Алексею в бегстве за границу, за что был арестован в феврале 1718 и после пыток колесован.

После казни А.В. Кикина, по приказу Петра I его старшие братья Петр и Иван попали в опалу. Но Ивана не казнили, а сослали без назначения на должность в отдаленную Астрахань.

Его правнук Варфоломей-Петр Андреевич Кикин (27.12.1775 – 18.05.1834), показал себя прекрасным сенатором, статс-секретарем, генерал-майором и флигель-адъютантом. Георгиевский кавалер. Участник Отечественной войны 1812. Известен как общественный и литературный деятель. Он был седьмым из дюжины детей отставного секунд-майора Андрея Ивановича Кикина и Марии Федоровны Ермоловой. Военная карьера П.А. Кикина началась в лейб-гвардии Измайловском полку с капральского паспорта, который привез давний приятель его отца граф Иван Григорьевич Орлов. Затем Петр был принят в сержанты Семеновского полка. Закончив образование в Московском университетском пансионе, с 1 января 1796 года Кикин, произведенный в прапорщики, полностью отдался военной службе. В сентябре 1802 года пожалован флигель-адъютантом и войну 1812 года встречал в полковничьих эполетах.

В 1812 состоял дежурным генералом при М.И. Кутузове. В знаменитый день Бородинской битвы он получил ранение в глаз. После взятия Парижа, уже будучи командиром 2-й бригады 6-й пехотной дивизии, генерал-майор П.А. Кикин уволен по болезни в отставку с мундиром. За отличия в Смоленском и Бородинском сражениях, за заслуги перед Отечеством награжден орденами Св. Владимира 2 степени, Св. Анны 1 степени, Св. Георгия 4 степени, прусским орденом Красного орла и двумя шпагами «За храбрость». В 1816 г. по личной просьбе Государя, переданной через графа А.А. Аракчеева, отставной генерал стал статс-секретарем «у принятия прошений на Высочайшее Имя приносимых» и занимал эту должность до начала нового царствования.⁴

Известен как общественный и литературный деятель. В 1810 – 15 занимался в литературном кружке «Беседа любителей российской словесности». В 1821 выступил одним из инициаторов образования Общества поощрения художеств, был избран его казначеем. После отставки поселился в имении жены в д. Большая Алешня Ряжского уезда, где проживал до своей кончины. Он остался в истории России как инициатор сооружения храма Христа Спасителя в честь победы над наполеоновской Францией. Авторство этого замысла было широко обнародовано только в 1846 году журналом М.П. Погодина «Московитянин». «Каждый, кто страдал душою и с сокрушенным сердцем ожидал общего спасения от единого милосердия Всевышнего... Чье сердце не преисполнено благодарности к Богу – единственному спасителю нашему? Кто не чувствует сердечной необходимости ознаменовать признательность свою к Милосердию Его, явно покровительствующему нам?.. Провидение Божие, помощью Веры и народного духа спасло нас. Ему благодарность, и памятник Ему же принадлежит...»⁵ – пишет дежурный генерал I армии П.А. Кикин государственному секретарю А.С. Шишкову. Основание храма было заложено 10 октября 1839 года, через 5 лет после смерти инициатора строительства.

Еще одним интересным представителем рода Кикиных в XIX веке был крестник Марии Саввишны Перекусихиной (1740 – 1824), любимой камер-юнгферы Екатерины II, Петр Евграфович (1809 – 1885)., отставной майор. На протяжении всей своей жизни демон-

⁴ Краснов Е. Пыль хронологии // Волга. Саратов. 1997. № 5–6.

⁵ Цит. по. Краснов Е. Пыль хронологии... // Волга. Саратов, 1997. № 5–6. С. 35.

стрировал самое ревностное отношение к службе. В 1823 г. Поступил в Пажеский корпус пажем, в 1829 пожалован в камер-пажи, 1830 г. в прапорщики с назначением в л.-гв. Семеновский полк. С 7.01.1831 был в походе против польских мятежников, следуя из СПб. через Ригу, Вильно и Гродно, 14 марта прибыл в Царство Польское. 4 мая из-за болезни оставлен в Ломже, где поступил в сводный гвардейский батальон при отряде генерал-лейтенанта барона Остен-Сакена, с которым участвовал в отступлении русских войск от Ломзы к Вильне, где 7 мая был в сражении с неприятелем на Панарских высотах. 15 августа присоединился к своему полку; 25 и 26 августа участвовал в штурме Варшавы. В 1832 г. назначен в подпоручики, 1835 в поручики. 31.12.1835 – уволен от службы по личным обстоятельствам. В апреле 1840 г. поступил в С.-Петербургский батальон военных кантонистов капитаном⁶. В 1843 г. определен адъютантом к директору Департамента военных поселений генерал-лейтенанту барону Корфу с переводом в Гренадерский полк императора Франца. «Гренадер Франц. I полка капитан, Пётр Евграфович Кикин, при военном министерстве С-Петербурга в Департаменте военных поселений адъютант при Директоре Департамента военных поселений графе П.А. Клейнмихеле»⁷. В 1845 г. по прошению отставлен секунд-майором с мундиром. Имел серебряную медаль за взятие приступом г. Варшавы и Польский Знак Отличия за военные достоинства 4-й степени⁸. Был внесён в IV часть Дворянской родословной книги по Симбирской губернии и в III часть Дворянской родословной книги по Рязанской губернии⁹.

За ним состояли по Симбирской губернии 177 душ в с. Богородское (Алферьево) Курмышского уезда и 288 душ в Симбирском уезде. Кроме того, его супруге Марии Романовне Кер-Портер (единственная дочь английского консула, министра-резидента в Венесуэле, писателя и художника сэра Роберта Кер-Портера и

⁶ РГВИА Ф. 405. Оп. 10. Д. 474 (1843). О назначении состоящего по армии капитана Кикина Петра Евграфовича адъютантом к Г.Директору Департамента Военных поселений (07.07 – 04.10.1843).

⁷ Адресь-календарь. Общий штатъ Российской империи на 1845 г. С-Петербург, 1845.

⁸ РГВИА Ф. 405. Оп. 10. Д. 474 О назначении состоящего по армии капитана Кикина Петра Евграфовича адъютантом к Г.Директору Департамента Военных поселений (07.07 – 04.10.1843).

⁹ Лихарев М.П. Алфавитный список дворянских родов Рязанской губернии, внесённых на 01.01.1893. Рязань, 1893.

Марии Фёдоровны, урождённой княжны Щербатовой, крестницы императора Александра I и императрицы Марии Фёдоровны, воспитанницы Екатерининского института в Петербурге)¹⁰ принадлежало 362 душ в селе Малая Снежатка и деревне Аннино Раненбургского уезда. К сожалению, брак был бездетным¹¹. П.Е. Кикин «любил геральдику, знал наизусть атрибуты, эмблемы каждого Российского дворянского герба, обладал необыкновенною памятью на хронологию и исторические события»¹² – пишет М.М. Марина. Был погребён вместе с женой в селе Мещера Раненбургского уезда Рязанской губернии в храме Святителя и Чудотворца Николая в склепе под алтарём под плитой белого мрамора¹³.

В нашем крае обосновался родной дядя Петра Евграфовича – Евграф Андреевич Кикин, который в начале в XIX века унаследовал село Трофимовщину Саранского уезда Пензенской губернии (ныне Ромодановский район Республики Мордовия).

Как отмечалось выше, первыми владельцами села были Наумовы. Александр Иванович Наумов служил «поручиком лейб-гвардии конного полка с 1752 года по 1764 годы и в этом чине был оставлен». Остаток жизни (а умер Александр Наумов в 1821 году в возрасте 87 лет) был прожит в Трофимовщине. После себя Александр Иванович оставил 3 детей – сына и 2 дочерей. Сын, Федор Наумов пошел по стопам отца, поступил на военную службу. Однако, находясь в чине поручика, он оставил военную службу. Отец его, узнав о недостойном поведении сына, лишил его всех прав на наследство и разделил своё состояние между дочерьми – Анной и Александрой. Вскоре Александр Наумов скончался. Спор между наследницами велся довольно долго, но, в конце концов, был разрешен. В 1821 году Александра Наумова вышла замуж за майора Евграфа Андреевича Кикина. Пару лет спустя Александра составила завещание, где всё свое имущество после смерти передаёт своему мужу. С 1823 года владельцами с. Трофи-

¹⁰ *Марина М.М.* В старом, радушном дворянском гнезде на Арбате // Русская старина. 1909. Т. 140. С. 577–587.

¹¹ *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. СПб., 1873.

¹² *Марина М.М.* Ук. соч. С. 577–587

¹³ Там же.

мовщина стали Кикины, причем – последними владельцами¹⁴. Это одно из самых крупных сёл бывшего Саранского уезда. Получается, что брак с Елизаветой Петровной Перхуровой у Е.А. Кикина был вторым.

Евграф Андреевич Кикин 1771 года рождения. Был участником Средиземноморского похода адмирала Ф.Ф. Ушакова. В период 1798 – 1800 гг. русские войска освободили от наполеоновской Франции юг Италии и триумфально вошли в Рим.

В сражении за остров Корфу офицер солдатской команды линейного корабля «Святой Павел», находящегося в эскадре вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова – Е.А. Кикин проявил героизм, был дважды ранен¹⁵.

«... Французы в первом часу пополудни послали против нашей батареи новую вылазку. В ней было уже 1000 человек под командованием генералов Шабо, Пиврона и прочих батальонных начальников, в том числе до 40 конных. Они стремительно ударили на холм Кефало, где было наше укрепление. Здесь находился, кроме показанного числа людей, отставной волонтер нашей службы капитан Кирико с 30 албанцами и несколькими островскими жителями. Все они состояли под начальством капитана Евграфа Андреевича Кикина. Как скоро французы приблизились к батарее, то островские жители смялись и предались бегству»¹⁶ – написано в жизнеописании адмирала Ф.Ф. Ушакова. Е.А. Кикин был отважным и бесстрашным воином, поэтому, увидев сильное ополчение неприятеля, вместе со своими воинами, яростно ринулись в бой. Схватка была жестокой и упорной, бой продолжался до самого вечера.

«Храбрый Кикин горел одним желанием со своими солдатами, он взял с собой отборных офицеров, 200 человек гренадеров и других охотников и пустился с ними на неприятеля. Выступив из батареи, отряд этот сделал один залп из ружей и в тот же миг быстро ударил в штыки; несколько турок и албанцев последовали их примеру. Французы, будучи поражены этим нечаянным напа-

¹⁴ Реестр туристических ресурсов Ромодановского муниципального района Республики Мордовия // URL: <http://mkrm.ru> (дата обращения: 24.11.2014).

¹⁵ Подр. см.: *Скаловский Р.К.* Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. СПб., 2006.

¹⁶ Святой флотоводец России. Жизнь и деяния святого праведного воина Ф.Ф. Ушакова. СПб., 2004. С. 139.

дением, отступили назад и иные едва могли укрыться под самым гласисом крепостей, оставляя победителям поле сражения, убитых и раненых» – вот так описано сражение за холм Кефало на греческом острове Корфу в жизнеописании адмирала Ф.Ф. Ушакова. Во время боя Кикин получил серьезные ранения, турки принимали участие в его выздоровлении. В связи с этим произошел интересный случай. «Дня четыре спустя после поражения французов, некто Эким-Мехмед, бывший на адмиральском турецком корабле в звании главного штаб-доктора, одевшись в праздничное свое платье, вошел неожиданно в мою [адмирала Ф.Ф. Ушакова] каюту; так как он у меня прежде не бывал, то посещение это меня несколько удивило, но удивление мое еще более умножилось, когда Эким-Мехмед, подойдя ко мне ближе и сделав низкий поклон, произнес чистым русским языком следующие слова: «Ваше благородие! Бога ради поведите меня к капитану Кикину, ведь он мой господин! Я хочу его видеть и просить у него прощения. Я был коновалом у его покойного батюшки; меня отдали тогда в солдаты: под Мачином попался я к туркам в плен, по глупости своей отурчился и женился в Царьграде, имею пять человек детей. Благодаря Бога, нажил я себе хорошее состояние, получая хорошее жалование за лечение турецких матросов от ран и прочих болезней; я долго крепился... никому из русских не открывался, но как узнал, что мой барин находится здесь на кораблях и тяжело ранен неверными французами, мне стало так грустно, что я не знаю, куда деваться. Заставьте за себя вечно Богу молить, поведите меня скорее к барину моему – я хочу пасть к ногам его и просить у него прощения! У меня, батюшка, русское сердце, ко мне турецкого ничего не пристало. Я не Мехмед, меня зовут Кондрашкою!». <...> Я не мог не удовлетворить неотступной его просьбе и отвез его тотчас на корабль «Св. Павел». Он от радости был долго безмолвен и кинулся потом к ногам своего господина, коему я должен был объяснить, кого он перед собой видит. Кикин, невзирая на ужасную боль, ранами причиняемую, не мог удержаться от смеха, видя у ног своих в богатой восточной одежде, с превеликой чалмой на голове слугу своего Кондрашку...»¹⁷.

¹⁷ Святой флотоводец России. Жизнь и деяния святого праведного воина Федора Ушакова, адмирала непобедимого. Сатись Держава. Санкт-Петербург, 2004. С. 167-177.

В 1807 г. майор в отставке, становится предводителем дворянства Курмышского уезда Симбирской губернии¹⁸. Владелец земель и лесов при селе Порецкое Алатырского уезда, деревнях Чаадаевки и Монаково Ардатовского уезда¹⁹, села Алферьево и деревень Кикинка, Орловка и Колычёвка Курмышского уезда Симбирской губернии²⁰. Имел земли также в Пензенской и Нижегородской губерниях²¹.

Благосостояние дворян во многом зависело от числа душ крепостных, которыми они владели, Е.А. Кикину, к тому времени принадлежало 1016 мужского пола²² (в других источниках 1458 душ мужского пола)²³. В тридцатые годы XIX века наиболее богатыми в Саранском уезде Пензенской губернии считались Кикины. К тому же им принадлежал дом в Москве.

«10.07.1839 Е.А. Кикин в Московской палате гражданского суда оформил «верующее письмо» титулярному советнику Д.В. Коженкову с поручением представлять его интересы в суде и управлять его имениями, состоящими в трёх губерниях: Симбирской Курмышского уезда в с. Алферьево, д. Колычёвка; Пензенской Саранского уезда в с. Трофимовщина в сельцах и деревнях к нему принадлежащих и Нижегородской Нижегородского уезда в с. Пицы, с. Шипилове и д.»²⁴.

«В алфавитном списке отставных чиновников и дворян – домовладельцев Москвы за 1842 г.: Кикин Евграф Андреевич, майор, Пречистинская часть 4 кв. прих. Власия в Гагаринском переулке, дом Кумова 368. Из отчёта опекуна по управлению имением майора Евграфа Андреевича Кикина за 1852 – 1856 гг.: имение поступило в ведение Нижегородской дворянской опеки за спором наследников по распоряжению Саранского Уездного суда и принадлежит майору Евграфу Андреевичу Кикину (VII) чин. Из от-

¹⁸ См.: Поливанов В.Н. Материалы к истории Симбирского дворянства 1781–1909 гг. Симбирск, 1909.

¹⁹ ЦГА РМ: ФР-61. Оп. 2. Д. 257. Л. 244

²⁰ См.: *Карякин И.С.* Отчая земля. Нижний Новгород, 1995.

²¹ См.: *Гусаров Ю.В.* Кикины. Чувашская энциклопедия // URL: <http://-enc.sar.ru> (дата обращения: 18.01.2015).

²² См.: Саранск. Научно-популярное издание. В 2 кн. Саранск, 1997. Тип. «Красный Октябрь». Кн. 1. С. 192.

²³ См.: *Гусаров Ю.В.* Кикины. Чувашская энциклопедия // URL <http://-enc.sar.ru> (дата обращения: 18.01.2015).

²⁴ ЦГА РМ: ФР-15. Оп. 1. Д. 209. Л. 3; ЦГА РМ: ФР-15. Оп. 1. Д. 365. Лл. 1,2,19,39,40.

чёта следует, что умер Е.А. Кикин в 1854 году. После смерти Е.А. Кикина по указу Пензенской казённой палаты от 25.05.1854 г. с. Трофимовщина с деревнями перешли к его сыну Николаю»²⁵. Умер в 1854 г. в с. Алферьево Курмышского уезда²⁶.

Сын умершего Евграфа Андреевича Николай Евграфович, о нём мало, что известно, он внесён во II часть Дворянской родословной книги Пензенской губернии²⁷.

После смерти матушки Елизаветы Петровны, дети начинают делить наследство. Так 15 ноября 1843 г. Николай Евграфович Кикин, к тому времени корнет, подаёт прошение о выдаче свидетельства: «...имею я с братом штаб-ротмистром Андреем Кикиным состоящее в Нижегородской губернии и уезде в сельце Пицы 89 душ мужского пола, доставшееся нам по разделу после смерти родительницы нашей Елизаветы Петровны Кикиной, урожденной Перхуровой. А также в сельце Михайлове Макарьевского уезда 41 ревизскую душу. Всего 130 душ. По этому завещанию мы состоим наследниками вместе с сестрой, капитаншей Марией Евграфовной Толстой»²⁸.

Владел землями в Пензенской губернии, после кончины отца унаследовал и развивал усадьбу в Трофимовщине Саранского уезда. Являлся попечителем местной Михаило-Архангельской церкви. Всячески способствовал, в том числе и материально, строительству очень крупного деревянного храма, во имя Живоначальной Троицы. Был женат на Софье Ивановне Жихаревой, с которой прижил троих детей Евгения, Елизавету и Софью.

Последним носителем фамилии Кикиных был Евгений Николаевич Кикин, был внесён во II часть Дворянской родословной книги Пензенской губернии²⁹. В списке потомственных дворян-землевладельцев Пензенской губернии: «владел 1733 десятинами земли в д. Трофимовщина и с. Содомъ, Саранского уезда»³⁰. В

²⁵ ЦГА РМ: ФР-15. Оп. 1. Д. 505. Л. 19

²⁶ Центр генеалогических исследований // URL: <http://rosgenea.ru> (дата обращения: 29. 12. 2014).

²⁷ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 1342.

²⁸ ГАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 4910 Дело о выдаче свидетельства помещикам Кикиным для залога имения в с. Пице Нижегородского уезда.

²⁹ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 1342; Списки дворянских родов, внесённых в родословную книгу Пензенской губернии к 01.01.1908. Пенза, 1908.

³⁰ Списки потомственных дворян, владевших в Пензенской губернии имениями в 1785 и состоявшими землевладельцами к 1902г. Пенза, 1902.

конце XIX-го – начале XX-го веков ему принадлежало еще с. Алферьево.

В одном из писем Н.А. Крылова, датированном 13 декабря 1888 г. есть такой текст: «...Пришел из Тёплого Стана слух, что Петр Евграфович Кикин умер, нужно ждать, что в Алферьево последуют разные перемены. ... Наследником является сын Николая Евграфовича Кикина из Трофимовщины, где главный управляющий Ник. Ник. Алексеев. Вероятно, он приедет принимать имение в Алферьево. Человек он ровный, спокойный и разумный, авось подействует на Ал. Ив. (Тюбукина – Е.К.), чтоб не бросал дело! Сам наследник, говорят, в отца натурой, но тороват и любит сорить деньги и страстный любитель строиться...»³¹.

Родился Евгений Николаевич 19 февраля 1861 г., в своем поместье с. Трофимовщина Пензенской губернии³². Усадьба была для него родиной, в ней проходило детство и отрочество на попечении родителей и дворни. Средств и возможностей семьи хватало для обеспечения чадам всех условий для роста и развития.

Первоначально Кикины проживали в небольшом двухэтажном доме, но позднее поставили новый дом, правое крыло которого соорудили в виде свободной импровизации на тему Пизанской падающей башни. «Не о копировании речь – о принципе, воплощенном в изящную арочную композицию, такую легкую, что на расвете ее можно признать за призрачную. Соотношение башни и остального здания было достигнуто такое, что чудачество владельцев являлось, как говорится, с первого предъявления, но оторвать башню, перенести ее в другое место было никак нельзя: она вписалась в пейзаж и архитектурную среду точно, органично, емко»³³ – пишет С.Б. Бахмутов.

Имение Кикиных было неповторимо, представляло собой великолепную дворянскую усадьбу состоящее из жилого дома, церкви, хозяйственных служб, пруда, парка, аллей с чашами-цветниками, скверов, беседок, купальни. Пруд был особенным украшением поместья, такого, пожалуй, не было больше нигде. Все пруды делались в ложбинах, которые перекрывали плотинами, а Трофи-

³¹ Кикины. История семьи. История рода // URL: <http://www.kikin.ru> (дата обращения: 24.11.2014).

³² См.: Русская родословная книга. Издание «Русской Старины». Санкт-Петербург. Типография Министерства Путей Сообщения (А. Бенке). 1873. С. 68; Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. С.-Петербург, 1873.

³³ Бахмутов С., Лаптун В. Разорванное ожерелье. Саранск, 1991. С. 234.

мовщинский пруд был создан на склоне холма, для чего пришлось насыпать плотину с трех сторон, в результате была создана искусственная чаша водоема. Таким образом, родники снабжали пруд чистой водой, тело плотины, укрепленное зелеными насаждениями, прочно сдерживало напор. Вода была настолько чистой, что крестьяне специально спрашивали разрешение брать ее для своих нужд. В итоге возник уютный ландшафтный уголок с видом на пойму реки Атьмы, широкие заливные луга и существовавший тогда лес³⁴.

Особое место занимала в усадьбе церковь. Усадебная церковь являлась связующим звеном между господами, дворовыми людьми и жителями примыкающих к усадьбе деревень. Краеведы утверждают, что в селе последовательно появлялись и исчезали три храма.

Когда рубили первый, сведений нет, но, по предположениям учёных, это произошло не позднее конца XVII века. Известно, что второй, во имя Архангела Михаила, деревянный, был построен в 1791 году на территории барской усадьбы. Третий, тоже деревянный, во имя Живоначальной Троицы (Троицкий), с приделами во имя Святого чудотворца Николая и Святого Дмитрия Ростовского, появляется в 1875 году с трапезной в память Сретения Господня. Этот храм красовался на излёте Королевской горы в центре села.

Деревянная Троицкая церковь отличалась величиной, она была рассчитана не менее чем на 2000 чел., представляла собой типичную рубленую церковь, сложенную из столетних сосен, в одну главу необъятной величины, имела общие стены с трапезной и колокольней, два позолоченных купола, венчающихся крестами. Внутри была обита холстом голубого цвета, имелась богатая позолота. Вокруг церкви железная ограда. Церковь поражала не только величием и размерами, но и спокойной силой, уверенной мощью.

В конце XIX века рядом с большим храмом была возведена небольшая деревянная зимняя Михаило-Архангельская церковь. Из ее убранства сохранилось скрупулезно выполненное живописное распятие, установленное набожным помещиком, почти трехметро-

³⁴ См.: *Охотский Н.* Краткий церковно-исторический очерк села Ромоданова Саранского уезда // ПЕВ. 1882. № 7-8; *Бахмутов С., Лаптин В.* Разорванное ожерелье. Саранск, 1991. С. 234-235; *Бахмутов С.Б.* Умолкнувшее эхо // Советская Мордовия. 29.10.1989.

вой высоты. Венчал церковь ажурный кованый крест. Таким образом, к концу XIX века, когда окончательно сложился ансамбль кикинской усадьбы, в селе оставалась только одна церковь – Троицкая. В ней служил священник В.И. Юшков, в пострижении Серафим, первый епископ Саранский (1923)³⁵. Попечителем Троицкого храма являлся Евгений Николаевич Кикин, как в свое время его отец.

По воспоминаниям жительницы с. Трофимовщина: «Барин был очень приветливый. Всегда, бывало, на Рождество бегали к нему славить. Всех оделит, но второй раз лучше не приходи! Случалось захочет кто из ребятишек по другому разу пославить – тут же рассердится и прогонит. Ты, говорит, уже был. Обманывать – грех. Всех помнил»³⁶.

Евгений Николаевич жил обычной жизнью помещика, для этого были все условия. Оставленное наследство и доходы позволяли безбедно существовать и держать великолепный выезд (до полусотни лошадей, приобретенных благодаря дружбе с конезаводчиком Ю.И. Юрловым), значительный скотный двор, ухоженный парк и сад площадью 10 десятин и т.д. Имел в своем распоряжении три тысячи десятин земли³⁷.

Евгений Николаевич Кикин по сути был рантье, свои земли сдавал крестьянам в аренду, уважал крестьян и их труд, вероятно, поэтому в 1905 г. большую часть земли (2 тыс. десятин) продал за бесценок крестьянам, оставив себе лишь небольшой участок возле села Богородское Голицино (ныне Первомайск Лямбирского района) да земли вокруг усадьбы. Подобные случаи в истории были единичными.

События 1917 года и Гражданской войны окончательно выбили почву из-под ног дворянской культуры. К 1917 году Е.Н. Кикин был малоимущим помещиком, он сам, добровольно отдал имение кре-

³⁵ Трофимовщина // Православная Мордовия: материалы к энциклопедии. Вып. I-V. /Под ред. С.Б. Бахмутова. Вып. III. Саранск, 2003. С. 313–315.

³⁶ Кикины. История семьи. История рода. // URL: <http://www.kikin.ru> (дата обращения: 24.11.2014).

³⁷ Бахмутов С. Взлеты и падения. Судьба рода дворян Кикиных // Советская Мордовия. 02.07.1993.

стьянам, сказав при этом: «Берите, ваше время пришло»³⁸. Когда грянула революция, всю собственность бывшего помещика конфисковали. Усадьба претерпела значительные изменения, повлекшие за собой гибель ценнейшей библиотеки и архива, исчезновение имущества, порчу мебели, осушение водоемов, слом дома. Е.Н. Кикин был вынужден вместе со своим незаконнорожденным сыном переехать жить в маленький деревянный дом, который для них срубили и поставили в саду местные мужики.

В 1918 г. Евгений Николаевич подвергся аресту и просидел несколько месяцев в ЧК, после чего был выпущен. И даже после случившегося, он уехать из родного села не захотел. Хотя младшие сёстры Елизавета и Софья, эмигрировавшие во Францию, неоднократно звали его к себе. Кикин остался в Трофимовщине, жил тихо и скромно, занимаясь земледелием, часто голодал и даже нищенствовал.

В 1930 году ему пришлось разделить судьбу многих представителей Российского дворянства, он был снова арестован, как один из главарей антисоветской группировки. Приговорен Тройкой при ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю по ст. 58-8, 58-10, 58-11, 58-13 УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу. Реабилитирован 27 ноября 1989 года³⁹.

Евгений Кикин был человеком неженатым и во многом одиноким. Много размышлял о просвещении народа, оттого поддерживал сельские школы и оказывал им материальную помощь. Состоял почетным попечителем Ромодановской школы и почетным смотрителем Саранского городского четырёхклассного мужского училища. А также принял участие в создании и поддержании и содержании школы в с. Трофимовщина. Сначала планировалось открыть церковно-приходскую школу, после пробовали создать земскую, но что-то не заладилось. И, в конце концов, была открыта министерская четырёхклассная школа. Министерскими назывались школы, которые учреждались Министерством народного просвещения. Надо отметить, что в Саранском уезде министерских школ было всего-навсего две. Преподаватели в таких школах работали более подготовленные. Уровень преподавания

³⁸ Трофимовщина // Православная Мордовия: материалы к энциклопедии. Вып. I-V. /Под ред. С.Б. Бахмутова. Саранск, 2003. Вып. III. С. 313-315.

³⁹ Память. Жертвы политических репрессий. Саранск, 2000. С. 414.

и образования в них был выше, чем в церковно-приходских или земских школах. В Трофимовщинской школе работали замечательные педагоги, в том числе Е.Я. Аршинова, преподававшая позднее в Саранской женской прогимназии, и В.И. Юшков, отец будущего академика С.В. Юшкова, создателя научной отрасли «История государства и права СССР».

Евгений Николаевич всячески стремился повысить уровень образования в мордовском крае, оттого и позволял крестьянским детишкам использовать в учебном процессе свою богатейшую личную библиотеку, которая собиралась в течение многих десятилетий. Библиотека обладала солидным фондом периодических изданий и значительным архивом, среди бумаг которых были даже собственноручные письма Петра Великого к А.В. Кикину⁴⁰.

Библиотекарем при личной библиотеке Е.Н. Кикина был Сергей Евстафьевич Селезнев (1899 – 1976)⁴¹ (по рождению Сергей Евгеньевич Кикин). Он был незаконнорожденным сыном Евгения Николаевича и жены Управляющего Кикинским имением в Трофимовщине. К моменту рождения Сергея Кикина у нее уже было 2 сына, своего сына Е.Н. Кикин у нее сразу забрал (затем, 2-м браком она вышла замуж за Кашёноква и родила ещё 5 детей). Примерно до 1915 года Сергей помогал отцу в библиотеке и по хозяйству, в дальнейшем уехал в Саранск учиться в Ремесленном училище, после этого работал в Рузаевке кассиром в банке, был участником Великой Отечественной Войны⁴².

Сергей Евстафьевич Селезнев сменил фамилию Кикиных в 1917 году, по совету отца, чтобы избавиться от преследований. У него было трое сыновей, Владимир (1928 – 1994), Виктор (1932 – 1971), и Сергей (1943 – 1996). И только младший сын продолжил род теперь уже Селезневых.

Кикины были владельцами многих имений в разных губерниях, но последний представитель этого семейства доживал свой век в усадьбе с. Трофимовщина Саранского уезда. Ныне от усадь-

⁴⁰ Гусева Т.М. Культура и общество во второй половине XIX в.: Социокультурное развитие российской провинции (на примере Мордов. края). Саранск, 2008. С. 88; Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Москва, 2008. С. 371.

⁴¹ См: Краснов Е.П. Поиски утраченного имени // Дворянский вестник. М., 2000. Вып. 11, 12.

⁴² Кикины. История семьи. История рода. // URL <http://www.kikin.ru> (дата обращения: 24. 11. 2014).

бы и бывших там некогда построек не осталось ничего, что могло бы напомнить о далеком прошлом этой усадьбы, а окрестные жители, по всей вероятности, уже и не вспомнят прежних владельцев. А ведь семейство Кикиных сыграло заметную роль не только в общественной жизни мордовского края, но и всей России.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 271.(470.44-25)+929 Симеон Саратовец

СКАЗАНИЕ О СИМЕОНЕ САРАТОВЦЕ В СОСТАВЕ СПИСКА «ВИНОГРАДА РОССИЙСКОГО»

С.В. Клеймёнова

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Зональная научная библиотека им. А.В. Артисевич,
Отдел редких книг и рукописей
e-mail: svet.kleymenowa@yandex.ru

Статья посвящена рукописи XVIII века «Виноград Российский», один из списков этого старообрядческого мученика хранится в Научной библиотеке СГУ, в отделе редких книг. Рукопись включает интересный фрагмент – главу о Симеоне Саратовце, пострадавшем за свои убеждения в Петровское время. По приказу Феодосия (Яновского) он был заключен в земляную тюрьму, где и умер.

Ключевые слова: XVIII век, старообрядцы, «Виноград Российский», Симеон Саратовец, Феодосий (Яновский), Петр I, Зональная научная библиотека СГУ имени В. А. Артисевич

THE TALE ABOUT SIMEON SARATOVETS IN THE LIST OF «GRAPE OF RUSSIA»

S.V. Kleimenova

The article is devoted to the manuscript of the XVIII century "Grapes of Russia", one of the lists of this Old Believers Martyrius is kept in the Scientific Library of SSU, in the department of rare books. The manuscript includes an interesting piece – the chapter devoted to Simeon Saratovets, who suffered for his beliefs in the time of Peter the Great. By order of Theodosius (Janowski), he was imprisoned in an earthen prison, where he died.

Key words: XVIII century, Old Believers, "Grapes of Russia", Simeon Saratovets, Theodosius (Janowski), Peter I, the SSU Regional Scientific Library named after V.A. Artisevich

В отделе редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки имени В.А. Артисевич Саратовского государственного университета хранится рукопись XVIII века из собрания П.М. Мальцева «История о страдальцах, в России пострадавших от лета 7166» (инв.

№1334). Это список известного произведения одного из основателей Выговского поморского общежительства Семёна Денисова (1682–1740) «Виноград Российский», созданного в 1730-х гг. и представляющего собой старообрядческий мартирий. В рукописи 368 листов. Размеры: 20,2 x 16,0 x 5,7 см. Рукопись описана В.У. Ластовским 11 июня 1934 года. Переплет: кожа, доски. В настоящее время верхняя доска и верхняя застежка утрачены. Обрез тонирован, по обрезу – закладка-регистр. 1-й лист рукописи оформлен в стиле гуслицкой орнаментики. Этот список не был известен исследовательнице «Винограда Российского» Е.М. Юхименко, выявившей 89 списков произведения, хранящихся в БАН, РГБ, ГИМ, ГПБ, ИРЛИ и Научной библиотеки МГУ, и поэтому не был ею учтен. Вслед за дореволюционным исследователем памятника В.Г. Дружининым Е.М. Юхименко отмечала наличие трех редакций текста: основной, краткой и особой (тоже краткой)¹ и предложила выделить также и четвертую редакцию.

В этом интереснейшем памятнике старообрядческой литературы есть глава, которая может быть интересна всем, занимающимся историей Саратова. Она так и называется: «О Симеоне Саратовце» (Л. 177–183об.). Текст приводим полностью:

(Л. 177). «Во оном Нове Граде страдания доброе течение соверши предобрый и крепкодушный Симеон, иже отечества бяше града Саратова, чина же воиньска, и за некая словеса оклеветан бысть к монарху, во гнев монаршеский впадает, и чина воиньска совлачится. И острейшими пытании, и тяжчайшими жестоких мучений виды окрушается, и жестоце томится, и за стражу крепкую в темницу всаждается. Глаголют же нецыи, яко о брадобрити обличаше и потязаше воины, и еже в видении от святыя Богоматере повелен быв глаголати сие извещаше, яко не подобает брад брити. О сколь жестокими пытками, о сколь премножайшими язвами ранится, обаче великодушно и дерзновенно тризнице страдания проходит, аще и древняго благо-

(Л. 177об.). честия законов еще не ведяше, но Пастырь Предобрый Христос, иже своя овцы и знает и присно взыскует и к себе милостивно приводит, по гласу Самого пресвятому: и ины ов-

¹ Юхименко Е.М. «Виноград Российский» Семёна Денисова (Текстологический анализ) // Древнерусская литература: источниковедение. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1984. С. 250.

цы имам яже не суть от двора сего, и тыя ми подобает привести, и глас мой услышат.

Седящу предоброму и крепкодушному Симеону в темнице и во оковах является ему великий архиерей и всемирный чудотворец Никола, от Бога послан, и научает добляго Симеона древлецерковному благочестию, еже двема перстома креститися, еже молитву творити: Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешнаго. Научився отсюда предоблий подвижник, в темнице сидя, сие всеусердно и непрестанно прочее содержаше. По времени некоем, от любителей древлецерковнаго благочестия, всем древлецерковным догматом, преданием, и обычаем

(Л. 178). добре наказан, благоревностный и дивный показася стоятель, и непреклонный о сих страдалец. Еже новоградский архиерей уведан к себе некогда призвав, увещеваше предобляго терпеливоносца, к новинам возвратитися, обещаю и монарха о всем умолити, и свободу тому сотворити. Но понеже тверд в постоянстве, и крепок при благочестии древнем обретается, изрядный муж. Яростию архиерей возжеся, не токмо милость кую излияти, но и клеветати неправеднаго монарху не устыдеса, еже мучити дивнаго за отеческия законы понуждаше. Монарх же привед пред ся, коль премного страхом, коль преужасными поступки искушаша мужа доблесть: меч на выю тому нанося, аки отсеци оную хотя, но неподвижим и неустрашим стояше храбрый страдалец, к монарху всепокорно взывая: вскую мя искушаеши, державный владыко, маловременными сими страшилищи: известно твоему дер-

(Л. 178 об.). жавному предлагаю монаршеству, яко не ужасаюся смерти, но боюся муки: но сладостно за древлецерковное святое благочестие умирати и всеусердно желаю. Монарх же, видев его мужество и небоязненное сердца, остави его невредена заарестована. Откуда и свободу большую получив. Аще и за стражею, обаче всем приходящим свободно сотворися к нему приходитьи. Чесо ради мнози, к нему людие и народи приходядаху, милостыню дающе: еже приимая предоблий, нищим и сирым, и по темницам неоскудно всегда раздаваше нищым и узником, толико наипаче народи приходящее тому всеусердно подаваху. И тако сидя во узилище многое время, яко до седми лет, молитвами и моленьми Господа Бога всежелательно моляше, милостынями и щедротами присно алчющыя насыщаше утробы: сам же постом и

воздержанием, и бодрыми бденьми повыну себе томяше, нужду юзилища

(Л. 179). и юз тако радостно, тако вселадостно ношаше, яко в чертозех царских ликовствуя веселяшесе. И понеже часто исхождаше за стражею во градския стогны, и часто беседоваше с любящими древлецерковное благочестие: некогда изшедшу предивному страдалцу, отпущену за стражею, случися беседовати на стогнах, с добрыми мужи и женами: увидев сие некий от священник, ключарь Софийскаго собора, о сколь яро к нему притек возопи: расколниче, почто простыи прельщаеши люди, во свою отводя прелесть: страдалец противу, тии прельщают люди, котории от благочестия отводят в своя смышленные законы, аз же древлецерковнаго благочестия, и святоотеческия веры всеусердно сын и хранитель: тем же не есмь прелестник, ниже расколник, но православный христианин. Ключарь еще яростно вопияше, ты не токмо прелестник еси, но и враг божий: страдалец противу, врази божии сии

(Л. 179 об.). суть, иже от Бога человеки отвращают, и диаволу и вечной тме наследники сотворяют: аз ж, аще и грешен есмь, но не токмо от Бога не отвращаю кого, но и сам за божия законы изадревле церковное благочестие толиколетно стражду, и усердно узы сия ношу, враги же божия и прелестники ненавижду весьма и отметаю. Сия и множайшая сих страдалец с ключарем оным разглагольствуя, елико словесы своими благодатными, онаго безгласна показа и срамна, толико на больший гнев того подвиже: иже шед ко архиерею, толь премного и безчеловечно на страдалца клеветати понудися, яко архиерея на ярость подвиже толикую, елико и градскому епарху, на онаго дивнаго юзника наношеньми, и великими неослабными притуженьми насочити, и тако умножити оболгания, яко и принудити градскаго епарха в заточение в монастырь

(Л. 180). Хутынский отстоящий от града седьм поприщъ послати. Делу заточения скоро совершаемому, предоблий Симеон привозится на Хутыню, и архимандриту того монастыря представляется. Бе же архимандритию держай тогда Феодосий, иже последи и Невский бяше, архиепископ Новоградский: его же нравы и поступки, действие и жизнь описывать не тебе, зане вся концы Российския земли паче трубы вопиют онаго труды и подвиги, елико святых икон обругав разсече и сожже, елико святых вещей в церквах соборных ограбив в злате и серебре, себе безсрамно усвои.

И тако не токмо в церковных действиях, но и во царственных погрешителен весьма показася. Откуда извержением и заточением осужден, срамно свой живот сконча. Сей Феодосий призвав дивнаго Симеона, увещеваше древлецерковнаго благочестия отверщися, и к Никоновым новинам пристати, но улучи на крепкоду-

(Л. 180 об.). шнаго мужа, иже ни краем ушес сего вняти хотяше: но твердо древлероссииское православие защищаше, яко от восточныя церкви приятое, яко всею Россиею толиколетно без мятежа всеверно содержанное. Яко святыми мужи и чюдотворцы свидетельствованное, в нем же свято Богу угодившее. В небесную преселишася жизнь, новое же правление и действия Никонова без боязни потязаше, елико не известием мракозгущенная, толико и новыми прибавленьми присно обезпечаемая тако, яко и всякому имеющему мало мозга, удобь познати новшества сумнительное безобразие. Сия и иная предоблемему глаголющу Симеону, яко новшества, тако и самого архимандрита о безобразных аще и смиренно потязующу действиях. Нестерпима показася Феодосию предобляго страсотерпца глаголанное, абие весь яростию поостряется, и в злосмрадную и смраднейшую темницу

(Л. 181). святаго вринуту повеле. Яже в земли бяше ископана света весьма не имеющи. Весма аду темностию и зло лютствы подобна. В таковую отведен предивный страдалец темницу, и всажден аки во аде седети мняшеся. Ниже света блеска. Ниже отдыха воздуха приимати можаше: но страдаше от мрака нужду. Страдаше и от земныя сырости скорби. Страдаше и от тяжкаго духа неудобостерпимыя болезни: О сколь исперва болезноваше, о сколько изнемогаше терпением. Яко и пришедшу стражу темницы начат Симеон просити от темницы известися. Стражь же, покаряеши ли ся, рече, Церкви и архиереом российским, приимая новыя книги: Симеон глагола: что мя zde вопрошаете во всемрачней темнице, но егда на свет изведете, тамо о сем вопрошайте. Страж же шед поведа архимандриту Феодосию

(Л. 181 об.). но той жестоким и гневным гласом отрече. Не есть сему проклятому и богомерскому противнику и хулителю церковному и нашему отпущению отгуду: еже страж страдальцу возвести. Тогда страдалец возвеликодушествовав прекрести лице свое глаголя: согреших, Владыко Христе, пред Тобою, яко малодушный и страшливый воин, скорби и болезни терпети не хотя. Милости попросих от неимущих милости: согреших, Господи, прости мя. Отныне всерадостно всякую скорбь и болезнь претерпети

обещаваюся, и самую душу всеусердно предаю за святых Твоя древлецерковных законы. Сия рек страдалец. Возгласи к стражу: согреших Богу. Яко попросих от вас изведения. К тому не прошу от вас милости. Не ищу изведения: но сию темницу, за Животворящий моего Спасителя Крест, паче ваших пре-

(Л. 182). красных светлиц. Темности узилица паче вашего радостнаго ликования. Смерть преболезненную паче всякия сладости вменяю. И сладце и всерадостно за древнее благочестие терплю и умрети желаю. Изглаголавшу сие благоревностно предоблему Симеону. О, с предивных Ти, всепредивный Христе, милости и благодати, абие тягота всяка от страдальца отъятыя, болезнь внезапно избеже пренемогание и скорбь к тому не являшеся: сладость же всеблагодатная пречюдно, и несказанная того сердце окружаше радость. Оттуду страдалец коль благодарственно томительная мучения терпяше, коль всерадостно претяжкое скорби и неудобостерпимое темницы претерпеваше всерадостно благодарствуя веледаровитаго Бога, и пребысть во всемрачней темнице, в такове неудобостерпимем томлении, яко 40 дней, или мало изли-

(Л. 182 об.). ше. Преставися преставлением благочестивым и Богу приятным. С молитвенными всесладостно благодареньми, доброревностно и всежелательно многотерпеливую душу своему Владыце непорочну и чисту испусти. Дивным знамением и по смерти яко стража, тако и вся позаратаи преславно удиви. В темнице бо седяше страдалец скован руками и ногама заклепаны имея железными гвоздьми ручныя и ножныя железа. По преставлении же страдальца, егда прииде страж осмотрити темницу и связня, обрете блаженнаго страдальца преставльшеся, и добре опрятана лежаща. Оузы же ручныя и ножныя. Оле чудесе о себе цело лежащая. И призвав прочия стражи показоваше им, еже вси позорствующе дивляхуся, яко не разломаны но целы оузы бяху

(Л. 183). токмо о себе в целости лежаху, яко ножныя тако и ручныя. Еже и архимандриту шедшее поведаша. Той же повеле тело предивнаго страдальца скорейши в землю закопати в саде преподобнаго чудотворца Варлаама. Тако предивный и доблий страдалец преподобнаго чудотворца и прочих святороссийских чудотворцов возлюбив благочестие толико, елико за оныя не пощаде плоти бранныя, не пощаде и самая своя души, но и сию за древлеотеческое сладце предаде православие: тем же по смерти телом сподобися в саде преподобнаго чудотворца почивати, ду-

шею же в пренебесных виноградех, во всепресветлейших святых чюдотворец селениих, всерадостно ликуя безсмертно наслаждается.

И телом и душею воин крепкий страдалец, Симеон, вещает ясно: Кто Божий враг, расколник кто

(Л. 183 об.). претерпкий, за то наследова Варлаам сад красно».

Упоминание брадобрития позволяет отнести текст к Петровскому времени, но имеются и более точные хронологические указания. Настоятелем Варлаамиева Хутынского в честь Преображения Господня монастыря в 1704 году стал архимандрит Феодосий (Яновский). Феодосий «являлся ближайшим помощником Новгородского митрополита Иова и по поручению Петра I исполнял обязанности «духовного судии» в присоединенных к России городах...»². 20 февраля 1712 года Феодосий назначается Петром I первым архимандритом Александро-Невской лавры. Тогда же царь поручает ему приступить к строительству монастыря (датой основания Александро-Невской лавры считается 25 марта 1713 г.). Так что пребывание Симеона Саратовца в Хутынском монастыре может быть ограничено 1704–1711 гг.

Деятельность и судьба Феодосия (Яновского), известного церковного деятеля Петровского времени, достаточно известна и описана в литературе³. Что же касается Симеона, то из текста нашего списка, во-первых, явно следует его происхождение: «отечества бяше града Саратова». Прозвище «Саратовец» как отличительный признак могло быть дано в среде «не-саратовцев», не случайно и арестовали его в Новгороде. Во-вторых, Симеон отнюдь не принадлежал к старообрядцам изначально, но примкнул к ним после ареста. Возможно, в архиве Тайной канцелярии сохранилось розыскное дело с материалами допроса Саратовца. Из текста источника следует, что он находился на военной службе и был лишен «воинского чина», а затем взят под стражу «за некая словеса оклеветан бысть к монарху». Версия о том, что Симеон выступал против брадобрития («нецыи глаголют яко о брадобритии обличаше и потязаше воины»), может быть приемлема, но нельзя исключить и позднейшую вставку. Так, Е.М. Юхименко

² Варлаамиев Хутынский в честь Преображения Господня женский монастырь // Православная энциклопедия: учебное пособие. Т. 6. М., 2003. С. 617.

³ См.: *Бородкина Н.Н.* Церковь, общество и государство в эпоху Петра Великого. Саратов, 1997. С. 215.

отмечает наличие списков, где вставки о брадобритии расширены: «Единственным отличием IV редакции от II является полемическая вставка о брадобритии (со ссылками на Служебник и Кормчую) в главе о Симеоне, града Саратова воине»⁴.

«Виноград Российский» – произведение специфическое. С одной стороны, оно носит характер назидательно-дидактический. Закон жанра диктует определенные правила (видения Симеону). С другой стороны, опирается на исторические сведения, степень достоверности которых может быть установлена при обращении к архивным источникам. Семён Денисов рассчитывает на осведомленную читательскую аудиторию: он предполагает, что ей должна быть известна судьба Феодосия с его взлётом и падением. Гонитель и мучитель Саратовца наказан уже при жизни. Подразумевается, что и вывод о судьбе Симеона, упокоившегося в «саде преподобнаго чудотворца Варлаама» – святого Варлаама Хутынского, читатель сделает сам. Так, старообрядческий писатель делает попытку соединить святых Древней Руси с мучениками своего времени, пострадавшими «за древнее благочестие». Для нас же ценно упоминание о Саратовце как отправная точка будущих возможных исследований.

Во всяком случае, изучение истории Симеона Саратовца может быть продолжено в двух направлениях: поиск архивных документов – источников текста и изучение других списков «Винограда Российского».

⁴ Юхименко Е.М. Указ. соч. С. 261.

УДК [027. 021: 091] (470.44–25)+ 929 Галкин-Враской

БИБЛИОТЕКА М.Н. ГАЛКИНА-ВРАСКОГО

Н.А. Попкова

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Зональная научная библиотека им. А.В. Артисевич,
Отдел редких книг и рукописей
E-mail: otdel _ redrih@sgu.ru

В статье дается характеристика «значительной библиотеки общеобразовательного характера» – книжного собрания М.Н. Галкина-Враского, принесенного владельцем в дар университету.

Ключевые слова: Михаил Николаевич Галкин-Враской, издания XVIII – начала XX века.

THE LIBRARY OF M.N. GALKIN-VRASKOY

N.A. Popkova

In the article is given the type characterization of the « significant educational library – from the complete works of M.N. Galkin-Vraskoy, which was presented to Saratov State University.

Key words: M.N. Galkin-Vraskoy, publication of XVIII – from the beginning of XX century.

Михаил Николаевич Галкин-Враской (1834–1916) – этнограф, Эстляндский и Саратовский губернатор, Начальник Главного Тюремного Управления России, действительный тайный советник, статс-секретарь Его Императорского величества, член Государственного Совета, почетный гражданин Саратова и всех уездных городов губернии. Крупный чиновник, просвещенный, ответственный, творческий, меценат и благотворитель.

Значительным этапом деятельности Михаила Николаевича было губернаторство в Саратовской губернии (1870–1879). Для Саратова и губернии это было время кардинальных изменений в социальной сфере, образовании, здравоохранении, культурной жизни, что, безусловно, требовало «много такта, административ-

ного умения и искусства» со стороны губернатора.¹ Провожая Михаила Николаевича на новое место службы, саратовцы писали: «Вы и как начальник, и как человек, совмещающий в себе и то, и другое, заслужили ото всех глубокое уважение и оставляете незабвенную память».²

Как показало время, память была незабвенной и со стороны Михаила Николаевича. Он живо откликнулся на нужды саратовцев. Так, активной была его помощь при строительстве Радищевского музея, первого общедоступного музея в России, позже в дар им были принесены большие художественные ценности.

1909 год – открытие университета в Саратове. В приветственном письме Совету университета от 1 декабря 1909 года Михаил Николаевич писал: «<...> я, с своей стороны, как бывший саратовский губернатор, счастливый сохранившимися отношениями, свидетельствовал пред Министерством Народного Просвещения в ряду поступивших в Министерство ходатайств о предпочтительности избрания Саратова для учреждения высшего учебного заведения. Поэтому ныне с тем большим удовлетворением считаю себя счастливым приветствовать Совет Императорского Саратовского Университета с предстоящим торжеством открытия Университета при сердечном пожелании сему последнему неуклонно служить воспитанию и образованию достойных, полезных деятелей, верных и преданных Царю и отчизне». И продолжал: «Поставляю себе в приятный долг сообщить Совету, что мною завещана Саратовскому университету принадлежащая мне довольно значительная библиотека общеобразовательного характера <...> в предположении, что таковая не окажется для университета излишнею».³

Выбор для университета литературы общеобразовательного характера представляется несколько неожиданным, поскольку университет открылся в составе лишь одного, медицинского, факультета. Однако уместно заметить, что уже в недалеком будущем он виделся современникам в полном составе факультетов, «настоящей *universitas litterarum*, новым очагом не только специального, но и широкого гуманитарного знания, которого так еще

¹ Славин И.Я. Минувшее-пережитое // Волга. 1998. № 12. С. 139.

² Проводы бывшего Саратовского губернатора, тайного советника М.Н. Галкина-Враского, при отъезде его в Санкт-Петербург к новому месту назначения, от 10–23 мая 1879 года. Саратов, 1879. С. 159.

³ Чуевский И.А. Торжество открытия Императорского Николаевского университета в г. Саратове 6 декабря 1909 года. Саратов. 1910. С. 142–143.

не достает русской земле», – писали в приветственном адресе слушательницы Санкт-Петербургских Высших женских курсов. «Мощного развития и быстрого пополнения всеми факультетами», – желал юному Саратовскому университету академик В.И. Вернадский.

Уверенность в дальнейшем развитии университета, пополнении его новыми факультетами разделяли и дарители книг. Так, М.К. Ушков, передавая университету библиотеку юридического содержания, ранее принадлежащую профессору Московского университета А.С. Павлову, писал Совету университета: «Являясь собранием исключительным по своей полноте и библиографической редкости отдельных экземпляров, библиотека эта, я надеюсь, будет ценной частью общеправовой библиотеки молодого университета, которому я от всей души желаю блестящей будущности».⁴

Присылая книги по физике, истории, филологии, профессор Харьковского университета М.А. Тихомандрицкий отмечал: «Я счел полезным пожертвовать эти сочинения молодому Саратовскому университету в уверенности, что недалеко то время, когда он из одного факультета превратится в полный университет. <...> Некоторые представляют уже большую библиографическую редкость и не и не могут быть куплены и за деньги. Иные и вовсе не были в продаже. Многие, что имеют старые университеты, не только трудно, но даже и невозможно теперь достать».⁵

«Профессор Санкт-Петербургского университета И.А. Шляпкин завещал свою библиотеку и богатое собрание рукописей и автографов молодому Саратовскому университету в надежде, что открытие при нем филологического факультета – дело недалекого будущего», – сообщал журнал «Русский библиофил».⁶ Полнота изданий по русской словесности в этом собрании позволила ректору В.И. Разумовскому хлопотать об открытии нового факультета: «Библиотека И.А. Шляпкина представляет, можно сказать, целый

⁴ Известия Императорского Николаевского университета. Саратов, 1916. Т. 7. Вып. 2. С. 6.

⁵ Известия Императорского Николаевского университета. Саратов, 1914. Т. 5. Вып. 4. С. 210.

⁶ Русский библиофил. Пг., 1916. № 4. С. 96.

историко-филологический факультет и явится основой оборудования этого факультета»⁷.

С учреждением университета неизбежно встал вопрос о библиотеке и возможно большей полноте ее фондов и благодаря дарителям библиотека университета буквально с первых дней своего существования стала формироваться, во-первых, в значительной степени за счет даров, и, во-вторых, по широкому профилю. Именно дары составили первый, фундаментальный пласт русской и зарубежной книги прошлых лет, с ними в библиотеку пришло немало подлинных книжных раритетов, которые составили фонд отдела редких книг.

В полном составе факультетов университет встретил учебный 1917–1918 год. К медицинскому факультету присоединились историко-филологический, физико-математический с математическим и естественно-историческим отделениями, юридический, фармацевтические курсы. И присланные М.К. Ушковым, М.А. Тихомандрицким, И.А. Шляпкиным и многими дарителями книги разнообразного содержания стали основой успешной учебной, научной работы новых факультетов университета.

Встали на полки университетской библиотеки и книги «общеобразовательного характера» из собрания М.Н. Галкина-Враского. Они поступили в два приема: в 1912-м и в 1914-м годах общим количеством 8162 тома, 3907 названий на сумму в 14633 рубля. Все книги отмечены штампом и печатным ярлыком с указанием инициалов и фамилии владельца. Некоторые, роскошно изданные, часто именные экземпляры, помечены геральдическим экслибрисом работы французского художника Мерона с девизом «Уважай обычай предков».

Особенностью библиотеки Михаила Николаевича можно считать такой подбор книг, когда в том или ином разделе книги отечественных авторов соседствуют с трудами авторов иностранных. И в целом они представляли ценнейший информационный ресурс, отражали сложившуюся ситуацию в книжном мире Европы и России.

Для библиотеки Михаила Николаевича характерно также наличие многотомных изданий, представляющих материал по тому

⁷ Протоколы заседания совета Императорского Николаевского университета от 15 февраля 1916 г. // Известия Саратовского университета. 1917. Т. 8. Вып. 1/ 2. С. 23.

или иному предмету в различных аспектах, с наибольшей полнотой. Например, «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Спб., 1883–1913» (86 т.т.), «Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Тифлис, 1881–1908» (38 т.т.). «Сборник Русского исторического общества. Спб., 1867–1913» (147 т.т.), «Учреждения Императорского православного палестинского общества (Отчеты по командировкам за 1882–1910 гг.). Спб., 1883–1911» (17 т.т.), материалы этих томов прекрасно дополнял альбом «Сто видов Иерусалима и Святой земли. Спб., 1903».

В библиотеке Михаила Николаевича представлены издания XVIII – начала XX веков на русском, немецком, французском, итальянском языках разнообразной тематики. Отражая все сферы человеческого познания, библиотека отвечала духовным, профессиональным, общественным интересам владельца, была в значительной степени рабочей библиотекой крупного государственного деятеля.

Обширный раздел ее содержал труды по различным проблемам современной жизни России: сельское хозяйство и промышленность, наука и образование, административное управление, чиновничество, статистика, материалы переписи населения 1897 года, народные промыслы («Ежегодник департамента земледелия. Спб., 1908», «Свод сведений по фабрично-заводской промышленности России. Спб., 1898.», Ф.М. Уманец «Образовательные силы России. Общественное воспитание. Народная школа. Спб., 1871.», Д.П. Малютин «Что нужно для поднятия сельского хозяйства России. Спб., 1897», «А.С. Ермолов «Наш земельный вопрос. Спб., 1906», «Исторический обзор правительственных мероприятий по народному продовольствию. Спб., 1892», П.А. Валуев «Современные задачи. М., 1886.», «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. Спб., 1897», «Обзор социально-революционного движения в России. Спб., 1880»).

Бесспорно, ценен богатый исторический раздел библиотеки Михаила Николаевича. Об этом красноречиво говорят подписи историков университета на книжных формулярах: Л.А. Дербов, Г.Д. Бурдей, И.В. Порох, И.В. Галактионов, Г.А. Герасименко, В.В. Пугачев, Н.А. Троицкий. В 1942 году в «командировку» в Военно-исторический архив отбывала книга Н. Орлова «Штурм Измаила Суворовым в 1790 году. Спб., 1890».

В этом разделе находятся издания, посвященные юбилейным датам исторических событий, государственных учреждений («Война русского народа с Наполеоном. 1812». Спб., 1910», Л.Ф. Рерберг «Сборник портретов участников обороны Севастополя в 1854–1855 годах». Спб., 1903–4», «Государственный контроль». Спб., 1911», «Государственный Совет». Спб., 1907). К этому разделу можно отнести книги о государственных, общественных деятелях прошлого и современных Михаилу Николаевичу, поскольку они в восприятии современников уже становились историческими личностями («Император Петр I, отец Отечества и Великий». Спб., 1837»; труды Н.К. Шильдера об императорах Павле I, Александре I, Николае I (Спб., 1901, 1897, 1903); А. Субботин. «Современная Россия в портретах и биографиях выдающихся деятелей». Спб., 1904»; «Наши государственные деятели». Спб., 1890»; Е.В. Варпаховская «Государственная деятельность П.А. Столыпина». Спб., 1911).

Интересны издания по вспомогательным историческим дисциплинам – геральдике, генеалогии. Они представлены десяти-томным изданием «Общий гербовник. Спб., 1797–1836»; выпусками «Русской геральдики». Спб., 1902–1904» П. Винклера, в которых помещены изображения и описания гербов русского дворянства. Дополняет их издание «Девизы русских гербов». Спб., 1882».

Довольно обширна литература по генеалогии. Это обобщающие труды В.В. Руммеля, В.В. Голубкова («Родословный сборник русских дворянских фамилий. Спб., 1886») и П. Долгорукова («Российская родословная книга. Спб., 1854–1857» и многочисленные работы об истории отдельных дворянских фамилий России).

С исчерпывающей полнотой представлен в библиотеке Михаила Николаевича подбор описаний (географических, экономических, этнографических) регионов России, городов. Именно в этом разделе сосредоточились книги XVIII века: С.П. Крашенинников «Описание земли Камчатки. Спб., 1755», Г.И. Шелехов «Странствования к американским берегам. Спб., 1791», К.И. Габлиц «Физическое описание Таврической области. Спб., 1785», И.И. Георги «Описание столичного города Санктпетербурга. Спб., 1794»). Есть в этом разделе описания Восточной Сибири, Балтийского поморья, Кавказа, Охотского края, Молдавии, отдельных губерний и наместничеств. К этой части библиотеки примыкают книги о монастырях, епархиях, расположенных

в различных местностях России, путешествиях по городам и весям.

Представлены в библиотеке Михаила Николаевича философия и педагогика, правоведение и духовная литература, искусство и художественная литература как русская, так и зарубежная. В частности, на книге А.П. Чехова «Остров Сахалин» имеется автограф: «Его Превосходительству Михаилу Николаевичу Галкину-Враскому от автора. Антон Чехов. 14.X.1895».

Некоторые издания в собрании Михаила Николаевича являются образцами книжного искусства. Они отличаются высококачественной бумагой, чистотой и изяществом шрифтов, виньеток, контрастными и глубокими черно-белыми или безупречными по цвету гравюрами, литографиями, прекрасно декорированными, часто индивидуальной работы переплетами. В большинстве своем эти издания являются образцами крупноформатного, дорогого, подарочного, по терминологии XIX века роскошного издания. Это малотиражные, нередко именные экземпляры, такие как «Коронационный сборник Николая II. Спб., 1899», юбилейные издания «Столетие собственной Его Императорского величества канцелярии. Спб., 1912», «Министерство внутренних дел. Спб., 1902», Э.Э. Ухтомский «Путешествие на Восток наследника цесаревича. Спб., 1893–1895». Уникальным высокохудожественным переплетом отличается парижское издание «Les vierges de Raphael. Paris, s.a.» с автографом французского мастера-переплетчика Мейера.

В отдельную группу можно выделить книги о Саратове в библиотеке Михаила Николаевича. Он писал в поздравительном письме по поводу открытия университета, что «счастлив сохранившимися отношениями», в определенной степени этому способствовали и книги о городе, где он был успешным губернатором. Они рассказывали о трехлетию работы Радищевского музея, о Троицком соборе и Саратовском отделении Русского музыкального общества, юбилеях Мариинской гимназии и типографии губернского правления, участии Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года и народных обычаях, обрядах, о торжествах открытия университета и консерватории.

Строгий и продуманный подбор книг, тематическое разнообразие собрания Михаила Николаевича показывает не только целостность и смысловую взаимосвязь изданий в нем, но и позволяет характеризовать его как собрание высокообразовательное, позволяющее специалисту совершенствоваться в избранной про-

фессии. Книжное собрание представляет владельца человеком высокой нравственной культуры, который не подходил к своему собранию с меркантильных позиций. Он не только глубоко интересовался Россией, ее прошлым и настоящим, он думал о ее будущем, когда как гражданин, как патриот дарит свою библиотеку на пользу многим будущим поколениям студентов и преподавателей Саратовского университета, для развития русского образования и науки.

БИОГРАФИКА

УДК 821.161.1“18”

ТРУД И ЗАБВЕНИЕ: ПАМЯТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЛИТЕРАТОРА А.И. ПАЛЬМА

Д.С. Шукин

НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
e-mail: dmschukin2014@yandex.ru

Александр Иванович Пальм – ныне известный, пожалуй, лишь узкому кругу специалистов-литературоведов писатель второй половины XIX столетия. В статье освещены наиболее значимые вехи его непростого жизненного и творческого пути, предпринята попытка осмысления истоков его литературной деятельности и оценки его роли в культурном пространстве России как самобытного представителя провинции – мордовского края.

Ключевые слова: А.И. Пальм, кружок М.В. Петрашевского, петрашевцы, литературное творчество, романы, «Алексей Слободин», театральное искусство, драматургия.

THE WORK AND OBLITERATION: MEMORABLE PAGES OF LIFE AND CREATIVITY OF THE WRITER A.I. PALM

D.S. Schukin

Alexander Ivanovich Palm – the writer of the second half of the XIX century, nowadays known, perhaps, only to a narrow circle of specialists-literary critics. The most significant milestones of his difficult life and career are covered in the article. An attempt has been made to understand sources of his literary activity and assess his role in cultural space of Russia as an original representative of the province – of the Mordovian territory.

Key words: A.I. Palm, M. V. Petrashevsky's circle, follower of Petrashevsky, literary creativity, novels, «Alexey Slobodin», theatrical art, dramatic art.

Историческая память не всегда справедлива к честным и верным служителям своего призвания. Часто талант, даже капризный и растраченный впустую, запоминается потомкам, остается в истории и затмевает трудолюбие, которое сделало значительно больше и заслуживало лучшей участи. Тем важнее и интереснее

вспоминать тех, которые не жалея сил, шли своим путем, несмотря на все невзгоды, и не свернули с этой дороги до конца.

Литературное творчество писателя и драматурга А.И. Пальма сейчас известно разве что профессиональным исследователям. Однако во второй половине XIX в. его имя звучало в демократических литературных кругах. Александр Иванович Пальм родился в городе Краснослободск Пензенской губернии 28 декабря 1822 г. Отец Пальма – Иван Христианович, дворянин немецкого происхождения, был лесничим, а затем, дойдя до титула коллежского асессора, служил чиновником по особым поручениям Вятской казенной палаты. Мать, Анисья Алексеевна Летносторонцева, была крепостной, выкупленной на волю сразу после рождения первого сына. У Пальма было еще два брата: один служил в егерском полку, другой был художником. Биография Александра Ивановича достаточно типична для представителя мелкого провинциального российского дворянства эпохи его кризиса. Семья Пальма жила бедно; жалования отца едва хватало на пропитание. Сам писатель подчеркивал, что с детских лет постоянно испытывал крайнее стеснение в материальных средствах. По достижении раннего юношества он поехал в Петербург, где в 1837 – 1842 гг. обучался за счет правительства в Дворянском полку. Служил прапорщиком с 1842 г. в Лейб-гвардии Егерском полку, где достиг к 1849 г. чина поручика. Однако, живя в Петербурге, он не был задействован на активной военной службе и потому имел возможность заниматься иной деятельностью. Имея тягу к литературе, Пальм с двадцати лет при содействии своих преподавателей Е.П. Гребёнки и Ф.А. Кони стал публиковаться в периодических изданиях 1840-х гг. («Литературная газета», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Иллюстрации», «Северное обозрение»). В 1846 г. в Вятке умер отец Пальма, и два года он жил вместе с переехавшей в Петербург матерью вплоть до ее смерти в 1848 году.

В то же самое время произошло событие, которое оказало огромное влияние на последующую судьбу писателя: в 1847 г. он познакомился с М.В. Петрашевским и стал посещать его кружок, где активно обсуждались либеральные и социалистические идеи. В кружке, который собирался в 1848 – 1849 гг. обычно по пятницам в доме Петрашевского, он встретился с такими известными в дальнейшем литераторами как Ф.М. Достоевский, А.Н. Плещеев, А.Н. Майков, а также руководителями общества петрашевцев – Н.А. Спешневым, Н.А. Момбелли, Н.П. Григорьевым, И.-Ф. Л. Ястр-

жембским. Знакомство Пальма с петрашевцами было делом случая: он сошелся с ними посредством своих приятелей, вначале посещая собрания из любопытства, а также в надежде завести полезные знакомства в литературных кругах. Однако ни с кем из участников собрания он так и не стал близок, за исключением С.Ф. Дурова, с которым его «тесно сдружили время, взаимные услуги и одолжения»¹. Тем не менее, он, как и все посещавшие дом Петрашевского попал под полицейский надзор и был арестован в ночь с 22 на 23 апреля 1849 года. Восемь месяцев, пока продолжалось следствие, он отбывал заключение в Петропавловской крепости.

Сохранились протоколы допросов следственной комиссии и показаний обвиняемых, которые отчасти проливают свет на историю участия Пальма в деятельности общества петрашевцев. В своих показаниях Пальм по существу кратко характеризует собственные жизненные обстоятельства, которые привели его в кружок. По его словам, он «жил здесь одиноко и скромно, был принят и до сих пор принят в домах семейных истинно почтенных», но ему «было всегда трудно поддерживать эти знакомства»², потому как он беден. Оставшись старшим в семье после смерти отца, он был поставлен в необходимость содержать не только себя, но и свою мать, а также помогать младшему брату, который служил на Кавказе. «Все это было мне трудно, – подчеркивает Пальм, – но я нашел кое-какие средства к жизни и именно занятия литературные. Сперва я занимался литературой по страсти; потом литература стала источником моих доходов, весьма однако незначительных; но я умел жить честно...»³. Снимая с товарищами летом 1847 г. дачу в Полюстрове под Петербургом с целью лечения здешними минеральными водами, на гуляниях он встретился с М.В. Петрашевским, который показался ему «человеком умным и весьма начитанным». По приезду осенью в город Пальм стал приходить по пятницам на собрания к Петрашевскому. «Мне чрезвычайно хотелось завести литературные связи, а потому знакомство Петрашевского мне понравилось»⁴, – подчеркивал он. Однако, несмотря на регулярные посещения «пятниц», в скором времени Пальм был разочарован происходившим на собраниях.

¹ Цит. по: Дело петрашевцев: Сборник документов: в 3 т. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 260.

² Цит. по: Там же. С. 260.

³ Цит. по: Там же.

⁴ Цит. по: Там же. С. 261.

Во-первых, он не мог поддерживать беседу, поскольку был совершенно не сведущ в политической экономии, которая чаще всего являлась основным предметом обсуждения на вечерах. Это сподвигло Пальма на изучение экономических сочинений, которые впрочем, он так и не смог прочесть из-за слабого знания французского⁵. С другой стороны, его как начинающего писателя поразила литературная «безграмотность и бестолковость» Петрашевского. «Петрашевский почти каждый раз говорил о чем-нибудь, так что вспомнить всего невозможно; говорил же он темно, сбивчиво и о предметах учено-теоретических. Тут было больше неограниченного самолюбия, нежели толка»⁶, – писал Пальм в показаниях. Лишь однажды он принял участие в литературном споре «о Крылове, нашем баснописце... между г. Дуровым и Петрашевским... Тогда же г. Дуров, г. Достоевский и я старались доказать Петрашевскому, что он ложно понимает искусство. В этом споре мы... совершенно поняли Петрашевского и потом уже стали считать его человеком сухим, без сердца, живущим в мечтах о всеобщем совершенстве, о какой-то смешной утопии»⁷. Согласно показаниям Пальма, на вечерах у Петрашевского обсуждались проблемы экономической статистики, иногда поднимались вопросы освобождения крестьян от крепостной зависимости, уравнивания сословий в правах, перестройки действующего законодательства, введения бессословного и состязательного судопроизводства, целей и обязанностей государства. Поскольку в кружке было много поклонников Ш. Фурье, то большое внимание уделялось обсуждению и пропаганде положений его социальной теории.

В вину Пальму на следствии вменялась не столько пропаганда либерализма, как терпимость, потворство этому направлению общественной мысли. В частности, одним из наиболее серьезных обвинений в его адрес было присутствие на собраниях кружка, на которых зачитывались «преступное письмо литератора В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю» и «возмутительное сочинение Н.П. Григорьева «Солдатская беседа»»⁸.

В своем объяснении Пальм однозначно трактовал свои взаимоотношения с руководителем кружка: «Я знал Петрашевского

⁵ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 261.

⁶ Цит. по: Там же. С. 262.

⁷ Цит. по: Там же. С. 262–263.

⁸ Там же. С. 103.

только по его пятницам; его дел семейных, домашних... я совершенно не знал; задушевных откровенных бесед с ним никогда не имел... О его вечерах я не мог составить себе никакого особенного понятия. У него всегда бывало человек 15-ть или 20-ть, и не одни и те же, а разные лица... Его вечера вовсе не были секретны; это меня и сбивало с толка; я решительно не подозревал тут никакого тайного и зловредного общества». «И он меня точно так же не знает; это в Петербурге было дело очень обыкновенное: по годам люди встречаются и не знают друг друга»⁹, – добавлял он, образно характеризуя атмосферу столичного дворянского общества. Однако, на вопрос Следственной комиссии с каких пор в нем проявилось либеральное и социальное направление Пальм отвечал: «Понятием о социализме я обязан Петрашевскому. Либералом я по искреннему убеждению не был; но виноват, в других терпел либерализм. В 1847-м году я познакомился с Петрашевским, читал данные им мне книги; как новость социальные идеи мне понравились, и я написал повесть против брака. Эта повесть брошена мною и даже осмеяна. В последнее время социализм казался мне ребячеством. Всего лучше выразился мой взгляд на молодежь, любящую играть роль людей необыкновенных, либералов и т. п., в последнем романе моем «Жак Бичовкин», которого 1-я часть напечатана в Отечественных Записках»¹⁰.

Показания Пальма свидетельствовали о его мучительных душевных переживаниях в связи с тем, что попав под следствие, он опорочил доброе имя своей семьи. Ради восстановления репутации он был готов «доказать... безграничную преданность престолу и всеми моими силами, всею кровью омыть это черное пятно на моей чести, на моей несчастной молодости»¹¹. Вполне понятны мотивы молодого человека, который только начинает свою жизнь и оказывается обвиненным в тяжком государственном преступлении, тем более если на самом деле он вовсе его не замысливал. Однако, обоснованное желание Пальма добиться смягчения наказания не вызвало понимания большинства его современников и соратников. Многие посчитали, что он не отличался стойкостью убеждений и твердостью характера, хотя все его показания действительно были правдивыми.

⁹ Цит. по: Дело петрашевцев... Т. 3. С. 263.

¹⁰ Там же. С. 277-278.

¹¹ Цит. по: Там же. С. 265.

Кажущаяся непоследовательность и мягкотелость Пальма была, видимо, следствием одного обстоятельства: он никогда не являлся убежденным революционером. Его неудовлетворенность существовавшим положением вещей была вызвана хронической бедностью и засильем цензуры, которая была серьезной помехой его творческой деятельности. Так, еще до знакомства с петрашевцами в письме своему покровителю сенатору Е.П. Ковалевскому 20 марта 1846 г. Пальм откровенно рассуждал, почему литературные занятия не приносят ему радости: «...вот несчастье нашего поколения: есть головы светлые, талантливые, есть жажда, есть идея о лучшем, – а нет поприща этим головам... Пишу я очень мало, о чем писать? На всем, чего нужно бы коснуться, лежит печать запрещения – и пиши, знай, сладенькие повести с их вечными пошлыми любовными интригами»¹².

Вместе с тем, изучив материалы следственных дел, протоколы допросов членов кружка можно сделать вывод, что многие посетители «пятниц» у Петрашевского тоже были достаточно случайными людьми на его вечерах, всячески стараясь откреститься от соучастия в каких-либо обсуждениях, происходивших в его доме. Так, барон М.А. Корф писал: «Покушений или приготовления к бунту в настоящем с достоверностью открыто не было, и все представляло более вид безумия, нежели преступления». «Этим комическим преступникам государь не рассудил...учредить для постановления приговора...верховный уголовный суд»¹³, – подчеркивал Корф. Тем удивительнее выглядит строгость наказания, которому в итоге были подвергнуты все участники кружка: обряд приготовления к смертной казни, якобы замененной в последний момент высочайшей милостью Николая I на длительные ссылки на каторгу в Сибирь или переводы в арестантские роты и действующую армию. Объяснить жестокость приговора можно было только одним обстоятельством: соображениями политической конъюнктуры, так как «заговор» был раскрыт в эпоху европейских революций 1848 – 1849 гг., в подавлении которых Российская империя принимала активное участие. Следовательно, дело петрашевцев было сознательно раздуто в целях разоблачения внут-

¹² Цит. по: Русские писатели 1800–1917: биографический словарь: в 5 т. М., 1999. Т. 4. С. 509.

¹³ Цит. по: Из записок барона М.А. Корфа // Петрашевцы в воспоминаниях современников: Сборник материалов. М.; Л., 1926. С. 200–201.

ренного врага. Так или иначе, 21 подсудимый из числа посещавших кружок Петрашевского 23 декабря 1849 г. были выведены на Семеновскую площадь в Петербурге для приведения приговора в действие. По воспоминаниям самих подсудимых первым в шеренге шел М.В. Петрашевский, а последним вели А.И. Пальма. Это было символичным, поскольку в итоге первого ожидало самое суровое наказание, а Пальма – наиболее мягкое. Первых троих из шеренги вывели на эшафот, над их головами сломали шпаги. Арестантов обрядили в белые одежды, прикрыли лица, а затем прозвучало известие о царском помиловании. За несколько секунд до этого о нем узнали другие осужденные. Каждому было назначено индивидуальное наказание согласно степени его вины. Так, М.В. Петрашевский как руководитель и идейный вдохновитель кружка был немедленно в кандалах отправлен в пожизненную каторгу на свинцовые рудники. Большинство других были лишены дворянского звания, разжалованы в рядовые и отправлены в ссылку в арестантские роты, либо в действующую армию.

Ошеломленный Пальм, который остался в чине поручика, хотя и вынужден был покинуть столицу, прощался со своими друзьями и соратниками. Д.Д. Ахшарумов вспоминал: «Он стоял у самой лестницы, смотрел на всех нас и слезы, обильные слезы текли из глаз его; приближавшимся же к нему, сходявшим товарищам, он говорил: «Да хранит вас бог!»¹⁴. «Один Пальм прощен, – писал Ф.М. Достоевский брату Михаилу Михайловичу через несколько часов после стояния на эшафоте, – его тем же чином в армию»¹⁵. В декабре 1849 г. он был переведен из гвардии в Одессу в Литовский полк. Так закончилась история деятельности кружка петрашевцев.

Пальм участвовал в военных действиях против Турции на Дунае в 1852 г., затем воевал в Крымскую войну, в частности под Севастополем в 1854 г. С вступлением на престол Александра II в 1856 г. были амнистированы как декабристы, так и петрашевцы. С Пальма был снят секретный полицейский надзор, который мешал ему печатать свои литературные произведения, а также ограничения в месте жительства, и в 1857 г. он вышел в отставку в чине майора. Всю жизнь Пальма сопровождали материальные не-

¹⁴ Цит. по: Из воспоминаний Д.Д. Ахшарумова // Петрашевцы в воспоминаниях современников. С. 209.

¹⁵ Цит. по: *Достоевский Ф.М.* Письма: в 4 т. М. – Л., 1928–1959. Т. 1. С. 128.

урядицы. Частая смена службы, мест и рода деятельности не помогли их преодолеть. Он работал в конце 1850-х гг. с подрядчиком Д.К. Волоховым, который позднее разорился, в 1860-е гг. служил управляющим банком в Кишиневе, с 1868 г. – управляющим контрольной палатой в Полтаве. Там, окончательно погрязнув в долгах, Пальм решился на растрату «вверенных ему по службе денег». Дело слушалось в уголовном отделении харьковской судебной палаты 27 марта 1873 г. Адвокату Пальма В.Д. Спасовичу удалось добиться для него смягчения приговора в виде трех лет ссылки в Самарскую губернию.

В последнее десятилетие жизни Пальм активно занимался журналистикой. Живя в 1877 г. на Кавказе, он печатал полевые корреспонденции о русско-турецкой войне в столичной газете «Новое время». В 1883 г. в Петербурге выпускал театрально-критические издания: еженедельный листок «Зритель» и газету «Театр», однако, несмотря на привлечение к сотрудничеству неординарных писателей и критиков, проект быстро прогорел. По-настоящему самозабвенно любя театральное искусство, Пальм пробовал заниматься антрепренерством, неоднократно выступал и как актер, талантливо играя в 1870–1880-е гг. чаще в собственных пьесах на сценах многих российских городов: Тифлиса, Самары, Петербурга, Харькова, Ростова-на-Дону¹⁶. Вся семья Пальма также была связана с театром. В 1853 г. Пальм женился на Ксении Григорьевне Жаковской – известной в провинции драматической актрисе. Их старший сын, Сергей Александрович, был актером и антрепренером (в частности, в Тифлисском театре). Младший сын, Григорий Александрович, под псевдонимом Арбенин был известен как актер и переводчик многих пьес. Старшая дочь Пальма – Александра Александровна, в замужестве Тхоржевская, была переводчицей. Младшая, Ксения, занималась музыкой и также играла на сцене. Правнук литератора по линии старшей дочери Сергей Сергеевич Тхоржевский в советское время был достаточно известным писателем. Ему принадлежит авторство документальной повести «Жизнь и раздумья Александра Пальма», изданной в Ленинграде в 1971 году.¹⁷

Литературное мастерство А.И. Пальма оттачивалось годами. Имея склонность к литературным занятиям с юности, Пальм в

¹⁶ Русские писатели 1800–1917. Т. 4. С. 509–510.

¹⁷ Савин О.М. Пенза литературная. Саратов, 1984. С. 143, 144.

течение жизни пробовал себя в различных жанрах: поэзии, беллетристике, мемуаристике, драматургии. Первые его опыты начала – середины 1840-х гг., одобренные бывшими преподавателями в Дворянском полку, были поэтическими. На стихотворное творчество Пальма сильное влияние оказала поэзия М.Ю. Лермонтова. Наряду с лирическими любовными стихотворениями, среди которых встречаются переводы из весьма популярного в те годы французского поэта Андре Шенье, одной из главных тем для молодого Пальма становится одиночество, раздумье о выборе и трудностях жизненного пути:

Ты еще молод; а знаешь дорогою трудной
Долго скитаться тебе; много-много
Встретится горя, тревог и тоски безрассудной...
Будь непреклонен в борьбе непощадной и строгой¹⁸.
(«Напутное желание», 1844)

Интересно, что в том же 1844 г. Пальм пишет строки, предвосхищавшие превратности собственной судьбы, случившиеся через несколько лет:

Снова я на свободе; полнее вздохнуть,
Больше воздуха просит усталая грудь...
Нет, не выдал я вас, и с неробким челом
Безответен стоял перед грозным судом!
Но, друзья мои, если б вы знали,
Как они меня тяжко пытали...¹⁹
(«Освобожденный узник», 1844)

Не обошел стороной Пальм и наиболее модную и востребованную литературную тему 1830 – 1840-х гг. о лишних людях и их месте в тогдашней общественной жизни:

Ужели я с моим стихом простым
Смешон и странен, как дикарь угрюмый
На бале посреди веселья, шума,
Где все блестит уменьем выказным,
Где все смеется, хвастает искусно,
Где мне порой так тяжело, так грустно!²⁰

¹⁸ Поэты-петрашевцы. Л., 1957. С. 110.

¹⁹ Там же. С. 107-108.

²⁰ Там же. С. 123.

(«В альбом М. В. Г.», 1846)

Эта же тематика звучит и в начатой поэме «Отрывок из рассказа», когда внутренний голос нашептывает герою:

Подумаешь, как пошл, как жалок ты,
О человек, и стоит ли родиться,
Чтобы в грязи житейской нищеты
Носить ярмо, наподличать, плодиться
И кануть без следа?.. Вопрос – зачем
Вам жизнь? – И думать не случится!..²¹
(«Отрывок из рассказа», 1846)

Очевидно, душой он часто возвращался в детские годы, которые провел в мордовском крае, в тихом уездном городке. Видимо, под впечатлением от его посещения написано известное стихотворение 1845 г.:

Отрадно я лечу в мой уголок родимый;
С забвением гляжу на вольный бег коней.
Встречаю весело мелькающие мимо
Березки голые, овраги, мост, ручей...
И леса синего чуть видные верхушки,
И сумерек густеющую тень...
Чу, – звуки... что это? – Эх, песенка родная!..
Ты русской, бойкою задумана душой, –
Страдания, тоска, обида, плач разлуки,
Разгульной доле вечный упокой,
Насмешка над судьбой и жизнью... все ты в звуки
Перелила...²²
(«Русская песня», 1845)

Некоторый резонанс в петербургских литературных кругах получила единственная законченная поэма Пальма – «Сказка про царя с царевной да про гусяра с заморским котом», выдержанная в сказочно-былинном жанре, опубликованная, как и многие другие ранние стихотворные опыты писателя в «Литературной газете». Сюжет поэмы напоминает пушкинские сказки, особенно «Сказку о царе Салтане», а размер стиха сходен с «Песней о купце Калашникове» Лермонтова. В ней нашли отражение известные

²¹ Поэты-петрашевцы. С. 118.

²² Там же. С. 114–115.

фольклорные темы сватовства, свадьбы. Для нее характерна смена размеров, рваный ритм, зачастую без выраженной рифмовки:

В светлом тереме высококом
У окна сидит царевна
И глядит на сине море;
Ярко взор царевны блещет,
На устах ее улыбка;
Весела моя царевна,
Словно вольная синичка!..²³
(«Сказка про царя с царевной да про гусяра с заморским котом», 1843)

Произведение встретило сочувственные отзывы критиков. Так, Ф.А. Кони, бывший учитель А. Пальма, писал: «Мы в печатной нашей литературе в этом роде ничего не знаем, кроме сказки «О купце Калашникове» Лермонтова»²⁴.

Однако, несмотря на заметное поэтическое дарование, Пальм через несколько лет стал отходить от данного литературного жанра. Одной из вероятных причин перехода к прозе могло стать стремление к увеличению литературных гонораров, которые мог бы получать писатель. Поэтому он уже в 1846 г. замечал не без доли иронии, подводя некую черту под этим этапом литературной деятельности:

Писать стихи – товар неблагодарный!
Мечтать, бранить толпу и прочее – старо,
И не к лицу, и, согласитесь, – скучно.
К восторгам нынче стали равнодушны;
А потому давно мое перо,
Покинув мир поэзии бесплодной,
Покорно стало прозе благородной²⁵.
(«В альбом М. В. Г.»)

Первые прозаические сочинения Пальма также относятся к периоду середины 1840-х гг. Это рассказы «Ничего, а воля ваша – странный случай» (опубликован в «Литературной газете» в 1843 г.), «Соседка» (посвящен М.И. Глинке, «Санкт-Петербургские ведомости», 1849), повести «Шалость» («Финский вестник», 1846)

²³ Поэты-петрашевцы. С. 93.

²⁴ Русские писатели 1800–1917. Т. 4. С. 509.

²⁵ Поэты-петрашевцы. С. 122.

и «Один день из будничной жизни» («Московский городской листок», 1847)²⁶. Сюжетные линии и стиль повествования первых работ в прозе недвусмысленно указывают на подражание «Герою нашего времени» Лермонтова и рассказам Гоголя. Во время посещения кружка Петрашевского под впечатлением от новых знакомств и типажей Пальм, по его воспоминаниям, начал работу над масштабным произведением – романом «Жак Бичовкин», в котором попытался вывести молодых людей своего поколения, «отчасти Печориных», не нашедших верных ориентиров, даже самих себя и страстно жаждущих перемен, свободы, но какой ценой? Потерей высоких нравственных идеалов, духовного истощения и постепенной деградации. Пальм писал: «Бичовкин уже не новое лицо в русской литературе; он являлся много раз, но в другом костюме; давно ли его считали не шутя человеком необыкновенным, натурой избранной... Ему удивлялись, подражали – а теперь, увы!... Такие люди... не могут понять простой и глубокой драмы, разыгравшейся без эффектных декораций»²⁷. Позерство, игра на зрителя и слушателя, отсутствие содержания, спрятанное под яркой формой не импонировало автору. Первая часть романа была опубликована в 1849 г. в «Отечественных записках». Вторую автор дописывал, уже находясь в заключении под следствием.

Обвиненный в участии в подготовке государственного преступления, Пальм обрек себя не только на ссылку, но и на строжайший цензорский надзор. Все годы военной службы он не оставлял занятия литературой и неоднократно писал прошения о возможности публикации своих трудов, но большинство его писем издателям центральных журналов остались без ответа. Пальм смог опубликовать за подписью А – т в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1850 и 1851 гг. только четыре очерка «Одесские письма». Возникшие трудности, а также изменения в личной жизни способствовали тому, что Пальм отошел от активных литературных занятий почти на двадцать лет. На этом этапе жизненного пути он работал на государственной службе, живя в Одессе, Кишиневе и Полтаве.

История с растратой казенных средств, которая поставила крест на его служебной карьере, вернула Пальма на стезю литера-

²⁶ Русские писатели 1800–1917. Т. 4. С. 509.

²⁷ Цит. по: Тхоржевский С.С. Жизнь и раздумья Александра Пальма. Л., 1971. С. 17.

торства, к тому роду деятельности, который был ему наиболее близок по духу. В 1870-е – первой половине 1880-х гг. Пальм вошел в число самых плодовитых и известных писателей России. С одной стороны, литературный заработок в это время становится единственным источником его дохода. «Пишу, пишу до обморока», – признавался Пальм. С другой стороны, именно тогда его произведения приобрели известность и получили благожелательную прессу.

В начале 1870-х гг. Пальм закончил работу над своим наиболее значительным литературным произведением – романом, названным в первоначальном замысле писателя «Книга скорбей». Этот труд был крайне важен для него как в профессиональном плане, поскольку являлся последним шансом, чтобы всерьез заявить о себе в литературном мире, так и в личном. Произведение имело автобиографическую основу и посвящено было товарищам Пальма по кружку Петрашевского. Не случайно, о «Книге скорбей» он писал коллеге и другу П.М. Ковалевскому 25 августа 1872 г.: «Я кладу в нее лучшие мои силы»²⁸. Тем не менее, Н.А. Некрасов отклонил предложенную рукопись, посчитав труд скучным, и роман с измененным заглавием «Алексей Слободин. Семейная хроника» был опубликован в пяти номерах «Вестника Европы» (редактор М.М. Стасюлевич) в конце 1872 – начале 1873 гг.²⁹. Сам Пальм на этот раз публиковался под псевдонимом Альминский. В 1873 г. первые три части произведения были опубликованы отдельным изданием (Альминский П. Алексей Слободин. Семейная хроника. Ч. 1 – 3. СПб., 1873). Мнения о нем современников разделились. Негативное впечатление от романа сложилось у Ф.М. Достоевского, который в своей рецензии заявил, что декларации Пальма «это крики кликуш прогресса, кликуш сынов века»³⁰. Точка зрения Некрасова также была в целом отрицательной. Но И.С. Тургенев по прочтении, напротив, писал Стасюлевичу из Парижа в декабре 1872 г.: ««Слободин» – очень хорошая вещь, я узнал от Суворина... что под «Альминский» скрывается Пальм. Я радуюсь за него»³¹. А.М. Горький позднее называл произведение «правдивым романом»³².

²⁸ Тхоржевский С.С. Жизнь и раздумья Александра Пальма. С. 509–510.

²⁹ Альминский П. Алексей Слободин. Семейная хроника // Вестник Европы. 1872. № 10–12; 1873. № 2–3.

³⁰ Цит. по: Тхоржевский С.С. Указ. соч. С. 170.

³¹ Тхоржевский С.С. Указ. соч. С. 168.

³² Там же.

Необходимо отметить, что Пальм не считал свой труд романом. Действительно, само построение сочинения свидетельствует о его мемуарном характере. Произведение разделено на пять частей-тетрадей («Детство», «Юношеские годы», «На новые места», «Иная жизнь», «Опять в Петербурге»), которые соответствуют описываемым этапам жизни главного героя. Подзаголовок гласит «Из воспоминаний о погибших людях». Фактически перед нами художественно обработанная автобиография Пальма.

В первой части произведения автор повествует о событиях, происходивших «в начале двадцатых годов, в маленьком городке одной из приволжских губерний»³³, т. е. г. Краснослободске, где прошли его детские годы. Пальм рисует картины воспоминаний собственного детства глазами маленького Алеши Слободина. Перед читателем живо предстает панорама жизни мелкого провинциального города, которая ярко запечатлелась в памяти ребенка. Вторая глава дает несколько иной пример городской атмосферы: из провинциального захолустья герой перебирается в город губернский, очевидно, Симбирск, в котором буйным цветом цветут ханжество, интриганство, пересуды. Однако, натура Алексея, с самого раннего детства независимая, сомневающаяся и крайне чувствительная к любой несправедливости, в том числе и социальной, не позволяет ему уподобиться большинству. Алексей Слободин – типичный представитель лишних людей своей эпохи, который остро ощущает несоответствие своих душевных потребностей и идеалов общепринятым нормам поведения и законам действительности почти с самого рождения. Следующим местом жительства Слободиных становится Петербург, о сложной жизни семьи в котором повествуется в третьей части. Весь ход его личного развития логично приводит Слободина в кружок свободомыслящих и честных перед собой людей, в которых читатель с легкостью угадывает петрашевцев. В четвертой части романа значительное место уделено описанию духа и смысла их собраний. Во многих выведенных автором образах героев в заключительных частях романа также можно узнать реальных людей, фигурантов дела Петрашевского. Например, под именем Григория Васильевича Рудковского представлен лучший друг Пальма – С.Ф. Дуров. Глубокими личными переживаниями автора окрашена сцена ареста Слободина и других петрашевцев апрельской ночью 1849

³³ Пальм-Альминский А.И. Алексей Слободин. М., 1931. С. 9.

года. Заканчивается роман концом 1850-х – эпохой общественного ожидания отмены крепостного права. Слободин возвращается в Петербург из длительной ссылки, отказываясь от шанса влиться в ряды беззастенчивых дельцов, и возвращается то ли к учительской практике, то ли к журналистскому труду.

После вступления на престол Александра III произошло ужесточение цензуры, под пресс которой попали многие произведения. Пальм писал: «Теперь для литературы времена тяжкие. «Отечественные записки» погибли навсегда; «Дело», кажется, ждет та же участь... Где теперь печататься?»³⁴. Роман «Алексей Слободин» в 1884 г. был запрещен и изъят из библиотек, хотя к тому времени уже был широко известен. В дальнейшем он был переиздан уже в СССР. В советском издании 1931 г. он публиковался в виде повести в сокращенном варианте. В предисловии отмечалось, что художественность повести невелика, поскольку Пальм «несмотря на то, что он писал много... не может быть причислен даже к второразрядным художникам слова». С другой стороны, далее подчеркивалось, что «социальная среда, создавшая петрашевцев, так подробно и так живо изображена Пальмом, как это не может сделать ни один самый талантливый историк»³⁵. С последним утверждением нельзя не согласиться, поскольку Пальм писал о петрашевцах как мемуарист, хорошо знавший каждого из них, отразив затем все ценные наблюдения в своей хронике.

Раздумья над судьбами своего поколения явились основной мыслью двух последующих романов Пальма: дилогии «Больные люди» (опубликована в полном виде в 1881 г.), состоящей из повестей «Конец старого романа» («Вестник Европы». 1874. № 10 – 11) и «Пропащие годы» («Отечественные записки». 1880. № 2 – 3) и очередного произведения автобиографического характера «Мирные времена» («Дело». 1882. № 8 – 12). Успеха у читателя они не имели. Последний масштабный роман Пальма «Петербургская саранча», опубликованный в 1884 г., был посвящен иной теме – вырождающемуся старому дворянству, его быту, психологии, лихорадочным поискам ориентиров в новой действительности, и имел положительные отзывы. Под саранчой автор подразумевает паразитирующее дворянство, представители которого в надежде поправить свои дела организуют подпольный игровой

³⁴ Тхоржевский С. С. Указ. соч. С. 247.

³⁵ Пальм-Альминский А.И. Указ. соч. С. 5, 7.

дом, лишь бы не заниматься производительным трудом. По мнению С.С. Тхоржевского «Петербургская саранча» – «самый занимательный и, думается, лучший роман Пальма»³⁶.

Еще одним важным направлением литературной работы Пальма в 1870 – 1880-е гг. стала драматургия. Обращение к данному жанру было напрямую связано с театральной деятельностью членов его семьи. Пальмом было создано около десяти пьес для театра, среди которых «Благодетель» (1864), «Просветители» (1871), «Мышеловки» (1875), «И крылья есть, да лететь некуда» (1875), «Доброволец Солодаев» (опубликована под названием «Гражданка», 1878), «Господа избиратели» (1881), «Милочка» (1883), «Грешница» (1885). Драматургические произведения Пальма ставились на сценах Александринского в Санкт-Петербурге и Малого в Москве театров. Наибольший успех сопутствовал комедиям «Старый барин» (премьера состоялась в Александринском театре 18 октября 1872 г.; опубликована в «Отечественных записках». 1873. № 5) и «Наш друг Неклюжев» (Малый театр (г. Москва) 25 ноября 1879 г.; «Слово». 1879. Кн. 12)³⁷.

В искусстве драматургии Пальм выступил соратником и продолжателем А.Н. Островского, его современника, чье первенство в данном жанре в 1870-е гг. являлось неоспоримым. Главной сюжетной линией пьесы «Старый барин», которая была написана за две недели, выступает противостояние человека-консерватора с людьми новой формации. В роли героя прошедшей эпохи выступает барин-идеалист, проповедующий старые патриархальные начала. Пальм правдиво и жизненно нарисовал образ барина Опольева, который многим, лично знавшим Александра Ивановича, показался очень похожим на него самого³⁸. Он добродушен до наивности, непрактичен, порой расточителен и очень старомоден. С ним в противоречие вступают бессердечные практики, для которых основным мотивом существования становится погоня за прибылью. «Ваши времена, папенька, ...стали преданием. Мы не тем воздухом дышим», – заявляет ему дочь³⁹. Не выдержав предательства близких, Опольев, роль которого в театре блистательно играл выдающийся актер В.В. Самойлов, умирает. Коме-

³⁶ Пальм-Альминский А.И. Указ. соч. С. 239, 240.

³⁷ Русские писатели 1800–1917. Т. 4. С. 510, 511.

³⁸ Тхоржевский С.С. Указ. соч. С. 161.

³⁹ Там же. С. 161.

дия с трагическим концом еще долгие годы ставилась на сценах ведущих театров России.

В значительной мере связан с реальными событиями сюжет комедии «Наш друг Неклюжев». В основу его был положен собственный отрицательный опыт, связанный с казенной растратой, а также одно из громких дел подобного рода, имевших в то время общественный резонанс. Неклюжев – это кассир Петербургского банка Юханцев, который в действительности при полном попустительстве других лиц растратил два миллиона рублей, однако оказался в роли козла отпущения. Идея автора выражена достаточно ясно: Пальм предостерегает современников от поразившей многих жажды наживы, неоправданного стремления к богатству, призывая общество не попирает непреходящие нравственные ценности. Тогда еще молодой рецензент В.И. Немирович-Данченко связывал громкий успех постановки с тем, что «...в пьесе затрагивается жгучий вопрос дня»⁴⁰.

Заключительным произведением Пальма стал «Последний сон» – мрачная аллегория писателя о своей жизни, которая осталась в рукописи. Пальм сетовал: «Написалась некоторая поэтически безумная вещица «Последний сон» – и не могла попасть в печать. Цензура не только запретила, но конфисковала рукопись... Глупо!... в ней идет речь лично обо мне...»⁴¹. Умер Александр Иванович в Петербурге 10 ноября 1885 года.

Хотя А.И. Пальм принадлежал к плеяде дворянских писателей демократической направленности, обстоятельства его жизни оказались таковы, что навсегда отучили предаваться бесплодным политическим мечтаниям или доверять власти, они поставили его перед суровой необходимостью выживать. Увы, литература не отплатила должным образом бесконечно преданному ей автору. В одной из рецензий на труд писателя справедливо и с долей сожаления отмечалось: «Имя г. Пальма достаточно известно в нашей литературе, и мы полагаем, что он занимал бы среди наших романистов одно из самых видных мест, если бы не условия нашего литературного труда, заставляющие наших даровитых писателей, не имеющих благоприобретенного, работать ради настоящего куса хлеба»⁴². Необходимо помнить, что для Пальма за-

⁴⁰ Тхоржевский С.С. Указ. соч. С. 209–211.

⁴¹ Там же. С. 243.

⁴² Там же. С. 240.

нятия литературой не являлись развлечением и формой досуга, как для ряда дворянских писателей, а основным средством заработка. Вынужденный жить в долг и так и не расплатившийся с кредиторами до конца своих дней, Пальм, любивший свое дело, тем не менее, никогда не мог себе позволить относиться к литературным занятиям как к приятному времяпрепровождению. Подгоняемый нуждой и сроками сдачи рукописей в литературные журналы, он зачастую вынужден был торопиться, сдавать в набор сырые, неотредактированные материалы, которые могли бы выглядеть гораздо более интересными и привлекательными при должной доработке. К концу жизни его семья фактически распалась по тем же причинам материального характера. Однако, близкие к Пальму люди отмечали его жизнерадостность, радушие и оптимизм. Он продолжал поддерживать теплые отношения со всеми детьми. Вышеуказанный рецензент писал, что в творчестве Пальма «сверкают перлы крупного художественного таланта, достойного лучшей участи»⁴³. Но так сложилась литературная судьба уроженца мордовского края.

⁴³ Тхоржевский С.С. Указ. соч. С. 241.

УДК 94 (47)+929 Блудова

**«ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ В ПЕТЕРБУРГСКОМ СВЕТЕ ЖЕНЩИНА»
(ГРАФИНЯ А.Д. БЛУДОВА В ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ)**

О.В. Кочукова

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Институт истории и международных отношений,
кафедра истории России и археологии
E-mail: kochukovasgu@mail.ru

Автор статьи рассматривает биографию и общественную деятельность графини А.Д. Блудовой (1813–1891). Основное внимание сосредоточено на становлении и особенностях консервативного мировоззрения А.Д. Блудовой и ее роли в формировании общественного мнения эпохи Великих реформ.

Ключевые слова: А.Д. Блудова, общественное мнение, Великие реформы, славянский вопрос, консерватизм, славянофильство, благотворительная деятельность, придворное общество.

**«WONDERFUL WOMAN IN PETERSBURG SOCIETY»
(THE COUNTESS A.D. BLUDOVA
IN THE POLITICAL LIFE OF RUSSIA)**

O.V. Kochukova

The author of this article analyses the biography and social activities of the Countess A.D. Bludova (1813–1891). The study is focused on the formation and characteristics of the conservative worldview of A.D. Bludova and her role in shaping of the public opinion during the Great Reforms.

Key words: A. D. Bludova, public opinion, Great Reforms, Slavic question, conservatism, Slavophilism, philanthropy, court society.

О графине Антонине Дмитриевне Блудовой (1813–1891), дочери государственного деятеля графа Д.Н. Блудова, с полным правом можно говорить как о недооцененной личности, оставшейся в памяти современников и потомков, а также и в историографии, в тени славы своего отца. В исторической литературе, как правило, встречаются только отдельные упоминания личности А.Д. Блудовой в связи с указанием на роль представительниц об-

разованного общества в славянофильских кругах¹. Внимание исследователей также привлекла благотворительная деятельность графини². Между тем внимательное изучение взглядов и деятельности А.Д. Блудовой, названной одним из современников «умственной герцогиней», имеет вполне самостоятельное значение в связи с постановкой вопроса о роли женщин в обсуждении и подготовке Великих реформ. Некоторых представительниц императорской фамилии, придворного общества, центров общественно-политической жизни и культурной элиты эпохи, можно с уверенностью назвать «сподвижницами реформаторов». Среди них были императрица Мария Александровна, великая княгиня Елена Павловна, баронесса Э.Ф. Раден, А.Ф. Тютчева, М.А. Милютина, В.С. Аксакова, графиня А.Д. Блудова и многие другие. Кроме того, на примере общественно-политических воззрений А. Д. Блудовой, формировавшихся под несомненным влиянием отца, существует дополнительная возможность подчеркнуть значение опосредованной коммуникации реформаторов царствования Николая I и идеологов Великих реформ.

Источниковую основу для изучения общественной биографии А.Д. Блудовой составляют ее «Записки», представляющие собой сложный мемуарный текст с ярко выраженным публицистическим характером, не имеющий строгой хронологической последовательности³, наряду с другими мемуарными и эпистолярными источниками эпохи.

А.Д. Блудова родилась в 1813 г. в Швеции (в Стокгольме), где Д.Н. Блудов служил советником посольства. В Петербург семья возвратилась в 1814 г., а с 1815 г. Д.Н. Блудов стал активным участником литературного общества «Арзамас». Первые детские

¹ См. напр.: *Левин Ш.М.* Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX – начало XX века. Л., 1974. С. 301–302, 336; *Цимбаев Н. И.* Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. 2-е изд., испр. и доп. М., 2013. С. 51, 123, 124, 184.

² См.: *Родевич М.* Острожское женское училище графа Д.Н. Блудова // Журнал министерства народного просвещения. 1877. Т. 189. С. 57–71; *Дорофеев Ф.А.* Православные братства: генезис, эволюция, современное состояние. Нижний Новгород, 2006. С. 145; *Поповкин А.* Графиня А. Д. Блудова и женская благотворительность в России 1860–1880-х годов // URL: <http://ruskline.ru/analitika> (дата обращения: 5.05.2015).

³ Подр. см.: *Кочукова О.В.* А.Д. Блудова и ее воспоминания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2015. Вып. 4. С. 17–23.

воспоминания Антонины Блудовой относятся к началу 1820-х гг. и в них воссоздается духовная атмосфера семейной среды, оказавшей наибольшее влияние на формирование ее личности. Антуанетта испытала самое благотворное воздействие «счастливого семейного спокойствия» и получила твердые жизненные принципы и убеждения под влиянием примера отца. Центром своего интеллектуального развития она считала привитую любовь к чтению, которое составляло в семье Блудовых «наслаждение и происшествие семейное», а покупка книг была единственным поводом к отказу от принципа экономии в финансовых тратах. Лучшими качествами отца А.Д. Блудова считала наличие «твердо сознанных убеждений» и самостоятельной независимой позиции, что обеспечивало обладание еще одним качеством – бережливостью, так как «в высших должностях надобно быть самостоятельным и материально независимым», следовательно «необходимо всегда жить по своим личным средствам»⁴. Характер воспитания со стороны отца и его внимание к привитию моральных принципов отражены в тех фрагментах его писем к дочери, которые были ею приведены в тексте воспоминаний. Так, говоря о естественном стремлении человека к личному счастью, Д.Н. Блудов замечал: «Мы все больше или меньше можем находить его, ибо оно не во внешнем мире, а в душе нашей, в исполнении долга, во внутренних независимых от рока наслаждениях добродетели, постепенном и непрестанном совершенствовании нашего нравственного существа и в данных нам для того средствах»⁵.

Воспоминания детства и юности для Антонины Блудовой были неразрывно связаны с восхищением перед теми культурными и общественными деятелями, которых ей удавалось тогда видеть рядом с отцом, и прежде всего, перед «веселым кружком арзамасским». Ей навсегда запомнились впечатления об «истинно просвещенном, красавце и баловне, с примесью фата» С.С. Уварове, Д.В. Дашкове «с возвышенной душой и сановитой нежной красотой», Ф.Ф. Вигеле «с раскаленными как угли глазами», А.И. Тургеневе «с широким лицом и тучной фигурой», А.С. Пушкине «с заливающимся, ребяческим смехом, с фейервер-

⁴ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1872. № 7/8. С. 1218, 1219.

⁵ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1873. Кн. 2. № 11. С. 2118.

ком остроумных и добродушных шуток»⁶. Но «душой всего отцовского круга» являлся «пленительный, почтенный образ Карамзина». Двенадцатилетней девочкой видела она великого историка и писателя в последний год его жизни, и всю последующую жизнь рисовалась ей в образе Н.М. Карамзина «какая-то особенная гармония в выражении, в голосе, в движениях, во всей наружности», которая была отражением «внутренней гармонии всех мыслей и чувств его нравственной природы».

А.Д. Блудова отмечала в своих записках, что ее отец постоянно вращался «в кругу коноводов заговора», но о нем ничего не подозревал, и сохранила воспоминания о тяжелой атмосфере дней после 14 декабря 1825 г., когда происходили ежедневные аресты и допросы близких знакомых семьи. Впрочем, она оговаривалась, что «у батюшки опасения были, так сказать, менее личные: это были опасения за самое состояние России, за спокойствие Отечества»⁷. А.Д. Блудова умалчивает о том, что события 1825 г. послужили началом взлета служебной карьеры Д.Н. Блудова и о том, что ее отец по рекомендации Н.М. Карамзина стал делопроизводителем Верховной следственной комиссии и подготовил ее доклад⁸.

С началом царствования Николая I начинается новый этап в карьере Д.Н. Блудова и в жизни семьи. Впечатления юности Антуанетты с этого момента связаны с атмосферой придворного быта, детскими балами, общением с детьми царской семьи. Во второй половине 1820-х гг. члены семьи Блудова, «по крайней мере, раз в неделю бывали во дворце», а новый круг общения включал аристократические семьи Строгановых, Трубецких, Нессельроде⁹. Но, разумеется, более важным является то, что после 1825 г. Д.Н. Блудов был вовлечен в ситуацию формирования нового направления развития общественной мысли и государственной идеологии, когда переосмыслению подвергались представления о

⁶ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1889. Кн. 1. № 1. С. 39, 62.

⁷ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1875. Кн. 2. № 6. С. 182.

⁸ См.: Долгих Е.В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М.А. Корф, Д.Н. Блудов. М., 2006. С. 11.

⁹ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1872. № 7/8. С. 1228.

власти, самодержавии, тайных заговорщических обществах и о народе. Новая роль Д.Н. Блудова как бюрократа и консерватора николаевского царствования, влияние государственной идеологии официальной народности определили дальнейшее складывание политического мировоззрения его дочери.

В 1830 г. семнадцатилетняя Антонина Блудова отправляется вместе с матерью, братьями и сестрой в заграничное путешествие. Большая часть заграничной жизни семьи Блудовых в 1830–1831 гг. прошла в Берлине, но главными событиями, захватившими сознание А.Д. Блудовой, стали революционные выступления в Европе, и прежде всего Июльская революция во Франции. Жена и дочери А.Д. Блудова с жадностью поглощали информацию из газет, причем Антуанетта особенно интересовалась политической карикатурой¹⁰. На самые первые известия о событиях во Франции сразу же последовала ее реакция в письме к отцу: «Что вы скажете о Карле X и о его уничтожении свободы печати? Говорят, чуть не сделалось восстание в Париже»¹¹. Следует иметь в виду, что уже к этому времени были сформированы монархические настроения А.Д. Блудовой и вопрос о преимуществе монархии перед народным суверенитетом был для нее несомненно решенным. Упоминание о возможной революции вызывало в сознании, прежде всего «ужасы 1793 года». Ее любимым историческим лицом была дочь Людовика XVI и Марии Антуанетты герцогиня Ангулемская (Мария Тереза Шарлотта Французская), о которой в детстве проливалась слезы, представляя ее в заточении и перед которой преклонялась все последующие годы («долгая жизнь, полная терзаний и угнетений, увенчанная, вместо царской короны, христианской добродетелью всепрощения и тихой покорности»¹²). Тем не менее, названный в письме Блудовой повод к началу революции (ущемление королем свободы печати) свидетельствует о понимании необходимости сочетания монархического правления с разумным ограждением свободы общественной жизни. И спустя многие годы, в тот момент, когда графиня Блудова писала свои воспоминания, она была уверена в том, что режим Реставрации являлся блистательным периодом привития «порядков само-

¹⁰ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1872. № 7/8. С. 1254.

¹¹ Там же. С. 1250.

¹² Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1874. Кн. 1. № 3. С. 747.

управления» к «монархическому преданию», когда «благоразумная свободная система политики пустила корни во Франции»¹³.

Размышления над текущими событиями во Франции и первыми действиями нового, «самого либерального из правительств» приводили А.Д. Блудову к собственному выводу о содержании понятия «свобода» как лозунга революции и как политической реальности. В тексте своих мемуаров она приводила выдержки из семейной переписки Блудовых, относящиеся к таким фактам, как аресты редакций оппозиционных газет, произведенные новой властью и т.п. В этих письмах остался зафиксированным афоризм 1831 г.: «Определение свободы в 1831 году: свобода состоит в делеании другим того, чего не желательно, чтобы нам делали»¹⁴. К моменту создания записок, в 1870-х гг., графиня Блудова могла обращаться ко многим новым примерам «вспышек по всему пространству Европы» и вывела, можно сказать, собственную формулу всех революций: «эти властолюбивые мечтания одних, эти человеколюбивые теории других, и это несчастное Панургово стадо, которое верит и увлекается, и падает в бездну преступления и страдания, и эти неповинные, принесенные ими в жертву за то только, что они считают себя вольными мыслить и чувствовать иначе, нежели те свобододолюбцы, которые любят свободу только для себя и своих страстей»¹⁵.

Записки А.Д. Блудовой свидетельствуют о том, что способ осмысления европейских политических событий рубежа 1820–1830-х гг. оказал значительное влияние на понимание внутренних задач Российской империи.

А.Д. Блудова ссылалась на мнение своего отца о том, что, в конечном счете, все революции в своей основе обусловлены нравственным состоянием нации: «Он полагал, что нравственный разврат, поклонение богатству и житейским наслаждениям, жадность к увеселениям, любовь к роскоши, лень и эгоизм составляют ту почву, на которой растут всевозможные плевелы и сорные травы, что на подготовленное в такой школе население легко действует всякая пропаганда революционная, и печатная, и изустная, но, что среди здорового, деятельного человеческого обще-

¹³ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1874. Кн. 1. № 3. С. 752.

¹⁴ Там же. С. 713.

¹⁵ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1879. Кн. 3. № 11. С. 365.

ства, гораздо опаснее всяких политических сочинений те книги, зрелища и привычки, которые развращают нравы и уничтожают семью, которые ставят удовлетворение своих страстей выше долга и считают слово «обязанность» отсталым выражением»¹⁶. В представлении Блудовых главная задача внутреннего развития России совпадала с формулировкой ее международной миссии и заключалась в защите нравственных ценностей, основанных на святости семьи, общественного долга, христианской морали. Но ясно, что путь развития страны в таком направлении должны были обеспечить не только государственная идеология и воспитание общественной нравственности, но и внутренние реформы. Некоторые страницы и сюжеты записок графини Блудовой дают возможность реконструировать ее представления о целях внутренних преобразований, социальной опоре государства и о том, какими «в идеале» должны быть сами реформаторы.

«Истинные реформаторы, – писала Блудова, – суть всегда олицетворение целой эпохи, и они всегда глубоко, сознательно и твердо проникнуты мыслью о необходимости предприятия; они проникнуты (иногда даже бессознательно) одним общим стремлением с массою, на которую действуют. А выскочки-благодетели человечества только губят в потоках чернил, если не крови, многие благие намерения»¹⁷. Образцом такого реформатора для Блудовой, конечно же, был, прежде всего, ее отец, о роли которого в «совещаниях, предположениях и мероприятиях» николаевского царствования она упоминала в своих записках, но не рассказывала подробно. Исторические позитивные примеры реформ Блудова находила в петровских преобразованиях, а из европейских примеров ей наиболее интересны были реформы Карла фон Штейна в Пруссии (1807–1809). О последнем она говорила, что «его управление... положило основание восстановлению Пруссии и самосознанию всего немецкого народа; он поднял дух общества, примирил общее мнение с королем и умел посеять начатки новых лучших учреждений», которые «коренились в самой почве народа»¹⁸. Иначе говоря, реформы должны иметь укорененность

¹⁶ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1872. № 7/8. С. 1258.

¹⁷ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1889. Кн. 1. № 1. С. 95–96.

¹⁸ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1873. Кн. 2. № 11. С. 2132, 2136.

в национальных традициях, должны быть выдержаны в духе постепенности и консервативной народности («народность» как основной идеологический принцип, провозглашенный в царствование императора Николая) и, в конечном счете, содействовать сплоченности нации и государственной власти, а не нарастанию их противостояния.

Это понимание «народности» как коренного принципа консервативного реформизма вызывало постановку вопроса о формировании социальной опоры государства в многомиллионной крестьянской массе. Размышления над событиями европейской и русской истории приводили Блудову к мысли об особой роли крестьянского населения. Так, говоря об «ужасах революции» во Франции XVIII в., она упоминала «подвиг любви и верности», который в самые сложные времена совершало сельское население Вандеи. «Вообще сельское население всегда самое мирное (или, по нынешнему выражению, самое консервативное), везде предано, так сказать, лично своему государю, на которого смотрит как на посланника Божия, на олицетворение Отечества и вместе как на старшего и на главу семейства, то есть обширного семейства всего народа. Эти отношения развиваются и крепнут там, где много богатых и небогатых дворян живут большую часть года в своих усадьбах, в хорошем расположении к земледельцам, и где хлебопашество или рыбная ловля суть занятия масс, то есть, там, где нет фабричного разврата, нищенства и сребролюбия и куда не заезжают магнаты с своею роскошью и пустой жизнью»¹⁹.

Таким образом, текст «Записок» графини А.Д. Блудовой позволяет реконструировать на примере формирования ее политического мировоззрения более масштабное историческое явление эпохи – складывание принципов консервативного реформизма как одного из источников идеологии и практики Великих реформ. В мировоззрении Блудовой понимание необходимости и характера «идеальных» реформ определялось влиянием государственной идеологии официальной народности и критикой западноевропейского революционного опыта. Центром консервативного реформизма становилась идея «народности», предполагавшая как ориентацию на исторические традиции, духовно-нравственные ценности православия, так и создание социальной

¹⁹ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1874. Кн. 1. № 3. С. 745.

опоры самодержавного государства в консервативной крестьянской массе. В дальнейшем участие графини Блудовой в общественно-политической жизни накануне крестьянской реформы 1861 г. определялось именно этими принципами консервативного реформизма.

Безусловно, на формирование представлений А.Д. Блудовой о «народности» немалое влияние оказали славянофилы. В сороковые и, особенно в пятидесятые годы XIX в., она общалась со многими из них, состояла в переписке, принимала участие в различных проявлениях их общественной активности. В отдельных случаях дочь графа Блудова (пожалование которой во фрейлины состоялось еще в 1831 г.) выступала в качестве связующего звена между общественными кругами и правительственными сферами, императорским двором. Так, именно через графиню Блудову К.С. Аксаков в 1855 г. представил царю свою записку «О внутреннем состоянии России». «По приказанию» «умственной герцогини» А.Д. Блудовой в 1850 г. А.С. Хомяков писал статью «Об общественном воспитании в России», в которой высказывал следующую мысль: «Внутренняя задача русской земли есть проявление общества христианского, православного, скрепленного в своей вершине законом живого единства и стоящего на твердых основах общины и семьи»²⁰.

А.Д. Блудова состояла в постоянной переписке с И.С. Аксаковым, из которой, между прочим, имела возможность составить представление о взглядах славянофилов на общество и государство. Именно А.Д. Блудовой Иван Аксаков в 1854 г. презентовал свое стихотворение «На Дунай», в котором в поэтической и эмоционально приподнятой форме излагал взгляды на внешнюю политику России²¹. Впрочем, общественная позиция А.Д. Блудовой не во всем совпадала с настроениями славянофильских кругов. Она не могла разделять определенной доли оппозиционности, которую предполагало славянофильское учение об обществе и государстве, и их конкретно-отрицательного отношения к «немецко-бюрократическому» государству. Подтверждением может служить один факт из взаимоотношений графини Блудовой

²⁰ Цит. по: *Цимбаев Н.И.* Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. 2-е изд., испр. и доп. М., 2013. С. 184.

²¹ См.: *Кочуков С.А.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в поэтической публицистике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 18.

и Ивана Аксакова. Последний в 1855 г. отказался от хлопот за него А.Д. Блудовой и А.О. Смирновой (Россетти) в отношении определения на службу и, по словам В.С. Аксаковой, «при этом довольно неосторожно выразился насчет настоящего порядка вещей»²². Это повлекло резкую отповедь А.О. Смирновой, уверявшей, что «служить надобно не фантастической России, а такой, какая она есть». Надо полагать, что графиня Блудова в этом отношении была солидарна с А.О. Смирновой.

Сложившиеся мировоззрение и круг общения графини А.Д. Блудовой позволили ей принять активное участие в общественно-политической жизни второй половины 1850-х гг., т.е. в период подготовки «Великих реформ». Гостиная графини Блудовой превратилась в один из центров политического оживления в придворных сферах. К числу таких центров современники относили Мраморный дворец (двор великого князя Константина Николаевича) и Михайловский дворец (двор великой княгини Елены Павловны), а некоторые мемуаристы упоминают также вечера в Зимнем дворце у императрицы Марии Александровны. По словам В.П. Мещерского, «придворные очаги умственной жизни», возглавляемые «высочайшими покровителями ума, преимущественно политического» стали сферой выдвижения новых лиц и идей, а также «разработки материалов для будущих государственных вопросов»²³.

В тексте воспоминаний Мещерского есть упоминание о самостоятельной роли придворного салона («гостиной») Блудовых: «Полною авторитета и интересною политически тогда была гостиная графа Блудова, где около его дочери, всегда вдохновленной русскими вопросами жизни, графини Антонины Дмитриевны Блудовой, сходились всевозможные умные люди всяких положений и специальностей. Здесь очень оживленно разрабатывались в беседе политические вопросы будущего»²⁴. По словам другого мемуариста, С.Д. Шереметева, дома у Д.Н. Блудова к тому времени «полною хозяйкою была его дочь графиня Антонина Дмитриевна». С.Д. Шереметев отмечал: «Близость ее к императрице Марии Александровне и к известному кругу так называемых славя-

²² Аксакова В.С. Дневники. Письма / сост., коммент. Т.Ф. Пирожковой. СПб., 2013. С. 113.

²³ Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2001. С. 53–54.

²⁴ Там же. С. 54.

нофилов вводила к ней разнообразные элементы, и приток таких лиц был значителен»²⁵.

Важнейшей сферой устремления умственных интересов всех участников общественного оживления, в том числе и при дворе, являлась подготовка крестьянской реформы. В этом направлении общественной активности А.Д. Блудова поддерживала великую княгиню Елену Павловну, высочайшую покровительницу ведущего деятеля крестьянской реформы 1861 г. Н.А. Милютин. Примечательно, что для А.Д. Блудовой круг Елены Павловны являлся несомненным продолжением консервативного реформизма николаевского царствования. В своих записках Блудова подчеркивала, что Елена Павловна до конца жизни оставалась «искренним другом друзей своей молодости», к которым относилась, прежде всего, П.Д. Киселева и Д.Н. Блудова²⁶. Страницы воспоминаний Блудовой, посвященные великой княгине Елене Павловне, переполнены выражением восхищения ее личностью. Но особенно характерен акцент на то, что даже либеральное свободомыслие в понимании Елены Павловны имело христианскую основу, а не «ветренный эгоизм». Мысль, высказанная Еленой Павловной, в передаче Блудовой звучала следующим образом: «Весь секрет переустройства политической жизни в жизнь христианскую содержится в словах Спасителя: «Аще кто хочет старше быти, да будет всем слуга», и в изречении апостола Павла: «Повинуйтесь не яко рабы, но яко свободны»²⁷.

Подготовка крестьянской реформы воспринималась А.Д. Блудовой как «дело само по себе великое, человеческое, справедливое, христианское и широкое, по-царски и по-русски сделанное», то есть «с обеспечением землею целых миллионов народонаселения»²⁸. Графине Блудовой, вовлеченной в сложную ситуацию борьбы по вопросу о способе освобождения крестьян, представлялось крайне необходимым выступить с личной инициативой и подать личный пример. С этим связан весьма интересный эпизод общественной деятельности графини Блудовой –

²⁵ Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 2. М., 2005. С. 378–379.

²⁶ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1878. Кн. 3. № 11. С. 367.

²⁷ Там же. С. 363.

²⁸ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1874. Кн. 1. № 3. С. 731.

организованный ею проект эмансипации крестьян в одном из принадлежавших ей имений.

Отдельные частные опыты освобождения крестьян, имевшие место накануне 1861 г., представляют несомненный интерес для исследователей. По крайней мере, один из них широко известен. Это освобождение крестьян в селе Карловка, принадлежавшем великой княгине Елене Павловне, которая привлекла к разработке проекта Н.А. Милютина и К.Д. Кавелина (1856 г.). Известно и то, что было несколько других, менее громких предварительных экспериментов в области крестьянской реформы. Все они были связаны с активностью общественных деятелей, близких к «либеральным бюрократам»²⁹. Опыт освобождения крестьян был принят и в смоленском имении графини А.Д. Блудовой. В фонде великой княгини Елены Павловны (Государственный архив Российской Федерации) хранятся «Записки помещицы смоленской губернии о результатах освобождения ею крестьян по добровольной с нею сделке»³⁰. По тексту документа можно предположить, что этот опыт относится к 1858–1859 гг. (Сделка была одобрена императором в июле 1858 г.)

Крестьяне А.Д. Блудовой были барщинными. В реформаторском проекте графини самой острой была проблема обработки господской земли. А.Д. Блудова проявила завидное упрямство в преследовании теоретического принципа о превосходстве наемного труда. Этот принцип в ее глазах был неизмеримо значительнее результативности и экономической эффективности в конкретном случае. Помещица настаивала на непременном переходе к обработке господской запашки по найму³¹. Скорее всего, и в целом она руководствовалась не мотивами повышения доходности имения, а значимостью ее успехов в деле освобождения как проверки на практике разделявшихся ею идей либеральных реформаторов (и, несомненно, знакомых ей положений «Записки об освобождении крестьян» К.Д. Кавелина).

«Смоленская помещица» к диалогу со своими крестьянами приступала с уже готовой программой. Но ей пришлось столк-

²⁹ Подр. см.: *Кочукова О.В.* «Свободный труд успешнее невольного»: к истории общественных дискуссий эпохи «Великих реформ» // История в подробностях. 2010. № 6. С. 50–55.

³⁰ ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 99. Записки помещицы смоленской губернии о результатах освобождения ею крестьян по добровольным с нею сделкам.

³¹ Там же. Л. 3, 4.

нуться с недоверчивостью крестьян к доброжелательным замыслам помещицы. Это обескураживало и, видимо, обижало А.Д. Блудову. После упоминания о добросовестной работе и благонадежном поведении крестьян «смоленская помещица» не могла не заметить, что «к этой лицевой стороне есть изнанка». Переход на выкуп не сопровождался решением проблемы с обработкой господской запашки. Отпущенные графиней вольные крестьяне никак не хотели «поставлять из себя наемных работников»³². Блудова констатировала «недоверчивость к землевладельцу» и записала слова, произнесенные одним из мужиков «в минуту откровенности»: «Нам покуда хорошо, нечего говорить. Мы за тебя Бога молим, да что-то будет после, когда выйдет положение для всех? Ведь нам и господа иные говорили, что вас, дескать, графиня обманула»³³. Как видим, здесь совершенно определенно выражена крестьянская подозрительность в отношении планов помещиков, якобы стремившихся «опередить» в своих корыстных целях грядущую общую реформу («царскую волю»), на которую возлагались особые надежды.

А.Д. Блудова предлагала своим крестьянам различные варианты решения вопроса: работа по найму за денежную плату (160 рублей на всю деревню) либо отработочная система за пользование на длительный срок господской землей (60 десятин пахотной земли в уплату за обработку 8 десятин в поле). В любом случае предполагалось заключение сделки с общиной, а не индивидуально с крестьянами³⁴. Крестьяне не приняли таких условий и совершенно неожиданно предложили обработать землю «просто так». Фактически, это означало уход от обсуждения условий работы по найму. Оставить ситуацию с обработкой господской запашки без изменений было крайне нежелательным для А.Д. Блудовой, нацеленной на эксперимент с наемным трудом. Чем аргументировали крестьяне неожиданный порыв альтруизма с их стороны (предпочтение обработать землю помещицы «просто так», а не за вознаграждение)? Они говорили о желании облегчить совесть (стыдно брать деньги с барыни, у которой «и леску своровывают, и сенцо прибирают»). Ссылались на отсутствие опыта заключения подобного рода сделок и вообще работы

³² ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 99. Л. 3.

³³ Там же. Л. 4.

³⁴ Там же.. Л. 11.

по найму³⁵. А.Д. Блудова видела в рассуждениях и поведении крестьян проявления нерациональности и психологическую боязнь перехода из известного состояния в неизвестное. Но, видимо, аргумент, который был значимым в глазах самих крестьян, а не только предназначался для ушей барыни, заключался в утверждении: «лучше никакой бумаги не подписывать»³⁶. Иначе говоря, не связывать себя излишними обязательствами до объявления «царской воли».

В целом ситуация в имении Блудовой оказалась очень острой, и уже грозила выйти из-под контроля. Казалось, что крестьяне на грани бунта. Настойчивость помещицы спровоцировала грубость в разговоре со стороны крестьян. Один из них вполне четко высказал скрытые желания и претензии остальных. А.Д. Блудова записала: крестьянин «окончил предложением продать их деревню мою землю за 300 рублей (100 десятин пашни) и остаться при моем саде и хуторе, которые мне только и нужны, а им нужно мое поле»³⁷. Ситуация приобретала характер, опасный для реформаторских сил: события в имении Блудовой стали вызывать негодование соседних помещиков.

В конце концов, управляющий был вынужден привлечь к обработке господской запашки крепостных из имения отца А.Д. Блудовой. Это вызвало горестное признание с ее стороны: «Мне было грустно и неловко, что, отпустив на волю своих крестьян, я пользовалась безвозмездно трудом крепостных, чужих!»³⁸. На следующий год работа по найму все-таки была организована: но крестьян подбирали уже индивидуально и из разных поместий, договориться с общиной в целом так и не удалось. Интересно описание первой пахоты наемных работников, в которой принимала личное участие сама барыня. «Этот первый вольный труд, – писала она, – был также дружен и весел, как последний барщинный перед освобождением»³⁹.

Поскольку составление подробного описания личного реформаторского эксперимента имело, в глазах А.Д. Блудовой, общественно-политическое значение, то завершался текст «Записок смоленской помещицы» выводами, выходящими на общую об-

³⁵ ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 99. Л. 12.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 13.

³⁹ Там же. Л. 19.

становку в связи с подготовкой крестьянской реформы. Блудова выступала с призывом ускорить подготовку реформы (скорее «развязать с крестьянами помещиков»). «Все ждут уже с нетерпением обнародования общего положения и неохотно соглашаются на сделки. Откладывать это дело становится ежедневно опаснее; народ ждет спокойно, то есть мирно, но с возрастающим нетерпением, между тем как мелкие помещики ждут с беспокойством и раздражением; они становятся ежедневно враждебнее к крестьянам, которые чувствуют это, теряют к ним бывшую патриархальную привязанность и удержаны от вражды каким-то неясным сознанием своего преимущества, которое можно бы выразить словами: «На нашей улице праздник»⁴⁰. Так, в конечном счете, неудачи и трудности в реформаторских инициативах связывались с влиянием на крестьян крепостнически настроенных соседних помещиков. Именно их позиции и настроения казались реформаторам главной проблемой, а не восприятие реформы самими крестьянами. Возобладал стереотип крестьянской пассивности. Крестьяне, оставаясь в сознании реформаторов объектом их направленных действий, не были в полной мере «услышаны».

В 1857–1858 гг. реформаторы впервые столкнулись с сопротивлением крестьян не только «неволе», но и планам их освобождения. Впервые столкнулись с трудностью применения к реальной практике хозяйствования теоретических постулатов о вольнонаемном труде. Конечно же, осознать такую реакцию со стороны крестьян было непросто. Один из откликов на события, происходившие в смоленском имении А.Д. Блудовой, встречаем в письме К.Д. Кавелина к А.Ф. Тютчевой, фрейлине императрицы Марии Александровны. В этом письме Кавелин рассказывал о случае в имении графини Блудовой: «Вы сами и очень многие знают, с каким самоотвержением графиня Блудова принялась за освобождение своих смоленских крестьян. И что же? Благонамеренные и великодушные усилия ее чуть-чуть не окончились ничем, вследствие упорного сопротивления крестьян стать вольными. Подобных случаев было несколько, даже более резких. Как и надо было ожидать, случаи эти подали повод к бесчисленным рассуждениям, из которых будто бы следует как дважды два четыре, что освобождение крестьян совсем не есть потребность народная, а вымысел людей, не знающих России, что эта мера пре-

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 99. Л. 21–22.

ждевременная и последствия, поэтому будут самые губительные»⁴¹. Нельзя не заметить, что недооценка социальной мотивации дворянства и крестьянства как главных участников отмены крепостного права была наиболее уязвимым местом теории и практики либеральных реформаторов, и эксперимент в имени графини Блудовой яркий тому пример.

В тексте записок А.Д. Блудовой присутствует концепция крестьянской реформы 1861 г. как масштабной и беспримерной «революции сверху», осуществленной верховной властью в интересах защиты общественного спокойствия путем «обеспечения землею целых миллионов народонаселения». Блудова писала об «огромной силе того правителя, который мог, безбоязненно, перекрестясь, одним своим словом совершить всецелый переворот в своем крае, радикальную, социальную революцию, эту задачу, неразрешимую в Европе, где не хватает на нее взаимной между правителями и подданными веры, любви и смирения»⁴². Мнение Блудовой соприкасается с историографическим сюжетом о роли консервативных компонентов в идеологии Великих реформ. Зарубежные исследователи, как правило, не признают либеральной основы мировоззрения «просвещенной бюрократии», полагая, что главным мотивом ее деятельности было сохранение институтов самодержавия и регулирующих, дисциплинарных механизмов государства и общины в отношении экономики⁴³. Некоторые современные российские историки склонны к подобной же точке зрения. Но И.А. Христофоров предлагает компромиссный подход, поскольку приходит к выводу об эклектичности мировоззрения идеологов и авторов крестьянской реформы (либеральные представления скорректированы влиянием романтического национализма, славянофильства, практикой менеджмента самодержавного государства)⁴⁴. В конкретном случае, связанном с миро-

⁴¹ ОР РГБ. Ф. 548. Карт. 4. Д. 28. Письмо К.Д. Кавелина к А.Ф. Тютчевой 1857 г. Л. 1.

⁴² Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1874. Кн. 1. № 3. С. 731.

⁴³ См., напр.: *Lincoln W.B. In the Vanguard of Reform: Russian Enlightened Bureaucrats 1825–1861. Chicago, 1982; Уортман Р.С. Властители и судии. Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.*

⁴⁴ *Христофоров И.А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011.*

воззрением и деятельностью графини Блудовой, видимо, можно говорить о том, что консервативное понимание целей крестьянской реформы соседствовало с принятием либеральных идей о свободе труда и собственности, что обеспечивало возможность тесного сотрудничества как с бюрократами-реформаторами, так и с либерально настроенными общественными деятелями.

Реальность взаимоотношений дворянства, самодержавия и крестьянства, конечно же, была весьма далека от того идеала, который сложился в мировоззрении А.Д. Блудовой. Видимо, это несовпадение и было причиной особого упрямства и настойчивости графини в преследовании отвлеченных принципов в реальной действительности. Один из случаев такой активности проявился в эксперименте по освобождению крестьян в своем имении, другой относится к более позднему времени и связан уже с вмешательством в дела других помещиков. Этот эпизод получил отражение в мемуарах С.Д. Шереметева.

Семья Шереметевых не смогла достичь единства в принятии решения о способе проведения реформы 1861 г. в имениях отца С.Д. Шереметева. Молодой граф С.Д. Шереметев видел причину этого во «вмешательстве общественных сил», центром которых считал именно А.Д. Блудову. Выбор между временно обязанным состоянием и обязательным и безотлагательным выкупом в пользу второго варианта был предопределен давлением А.Д. Блудовой. «Домашнее дело выступило на всеобщее обсуждение», а С.Д. Шереметев был принужден выслушать «лекцию о неуместном его образе действий, не соответствующем направлению и господствующим взглядам правительства». Данный сюжет примечателен как пример, демонстрирующий силу и влияние общественного мнения в эпоху Великих реформ. С.Д. Шереметев по этому поводу заметил: «Домашнее дело выступило на улицу и было подхвачено сложными течениями, разделявшими общество и правительственные сферы, а в те времена кто не считался с этими сферами, кто не желал прослыть за человека передового, кто не гонялся за так называемой популярностью»⁴⁵.

В 1863 г. графиня Блудова, ставшая камер-фрейлиной, вернулась из своего имения в Смоленской губернии, полная впечатлений «от нового крестьянского житья-бытья». Император Александр II начал расспрашивать ее о деталях реализации крестьян-

⁴⁵ Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 2. С. 377–378.

ской реформы и получил ответы, выраженные «со слезами умиления о благодарности к нему народа». В год польского восстания настроения царя были пессимистичными, и он позволил себе усомниться в словах собеседницы. Между ними состоялся следующий диалог: «Ах, дорогая графиня, это идиллия. – Какая идиллия! Это чистая правда. Можете ли вы сомневаться в признании русского народа? – Увы, я больше не верю в людские признания». В.П. Мещерский отметил, что А.Д. Блудова «была в тот вечер как убитая словами государя»⁴⁶. Впрочем, графиня все же оставалась при своем мнении. В своих записках, которые писала уже в начале 1870-х гг., она выражала стойкое убеждение, что «нынешнее царствование, освободив крестьян, поставило крепкий оплот против козней врагов внутренних и внешних»⁴⁷ и несколько раз повторяла мысль о том, что облагодетельствованные царской милостивой реформой массы народа являются лучшей социальной и нравственной опорой государства.

События, связанные с польским восстанием 1863 г., истолковывались А.Д. Блудовой опять же исходя из представлений о характере взаимоотношений «царя» и «народной массы». Она была убеждена в том, что «на наше счастье феодальное и аристократическое чувство польское относилось с презрением к массе народа и к нашему сельскому духовенству; закрепощенное крестьянство и заброшенное духовенство спасли западную Русь»⁴⁸. Эти представления, конечно же, вполне согласовывались с политикой Н.А. Милютина в отношении использования в государственных целях социальных противоречий в западном крае. По свидетельству В.П. Мещерского, А.Д. Блудова всецело поддерживала деятельность М.Н. Муравьева по подавлению польского мятежа, не боясь осуждения «передового общественного мнения» («Борьба была неравная, ибо за Муравьева в то время были только две женщины, А.Ф. Тютчева и графиня Блудова... Императрица, несмотря на этих двух женщин, была поколеблена сильным влиянием придворных политиканов против Муравьева»⁴⁹).

Вообще же, вопросы внешней политики России, и особенно так называемый «славянский вопрос» были предметом постоян-

⁴⁶ Мещерский В.П. Воспоминания. С. 165.

⁴⁷ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1873. Кн. 2. № 11. С. 2060.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Мещерский В.П. Воспоминания. С. 162.

ного обсуждения в гостинной графини Блудовой. Не случайно они получили самое широкое освещение на страницах ее мемуаров. Характерно и то, что внешнеполитические сюжеты появляются в тексте «Записок», относящемся к самому раннему периоду становления ее мировоззрения, то есть ко времени заграничного путешествия в начале 1830-х гг. Тогда неожиданным ударом для семьи Блудовых стало заставшее их в Берлине известие о восстании в Польше. А.Д. Блудова писала, что «в то время нашему семейству не приходила на мысль возможность переворота в Польше», так как они считали поляков «скорее, балованными детьми государства, с их многочисленными привилегиями»⁵⁰. В тексте записок акцентировано мнение о том, что восставшие поляки собственными руками погубили предоставленную им Александром I конституцию.

Восстания в Польше, как известно, стали причиной возникновения полонофильства и русофобии в европейском общественном мнении, что очень болезненно воспринималось русским обществом. Семейство Блудовых успело испытать на себе характер настроений берлинского общества, чем объясняется следующая запись в мемуарах: «Забыли, что Познань такая же часть бывшей Польши, или, лучше сказать, самоуверенно полагали, что она уже довольно онемечена, и массы преданы правительству»⁵¹. Тема европейского недоброжелательства к России и русским становится с этого момента характерной для политических воззрений графини Блудовой. С годами только крепло ее убеждение в том, что «непреложное право России: ставить свою честь и свое самосохранение выше интересов чужих, выше заносчивых требований мнимых союзников». «Да и то надобно помнить, – замечала она, – что европейские державы уважают одно только: силу»⁵², а потому «сила и успех – вот единственные гарантии России от иностранцев; разумеется, не одни материальные, но и успехи умственные»⁵³. Позже, видимо, начиная с середины 1850-х гг., эта оценка

⁵⁰ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1872. № 7/8. С. 1284, 1292.

⁵¹ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1874. Кн. 1. № 3. С. 730.

⁵² Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1875. Кн. 2. № 6. С. 184.

⁵³ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1874. Кн. 1. № 3. С. 732.

международной ситуации с точки зрения интересов России, была значимой причиной интереса А.Д. Блудовой к теориям и деятельности славянофилов и, в частности, к постулату об особой миссии России по отношению к славянскому (или вернее, православному греко-славянскому) миру. Впрочем, в своих записках она утверждала, что уже в восемнадцатилетнем возрасте, в 1831 г., после взятия Варшавы, она «мысленно сочиняла манифест», в котором «ясно и откровенно» разъясняла полякам, что им не следует доверять европейцам, которые «всегда стараются посеять раздор между славянами, потому что они боятся той грозной силы, которая составила бы из наших воинственных племен, если бы они все дружно соединились»⁵⁴.

Вполне естественным выглядит глубокий интерес А.Д. Блудовой к так называемому «греческому вопросу». Многие страницы ее записок напоминают исторический труд об освободительном движении в Греции 1820-х гг., о борьбе «партий» и об отношении к судьбам Греции России и европейских держав. Эти страницы написаны с привлечением исторических источников, выписок из газет и книг, и, самое главное, их автор проявила стремление к созданию обобщающей концепции относительно «греческого вопроса». Разумеется, в законченном виде эта концепция сложилась в представлениях Блудовой уже в пореформенный период, но ее интерес к теме зародился еще в конце 1820-х гг., под воздействием впечатлений и известий о русско-турецкой войне 1828–1829 гг., Адрианопольском мире и обретении Грецией независимости. Уже тогда героем Антонины Блудовой был граф И. Каподистрия, личности которого уделено немало страниц в ее воспоминаниях, а во время заграничного путешествия семья Блудовых получила трагическое известие о его гибели. Графиня Блудова была уверена, что расстановка сил в политической элите Греции была predetermined влиянием западноевропейского и российского факторов международной ситуации, начиная с конца XVIII века. В записках подчеркивается роль «Греческого проекта» Екатерины II: «духовная связь наша с Европейским Востоком, не понятная на Западе Европы, была понята Екатериной Великой, и пленяла ее ум, в то же время как согревала ее женское

⁵⁴ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1878. Кн. 3. № 11. С. 348.

сердце»⁵⁵. К временам Екатерины Блудова возводила формирование «русской партии» в Греции. Но с 1793 г. другая часть греческой политической элиты получила «надежду на французов, которые провозглашали свободу повсюду и бросали свои армии на помощь всем, которые восставали где-нибудь против кого-нибудь»⁵⁶. Таким образом, для Блудовой было важно отделить в борьбе Греции за независимость элементы, связанные с политическим радикализмом и революционностью. Вместе с тем, по ее мнению, степень влияния той или иной «партии» в Греции зависела, прежде всего, от официальной позиции России.

Мемуаристка подвергала критике внешнюю политику Александра I, впавшего в мистицизм, лелеявшего несбыточные мечты о всеобщем мире христианских государей, и принесшего в жертву принципам легитимизма поддержку православных греков (император «жертвовал интересами, самыми близкими России и народами искренно преданными ей» во имя ложной роли «всемирного посредника» в общих европейских целях). Таким образом, полагала Блудова, Александр I, который «выше всего дорожил миром в Европе» и не решился принять греческих депутатов во время Веронского конгресса, косвенно содействовал усилению радикальной партии среди греков, тому, что «справедливое дело взяли в свои руки авантюристы и горячие головы»⁵⁷. Характерна следующая фраза Блудовой: «В Вероне, где не приняли греческих депутатов, не понимали того, что лучше перемены осуществлять сверху, чем дожидаться, пока они произойдут снизу»⁵⁸. Заимствование из знаменитой речи Александра II, произнесенной 30 марта 1856 г. перед предводителями дворянства, несомненное, только оно использовано в другом контексте.

Ко времени Крымской войны в представлениях А.Д. Блудовой уже была вполне сформирована мысль об освободительной миссии России по отношению к балканским славянам. В 1853 г. Ф.И. Тютчев в письме к дочери упоминал: «Как я и ожидал, я нашел Антуанетту (так называли Блудову родственники и близкие

⁵⁵ Записки графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1875. Кн. 2. № 6. С. 159.

⁵⁶ Там же. С. 160–161.

⁵⁷ Там же. С. 174–176.

⁵⁸ Там же. С. 176.

друзья. – О. К.) более сербкой и болгаркой, чем когда-либо»⁵⁹. В 1860-е и 1870-е годы А.Д. Блудова принимала активное участие в организации общественного движения в поддержку славян. Она вела переписку с общественными деятелями Болгарии и Сербии, занималась организацией благотворительной помощи, общалась с деятелями славянских комитетов. В 1867 г. Блудова принимала у себя представителей славянских народов, приехавших в Россию на этнографическую выставку⁶⁰. Общественная инициатива опережала решимость верховной власти перейти к активной фазе действий в реализации «освободительной миссии» России на Балканах. По свидетельству Е.А. Нарышкиной, в таком направлении славянофильские круги накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. пытались оказывать влияние через придворных дам на императрицу Марию Александровну и наследника престола великого князя Александра Александровича: «Графиня А.Д. Блудова, графиня А.А. Толстая и Е.Ф. Тютчева изо всех сил старались оказать влияние на престолонаследника и нашли у него сочувствие» в открытом покровительстве русским добровольцам в Сербии⁶¹.

Еще одна сторона общественной деятельности А.Д. Блудовой связана с благотворительностью. В исследованиях по истории благотворительности принято считать, что цели преобразования повседневности опирались на один из двух идеалов филантропии: благочестие христианского самопожертвования либо просветительскую взаимопомощь ради самой человеческой природы⁶². Несомненно, что взгляды и деятельность графини Блудовой были основаны на первом из этих двух идеалов. Глубокая религиозность А.Д. Блудовой была хорошо известна в петербургском высшем обществе, причем порой вызывала насмешливое отношение. Отголоски таких настроений слышатся за строками воспоминаний С.Д. Шереметева («Графиня А.Д. Блудова, по смерти отца своего, продолжала ездить в церковь и становилась на его место. Она имела привычку стоять на коленях перед стулом, и ее

⁵⁹ Цит. по: Поповкин А. Графиня А.Д. Блудова и женская благотворительность в России 1860–1880-х годов // [электронный ресурс]: http://ruskline.ru/analitika/2011/05/20/grafinya_antonina_bludova_i_zhenskaya_blagotvoritelnos (дата обращения: 10.11.2015).

⁶⁰ Подр. см.: Поповкин А. Указ. соч.

⁶¹ См.: Нарышкина Е.А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. М., 2014. С. 268.

⁶² См.: Поповкин А. Указ. соч.

почти не было видно. Постоянная слезливость ее вызвала все подмечавшую княгиню М.С. Урусову прозвать Антонину Дмитриевну «мироточивой главой»⁶³).

Впрочем, главное направление благотворительной деятельности А.Д. Блудовой, имело и вполне ясную идейно-политическую цель, обусловленную пониманием международной роли России в славянском мире и стремлением к укреплению и расширению границ русского национального самосознания. А.Д. Блудова приняла самое активное участие в организации основанного в 1865 г. в память о Д.Н. Блудове Кирилло-Мефодиевского братства на Волыни в г. Острог. Это была целая сеть воспитательно-благотворительных учреждений (начальная школа, крестьянский пансион для мальчиков, женское училище, лечебница, странноприимный дом), созданная с целью поддержки и воспитания русского православного населения на Волыни. По словам А.Д. Блудовой Острожское братство было призвано «развивать в детях сознание, что они и их предки – русские, что этот край Волынь и Киевский край был колыбелью России и что православная вера была уделом всех славян»⁶⁴.

Широта умственного кругозора графини А.Д. Блудовой, ее общественная активность, организаторские способности и наличие собственного понимания ведущих идейно-политических тем современности придавали ей особое значение в придворной среде. Деятельность А.Д. Блудовой вызывала неподдельный интерес и горячее сочувствие многих современников. Но, пожалуй, самый восхищенный отзыв о ней принадлежит князю В.П. Мещерскому: «Это была замечательная в петербургском свете женщина, русская женщина. Она жила только любовью к России. Всякий день эта любовь создавала для нее новых духовных братьев, новых духовных детей, новых друзей, и все, где ее отзывчивое сердце находило русский вопрос чести или пользы, она принимала к сердцу и переносила в свою гостиную как свою собственную душевную заботу»⁶⁵.

⁶³ Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 2. С. 417–418.

⁶⁴ Поповкин А. Указ. соч.

⁶⁵ Мещерский В.П. Воспоминания. С. 164.

УДК 930(476)(092)Кравченко

ОТ ДНЕПРА ДО ВОЛГИ, ИЛИ ВЕКТОРЫ СУДЬБЫ ПРОФЕССОРА НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА КРАВЧЕНКО

О.А. Яновский

Белорусский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: helgoleg@mail.ru

Прослежены перипетии жизненного пути, научного и педагогического творчества одного из выдающихся юристов-международников, универсального специалиста в области истории международных отношений Н.Н. Кравченко. Они пришлись на сложное время предреволюционных и революционных потрясений. Рожденный в семье могилевского интеллигента в городе на Днестре, этот незаурядный ученый учился и работал в университетах многих городов России и Европы (Одесса, Берлин, Париж, Рим, Берн, Базель, Томск, Казань, Саратов, Ярославль, Москва). В 1920-е гг. его знания были востребованы на родине – в только что открывшемся Белорусском государственном университете. Представлены новые данные об этом ученом, о его работе в БГУ. В том числе дан предварительный анализ его первых работ, опубликованных в европейских изданиях. Они до сих пор не были введены в научный оборот.

Ключевые слова: Н.Н. Кравченко, советские университеты, интеллигенция, адаптация «старой» профессуры, международное трудовое право, история международных отношений.

FROM DNIEPER TO VOLGA OR VECTORS OF FATE OF PROFESSOR NIKOLAY NIKOLAEVITCH KRAVCHENKO

O.A. Yanovski

It traces the vicissitudes of life's journey, the scientific and pedagogical work of one of the most prominent international lawyers, a universal expert in the field of history of international relations N.N. Kravchenko. They fell on hard time's pre-revolutionary and revolutionary upheavals. Born into a family of intellectuals in the city of Mogilev on the Dnieper River, this extraordinary scientist studied and worked in universities in many Russian and European cities (Odessa, Berlin, Paris, Rome, Bern, Basel, Tomsk, Kazan, Saratov, Yaroslavl, Moscow). In the 1920s, his knowledge was in demand at homeland – in the just opened the Belarussian State University. Shown new data about this scientist during his work at BSU. Including a preliminary analysis of his first works published in European journals. They still have not been introduced in the scientific turnaround.

Key words: N.N. Kravchenko, the Soviet universities, intellectuals, adaptation of the «old» professors in law, international labour law, history of international relations.

С сожалением приходится констатировать, что до последнего времени биография и творческий путь выдающегося ученого Николая Николаевича Кравченко были в различных информационных средах очерчены лишь отрывочно, с позиций достаточно ситуационных, текущих. Его имя можно встретить в некоторых справочных изданиях, в различных по характеру публикациях тех университетов, в которых в разное время пришлось работать профессору: Одесский, Томский, Казанский, Саратовский, Ярославский, Московский. Из фрагментарных сведений сложно воссоздать более или менее полную картину жизни и творческого пути этого интеллектуала. В приводимых биографических данных лишь иногда обозначена информация о белорусском периоде деятельности уроженца города Могилева, что на Днепре.

Долгое время этот выдающийся ученый оставался вне интересов и белорусских исследователей. И это в то время, когда существует достаточно простой путь воссоздания первых, но определяющих этапов его биографии – обращение к фондам Национального архива Республики Беларусь. В них хранится масса разнообразной информации и в целом о деятельности БГУ, и конкретно об университетских преподавателях и студентах. Есть в нем и материалы (некое «личное дело») о Н.Н. Кравченко¹. Они содержат весьма разнообразную информацию не только о годах его профессорства в БГУ, но и сведения о предшествующих этапах жизни, некоторые подробности личного характера. Имя ученого не раз называется в делах по другим описям 205-го (университетского) фонда.

Буквально в последние годы именно этот поисковый путь был пройден исследователями из Гомеля². Их работа значительно облегчила подготовку данного текста. В ней о профессоре повествуется в специальном очерке под несколько интригующим названием: «Юрист, международник, трудовик Н.Н. Кравченко: о спорных

¹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 4115. Л. 1–30.

² Ковалева Е.А., Ковалева Т.В. Очерки по истории трудового права Беларуси. Гомель, 2015.

и новых биографических данных»³. Надо отдать должное коллегам – ими весьма детально были проработаны архивные материалы. Но все же осталась возможность их собственного прочтения, учитывая многолетний опыт изучения биографий многих представителей первого поколения преподавателей Белорусского государственного университета. Удалось привнести некоторые новые детали, раскрывающие роль и значимость творческой деятельности Николая Николаевича.

В Беларуси замечательному земляку, профессионалу высшего уровня все еще требуется воздать должное. Определенным шагом станет на этом пути включение его имени в ряды первой профессуры БГУ, которая внесла решающий вклад в становление в 1920-е гг. интеллектуальной сферы Беларуси. Под руководством нынешнего ректора университета, академика НАН Беларуси С.В. Абламейко идет подготовка специальной серии книг под условным названием «Интеллектуалы БГУ – гордость Беларуси». И в первой среди них будет названо имя Кравченко. Только сегодня происходит утверждение непреложного факта, что Николай Николаевич внес огромный вклад в организацию в Беларуси полноценного юридического образования, наполнение его разделов теорией и практикой международной юриспруденции. При этом в целом история международных отношений, которой сегодня повсеместно уделяется так много внимания в университетской системе подготовки гуманитариев, также впервые была осмыслена и представлена в виде различных исследовательских публикаций и развернутых учебных курсов с глубоким их научным сопровождением именно этим энциклопедической подготовки профессором.

Отметим, что Н.Н. Кравченко известен в советской юридической науке как разносторонний специалист. Но, прежде всего, как специалист в области международного трудового права. Таковым он представлен в некоторых научных работах, опубликованных в последнее время российскими исследователями (к примеру, А.М. и М.В. Лушниковыми). Особо отмечается тот факт, что Николай Николаевич стал не только автором первой в России монографии по международно-правовому регулированию трудовых отношений, но и основал новое направление в науке – международное рабочее право. А белорусские экономисты, хотя и без основательной прора-

³ Ковалева Е.А., Ковалева Т.В. Очерки по истории трудового права Беларуси. С. 155–186.

ботки научного наследия ученого, даже зачисляют его в когорту тех, «кто заложил основы исследований истории народного хозяйства зарубежных стран». Одновременно определяют особый личный вклад в «классификацию направлений в буржуазной экономической мысли», в разработку проблемы «решения рабочего вопроса в либеральном направлении современной экономической мысли Запада» и др.⁴ Вот только такие оценки даны со ссылкой лишь на одну статью Н.Н. Кравченко, опубликованную в научном сборнике Белорусского университета⁵. Иные его работы, вышедшие за пределы Беларуси, не были взяты в расчет. Но в них-то как раз и отражены не столько оценки ученого, типа, что «пока существует капитализм, невозможно решить рабочий вопрос», навеянные временем свертывания нэпа и развертыванием социалистической индустриализации, но основательное осмысление многих юридических, политических, социальных и экономических вопросов. Вопросы, актуальность которых была очевидной и для социалистического Советского Союза, и для капиталистического Запада.

Различные стороны его биографии отражены в публикациях ученых Томского, Саратовского и Ярославского университетов. Но более всего преуспел названный выше профессор А.М. Лушников⁶. В феврале 2013 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете ученые-юристы провели «круглый стол», приуроченный к столетию издания работы Н.Н. Кравченко «Идея международно-правовой регламентации фабричного труда в ее историческом развитии до Берлинской конференции 1890 г.». Современные исследователи воздали дань коллеге, назвав многие интересные и малоизвестные страницы его творческой биографии. Например, указывалось, что в 1919/1920 учебном году профессор Н.Н. Кравченко на факультете общественных наук Казанского университета одним из первых в России читал курс «Международное социальное

⁴ *Адамович Т.И., Бусько В.Н.* Вклад ученых БГУ в развитие экономического образования и экономической мысли Беларуси / под общ. ред. М.М. Ковалева. Минск, 2002. С. 9, 60–61.

⁵ *Кравченко Н.Н.* Пути решения рабочего вопроса и проблемы охраны труда в капиталистической Европе // Труды Белорусского государственного университета. 1928. № 21. С. 97–121.

⁶ *Лушников А.М.* У истоков российской науки международного и зарубежного трудового права: жизнь и научное наследие Н.Н. Кравченко и Г.Г. Швигтау // Российский ежегодник трудового права. 2005. № 1. С. 582–588.

право»⁷. Отметим, что такой курс среди нескольких прочих в скором времени он первым станет читать и в БССР, в ее первом университете⁸. Разумеется, всестороннему анализу было подвергнуто содержание монографии Николая Николаевича, которую он опубликовал в период своей работы в Томске. Помимо прочих в рамках научного мероприятия, в котором приняли участие специалисты из Томска, Ярославля, Казани, Москвы (но, к сожалению, не было ученых из Минска), обсуждалась тема «Вклад Николая Николаевича Кравченко в становление отечественной науки международного трудового права». Об этом специальные доклады сделали профессор А.М. Лушников и доцент Р.Ш. Давлетгильдеев.

Можем констатировать, что пока не создан комплексный труд, в котором возможно было бы соединить информацию о Н.Н. Кравченко, почерпнутую из многих имеющихся оригинальных источников, но, прежде всего, – из архивов указанных университетских городов, в которых в разные годы пересекались векторы судьбы ученого.

Обратимся к событиям далеко минувших дней, когда в семье могилевского служащего, коллежского асессора, родился сын, названный в честь деда и отца Николаем. Так случилось, что день рождения 30 октября 1880 г. станет для будущего профессора БГУ вдвойне символичным – через 41 год этот день войдет в историю белорусского высшего образования, всей белорусской науки и культуры как день рождения первого университета новой государственности. Так что университетский профессор в течение нескольких лет своей работы в БГУ отмечал сразу два праздника – свой личный день рождения и день рождения в родной Беларуси, впервые обретшей свою государственность, первого университета.

Его отец Николай Николаевич и мать Александра Александровна были православными. Истоки родословной будущего профессора исследователи усматривают в начале XIX в., приводя данные о том, что его дед, крестьянин Могилевской губернии, принимал участие в военных событиях 1812 года. Он смог дать достойное образование своему сыну Николаю, родившемуся в 1847 г. Тот окончил физико-математический факультет Императорского Киевского университета, стал магистром физической географии и

⁷ Круглый стол. // URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=system/files/круглый+стол.pdf> (дата обращения: 28.12.2015).

⁸ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 4115. Л. 2об.

первоклассным гимназическим преподавателем. С 1875 г. он отмечен в документах как авторитетный начальник вначале Могилевской женской гимназии, а затем Мариинской гимназии в Минске. Не чужда ему была и общественная работа – несколько лет избирался в мировые судьи⁹.

Отец будущего ученого внес значимую лепту в развитие белорусского образования. Он известен своей неординарной деятельностью на посту руководителя одной из лучших минских гимназий – Мариинской. Притом, что в наследство от прежнего директора досталось учебное заведение с четко очерченной структурой, налаженными принципами преподавания, атмосферой творчества, устремленности к знаниям, ему удалось преумножить достигнутое¹⁰. Вот только в полной мере реализовать незаурядные административные способности Н.Н. Кравченко-отцу помешала Первая мировая война. В условиях, когда Минск оказался под угрозой оккупации, наиболее ценное имущество и архив Мариинской гимназии были эвакуированы в г. Пропойск (современный – Славгород). Но война мировая, потом революционные потрясения и война гражданская уничтожили не только этот очаг образования, но погиб и гимназический архив.

Разумеется, в те годы нужно было просто выживать. Семья Кравченко, если судить по косвенным данным, осталась на разоренной белорусской земле, потеряв многое из прежнего налаженного быта и достатка. Это впоследствии стало одним из аргументов для сына, уже известного профессора-юриста, отдать предпочтение БГУ, а не претендовавшему на него Саратовскому университету: из Минска легче было заботиться о родителях.

Но это случится гораздо позже – в 1923 году. К этому времени Н.Н. Кравченко, с детства подававший большие надежды своими способностями, станет не только отрадой и надеждой семьи, но абсолютно самостоятельным, востребованным в своем любимом деле – науке – профессионалом. Для этого могилевскому мальчишке пришлось пройти сложный путь становления характера и досконального познания профессии, к которой он прикипел на всю

⁹ URL: <http://repo.gsu.by/xmlui/handle/123456789/4540> (дата обращения: 28.12.2015).

¹⁰ Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 468. Ед. хр. 904; Ковалева Е.А., Ковалева Т.В. Указ. соч. С. 179.

жизнь, и которая обеспечила ему всеобщее признание в университетской и научной среде.

Азы наук смышленный сын схватывал на лету – атмосфера, царившая в семье белорусского интеллектуала, с самых первых шагов располагала к постижению различных знаний. Так что, когда в десятилетнем возрасте Николай был принят в Могилевскую гимназию, учиться там ему было легко. Начальное домашнее образование, полученное от заботливой матери, заложило хорошую основу для дальнейшего постижения наук. Успешное овладение программным материалом подталкивало к самостоятельному поиску дополнительной информации, в особенности в области гуманитарных наук. Бесспорно, что развитию «вкуса» к наукам способствовал пример отца. Гимназические годы пробежали незаметно. С получением в 1899 г. аттестационных документов юноша осознанно выбрал путь продолжения образования в еще достаточно молодом (открылся в 1865 г.) императорском Новороссийском университете. Можно предположить, что университет Одессы ему порекомендовал отец.

Выбор пал на юридический факультет, учеба на котором позволяла не только получить престижную и «хлебную» профессию, но и реализовать свои научные наклонности прирожденного гуманитария. По окончании традиционного для тогдашних императорских университетов четырехлетнего срока обучения в 1903 г. Н.Н. Кравченко получил диплом первой степени и золотую медаль за сочинение «Иностранцы в России. Историко-догматическое исследование»¹¹. В отмеченной наградой работе выпускник реализовал свой интерес, как сейчас можно судить, к междисциплинарной области общественно-гуманитарных наук. В равной степени важно было в научном осмыслении совместить предметы исследования, характерные для истории, правоведения, философии, социологии. Совместить, чтобы попытаться объективно осветить внешне простую проблему – «иностранцы в России». Судя по результату, научные усилия были оценены по достоинству.

Способности к науке не остались незамеченными. Закономерным итогом успешной учебы и заключительной исследовательской работы стало прикрепление молодого выпускника университета к кафедре международного права «для приготовления к профессорскому званию». Несколько лет прошли с колоссальным напря-

¹¹ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 4115. Л. 1.

жением, которого потребовала подготовка к сдаче сложнейших магистерских испытаний. В течение 1906/07 учебного года они были успешно выдержаны. Венцом – и терновым, и лавровым одновременно – этих испытаний стал допуск к чтению двух пробных лекций. И вновь следует подчеркнуть тот факт, что темы для своих лекций на получение звания приват-доцента Николай (нет, уже Николай Николаевич!) избрал таким образом, чтобы оттенить свои познания в двух достаточно разных областях – юриспруденции и истории (политической, международных отношений). Студенты Новороссийского университета прослушали системное изложение, оценки и рассуждения молодого преподавателя об «Источниках международного права» и о «Политических союзах государств»¹².

С 1907/08 учебного года молодой приват-доцент стал преподавать в своей *alma mater*. Однако уже осенью 1908 г. Николай Николаевич, ощущая в себе стремление выйти на европейский уровень в избранной сфере (сам он позже определял ее как «юридико-политические науки, международное и государственное право»¹³) добился научной командировки в ведущие университеты Европы. И почти 3 года в Берлине, Париже, Риме, Берне, Базеле и других университетских городах Старого Света посвятил изучению мало разработанных, но становившихся чрезвычайно актуальными, проблем международного рабочего права. Усердно работал в библиотеках и архивах. В начале XX в. состояние прав рабочих стало одной из тех «нервных точек», которые определяли перспективы дальнейшего развития европейской цивилизации. Для России они актуализировались революционными событиями 1905–1907 годов. История, состояние и перспективы столь политически и социально важного переплетения вопросов должны были найти научное осмысление в магистерской диссертации молодого ученого.

Годы заграничной командировки пролетели быстро. В 1912 г. искомая должность приват-доцента была не только подтверждена новыми научными изысканиями, но и вскоре (скорее всего, весной 1913 г. в Томском университете) закреплена успешно защищенной магистерской диссертацией на тему «Идея международно-правовой регламентации фабричного труда в ее историческом разви-

¹² НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 4115. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 9.

тии до Берлинской конференции 1890 г.»¹⁴. На обширной историко-историографической базе ученый рассмотрел и историю, и смысловые аспекты нового направления в юриспруденции – международного рабочего права.

Находясь за границей, Николай Николаевич не только собирал и анализировал многочисленные данные по избранным сюжетам для диссертации, но и стремился наладить связи с профильными издательствами, престижными научными журналами, имея в виду в скором времени опубликовать в них первые свои исследования. Судя по результатам, такие контакты были установлены. Молодой соискатель ученой степени магистра как до защиты диссертации, так и после смог заинтересовать европейских издателей и коллег своими исследованиями и опубликовал в Европе несколько статей. Уже по прошествии многих лет он пунктуально будет их указывать в списках своих работ. В том числе и в документах, которые ему приходилось заполнять во время работы в Минске.

Эти восемь зарубежных публикаций, лично вписанные в требуемые формуляры Николаем Николаевичем, только недавно были предоставлены в распоряжение белорусских исследователей. Ознакомиться с ними помогла Ольга Келлер – выпускница истфака БГУ, белорусский доктор наук и доцент немецкого Тюбингского университета. По просьбе автора данной статьи она в университетской библиотеке выявила интересующие нас работы Н.Н. Кравченко¹⁵.

¹⁴ Ковалева Е.А., Ковалева Т.В. Указ. соч. С. 162; НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 4115. Л. 9.

¹⁵ Von Privatdozent *Nikolaus Krawtschenko* (Odessa). J.-A. Blanqui – der erste Verkunder der Idee des internationalen Arbeiterschutzes // *Jahrbucher fur Nationalokonomie und Statistic*, Jena, 1910; *Nikolas Krawtchenko*, privat-docent de l'Université d'Odessa. Robert Owen a-t-il eu véritablement l'idée d'un droit international ouvrier? // *Revue de droit international privé et de droit pénal international*. Tome sixième. Paris, 1910; *Nikolas Krawtchenko*. Privat-docent de l'Université d'Odessa. Quelques mots sur l'importance des théories politiques // *Revue de droit public et de la science politique*. Tome vingt-septième. Paris, 1910; *Nikolas Krawtchenko*, Privat-docent à la Faculté de droit de l'Université d'Odessa. Un précurseur du Droit International ouvrier. Daniel Legrand (1783–1859) // *Revue générale de droit international Public*. Tome XVII. Paris, 1910; *Krawcenko Nikolaj Nikolaewic*. Daniel Legrands Briefe uber die internat. Regulierung einiger Seiten der Arbeiterfrage // *Schweizerische Blatter fur Wirtschafts- und Sozialpolitik*. Bern, 1910; *Krawtchenko N.* Privat-docent de l'Université d'Odessa. Jurisprudence. Russie // *Revue de droit international privé et de droit pénal international*. Paris, 1911; *Nikolas Krawtchenko*, Professeur de droit international à l'Université de

К сожалению, пока не удалось найти еще одну работу, указанную профессором¹⁶. Поэтому, представляя ее, полагаемся на данные, записанные им самим в одном из библиографических списков.

Содержание присланных в Беларусь оттисков и электронных версий статей Н.Н. Кравченко на французском и немецком языках (этими языками он владел в совершенстве) поражает глубиной проникновения в проблематику исследуемой темы. Ученый демонстрирует умение органично сочетать осмысление исторической подоплёки и эволюции трудового права с точностью юридических выкладок, современных ему правовых аспектов, выводов и предложений.

Эти работы ученого, изданные в Европе, еще не подвергались системному анализу современных исследователей. Такой анализ впереди. Однако уже теперь можно отметить, что молодой приват-доцент Новороссийского университета в 1910 г. смело заявлял, оценивая важность осмысления политических теорий, что «какой бы разнообразной не была у разных народов организация государства, какой бы различной не была политическая структура этих народов в те или иные эпохи, мы никогда и нигде не встречаем организации, которая могла бы быть признана идеальной, другими словами, мы не находим в предшествующие эпохи ни одной организации общественной жизни, которая бы не нуждалась в трансформации и совершенствовании, мы не находим совершенной социальной организации, где бы все потребности общества, все надежды и интересы граждан постоянно находили справедливое и полное удовлетворение»¹⁷. Отметим, что подобная оценка явно расходилась с официальным для того времени тезисом об органичном единстве российских «самодержавия, православия и народности». Дух европейских свобод, отголоски недавней российской революции не могли не повлиять на умозаключения ученого.

С его точки зрения, «...связи, которые всегда существуют между теориями права государства и его (государства) реальной жизнью, отчетливо свидетельствуют о том, что знание истории политических доктрин служит ключом к пониманию и правильной оцен-

Tomsk (Russie). Une tentative française pour l'établissement d'un droit international ouvrier // *Revue générale de Droit International Public*. Tome XXIII. Paris, 1916.

¹⁶ Daniel Legrand et son oeuvre. Etude sur l'histoire de droit international ouvrier // *Revue de droit international*, 1914.

¹⁷ *Nikolas Krawtchenko*. Privat-docent de l'Université d'Odessa. Quelques mots sur l'importance des théories politiques // *Revue de droit public et de la science politique*. Tome vingt-septième. Paris, 1910. P. 239.

ке общего хода развития реальной жизни государства», а «...изучение истории политических теорий важно еще и потому, что это открывает перед нами источники идей, для которых мы живем и которыми вдохновляемся и поныне, оно (изучение) облегчает понимание нынешних политических взглядов и догм. Наконец, знание истории политических теорий важно еще и потому, что оно служит хорошей базой для критики существующего общественного устройства...». Юрист и историк, ориентируя свои научные выкладки на совершенствование общественно-политических реалий начавшегося XX века, считал, что «диагностика – это первый этап любого лечения...»¹⁸.

Одновременно молодой ученый провел историко-правовое исследование, определяя истоки европейской мысли, высказанной в защиту положения рабочих. Он опроверг утверждения некоторых французских авторов, считавших Роберта Оуэна инициатором создания международного трудового (рабочего) законодательства. «Внимательное изучение двух его записок (которые послужили основанием для такого мнения), позволяет утверждать обратное», – пишет Н.Н. Кравченко. – «Хоть Оуэн и показывает необходимость улучшения положения рабочего класса, он никоим образом не говорит об этом, как мы увидим, так, чтобы можно было, как бы мы этого ни желали, приписать ему славу инициатора образования международного союза государств с целью создания общего рабочего (трудового) законодательства для всех стран. В записках Оуэна ничего подобного нет». И далее автор представил подробный анализ записок и пришел к выводу о том, что, будучи практиком, на деле много сделавшим для улучшения положения рабочего класса, тот «не имел ясного и четкого представления о международном трудовом праве». Интересно отметить, что свое исследование Николай Николаевич сопроводил словами Вольтера в качестве эпиграфа: «Если мы что-то и задолжали мертвым, то только правду»¹⁹.

В то же время иная оценка прозвучала в отношении Даниеля Леграна. В двух статьях, опубликованных в Париже и Берне, Н.Н. Кравченко, дав в целом историю становления международного трудо-

¹⁸ *Nikolas Krawtchenko*. Privat-docent de l'Université d'Odessa. Quelques mots sur l'importance des théories politiques // *Revue de droit public et de la science politique*. Tome vingt-septième. Paris, 1910. P. 240-244.

¹⁹ *Nikolas Krawtchenko*, privat-docent de l'Université d'Odessa. Robert Owen a-t-il eu véritablement l'idée d'un droit international ouvrier? // *Revue de droit international privé et de droit pénal international*. Tome sixième. Paris, 1910. P. 257-261.

вого законодательства, акцентировал внимание именно на этом эльзасском фабриканте и филантропе. Он был высоко оценен за опубликованную им статью о необходимости законодательной защиты прав рабочих. В ней предлагалось правительствам Франции и других индустриальных стран конкретные меры, которые надо было принять в этом направлении²⁰. Особого внимания в качестве «первого провозгласителя идеи международной охраны труда рабочих» был удостоен и Жером-Адольф Бланки²¹.

В ряду этих сугубо научно-теоретических работ, хотя и с очевидным их уклоном в сторону актуальных текущих политико-экономических проблем общеевропейского уровня, выделяется небольшая публикация, которая воспринимается как бы юридический комментарий. По сути она и была таковой: познакомила европейцев с особенностями российского законодательства. Молодой юрист объяснял, отвечая на запрос, который один иностранец направил в адрес, как указано в статье, российского «Министерства государственных имуществ и сельского хозяйства» (разумеется, на то время – Главного управления землеустройства и земледелия, которое занималось проведением столыпинских аграрных реформ). Этот иностранец получил в наследство от российского подданного земельный участок в Черноморской губернии, но узнал, что он в данной губернии мог владеть недвижимостью только с разрешения властей и только для того, чтобы учреждать фабрики, заводы, металлургические предприятия. Но для иных целей не мог приобретать (и продавать) легальным путем недвижимость, даже получая ее по наследству. Со ссылками на российское законодательство, Н.Н. Кравченко в деталях разъяснил эти и иные аспекты владения иностранцами недвижимостью в Черноморской губернии²².

²⁰ *Nikolas Krawtchenko*, Privat-docent à la Faculté de droit de l'Université d'Odessa. Un précurseur du Droit International ouvrier. Daniel Legrand (1783–1859) // *Revue générale de droit international Public*. Tome XVII. Paris, 1910. P. 221–225; *Krawcenko Nikolaj Nikolaewic*. Daniel Legrands Briefe uber die internat. Regulierung einiger Seiten der Arbeiterfrage // *Schweizerische Blatter fur Wirtschafts- und Sozialpolitik*. Bern, 1910. P. 48–59.

²¹ Von Privatdozent *Nikolaus Krawtschenko* (Odessa). J.-A. Blanqui – der erste Verkunder der Idee des internationalen Arbeiterschutzes // *Jahrbucher fur Nationalökonomie und Statistic*, Jena, 1910. P. 349–352.

²² *Krawtchenko N.* Privat-docent de l'Université d'Odessa. Jurisprudence. Russie // *Revue de droit international privé et de droit pénal international*. Paris, 1911. P. 456–457.

По прошествии пяти лет, в разгар Первой мировой войны и накануне новых революционных потрясений, Н.Н. Кравченко уже как профессор Томского университета продолжил знакомить европейского читателя с проблематикой, которой занимался. Он в 1916 г. опубликовал не столько свой анализ проекта регламентации промышленного труда, который в 1885 г. Мари-Эдуард Вайян, член французской социалистической партии, представил муниципальному совету Парижа, сколько свое видение решения «рабочего вопроса» в масштабах всей современной Европы. Ученый подробно изложил суть проекта, в котором его французский автор на исходе предыдущего столетия обрисовал тяжелейшее положение рабочего класса и для его облегчения настаивал на необходимости ограничения свободной конкуренции, которую практиковали владельцы различных предприятий. Согласно Вайяну, самое эффективное средство – международное регулирование условий труда. И Франция должна была показать пример и вступить в дипломатические переговоры с другими странами. Здесь Николай Николаевич отчетливо проявил себя сторонником данного пути решения вопроса. Профессор с сожалением констатировал, что этот проект «постигла судьба многих предшествующих проектов, направленных на создание международного трудового законодательства». Однако, по его мнению, он «не заслуживает того, чтобы кануть в небытие». Ученый утверждал: «Если и существует в настоящее время некоторый свод международных норм, касающихся трудящихся, таких, например, как нормы, установленные коллективным соглашением, выработанным на дипломатической конференции в Берне в сентябре 1906 г., а также нормы, предусмотренные франко-итальянским соглашением от 15 апреля 1904 г., то, в конечном счете, все это в какой-то степени стало результатом процесса общественного сознания и толчок этому процессу дал проект, о котором шла речь...»²³.

После нескольких лет работы в родном университете молодой, амбициозный преподаватель рискнул переехать из солнечной Одессы в суровый Томск. С 1912/13 учебного года приват-доцент стал читать там курсы международного права и государственного права.

²³ *Nikolas Krawtchenko, Professeur de droit international à l'Université de Tomsk (Russie). Une tentative française pour l'établissement d'un droit international ouvrier // Revue générale de Droit International Public. Tome XXIII. Paris, 1916. P. 297-300.*

В Томском университете, как было выше отмечено, состоялась долгожданная защита диссертации. Николай Николаевич получил степень магистра международного права и с 20 августа 1913 г. был утвержден в профессорском звании. Первым официальным итогом признания нового статуса стало получение в 1913 г. «табельного» чина, и тут же последовали официальные награды – вначале скромная юбилейная медаль в честь 300-летия царствования дома Романовых, а через два года – значимый орден Святой Анны III степени²⁴. Подобные сведения о себе профессор Белорусского университета не приводил. Но они имеются в материалах, раскрывающих историю Томского университета, а сегодня – в век Интернета – оперативно доступные и для белорусских исследователей.

Особую актуальность научные разработки Н.Н. Кравченко приобрели в предреволюционное время. В немалой степени этому способствовала общественно-политическая обстановка в России, осложнившаяся с началом Первой мировой войны. Так, в 1914 г. большой резонанс вызвал его научный доклад в Томском юридическом обществе, прочитанный на тему «Мировая империалистическая война и международное право»²⁵. Молодой ученый совместил интерпретацию развернувшегося глобального столкновения великих держав с тематикой своих научных изысканий в области права. В данном случае он соединил проблематику трудовых отношений и социального права с рассказом о том хаосе, который воцарился в международном праве.

В сибирском университете Н.Н. Кравченко оставался до революционного 1917 г., когда увидел новые перспективы для приложения своих знаний и организаторских способностей. С весны 1917 по 1922 г. уже как советский профессор по кафедре международного права, а вскоре и как декан юридического факультета (с начала 1918 г. до середины февраля 1919 г.) он работал в Казанском университете. В Казани для Николая Николаевича открылся новый простор для проявления незаурядных талантов. Ведь помимо преподавания на его плечи была возложена нелегкая ноша академического администрирования. Уже вскоре реформаторские ветры разрушили проверенную временем форму подготовки правоведов. Новой власти, как ей казалось, нужна была совершенно иная академическая форма организации учебного процесса. Но вот какая?

²⁴ Ковалева Е.А., Ковалева Т.В. Указ. соч. С. 177.

²⁵ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 4115. Л. 23.

Вначале остановились на повсеместном создании так называемых ФОНов (факультетов общественных наук) – академических структур, невнятных по организации и смыслу подготовки специалистов. Такой факультет в 1921 г. и возглавил бывший декан юридического. Но уже вскоре неудавшийся эксперимент заставил московских и местных руководителей высшей школы пуститься в очередные организационные новации. Они увлекли и Н.Н. Кравченко. Он даже разработал свои предложения по случаю намечавшегося закрытия ФОНа²⁶. Этот его проект предусматривал создание целого института гуманитарных наук. Разумеется, с юридической составляющей. Вместе с тем, достойное место, по задумке Николая Николаевича, должны были занять все прочие направления гуманитарных знаний – история, история международных отношений, политика, социология, наука об управлении и др.

Но этот проект, как и другие предложения профессора, увлеченного возможностью в полной мере претворить в жизнь свои идеи «гуманитаризации» нового общества, так и остались на бумаге... Сославшись на болезни и переутомление, весной 1921 г. Н.Н. Кравченко сложил с себя полномочия декана, но остался профессором ФОНа. А когда правовое отделение этого факультета осенью 1922 г. закрыли, в который раз встал вопрос о продолжении карьеры. Неспокойное время и бытовые проблемы (порой профессору приходилось самому и колоть дрова для отопления жилища, и заниматься огородничеством для поддержания рациона питания) заставили искать варианты²⁷. Крупный специалист в актуальной для новой власти области знаний был востребован, что способствовало быстрому определению маршрутов.

Прежде чем представить обстоятельства «белорусского периода» научной карьеры профессора, не лишним будет еще раз обратиться к пребыванию в Казани. Есть все основания предполагать, что уже в те годы Николай Николаевич размышлял о необходимости возвращения на родину, где в Быховском уезде Гомельщины проживали родители. Без сомнения, он имел достаточную информацию о начале работы в Минске первого белорусского университета. Развитие же событий в Казани не вселяло особых надежд. Кроме университетского преподавания ему приходилось читать лекции в Политехническом институте (на экономическом факульте-

²⁶ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 4115. Л. 1, 9об.

²⁷ Там же. Л. 9.

те), в Высшем институте народного образования, в Высшей школе водного транспорта²⁸. Он даже был отмечен как активный работник на ниве культурно-просветительской деятельности и организационной работы, так как проявлял заметную активность в популяризации научных знаний, информировании населения о международной обстановке.

Стремясь отойти от политических проблем и не углубляться в оценки столь непредсказуемой действительности, профессор пытался сконцентрироваться по мере своих сил на участии в создании новой высшей школы, образовательных учреждений, посредством которых можно было, на его взгляд, остановить лавину хаоса в умах, настроениях, жизненном укладе. С этих позиций сегодня воспринимаются его публичные лекции рубежа 1920-х гг., с которыми он выступал перед различным по составу и уровню подготовки населением Казани: «О Народном Университете» (в Казанском обществе народных университетов, 1917 г.); «О постановке преподавания на юридических факультетах» (в Томском юридическом обществе, незадолго до ликвидации юрфака Казанского госуниверситета); «О желательной организации факультета общественных наук» (в Казанском отделе народного образования); «О приемах и методах университетского преподавания общественных наук» (для всего студенчества факультета общественных наук Казанского госуниверситета, 27 декабря 1920 г.) и др.²⁹

Вместе с тем, как истинный ученый, Николай Николаевич не мог не продолжать «общественную апробацию» не приостановленных исследований в области своих научных интересов. Известно, что летом 1919 г. по приглашению Казанского отдела народного просвещения он читал научно-популярные лекции по истории международных отношений и разработал специальный цикл научно-популярных лекций по «государствоведению», который прочел на устроенных при Казанском статистическом бюро особых курсах статистиков. Этот цикл лекций оказался актуальным и для слушателей Казанских мусульманских командных военных курсов. Не менее востребованным был и другой цикл научно-популярных лекций профессора – по новейшей дипломатической истории. Даже члены Казанского профсоюза работников банковско-кредитного дела, как и культурно-просветительского отдела архитектурно-стро-

²⁸ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 4115.Л. 1об.

²⁹ Там же. Л. 2об.

ительных рабочих Казани и Казанского общества народных университетов, проявили свою заинтересованность услышать профессиональные комментарии специалиста по актуальным вопросам дипломатии европейских стран³⁰. Эти и другие сюжеты из истории и практики международной жизни Европы ученый доводил до полуграмотного населения Поволжья, расширяя его кругозор и понимание реалий того времени. Одновременно его публичные лекции уважительно встречали и более подготовленные аудитории: не раз разносторонний в своих познаниях гуманитарий выступал в своем университете, на Высших женских курсах, в студенческой Казанской ассоциации для изучения общественных наук и т.д.

Именно с этой точки зрения воспринимаются сегодня его публичные доклады, прочитанные немногим позднее – уже в условиях некоторой политической определенности. Так, 18 мая 1921 г. не без его инициативы студенты ФОНа Казанского университета организовали вечер памяти профессоров В.К. Соколова и П.А. Никольского, на который были приглашены студенты Казанского политехнического института, Казанского Высшего института народного образования, официальные представители научного сектора Татаркомпроса. Тема выступления прозвучала и по-научному академично, и актуально – «Профессор В.К. Соколов как историк культур-кампа в Германии». Некоторое время спустя, уже в период точного определения нового места работы, когда перед профессором остро стояла дилемма – или Саратов, или Минск, – он покорила саратовскую аудиторию своей научной эрудицией и ее актуализацией посредством глубоких оценок современного политического положения, прочитав в праздничный день 7 ноября 1923 г. на расширенном заседании Совета Саратовского университета доклад на тему «К вопросу о современном международном положении и судьба международного права»³¹. Обратим внимание на то, что доклад был сделан по просьбе Правления СГУ. О «перетягивании каната» между Минском и Саратовом, а точнее – о намерениях двух университетов заполучить в ряды своей профессуры Николая Николаевича и возникших в этой связи коллизиях – несколько ниже.

Немало сил и организаторских способностей Н.Н. Кравченко тратил на налаживание учебно-методической работы не только в

³⁰ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 4115. Л. 1об.

³¹ Там же. Л. 2об.

Казанском университете, но и в создававшемся в те годы Казанском политехническом институте (в особенности его экономического факультета). Многие вопросы необходимо было решать в Москве. Летом 1920 г. профессор в составе делегации этого института «обивал пороги» высоких московских кабинетов, испрашивая и разрешений, и денег, и кадровой поддержки. Возможно, во время этой командировки он мог сталкиваться в этих кабинетах с представителями комиссии по созданию Белорусского университета. И стать объектом их «кадровых интересов». Во всяком случае, вариант возвращения на родину в качестве профессора для Николая Николаевича возник где-то в это время.

Посылая Н.Н. Кравченко в Москву, казанское руководство делами образования и ректорат университета рассчитывали, что столь активный профессор сможет свой организаторский и научный талант проявить в реализации установок на создание вышеупомянутого факультета общественных наук. В особенности ответственной оказалась для молодого декана разработка учебных планов, от чего постоянно отвлекали заседания в различных комиссиях – университетских и Казанского отдела народного просвещения. В последнем случае пришлось озаботиться также проблемой организации в Казани экономического отделения Высшей школы водного транспорта. Возникавшие на каждом шагу проблемы требовали скорейшего, «революционного» разрешения. Без Москвы было не обойтись. Как можно понять из документов личного дела, в том же 1920 г. Николай Николаевич в составе делегации деканов Казанского университета вновь оказался в столице РСФСР³². Решение чисто практических вопросов совместили с участием в совещании по обсуждению реформы высшей школы. Не встретить коллег из советской Беларуси он просто не мог. Хотя бы из-за своего постоянного интереса к родине. Так что вполне могли состояться предварительные переговоры о белорусском варианте продолжения карьеры столь заметного специалиста и организатора деятельности факультетов, институтов, университета. Для Беларуси он был просто находкой, мог стать ценнейшим приобретением для пополнения рядов профессуры.

Разумеется, в первую очередь представители двух комиссий (минской и московской) по организации Белорусского университета брали в расчет научную квалификацию юриста и историка,

³² НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 4115. Л. 1об.

а также его немалый педагогический опыт. Очевидно востребованными были и конкретные, уникальные специализации Николая Николаевича – юрист-международник и историк-международник, которые были отшлифованы в знаменитых научно-учебных центрах Европы и в трех авторитетных университетах России. А то, что он к тому же был родом из Беларуси, делало его кандидатуру абсолютно «проходной» для развертывания полноценной деятельности первого университета Беларуси.

Несомненно, членам двух организационных комиссий был известен научный послужной список Н.Н. Кравченко. За 1904–1918 гг. он наполнился почти 30 печатными работами (не считая различных статей и заметок критико-библиографического характера), некоторые из которых были просто уникальными для юриспруденции и истории. Их названия возможно дать на основе все того же личного дела, хранящегося в Национальном архиве Беларуси. Сам Николай Николаевич в дополнение к своей автобиографии, которую в декабре 1923 г. он представил в канцелярию БГУ, все-таки приняв решение связать свою научную и педагогическую карьеру с Беларусью, приложил список печатных работ. В хронологическом порядке указаны все ранее написанные работы ученого.

Не будет лишним их назвать, тем более что некоторые из них и сегодня малоизвестны, забыты или просто к ним затруднен доступ для ознакомления. Выше были указаны публикации начала XX в., вышедшие за рубежом на французском и немецком языках и более не переиздававшиеся и отсутствующие в советских библиотеках. В целом же все работы Николая Николаевича говорят об его уникальной научной специализации, которая даже в Европе того времени только получала свое становление. Представим те из них и в том порядке, как это сделал сам автор (без уточнения полных библиографических данных):

«Несколько слов о международных следственных комиссиях» (Одесса, 1904 г.); «Договор о третейском разбирательстве между Россией и Швецией и Норвегией» (Журнал Министерства Юстиции, 1905 г.); «О постепенном создании кодекса международного права» (Журнал Министерства Юстиции, 1906 г.); «О всемирном почтовом союзе» (Киев, 1906 г.); «О первой Гаагской конференции Мира в связи с вопросом о мире вообще» (Журнал Министерства Юстиции, 1907 г.); Дополнение к 3-му изданию курса «Юридической Энциклопедии» проф. Н.К. Ренненкампа (совместно с сыном покойного Н.К. Ренненкампа – В.Н. Ренненкампом, Ки-

ев, 1909 г.); диссертация «Идея международно-правовой регламентации фабричного труда в ее историческом развитии до Берлинской конференции 1890 г.» (1913 г.); «Институт международного права» (Новый энциклопедический Словарь «Брокгауза-Эфрона». Т. XIX. Санкт-Петербург, 1914 г.); «Граф Альберт де-Мен как поборник идеи международно-правовой защиты рабочих» («Право», 1914 г.); «А.Н. Радищев как один из провозвестников освобождения крестьян» (Томск, 1915 г.); «Красный Крест» (Новый энциклопедический Словарь «Брокгауза-Эфрона». Т. XXIII. Санкт-Петербург, 1915 г.); «Институт Военнопленных в понимании Германского Генерального Штаба» (Томск, 1915 г.); «Памяти Вольтера как одного из сторонников международного рабочего права» («Право», 1916 г.); «Монроэ» (Новый энциклопедический Словарь «Брокгауза-Эфрона». Т. XXVII. Санкт-Петербург, 1916 г.); «Официальная Германская доктрина о военнопленных» (Известия Министерства иностранных дел, 1916 г.); «Полеты немецких цеппелинов и международное право» («Право», 1916 г.); «Общая теория войны в построении Германского Генерального штаба» («Проблемы Великой России». Журнал внешней политики и права, 1916 г.); «О германском толковании принципа гуманности на войне» («Проблемы Великой России». Журнал внешней политики и права, 1916 г.); «О ближайшей задаче Казанского Общества Народных Университетов» (Казань, 1918 г.).

Столь весомый научный капитал, с которым возвращался на родину Николай Николаевич, представлял интеллектуальную и практическую ценность не только для его обладателя, но более всего для молодой страны, ее научных кадров и университетских студентов. Им профессор с первых лекций и стал демонстрировать высший уровень познания прошлого в теснейшей связи с проблематикой текущей жизни. Сопровождая при этом выверенными юридическими комментариями с неопровержимым обоснованием правомерности или противозаконности действий власти, общественных структур, конкретных людей. Для будущих белорусских юристов, историков, экономистов и прочих специалистов-гуманитариев это были бесценные мастер-классы, демонстрировавшие возможности человека, устремленного к познанию сложнейших процессов развития человеческой цивилизации.

В Минске ученый нисколько не снизил свою научную активность. С присущей ему педантичностью он, в силу существовавших возможностей, продолжал накапливать материалы для профессионального осмысления проблем в интересующих его областях пра-

ва. В самом начале профессорской деятельности в БГУ профессор заявил о намерении завершить подготовку к печати двух статей на французском языке по международному рабочему праву (видимо, получив предложение об их написании от редакций парижских научных журналов, с которыми он сотрудничал на протяжении многих лет)³³. Этот вектор европейской научной заангажированности белоруса, становление которого как ученого проходило в аудиториях и библиотеках от Могилева до Парижа, для первых студентов БГУ сам по себе демонстрировал возможные перспективы их собственного движения по пути к овладению знаниями и будущей профессией.

Кроме статей, рассчитанных в большей степени на зарубежного читателя, Николай Николаевич запланировал подготовку к публикации в советских изданиях статьи «Интернационал и международная защита рабочих», очерка по «литературной истории» международного права с акцентом на деятельность и роль знаменитого голландского юриста и государственного деятеля первой половины XVII в. Гуго Гроция, ряда очерков по истории западноевропейской политической мысли (вновь же с концентрацией внимания читателя на ее выдающихся представителях). Обобщающей взгляды и знания ученого должна была стать книга об исторических основах и причинах Первой мировой войны. И, как бы в дополнение к этим объёмным работам, профессор занимался написанием почти 200 статей и заметок по различным вопросам международного права и внешней политики, которые ему были заказаны редакцией «Малой Русской Энциклопедии» – издательским проектом статусного советского «Главполитпросвета», который возглавляла Н.К. Крупская.

Не мог Николай Николаевич остаться в стороне и от осмысления задач, стоявших непосредственно перед белорусской системой высшей школы. Для него были небезразличными методические проблемы преподавания тех дисциплин, в которых он не без основания мог считать себя специалистом. Поэтому, учитывая опыт подобных публикаций учебно-методического характера в Казани, он стал осмысливать накопленные новые материалы для их обобщения в статье о постановке преподавания международного права в БГУ и в университетах в целом. А вскоре юридическим издательством Наркомата юстиции РСФСР ему было предложено напи-

³³ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 4115. Л. 2.

сать руководство по международному публичному праву, столь необходимое в подготовке юристов. В первой половине 1920-х гг. под влиянием «старой» профессуры в практику работы советской высшей школы еще оставалась возможность внедрять элементы классического образования, а не только принципы «революционного обновления» всего и вся.

Эта научная работа развернется в период «штатного» преподавания профессором широкого цикла учебных курсов в аудиториях двух-трех факультетов БГУ. Развернется после многотрудного переезда в Минск, после решения массы бытовых проблем, обустройства на новом месте. Небезынтересны некоторые обстоятельства начала работы Н.Н. Кравченко в БГУ. В официальной письменной рекомендации профессора Владимира Эммануиловича Грабаря, к которому Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР (ЦЕКУБУ) ранее обратилась за отзывом о Кравченко, Николай Николаевич был назван «единственным специалистом в России в области международного социального права и конкретно – в области международной регламентации труда». И другие рекомендации утверждали, что БГУ заполучает в ряды своей профессуры крупного специалиста в области историко-дипломатических и международно-правовых вопросов. В особенности отмечалось в научной квалификации нового белорусского профессора свободное владение им проявлением данных вопросов в связи с только что завершившейся мировой империалистической войной. В характеристиках не осталось без внимания и то, что Н.Н. Кравченко за последние годы показал себя несомненным специалистом в постановке преподавания в советских университетах общественно-юридических наук. Все подобные характеристики сам Николай Николаевич представил руководству БГУ, подписав документы декабрем 1923 года³⁴.

Однако известно, что в июне 1923 г. Николай Николаевич принял предложение о переводе на кафедру международного права Саратовского университета³⁵. Более того, «всемогуший» на то время ГУС утвердил профессора в штатах этого университета³⁶. Точные обстоятельства этого «трудоустройства» (как и датировку решений) сегодня сложно восстановить, находясь в Минске и не имея пока

³⁴ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 4115. Л. 2об.

³⁵ Ковалева Е.А., Ковалева Т.В. Указ. соч. С. 164.

³⁶ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 4115. Л. 3.

возможности ознакомиться с архивами Саратова и Москвы, сравнить с имеющимися в нашем распоряжении материалами. Белорусские же архивы говорят о том, что именно в это время профессор откликнулся на приглашение из Минска стать полноправным членом профессорско-преподавательского коллектива БГУ.

Уже 22 мая 1923 г. Правление Белорусского государственного университета было намерено просить «отдел социально-экономического образования Главпрофобра РСФСР» утвердить Н.Н. Кравченко («вследствие поступившего заявления») профессором по кафедре международного права факультета общественных наук и разрешить переезд в Минск³⁷. Отметим, что именно согласие профессора приехать на работу в БГУ и позволило его Правлению впервые официально обозначить название такой «кафедры» (кафедрой до конца 1920-х гг. традиционно продолжали называть именно учебный курс, чтение которого обеспечивал высококвалифицированный преподаватель). Так что Н.Н. Кравченко ехал в Минск со «своей» кафедрой – своим научно-педагогическим потенциалом.

Листая страницы документов из 205-го фонда (фонд БГУ) Национального архива Республики Беларусь, убеждаешься, что «борьба» за право получить в свое распоряжение столь крупного специалиста, которая развернулась между Минском и Саратовом, была нешуточной³⁸. Оказывается, Н.Н. Кравченко уговорил написать заявление о переезде в Минск его старший коллега, специалист по административному праву профессор А.В. Горбунов, который действовал по поручению деканата ФОНа. И это объяснимо: Александр Владимирович и Николай Николаевич долгие годы вместе работали в Томском университете. Потом А.В. Горбунов в 1917–1920 гг. организовывал юридическое образование в Саратовском университете. А уже с осени 1922 г. стал штатным профессором БГУ³⁹. Так что известного ученого «приметили» давно (и, видимо, не без подсказки того же Горбунова), а декан этого факультета С.Я. Вольфсон и секретарь Е.И. Боричевский – знаковые для Беларуси ученые-гуманитарии – реализовали сложную кадровую задачу. Именно Боричевскому Кравченко должен был передать свое заявление, «адресованное в ФОН БГУ с просьбой возбудить ходатайство в ГУС о

³⁷ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 4115. Л. 5.

³⁸ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 1145. Л. 43, 49, 57. 66–69, 97; Оп. 3. Ед. хр. 4115. Л. 4–7.

³⁹ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 2019. Л. 2, 6.

назначении в Минск». Факультетский секретарь просил Николая Николаевича «благоволить уведомить заблаговременно» о времени переезда и о составе семьи, чтобы выслать аванс и подготовить квартиру⁴⁰.

Отметим, что тем же 22 мая датирован протокол заседания Правления БГУ, на котором принималось решение о приглашении Н.Н. Кравченко. Уже на следующий день выписка из него (сложно понять, каким образом она оказалась в Москве?!) и «куррикулум витэ» Н.Н. Кравченко были представлены в «отдел социально-экономического образования Главпрофобра РСФСР». Этим же 23 мая 1923 г. датировано письмо от руководства минского ФОНа, направленное Николаю Николаевичу. В нем профессор убеждается, что вопрос решен о его переводе, так как состоялось его избрание «по кафедре международного права» БГУ и необходимые документы направлены на утверждение в ГУС. Изумляет дотошность в заверениях: что все самое необходимое сделано, что все выдвинутые условия переезда «являются приемлемыми», что будут выделены необходимые средства (даже на извозчика), что квартира будет предоставлена, что «неприкосновенность гарантирована». Письмо передал Е.И. Боричевский, которому было поручено в устной форме оговорить все детали. Данное письмо проясняет один важный факт: оказывается, личное заявление в деканат ФОНа БГУ Н.Н. Кравченко написал еще 15 мая⁴¹. Так что у Правления Белорусского университета была неделя для принятия решения об его избрании профессором с последующим «выходом на Москву».

И все же данная оперативность в решениях и действиях Минска натолкнулась на факт недавнего утверждения Н.Н. Кравченко в Саратов. В разрешение ситуации был вынужден вмешать лично ректор В.И. Пичета. Активное участие в «заполучении» Н.Н. Кравченко приняли заместитель ректора философ В.Н. Ивановский и социолог С.З. Каценбоген. Было инициировано совместное обращение Правления и деканата ФОНа БГУ во все тот же ГУС: 26 июля 1923 г. в Москву было послано письмо с просьбой дать возможность Н.Н. Кравченко выехать на постоянную работу в Минск. В письме приводились убедительные аргументы. Мол, хотя Николай Николаевич и утвержден профессором в Саратове, но живет в Москве и «переезжать в Саратов не предполагает». Однако он со-

⁴⁰ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Ед. хр. 4115. Л. 4.

⁴¹ Там же. Л. 6.

гласен «приезжать в Саратов на определенное время», а остальную часть «академического года жить в Минске». В особенности акцентировались два обстоятельства. Во-первых, это личное решение ученого, который согласился связать свою дальнейшую судьбу с родной Беларусью и намерен навсегда вернуться на родину. Во-вторых, Белорусскому университету «во что бы то ни стало» необходим специалист такого уровня⁴².

Потом актуализировались бытовые проблемы, которые чуть было не зачеркнули все предыдущие усилия. Но переезд в Минск все-таки состоялся, хотя еще долгое время Саратов не оставлял попыток переманить Николая Николаевича к себе. Однако он был непреклонен. О чем им и было окончательно заявлено в августовском 1923 г. обращении к руководству БГУ: «Выражаю согласие на занятие в БГУ кафедры международного права и охотно готов взять на себя кроме того преподавание общего государственного права <...>. Выражаю искреннюю благодарность за столь настойчиво выражаемое желание иметь меня профессором по означенной кафедре. Я, со своей стороны, считаю необходимым снова подтвердить горячее стремление связать себя с университетом родного мне Белорусского края <...>»⁴³. Но даже впоследствии из Саратова продолжали поступать запросы по поводу уточнения ситуации с Н.Н. Кравченко. Так, Управление делами минского университета 20 февраля 1925 г. вновь вынуждено было слать на Волгу подтверждение, что тот «состоит штатным профессором по кафедре международного права ФОН БГУ»⁴⁴.

Так что переезд в Минск не был простым. Кроме соблюдения бюрократических формальностей и решения деликатных этических проблем нужно было озаботиться и решением массы бытовых вопросов. Н.Н. Кравченко и его жене Ксении Николаевне выделили квартиру в профессорском общежитии по ул. К. Маркса (быв. Подгорной), 4. Отметим, что это было одно из самых престижных зданий Минска (бывшее управление Либаво-Роменской железной дороги), но требующее серьезного ремонта. И сегодня оно украшает белорусскую столицу своей изысканной архитектурой. Вскоре быт налачился. Ксении Николаевне Правление БГУ даже выдало удостоверение за № 1779 от 31 мая 1924 г., засвидетельствовавшее, что

⁴² НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Ед. хр. 4115. Л. 7.

⁴³ Ковалева Е.А., Ковалева Т.В. Указ. соч. С. 166.

⁴⁴ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Ед. хр. 4115. Л. 17.

она «действительно является женой профессора БГУ по кафедре международного права Н.Н. Кравченко»⁴⁵. Позже, с отъездом жены, профессор будет довольствоваться номером гостиницы, который оплачивал БГУ⁴⁶.

Очевидной данностью того времени, которая хорошо осознается при изучении документов, была заинтересованность Правления БГУ в приезде в Минск не только отличного специалиста, но и... его личной библиотеки. Искушенные в академической работе руководители первого университета Беларуси прекрасно понимали, что организовать достойный учебный процесс, основанный на научной составляющей хотя бы важнейших общих и специальных курсов, невозможно без обеспечения студентов как учебной, так и сугубо научной литературой. И невозможно было представить преподавателя университета, оторванного от живительного источника его интеллектуальной сущности – книг.

Поэтому с первых дней шла напряженная работа по формированию хорошо оснащенной университетской библиотеки, ее фондов. Характерно, что она тут же превратилась в первую Государственную библиотеку!⁴⁷ Ставка делалась и на обеспечение университетской деятельности за счет личных библиотек тех профессоров, которых приглашали в Минск. Содействие (финансовое, транспортное и пр.) в перемещении таких библиотек из различных мест разоренной страны оказывало Правление БГУ, которое не раз обращалось за соответствующей помощью к правительству Беларуси. И находило поддержку.

Вот и Н.Н. Кравченко ехал в Беларусь с самым дорогим своим имуществом – научной библиотекой, с сотнями бесценных томов. Деньги на ее перевозку были выделены особо. Сегодня, как стало известно дотошным исследователям, с интеллектуальным богатством этого собрания, значительно возросшего за последующие годы творческой работы Николая Николаевича, можно ознакомиться в фонде редких книг и рукописей научной библиотеки Московского государственного института международных отношений⁴⁸. После смерти ученого она была выкуплена институтом. Среди почти тысячи различных печатных работ, помимо настоящих науч-

⁴⁵ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Ед. хр. 4115. Л. 11, 12, 15.

⁴⁶ Там же. Л. 29.

⁴⁷ Ореховская И.В. Библиотечные тайны. Минск, 2001. С. 24.

⁴⁸ Ковалева Е.А., Ковалева Т.В. Указ. соч. С. 178.

ных раритетов, в библиотеке профессора присутствуют самые разные издания, которые были необходимы в исследовательской повседневности – брошюры, журналы, газеты, вырезки из разноязычной прессы по истории дипломатии, праву, философии.

Затронув подобный вопрос нельзя не привести два любопытных, на наш взгляд, факта. Так, в Национальной библиотеке Республики Беларусь имеется оттиск статьи Николая Николаевича, опубликованной в Ученых записках Саратовского университета (1925. Т. IV, вып. 4)⁴⁹. Это его «Эльзас-Лотарингский вопрос (к истории французско-германского антагонизма)». На обложке данного оттиска-брошюры имеется дарственная надпись автора, датированная 4 июня 1925 года. К сожалению, значительная часть надписи оторвана, но можно предположить, что оттиск был подарен именно университетской библиотеке. Во-вторых, коллега по историческому факультету БГУ доцент Михаил Федорович Шумейко, также активно занимающийся историей нашего первого белорусского университета, ознакомил с любопытным экземпляром первого номера «Трудов БГУ» за 1922 год. Это первый научный журнал не только университета Беларуси, но и всей нашей страны. Так вот – обложка и все 218 страниц номера буквально усеяны овальными штампами (они проставлены 20 раз!) с надписью: «Библиотека Саратовской Ученой Архивной Комиссии». Какие маршруты преодолел этот номер и в чьем портфеле – можно только догадываться. Тем более интересно, каким образом штамп библиотеки уже ликвидированного научного сообщества, деятельность которого хорошо изучена⁵⁰, оказался проставленным на белорусском издании? И вполне возможно, что этот научный сборник, как и другие издания, был «попутчиком» в постоянных разъездах по советской стране креативного по характеру и по вынуждавшим обстоятельствам минского и саратовского профессора.

Но, возможно, экземпляр «Трудов БГУ» проделал путь от минской Свислочи до саратовской Волги и обратно вместе с кем-то из достаточно большой «саратовской диаспоры» в тогдашнем Белорусском университете. В 1920-е гг. в Минске работало весьма значительное количество ученых, имевших прочные связи с Са-

⁴⁹ Кравченко Н.Н. Эльзас-Лотарингский вопрос (к истории французско-германского антагонизма). Саратов, 1925.

⁵⁰ URL:<http://vestarchive.ru/issledovaniia/822--917-1918-.html> (дата обращения: 12.02.2016).

ратовым. Это и почвовед Я.Н. Афанасьев, и медик А.П. Бестужев, и химик Э.В. Змачинский, и астроном А.А. Михайловский, и психолог В.И. Бухаркин, и коллеги-юристы Николая Николаевича профессора А.В. Горбунов и М.О. Гредингер, и др.

Все творческие усилия Николая Николаевича были направлены на подготовку профессионалов-юристов для БССР. И эта его деятельность продолжалась почти семь лет – вплоть до декабря 1929 года. А первая лекция состоялась в субботний вечер 8 декабря 1923 г. во 2-й аудитории «Дома № 3 БГУ», располагавшегося по улице Университетской. В ней с 18.50 до 20.30 профессор посвящал жаждущую знаний белорусскую молодежь в таинства пока неизвестной им области – международного права⁵¹. Отметим определенный символизм: здесь рядом, в аудитории № 1, двумя годами ранее была прочитана первая лекция в первом белорусском университете. Теперь БГУ выходил на новый качественный уровень преподавания.

Энциклопедические знания Н.Н. Кравченко были востребованы сначала на ФОНе, а с 1925 г. на новом факультете – права и хозяйства (для этого пришлось переутверждаться на должность профессора по кафедре международного права нового факультета). Сразу по приезду в Минск он заявил о своей готовности читать не только свое любимое международное право, но и ряд других юридических курсов: лекции по общему учению о государстве, конституционное право иностранных держав и др. Накопленный преподавательский опыт и колоссальная эрудированность позволяли профессору быть специалистом в большинстве направлений юриспруденции. Так, параллельно с работой в БГУ Николай Николаевич как профессор факультета советского права читал лекции по консульскому праву в Московском университете. Часто ездил в Москву и в командировки – для научных занятий. Видимо, один из отъездов в Москву не позволил профессору лично принять участие в праздновании первого юбилея БГУ – пятилетия со дня основания. Но он по этому случаю прислал поздравительную телеграмму и тем самым засвидетельствовал свое причастие к празднику. Телеграмма в числе других была зачитана на торжественном заседании, прошедшем с участием «первых лиц» советской Белоруссии⁵².

⁵¹ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 4115. Л. 8.

⁵² Працы Беларускага Дзяржаўнага Універсітэту. 1927. № 13. С. 208.

Преподавательская «нагрузка» Н.Н. Кравченко была весьма разнообразной и, как можно предположить, определялась стремлением молодого университета дать своим воспитанникам как можно более глубокую и вместе с тем разностороннюю подготовку. Вот почему для преподавания приглашались ведущие специалисты в области истории, экономики, права и т. д. И они работали по максимуму – сами наполняли учебные планы наиболее современными курсами, сами же их и реализовывали в студенческих аудиториях. Так работал и Николай Николаевич, олицетворяя своими знаниями новейшие направления и области юриспруденции. Он читал и свое любимое международное право – публичное и частное, и другие общие курсы – государственное право, международные экономические отношения, трудовое право, историю международных отношений, эволюцию политической мысли. В автобиографии, написанной в феврале 1926 г., профессор указывал, что, помимо общих курсов, преподавал несколько специальных: международное социальное право, международные отношения европейских держав в связи с началом мировой империалистической войны 1914 г., эволюция дипломатических сношений держав, консульское право, а также общую теорию государства и права, историю политической мысли, общее и иностранное государственное право, международные экономические отношения⁵³. Сложно утверждать, что все эти курсы слушали белорусские студенты. Но интеллектуальный потенциал профессора был необычайно разнообразен. В его лекциях всегда присутствовал сравнительный аспект, делался акцент на правовые системы ведущих европейских стран не только в связи с регулированием труда, но и в целом.

О том, что с годами творческий потенциал и инициативность Николая Николаевича не угасали, свидетельствует небольшой документ, найденный буквально случайно в недрах белорусского Национального архива молодым исследователем истфака БГУ Артемом Михайловичем Назаренко. С его разрешения полностью он публикуется впервые с сохранением археографических особенностей:

«В Деканат Ф[акультета]та Права и Хозяйства
Белорусского Государственного Университета

⁵³ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 4115. Л. 22об.

Профессора Н.Н. Кравченко

Заявление.

В связи с исполнившимся 10-летием Октябрьской революции представлялось бы весьма целесообразным организовать при Университете особый цикл лекций (в своём роде специальный небольшой курс) по международному положению и внешней политике Союза С.С.Р.: целью означенных лекций должно быть надлежащее ознакомление широких кругов нашего студенчества вообще (а не только студенчества Фак[ульте]та Права и Хозяйства) с вопросами, которые – при всей их животрепещущей важности, – являются, однако, наименее разработанными в текущей литературе.

Предлагая, с своей стороны, в качестве профессора-интернационалиста подобного рода факультативный курс (применительно, примерно, к 2-часовой еженедельной норме в течение II-го семестра), я прошу Деканат поддерживать это культурно-просветительное начинание перед Правлением Ун[иверсите]та.

Программу (краткую) проэктируемых лекций прилагаю.

2 янв. 1928 г. Проф[ессор] Н. Кравченко»⁵⁴.

Этот текст убеждает, что прочной основой преподавательской деятельности в БГУ Николая Николаевича была его научная квалификация, постоянное отслеживание профессиональной информации. Автор многих исследований, он и раньше, и в Минске стремился в них гармонично совмещать теоретические выкладки и обобщения с исторической конкретикой, с рассмотрением правового положения трудящихся в европейских странах. Во время работы в БГУ профессор продолжил исследовать проблему правовой защиты рабочих, но издательской активности в местных журналах почему-то не проявил. В начале марта 1928 г. он выступил с научным докладом в стенах специализированного научного учреждения БССР – Института белорусской культуры. Текст выступления тут же был опубликован – в № 21 «Трудов Белорусского государственного университета». Это хорошо известная сегодня фундаментальная статья на тему «Пути решения рабочего вопроса и проблема охраны труда в капиталистической Европе». Она вышла также отдельными оттисками⁵⁵. Можно предположить, что подобная тематика для формирующегося советского права могла быть востребована только лишь в части «обнажения язв капита-

⁵⁴ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Ед. хр. 1193. Л. 53.

⁵⁵ *Кравченко Н.Н.* Пути решения рабочего вопроса и проблемы охраны труда в капиталистической Европе // Труды БГУ. 1928. № 21. С. 97–121; *Кравченко Н.Н.* Пути решения рабочего вопроса и проблема охраны труда в капиталистической Европе. Минск, 1928.

лизма», но не всестороннего научного анализа. Для настоящего учебного политизация науки была неприемлема. В этой своей работе ученый продемонстрировал глубочайший уровень анализа проблемы охраны труда в европейских странах. Современные специалисты провели подробный анализ этой работы и, как отмечается, сделанные ученым оценки не утратили своей научной значимости⁵⁶. Вопросы международного и национального трудового права остаются актуальными и в мире, и в белорусском обществе.

Сложно восстановить все обстоятельства, вынудившие профессора оставить Минск. Однозначно можно утверждать только то, что история Беларуси второй половины 1920-х гг. характеризуется атмосферой, с одной стороны, национальной эйфории и продолжения поиска своего белорусского пути, с другой, – нагнетанием всеобщей подозрительности, навешиванием политических ярлыков, шельмованием оппонентов. Примеры судеб многих интеллектуалов БГУ (историков А.А. Савича, Д.П. Кончаловского, Д.А. Жаринова, В.М. Игнатовского, юристов М.А. Сегалю, Б.В. Чредина, социолога и философа С.З. Каценбогена, биолога В.В. Лепешкина, филологов Н.Н. Дурново, А.Н. Вознесенского и других гуманитариев), одним из которых удалось вовремя покинуть беспокойный Минск, а многим нет, вполне можно принять, как объяснение нового поворота в судьбе Н.Н. Кравченко.

Возможно, он смог счастливо уберечься от неизбежных ее изломов и не быть причисленным, как многие его коллеги, то ли к лагерю «нацдемов», то ли «великодержавных шовинистов». Он благоразумно и вовремя определил, что достоин отправки на «академическую пенсию», хотя в ноябре 1927 г. Наркомпросом БССР (по представлению Правления БГУ и деканата факультета права и хозяйства) был вновь утвержден в должности профессора и даже на срок в 7 лет – по кафедре международного права)⁵⁷. Решение о пенсии по личному заявлению профессора принял деканат факультета права и хозяйства 3 декабря 1929 года. Оно было поддержано университетским Правлением. Этот путь несколько ранее прошел, например, коллега-историк Д.А. Жаринов. И оба смогли продолжить профессиональную деятельность в вузах советской России.

Н.Н. Кравченко после БГУ работал в Москве (МГУ, Государственный институт кинематографии, Московский пединститут им.

⁵⁶ Ковалева Е.А., Ковалева Т.В. Указ. соч. С. 181–189.

⁵⁷ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 4115. Л. 19–21, 30.

Н.К. Крупской и др.), в Сталинградском, Ивановском, Ярославском пединститутах. Повсюду приходилось совмещать учебные лекции с общественно-популярными. Он свободно владел материалом по российской и зарубежной истории и истории культуры, техники, по историографии. Конечно, его «коньком» оставались вопросы истории международных отношений. Эта деятельность не осталась незамеченной, и беспартийный профессор в традициях времени даже отмечался званием «ударника» и «отличника».

Накануне Великой Отечественной войны Николай Николаевич обосновался в Ярославле: все же не так далеко от Москвы, где проживала семья. Его жена Ксения Николаевна была известным живописцем, членом Союза художников СССР. Видимо, поэтому переезд в Ярославль не входил в ее творческие планы. А профессору-юристу пришлось согласиться на «спартанские» бытовые условия и на достаточно радикальную смену сферы преподавания: возглавил кафедру всеобщей истории. Война порушила и этот «провинциальный» ритм жизни и деятельности. Летом 1943 г. московское вузовское начальство перевело Н.Н. Кравченко на усиление кадров в Пензенский пединститут, а затем он оказался в Московском городском пединституте. Все эти сведения можно почерпнуть в достаточном количестве источников, «выброшенных» в Интернет. Хотя они не дают возможности в точности, детально проследить биографию ученого по-за Минском. Работа над созданием цельного его жизнеописания впереди.

Приходится констатировать, что чуть ли не семь «белорусских университетских лет» в биографии выдающегося специалиста в области юриспруденции оказались и самыми «устойчивыми» в карьере, и плодотворными в творческом плане. В Минске Николай Николаевич смог реализовать себя (в полной ли мере – это уже другой вопрос) и как незаурядный ученый, и как первоклассный лектор, которому были под силу сложнейшие курсы. Студенты, посещавшие лекции своего профессора, коллеги гуманитарии, и не только, считали за честь быть как можно ближе к творческой «кухне» Николая Николаевича. Не случайно его элегантная, с подчеркнутой безукоризненностью в одежде фигура украсила групповые фото первых выпускников БГУ. Советско-белорусские юристы таким образом, через право быть рядом на фотоснимке, отдали дань благодарности и уважения своему учителю – общепризнанному знатоку всех тонкостей тех наук, в которые он глубоко вник сам и в которые смог посвятить их. Даже внешний вид

профессора являл собой образец для подражания. Сохранившиеся фотографии как бы дают пример классического университетского мэтра, в котором все гармонично: и высокий лоб, и гордая осанка, и горящие глаза, и утонченный костюм с неизменным изысканным галстуком. В этом своем облике Николай Николаевич абсолютно походил на отца. Как, впрочем, и в отношении к делу.

Кончина профессора датируется 1950-ми годами. Причем даты смерти в различных источниках не совпадают. Бесспорно лишь то, что Николай Николаевич умер в Москве. Похоронен он на Введенском кладбище. Через годы рядом будет похоронена и его жена Ксения Николаевна. Современные информресурсы утверждают, что на надгробии профессора датой смерти обозначен 1955-й год. Хотя повсеместно в кратких биографических очерках ученого указывается 1952-й. Полагаем, что следует принять первую дату.

УДК 378.4(470.44-25)+929Хворостин

**«Я РАБОТАЮ И ДЕЛАЮ ДЕЛО...»
(ГАВРИИЛ КИРИЛЛОВИЧ ХВОРОСТИН. 1900-1938)**

А.И. Аврус
(Москва)

Статья посвящена деятельности директора Саратовского университета Г.К. Хворостина, который за два года работы сумел поднять уровень университета. Автор вводит в научный оборот новые архивные документы, широко использует материалы университетской многотиражки. Показана борьба с секретарем партийной организации университета, окончившаяся для директора трагически.

Ключевые слова: Хворостин Г.К., университет, директор, партком, партийная организация, факультет, преподаватель, студент

**«I WORK AND MADE THE MATTER...»
(GAVRIIL KIRILLOVICH KHVOROSTIN. 1900-1938)**

A.I. Avrus

The article is devoted to the activities of the Director of the Saratov University G.K. Khvorostin, who for two years managed to raise the level of the University. The author introduces into scientific circulation the new archival documents, extensive use of materials of the University newspaper. Shows the struggle with the Secretary of the party organization of the University, which ended tragically for the Director.

Key words: Khvorostin G.K., Saratov University, Director, partcom, party organization of the University, history of USSR.

За более чем столетнюю историю Саратовского Государственного университета во главе него было 25 ректоров. Деятельность каждого из них внесла определённый вклад в становление и развитие университета. Вера Александровна Артисевич, директор Научной библиотеки СГУ, которая почти 70 лет проработала в университете, и сама в первый год Великой Отечественной войны была его ректором, в беседе с автором данной статьи в ответ на вопрос, кого она считает лучшим ректором СГУ, без раздумий ответила, что это был Гавриил Кириллович Хворостин.

Несмотря на то, что Г.К. Хворостин всего два года возглавлял университет, сделано им было много, чтобы превратить его, как

он сам говорил, в Хайдельбергский или Гёттингенский университет на Волге.

К сожалению, мы мало знаем о жизни и деятельности Гавриила Кирилловича, так как он был в 1937 г. арестован, а затем расстрелян и похоронен в общей могиле на саратовском кладбище. Обращение автора в архив МГУ, в котором Хворостин учился и работал почти 15 лет, не дали результатов: там не нашлось материалов о нём.

О жизни и деятельности Г.К. Хворостина мной обнаружено три статьи¹. Кроме того, в книге по истории СГУ, выпущенной к 100-летию университета, автор настоящей статьи написал параграф «Время Г.К. Хворостина»². В этих публикациях содержится, в основном, материал о деятельности Гавриила Кирилловича в качестве директора Саратовского университета, но не все аспекты её получили должное освещение, а в очерке В.Н. Семёнова содержится ряд неточностей.

Цель настоящей статьи – попытаться, как можно подробнее, осветить саратовский период жизни и деятельности Гавриила Кирилловича Хворостина.

Основную источниковую базу статьи составляют материалы, обнаруженные автором в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Государственном архиве новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО), Основном фонде Музея истории СГУ, и публикации на страницах университетской многотиражной газеты, которая первоначально называлась «За научные кадры», а затем была переименована в «Сталинец».

Гавриил Кириллович родился 13 июля 1900 г. в крестьянской семье, проживавшей в селе Стритовке Киевской губернии. Вскоре Хворостины переехали в Западную Сибирь, где подросток Гавриил начал с 11 лет работать первоначально батраком, а потом

¹ См.: *Артисевич В.А.* Яркая личность. // Ленинский путь (многотиражная газета СГУ). 1989, № 10; *Крутов А.* Дело Хворостина. // Известия Поволжья. Саратов, 1997. 21 февраля; *Семенов В. Н.* Гавриил Кириллович Хворостин // *Семёнов В. Н.* Ректоры Саратовского университета. Факты жизни и деятельности. Саратов, 1999. С. 131-143.

² *Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н.* История Саратовского университета. 1909-2009. В 2 т. Т. 1. 1909-1945. Саратов, 2009. С. 158-168.

сборщиком молока³. Таким образом, с раннего возраста он был приучен к крестьянскому труду.

После прихода к власти в России большевиков юный Хворостин был председателем комиссии по национализации культурных ценностей в г. Камень Алтайской губернии, после свержения там советской власти принимал участие в партизанском движении в тылу колчаковских войск, подвергался преследованиям и аресту как красный партизан⁴.

Когда гражданская война в Сибири закончилась, 20-летний молодой человек, жаждавший знаний, поступил учиться на рабочий факультет Московского университета. С этого времени его жизненный путь на долгие годы был связан с МГУ. Окончив рабфак, Гавриил Кириллович продолжил учёбу на физико-математическом факультете университета. В ходе обучения выявились способности Хворостина к математике. Поэтому он, как успешно окончивший университет по специальности прикладная математика, к тому же член партии, участник гражданской войны, был рекомендован в аспирантуру, в которой он учился в 1930–1933 годах. Надо отметить, что среди отечественных математиков партийных были в то время единицы. Это обеспечило быструю карьеру Гавриила Кирилловича. Еще не окончив аспирантуры, он был назначен в 1932 г. зам. директора научно-исследовательского института математики МГУ, а до этого 6 месяцев находился в командировке в Германии с целью изучения постановки работы в математических институтах и университетах⁵. В 1935 г. он был направлен в Саратов директором Саратовского университета (в 1930–1938 гг. в университетах были не ректоры, а директора).

В годы пребывания в МГУ у Г.К. Хворостина сложились дружеские отношения с опытными и начинавшими путь в науку учёными, в том числе с тогда молодым талантливым математиком Иваном Григорьевичем Петровским, будущим академиком АН СССР, многолетним ректором Московского университета. Судя по документам, они впервые встретились 10 декабря 1924 г. на заседании предметной комиссии по математике Московского уни-

³ Архив СГУ. Д. 11135. Хворостин Гавриил Кириллович. Личный листок по учёту кадров. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

верситета, на котором Хворостин был переизбран секретарём комиссии, а в 1925 г. Иван Григорьевич сменил его на этом посту⁶.

Как признавался сам Гавриил Кириллович, у него не было большого желания ехать в Саратов. 15 лет учёбы и работы в МГУ сроднили его с этим университетом. Кроме того, ему хотелось защитить кандидатскую диссертацию, что не удалось сделать в аспирантуре, так как он был отозван на административную работу. К его назначению в Саратов, как писал журналист А. Крутов, имели непосредственное отношение нарком просвещения РСФСР А. Бубнов и секретарь ЦК ВКП(б) А. Андреев, ведавший тогда кадровыми вопросами⁷.

Хворостин вступил в РКП(б) в 1920 г., но во время учёбы в университете он проявил инертность в отношении к общественной работе и не прошёл очередную чистку в 1921 г., в результате был переведён в кандидаты в члены партии. Поэтому он вновь вступил в ряды РКП(б) в 1925 году. Судя по всему, у него уже в годы учёбы сложилось мнение, что партийная организация в вузе должна заниматься в основном воспитательной работой, а кадровые вопросы, проблемы научной деятельности – это компетенция директората, деканатов и кафедр. Так, в докладной записке в партком МГУ аспирант истфака Х.Р. Хопров сообщал, что ему пришлось в 1934–1935 гг. разбираться в конфликте Хворостина с аспиранткой мехмата коммунисткой Харламовой и он установил, что Гавриил Кириллович «...относился к ряду коммунистов тенденциозно, покровительствовал социально чуждым элементам, отрывал академизм от партийности...»⁸.

Прибыв в Саратов, Г.К. Хворостин вскоре выработал программу действий, направленную на превращение СГУ в один из ведущих университетов страны, который должен достигнуть высокого европейского уровня, и доложил её на одном из заседаний Учёного совета университета. Выступая на заседании партийного комитета СГУ при разборе его дела в июле 1937 г, Гавриил Кириллович так охарактеризовал обстановку в университете ко времени его приезда: «Кадров в университете нет, всё что было, разогнали. Здесь было тогда вредительство, которое протекало у

⁶ Ильченко Е. Академик И.Г. Петровский – ректор Московского университета. М., 2001. С. 123.

⁷ Крутов А. Указ. соч. С. 9.

⁸ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 30. Оп. 8. Д. 339. Л. 1.

всех на глазах. В университете всё развалили и лучшие силы разогнали. Саратовский университет был пустым местом. Я не мог поднять университет с имеющимися малоквалифицированными кадрами»⁹ (конечно, это заявление сделано в типично большевистском стиле: всё, что до меня, плохо, я пришёл и навёл порядок). В предложенную им программу входили: кадровая политика – укрепление преподавательского состава университета высококвалифицированными специалистами, расширение материально-технической базы, в первую очередь, за счёт строительства новых корпусов, создание нормальных бытовых условий для сотрудников, прежде всего, решение жилищного вопроса, открытие в университете научно-исследовательских институтов и т. д.¹⁰ Как же справлялся Хворостин с решением этих проблем?

С первых дней работы в СГУ Гавриил Кириллович лично познакомился со всеми преподавателями университета (их тогда было около 100 человек) и сделал выводы о пригодности того или другого из них к работе в университете. У Хворостина были высокие требования к преподавательскому составу университета: в него должны были входить широко образованные специалисты, постоянно занимавшиеся научными исследованиями. После бесед с наличным составом преподавателей он пришёл к заключению, что не все они соответствовали предъявляемым требованиям. Говоря, что с уважением относится к старым кадрам СГУ, Гавриил Кириллович откровенно высказывался на общеуниверситетских партийных собраниях и назвал фамилии тех, кто, по его мнению, не способен по уровню своей подготовки работать в университете. Среди них было несколько членов партии, в том числе Суслов, Белозёров. Это сразу вызвало негативную реакцию партийной организации, считавшей, что главный критерий пригодности к работе в университете – социальное происхождение и идеологическая непогрешимость. Поэтому вскоре после начала работы Гавриила Кирилловича в СГУ у него возник конфликт с партбюро (преобразовано затем в партком) по кадровым вопросам.

Директор университета считал, что кадровую проблему можно решать тремя путями: а) приглашением молодых талантливых учёных из других вузов, прежде всего МГУ, с которым он был связан долгие годы; б) использованием оказавшихся в Саратове

⁹ ГАНИСО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 161. Л. 76.

¹⁰ *Артисевич В.А.* Указ. соч.

опытных и талантливых молодых учёных, высланных в 1935 г. из Ленинграда, как социально чуждые элементы; в) оставлением на кафедрах СГУ наиболее способных выпускников и успешно оканчивавших аспирантуру.

Просматривая приказы по университету за 1935–1936 гг., я увидел, что почти после каждой командировки в Москву Гавриил Кириллович привозил в Саратов талантливых молодых учёных и опытных преподавателей, которые возглавили многие кафедры, в первую очередь на физико-математического факультете.

17 июня 1935 г. Г.К. Хворостин приступил к исполнению обязанностей директора СГУ, а уже 23 июня университетская газета «За научные кадры» сообщала, с его слов, что в университете открываются новые кафедры и на них приглашаются такие специалисты, как: математики И.Г. Петровский (кафедра математического анализа, в будущем академик АН СССР), А.Я. Хинчин (кафедра теории вероятностей и теории чисел, избранный впоследствии членом-корреспондентом АН СССР), А.Г. Курош (кафедра высшей алгебры), В.В. Вагнер (кафедра геометрии), физик Д.И. Блохинцев (кафедра теоретической физики, ставший членом-корреспондентом АН СССР), биологи П.А. Вундер, Я.М. Кабак и др. Кроме того, дали согласие читать лекции и проводить семинарские занятия математики Л.В. Понтрягин, С.А. Яновская, географ Н.Н. Баранский¹¹. В результате за один год на физмате вместо одной математической кафедры стало 5. А всего количество кафедр в университете за два года директорства Г.К. Хворостина увеличилось с 27 до 48.

Как я уже отмечал, в Саратове оказалась большая группа учёных, высланных из Ленинград в 1934–1935 годах. Им запрещалась научная и педагогическая деятельность. Это не остановило Хворостина. Он привлёк их к работе в университете, создал для некоторых из них новые кафедры. Приведу несколько фамилий: Н.А. Максимов (уже тогда член-корреспондент АН СССР, а позже академик) возглавил кафедру физиологии растений, для Б.П. Никольского (в будущем академик АН СССР, Герой социалистического труда, Лауреат Ленинской и Государственной премий) была создана кафедра физической и коллоидной химии, Н.А. Орлов стал зав. кафедрой аналитической химии, физики Е.Ф. Гросс (ставший членом-корреспондентом АН СССР, Лауреатом Ленин-

¹¹ Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. Указ. соч. С. 158.

ской и Сталинской премий)), В.П. Жузе, Ю.Б. Румер. Всего к работе в университете Гавриил Кириллович привлёк в качестве преподавателей и технических работников 22 сосланных ленинградцев.

Когда в 1936 г. в Саратов оказалась выслана историк А.М. Панкратова, то Хворостин предоставил ей работу в университете, сделал зав. кафедрой истории СССР. Именно по рекомендации коллектива СГУ Анна Михайловна была избрана вскоре членом-корреспондентом АН СССР. В Саратове она приняла участие в написании ряда школьных учебников по российской истории, которые переиздавались несколько десятилетий.

В Саратов были отправлены в ссылку два академика АН СССР: В.Н. Перетц и Д.Б. Рязанов, оба гуманитарии. Гуманитарных факультетов в СГУ тогда не было, обоим была запрещена исследовательская деятельность. Г.К. Хворостин и директор научной библиотеки В.А. Артисевич сумели обойти все запреты и привлекли двух академиков для работы в качестве сотрудников библиотеки (наверное, единственный случай в российской истории, когда два академика стали рядовыми библиотечными работниками. Но таковы были времена!). К сожалению, В.Н. Перетц очень скоро умер, а Д.Б. Рязанов с открытием исторического факультета сыграл большую роль в формировании факультетской и кафедральных библиотек. Значительное количество книг, отобранных им в 1935–1937 гг., до сих пор хранится на кафедрах факультета.

Кроме приглашённых из Москвы и сосланных из Ленинграда, Гавриил Кириллович привлёк к работе в СГУ крупных учёных из Института зернового хозяйства Юго-Востока: академика АН СССР Н.М. Тулайкова, академиков ВАСХНИЛ Э.Р. Давида и Г.К. Мейстера.

Во время директорства Хворостина в университете были оставлены на работе и в аспирантуре выпускники, ставшие впоследствии крупными учёными, докторами наук, среди них: химики И.С. Мустафин, Н.И. Никурашина, А.А. Пономарёв, генетик С.С. Хохлов, зоолог Н.И. Ларина, геолог Н.С. Морозов, механики Б.К. Резенкамф, С.В. Фалькович, математик А.Е. Либер, физики З.И. Кирьяшкина и А.Д. Степухович, географ П.С. Кузнецов и др.

Большое внимание Г.К. Хворостин уделял новым наборам в университет, знакомясь с абитуриентами ещё в ходе вступительных экзаменов. Когда 1 сентября 1935 г. происходило общее собрание первокурсников, он 50% из них узнавал в лицо и называл по

фамилиям¹². И в 1936 г. директор много времени посвящал приему в университет, хотя сам признавал, что были серьёзные недостатки по работе с возможными абитуриентами – выпускниками средних школ. Следует напомнить, что в 1935 г. правительство отменило классовый подход к приему в вузы, в них зачислялись окончившие средние школы и приравненные к ним учебные заведения после успешной сдачи вступительных экзаменов. Поэтому Хворостин, по примеру МГУ, свернул работу рабфака СГУ, за что подвергся критике со стороны партийной организации.

Одним из результатов кадровой политики Хворостина явилось то, что за два года в СГУ почти удвоилось число профессоров, большинство из них были в возрасте от 30 до 40 лет, некоторые и моложе. Такого количества профессоров университет вновь достиг только через 30 лет. Если в 1934–1935 учебном году в СГУ было 16 профессоров, 26 доцентов и 33 ассистента, то в течение 1935–1936 учебного года их число составило соответственно 31, 35, 48¹³.

Повышение уровня профессорско-преподавательского состава позволило поставить перед ним более сложные задачи и в педагогической, и в исследовательской сферах. Выступая на производственном совещании химического факультета, Гавриил Кириллович говорил: «Задача коллектива научных работников, общественных и партийных организаций научить студентов работать продуктивно, упорно, творчески работать, овладевать максимумом знаний»¹⁴.

Поскольку Г.К. Хворостин предполагал быстрое развитие университета, постоянное увеличение количества студентов, открытие новых факультетов, кафедр, специальностей, то требовалось продолжить строительство университетского городка, прерванное ещё с началом первой мировой войны. Нуждалась в отдельном корпусе университетская библиотека, которая размещалась с 1914 г. в третьем университетском корпусе, тесня физико-математический факультет. Нужны были отдельные корпуса для химического и биологического факультетов. Ректорат находился в одноэтажном деревянном домике в университетском дворе (на месте нынешнего 5 корпуса). Поэтому Гавриил Кириллович запланировал строительство нескольких новых зданий, как в уни-

¹² За научные кадры [Саратов]. 1935. 26 сентября. № 13.

¹³ Там же. 5 ноября. № 18.

¹⁴ Сталинец [Саратов]. 1936. 18 декабря. № 4.

верситетском городке, так и по другую сторону проспекта Ленина (Московской улицы), на территории, первоначально выделенной городскими властями для университета. В апреле 1936 г. под руководством директора было разработано программное задание на строительство 6 корпусов и вспомогательных зданий общим объёмом почти в 360 тыс. кв. м. Составили эскизные проекты зданий и отправили их на экспертизу крупным учёным, приславшим положительные отзывы¹⁵. Фактически при выполнении намеченного плана строительства полезные площади СГУ увеличились в два раза.

Директору удалось добиться в Наркомате просвещения РСФСР открытия финансирования для нового строительства. Были заказаны архитекторам проекты новых университетских корпусов, которые должны были возводиться с учётом архитектуры университетского городка. Во время своих командировок в Москву Гаврииле Кирилловичу пришлось приложить много усилий, чтобы доказать необходимость выделения средств для капитального строительства в СГУ. Университетская газета «Сталинец» сообщала в конце 1936 г., что правительство утвердило план строительства корпуса биологического факультета (на том месте, где сейчас находится 5 корпус). С 1 января 1937 г. должно было начаться строительство ещё одного студенческого общежития на 250 мест по Вольской улице (к концу 1936 г. завершалось там же строительство общежития тоже на 250 мест). Затем предполагалось возводить корпуса Научной библиотеки и исторического факультета¹⁶. Коллектив университета с воодушевлением воспринял весть о том, что скоро начнётся возведение новых корпусов. Но эта проблема так и не была решена в те годы, так как после ареста Г.К. Хворостина в августе 1937 г. ни о каком новом строительстве не было и речи. Оно началось только через много лет, после окончания Великой Отечественной войны.

Результаты каждой своей поездки в Москву Гавриил Кириллович докладывал на Учёном совете. Соответствовавшая информация помещалась на страницах университетской газеты.

Гавриил Кириллович приложил немало усилий, чтобы осенью 1935 г. в СГУ открылся третий в стране исторический факультет. Соответствующий приказ был подписан в начале сен-

¹⁵ *Артисевич В.А.* Указ. соч.

¹⁶ Там же.

тября 1935 г., 11 сентября был объявлен набор студентов, а уже 16 сентября начались занятия первой группы 1-го курса нового факультета. Затем были приняты ещё три группы, которые прослушали первые лекции 1 октября. На истфаке сразу же встала проблема кадров преподавателей, так как в 1931 г. все гуманитарии покинули университет. Пришлось укомплектовывать новый факультет с помощью педагогического и юридического институтов, приглашать выпускников и окончивших аспирантуру в Московском и Ленинградском университетах. Поэтому на первых порах из 16 преподавателей факультета только 4 имели учёные степени и звания. Проблему кадров для истфака в дальнейшем удалось в какой-то степени решить, а с привлечением на работу А.М. Панкратовой открыть самую большую в университете аспирантуру.

Директор мечтал о создании ряда других гуманитарных факультетов, в первую очередь филологического и философского, но это оказалось делом будущего.

Гавриил Кириллович прекрасно понимал, что для развития университетской науки и улучшения подготовки студентов в университете необходимо иметь научно-исследовательские институты, в которых преподаватели будут заниматься исследованиями, а студенты проходить практику. Ему удалось добиться открытия двух таких институтов в СГУ: геологии (хотя решение об его открытии было принято в апреле 1935 г., работать он начал уже при Хворостине, осенью этого года) и математики и механики. Во главе институтов стали крупные учёные: первый возглавил проф. Б.А. Можаровский, второй – проф. В.В. Вагнер. Торжественное открытие НИИ математики и механики состоялось 20 мая 1937 г. в Большой физической аудитории 3-го корпуса университета. Приехало много гостей из Москвы, Ленинграда и др. городов. Сообщение о планах работы института сделал профессор В.В. Вагнер. Затем были приветствия гостей. Выступал и директор СГУ¹⁷. Оба института успешно развивались, превратились в центры геологической и математической наук Нижнего Поволжья.

В Саратове в те годы очень остро стоял жилищный вопрос: численность населения увеличивалась, а новые дома если и строились, то на окраинах, далеко от университетского городка. Г.К. Хворостин, считая, что нормальные жилищные условия – необходимый компонент успешной работы преподавателя-учёного,

¹⁷ Сталинец. 1937. 22 мая. № 22.

прилагал максимум усилий, чтобы решить эту проблему для приглашённых сотрудников университета. Он постоянно обращался к городским и областным партийным и советским руководителям с настойчивыми просьбами о предоставлении прибывшим в Саратов учёным благоустроенных квартир и во многих случаях добивался успеха. В одном из писем, полученных мною от профессора Б.М. Шайна (США), приводился, со ссылкой на профессора В.В. Вагнера, такой факт: известный математик А.Я. Хинчин плохо переносил во время работы дома уличные шумы. Поэтому Хворостин при подборе для него квартиры постарался учесть и это обстоятельство.¹⁸ Решение жилищного вопроса способствовало успешной работе учёных и облегчало приглашение в СГУ новых профессоров и преподавателей. Сам Гавриил Кириллович жил рядом с первым общежитием университета по Цыганской улице в доме № 146, кв. 30. Это было недалеко от Университетского городка. Следует отметить, что жена Хворостина – Ольга Карловна Хворостина-Лаивинек оставалась в Москве, где работала директором заочных курсов при Наркомате земледелия СССР. Она была репрессирована после ареста мужа.

Положительные результаты деятельности Гавриила Кирилловича в Саратовском университете были замечены в Москве. На проходивших в 1936 и 1937 гг. Всесоюзных совещаниях директоров университетов работа Г.К. Хворостина ставилась в пример руководителям других университетов, а ему предоставлялось слово для рассказа о своём опыте решения актуальных и сложных проблем высших учебных заведений. Так, выступая с докладом на совещании в июле 1936 г., он поделился опытом привлечения ценных научных и преподавательских кадров, отметив при этом, что приходилось идти на трату части средств не по назначению Наркомпроса для решения квартирного вопроса. Кроме того, Гавриил Кириллович воспользовался трибуной совещания для постановки ряда принципиальных вопросов развития университетского образования: некомпетентное руководство университетами со стороны Наркомпроса и партийных функционеров, пренебрежительное отношение к университетскому образованию, необходимость укомплектования университетов специалистами, обязательно сочетающими преподавательскую и научно-исследователь-

¹⁸ Письмо Б.М. Шайна от 16 сентября 2008 г. // Личный архив А.И. Авруса.

скую работу, настоятельная потребность развивать материально-техническую базу, которая слаба даже в МГУ и ЛГУ, обязательные командировки директоров за рубеж для ознакомления с опытом работы тамошних университетов и т. п.¹⁹ Многие предложения Гавриила Кирилловича были поддержаны директорами других университетов, и вскоре после совещания было принято Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О работе высших учебных заведений и руководстве высшей школой», на основании его был создан Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР, которому переподчинялись университеты²⁰.

Подводя итог деятельности университета за 1936 г. (это был единственный год, в течение которого Хворостин от начала и до конца руководил СГУ), Гавриил Кириллович отметил, что выпущено 209 специалистов, ряд кафедр укомплектован высококвалифицированными кадрами, созданы новые лаборатории, на истфаке сформирована прекрасная библиотека, построено общежитие на 250 мест, возрос выпуск научной продукции, лучше стали работать научные семинары на факультетах и т. д. В то же время он указал и на серьёзные недостатки в работе университета, которые надо быстрее устранить: плохо поставлена производственная практика, велика академическая задолженность студентов, много совместителей, слаба трудовая дисциплина в коллективе и т. п.²¹

Одним из ярких показателей возросшего авторитета СГУ в научной среде было проведение 24–30 января 1937 г. Всесоюзного совещания по проблемам почвоведения и физиологии культурных растений. Среди 500 его участников были крупнейшие учёные, в том числе академики АН СССР Н.И. Вавилов, Д.Н. Прянишников, А.А. Рихтер, Н.М. Тулайков и др. Такого уровня и размаха научные мероприятия проходили в Саратове в то время редко²².

Я уже отмечал, что у Гавриила Кирилловича с самого начала не сложились отношения с партбюро (затем парткомом) университета. Как он говорил на одном из университетских партсобраний, партийная организация сразу встретила его в штыки²³. Про-

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8080. Оп. 1. Д. 235. Л. 22–36.

²⁰ Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. Указ. соч. С. 160.

²¹ Сталинец. 1937. 4 января. № 1.

²² Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. Указ. соч. С. 162–163.

²³ Сталинец. 1937. № 18, 11 апреля.

токолы заседаний партбюро (парткома) СГУ и общеуниверситетских партийных собраний свидетельствуют о том, что постоянно директор подвергался нападкам коммунистов, ему предъявлялись различные обвинения, которые постепенно усиливались, а в обстановке развернувшегося в стране «большого террора» принимали характер прямых доносов.

В 1937 г., особенно после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б), давление на Хворостина со стороны парткома университета усилилось, в этом большую роль сыграл новый секретарь парткома М.К. Колтаков, приглашённый самим директором из обкома партии на работу в СГУ. У них сразу же возник конфликт по кадровым вопросам. Партком добился того, что 26 марта 1937 г. на заседании бюро Саратовского обкома ВКП(б) был заслушан вопрос «О положении в Саратовском государственном университете». В решении бюро указывалось на серьёзные политические ошибки Г.К. Хворостина: отсутствие революционной бдительности при подборе кадров, огульное и без всяких оснований охаивание старых кадров, небольшевистское реагирование на критику партийной организации, замазывание враждебных марксизму-ленинизму ошибок, которые допускали приглашённые им профессора и преподаватели, неудовлетворительное руководство молодыми кадрами и аспирантурой и т. В тоже время в решении обращалось внимание на ошибки, допущенные парткомом СГУ и его секретарём Колтаковым. Бюро обкома обязало Хворостина, а также партком устранить указанные ошибки и вскрыть их существо на общем партийном собрании университета, которое должно было быть проведено для обсуждения постановления бюро обкома²⁴.

На партийном собрании университета, проходившем 5 дней (28 марта – 1 апреля 1937 г.), и в докладе зав. отделом школ и науки Саратовского обкома партии Голяндина, и в большинстве выступлений (их было 23) Гавриил Кириллович был подвергнут острой и часто несправедливой критике. Его обвиняли в том, что он ставил науку выше политики, допустил серьёзные ошибки при подборе кадров. Так преподаватель физмата С.А. Суслов заявил, что у Хворостина не случайные ошибки, а их система, которую нужно вырвать с корнем. Выступившие на собрании Н.И. Усов и Д.И. Лучинин (будущие ректоры СГУ) обвинили Гавриилу Кирилловича

²⁴ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 3. Д. 895. Л. 281–282.

в отсутствии большевизма, потере классовой бдительности, зажиме критики в свой адрес и в отношении близких ему людей²⁵. Несмотря на эту критику, на отчётном партийном собрании университета, которое длилось 8 дней (14–21 апреля 1937 г.), Хворостин вновь был избран в состав парткома, а газета «Сталинец» была подвергнута критике за недопустимый тон в отношении директора, допущенный в № 18 при освещении работы партийного собрания²⁶.

До лета 1937 г. Г.К. Хворостин пользовался поддержкой руководства областного и городского комитетов ВКП(б), понимавшего, что директор университета делал благое дело, укреплял ведущий вуз области. Но летом 1937 г. саратовское областное и городское руководство во главе с первым секретарём обкома партии А.И. Криницким было подвергнуто разгрому бригадой ЦК ВКП(б), обвинено в антипартийной и антисоветской деятельности и затем репрессировано.

Воспользовавшись этим, партком СГУ учинил расправу над Хворостинным. 31 июля 1937 г. на заседании парткома было принято Постановление «О положении в университете и о политической линии в руководстве университетом директора члена ВКП(б) Г.К. Хворостина», в котором Гавриилу Кирилловичу предъявили серьёзные политические обвинения. В сообщении, которое сделал на заседании М. Колтаков, в выступлениях других членов парткома и секретаря комитета ВЛКСМ университета Фронтасьева, а также принятом документе подчёркивалось, что партийная организация СГУ постоянно указывала на его ошибки, но Хворостина всё время поддерживали областные, городские и районные руководители, разоблачённые теперь как враги народа. Благодаря этой поддержке Гавриил Кириллович мог безнаказанно стягивать в университет троцкистов и другие враждебные советской власти элементы (Г.С. Зайдель, В.Н. Охоцимский, Д.Б. Рязанов, Куликов, Хайкина, Экштейн, В.К. Дахшлегер и др.). В университет принимались на работу люди, не заслуживавшие политического доверия (В.П. Жузе, А.И. Доватур, Н.И. Орлов и др.). Хворостин выдавал приглашённых им средних научных ра-

²⁵ Сталинец. 1937. 11 апреля. № 18. Следует отметить, что газета в то время была органом парткома, месткома, комитета комсомола, но не директора.

²⁶ Там же. 28 апреля. № 19.

ботников за высококвалифицированных специалистов-профессоров (Я.М. Кабак, В.К. Дахшлегер, Б.Н. Никольский, В.В. Вагнер и др.). В то же время, указывали выступавшие на парткоме, Хворостин выживал из университета коммунистов и комсомольцев, оценивая крайне низко их научный потенциал. В своём выступлении Гавриил Кириллович отверг многие обвинения в свой адрес, объяснял, почему он принимал на работу конкретных лиц и защищал их как хороших работников. В качестве примера он привёл кампанию, поднятую в университете под флагом борьбы с «лузинщиной»²⁷ против профессоров А.Я. Хинчина и В.В. Вагнера, которых он назвал прекрасными научными работниками. При этом директор признал ряд своих ошибок, в частности сказал, что плохо разбирался в людях и слишком им доверял. Но его объяснения не удовлетворили членов парткома. В выступлениях Таубина, Лобанова, Мустафина, Лебедева, Фронтасьева отвергались объяснения Хворостина и давалась такая оценка его деятельности, которая в условиях того времени означала фактически донос и передачу его дела в руки НКВД.

Так, Лобанов сделал вывод, что у директора система работы, направленная на замаскированное стягивание троцкистских сил в университете. Мустафин обвинил Хворостина в поддержке профессора Н.И. Орлова, который ведёт вредительскую практику в деле подготовки молодых научных кадров, переписывается с друзьями из Германии и даже получает бесплатно немецкий химический журнал. Лебедев выразил политическое недоверие Гавриилу Кирилловичу и заявил о невозможности его пребывания на посту директора университета²⁸. Отвечая на критику в свой адрес, Г.К. Хворостин заявил: «Говорят о том, что Хворостин проводил враждебную линию, поддержанную бывшим партийным руководством. Неверно, я вёл верную партийную линию. Посмотрите всю мою работу в университете. Я целиком себя отдавал

²⁷ «Лузинщина» – кампания, начатая статьями в «Правде» летом 1936 г. против известного математика академика АН СССР Н.Н. Лузина, обвинённого в идеализме, преклонении перед Западом (он публиковал результаты своих исследований частично в зарубежных журналах), вреде, наносимом советской науке. Кампания развернулась по всей стране, а профессор Хинчин был учеником Лузина. После изучения вопроса комиссией АН СССР многие обвинения к Лузину отпали, он был оставлен в академии и не подвергся аресту. Кампания постепенно затухла.

²⁸ ГАНИСО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 161. Л. 68-109.

на работу и много сделал. Если бы я ничего не делал, меня давно бы сняли. Я работаю и делаю дело и линия моя верна»²⁹. Но никто из присутствовавших на заседании парткома директора не поддержал. В постановлении парткома были сформулированы обвинения в адрес Гавриила Кирилловича, а в постановляющей части было записано: «За засорение университета троцкистскими и другими враждебными советской власти элементами, за зажим самокритики, за связь с врагами народа, за активное пособничество и укрытие от партийной организации Хворостина Г.К. ... вывести из состава партийного комитета и исключить из рядов ВКП(б).

Просить ЦК ВКП(б) и Саратовский обком ВКП(б) снять Хворостина с поста директора университета»³⁰. (Следует отметить, что партком по вопросу о снятии Хворостина обращается не в органы советской власти, не в Наркомат просвещения, а в партийные органы).

Члены парткома так спешили разделаться с ненавистным им директором университета, что сразу после заседания парткома созвали общеуниверситетское партийное собрание, продолжавшееся три дня (31 июля – 2 августа, при том это было каникулярное время). Выступившие на собрании после заслушивания доклада секретаря парткома Усов, Лучинин, Фронтасьев, Альфиш, Мелёхин, Саксонов, Багаев, Белозёров (его называл Хворостин среди не подготовленных к работе в университете), Колесник, Шарац, Таубин обвинили Гавриила Кирилловича во всех смертных грехах. Самого Хворостина на собрании не было так как он, по заявлению Лучинина, уже был арестован. Арест Гавриила Кирилловича, как считал Лучинин, никого не удивил, он был логическим завершением всей деятельности Хворостина³¹. Альфиш потребовала: «Теперь надо серьёзно проверить людей, которые близки к Хворостину, как среди преподавателей, так и студентов, например, Доватур, Панкратова, работу которых никто не контролировал, а у Панкратовой, по-видимому, где-то была подпольная квартира, на которой кое-кто собирался. К ней особенно был внимателен Хворостин»³². В постановлении собрания он был

²⁹ ГАНИСО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 161. Л. 80.

³⁰ Там же. Л. 114. (Сохранена орфография подлинника).

³¹ Там же. Л. 47.

³² Там же. Л. 49.

объявлен теперь уже врагом народа, вредительствовавшим в университете и исключен из партии. Парткому было поручено «...в короткий срок проверить весь личный состав научных и технических работников университета, как со стороны политического доверия, так и деловой квалификации»³³.

Интересно отметить, что многие из выступавших каялись и в своих ошибках (это было типично для того времени). Например, Лучинин заявил, что он порвал с тещей, которая переписывалась со своей дочерью, обвинённой в троцкизме. Таубин признал ошибочным свое выдвижение врага народа Голяндина кандидатом в делегаты на районную партийную конференцию от коммунистов университета³⁴. Через два дня решение партийного собрания было поддержано на бюро Кировского райкома ВКП(б), 22 августа на бюро Саратовского горкома партии, а 26 августа обком ВКП(б) утвердил это решение³⁵.

В тот же день, когда закончилось партийное собрание (2 августа), Хворостин был арестован. 23 августа состоялся его первый допрос оперуполномоченным Цепяевым. Затем ещё несколько допросов, в результате которых добились признания (известно какими способами это осуществлялось в годы «большого террора») Хворостина, что он был участником антисоветской, правотроцкистской, террористической, диверсионно-вредительской организации, действовавшей в Саратовской области. 19 января 1938 г. было составлено обвинительное заключение, которое 20 января было сообщено Гавриилу Кирилловичу. В тот же день состоялась выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством корвоенюриста И.С. Матулевича, которая вынесла смертный приговор. Суд проходил в закрытом заседании, без участия защитника и обвинителя и без вызова свидетелей. На следующий день (21 января 1938 г.) приговор был приведён в исполнение, а место захоронения неизвестно³⁶.

Репрессиям подверглись многие сотрудники и студенты Саратовского университета, среди них профессора Н.И. Орлов (химик), Я.М. Кабак (биолог), В.Н. Охоцимский (юрист и историк,

³³ ГАНИСО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 161. Л. 53.

³⁴ Сталинец. 1937. 1 сентября. №27 (передовица).

³⁵ ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 7. Д. 1331.

³⁶ Ответ от 30. 11. 1994 г. за № 10-а/1792 Управления Федеральной службы контрразведки по Саратовской области на запрос директора НБ СГУ В.А. Артисевич // Архив Музея истории СГУ. М-8746 Артисевич В.А.

бывший делегатом V съезда РСДРП), П.С. Рыков (историк, археолог, декан исторического факультета) и др. Многие из приглашённых Г.К. Хворостинным в Саратов учёных покинули СГУ, очевидно, боясь оказаться репрессированными за связь с врагом народа, директором университета: И.Г. Петровский, А.Я. Хинчин, А.Г. Курош, Д.И. Блохинцев и др. В результате университет понес большой кадровый урон, многие кафедры оказались неукomплектованными к новому учебному году.

В последующие годы репрессии в СГУ продолжались. Так, в 1940 г. были репрессированы за троцкистскую деятельность, которой они не занимались, три студента исторического факультета, среди них внук Л. Троцкого Л. Левенсон, вскоре расстрелянный³⁷. Заключительным аккордом репрессий тех лет явилась депортация немецкого населения Саратова в августе 1941 г., когда университет потерял целую группу сотрудников немецкой национальности.

Все эти репрессии сильно обескровили Саратовский университет, а планы его расширения, открытия новых факультетов, капитального строительства, задуманные и начатые осуществлением Гавриилом Кирилловичем Хворостинным, были заброшены на долгие годы.

После смерти Сталина, когда начался процесс реабилитации жертв репрессий сталинской эпохи, академик АН СССР, ректор Московского университета И.Г. Петровский, бывший тогда депутатом Верховного Совета СССР, возбудил вопрос о реабилитации Г.К. Хворостина и добился её³⁸. О бывшем директоре СГУ, крупном организаторе высшего образования в стране стало возможно говорить и писать, но только в 1989 г. в университетской газете появилась первая статья о Гаврииле Кирилловиче.

В полученном В.А. Артисевич ответе от КГБ указывалось, что даже там не сохранилось фотографии Хворостина, о чём Вера Александровна сказала, выступая по саратовскому телевидению и жалуясь на отсутствие его визуального изображения³⁹. Вскоре после её выступления меня встретил один из сыновей проф. С.В. Фаль-

³⁷ Подр. см.: *Либов Л.* Троцкий, Сталин и я, или, когда ошибаются судьи. Документальная проза на пересечении мемуаров и философии наивности. М., 2005.

³⁸ *Артисевич В.А.* Указ. соч.

³⁹ На самом деле фотоизображение Г.К. Хворостина сохранилось в газете «Сталинец» от 8 декабря 1936 г. и было в 1999 г. использовано В.Н. Семёновым в его книге о ректорах СГУ.

ковича и сообщил, что у них в семье есть фотография, на которой присутствует Хворостин. Он рассказал историю, до которой не додумался даже Оруэлл в своём романе «1984». В 1936 г. университет одновременно закончили С.В. Фалькович и его будущая жена. Каждый из них получил коллективную фотографию выпуска физико-математического факультета, на которой среди других был портрет Г.К. Хворостина, как директора СГУ. После расстрела Гавриила Кирилловича сотрудники НКВД ходили по квартирам и отбирали у выпускников эти фотографии. К тому времени С.В. Фалькович женился, и в семье оказалось две фотографии с Хворостинным. Сотрудник НКВД, изымавший фотографии, об опытное было дальше. Через некоторое время изъятая фотография была возвращена, только в ней на месте портрета Хворостина было помещено изображение 3-го корпуса университета. Каково!

Конечно, Гавриил Кириллович был человеком своего времени. Поэтому он восхвалял Сталина – «...гениальный вождь, друг и родной отец трудящихся всего мира...»⁴⁰, заявлял, что его охватывает чувство отвращения к таким учёным, как академики Н.Н. Лузин (кстати, Хворостина обвиняли в «лузинщине»), В.Н. Ипатьев, А.Е. Чичибабин⁴¹. Но в отличие от многих других руководителей вузов того времени он проявлял гражданское мужество при формировании кадров университетских преподавателей, добился ощутимых результатов в развитии университета, боролся за поднятие уровня университетской науки и образования, не боялся отстаивать свои взгляды, вступая в конфликт с партийной организацией. Поэтому имя Хворостина навсегда вписано в славную историю Саратовского государственного университета, а его пример честного служения делу высшего образования неплохо бы использовать современным ректорам вузов.

⁴⁰ Сталинец. 1937. 4 января. № 1.

⁴¹ Там же.

«В ЖИВЫХ СЕРДЦАХ ОСТАВИТЬ СВЕТ...»

В.А. Быкова

кандидат исторических наук, доцент

Ю.В. Зверев

историк, журналист,

Заслуженный работник культуры России

В статье, на основе личных воспоминаний воссоздается образ ученого, историка и просто обаятельного человека – Лемара Васильевича Храмкова. Дается краткая биографическая справка об основных вехах на жизненном пути историка – от студента до ректора Куйбышевского (ныне Самарского) государственного университета. Через частные встречи автора с героем статьи проявляется фигура общительного, трудолюбивого и отзывчивого человека, оставившего по себе очень добрую память.

Ключевые слова: Биографика, историки России, Л.В. Храмков, история российских университетов, Самарский государственный университет.

«IN LIVING HEARTS TO LEAVE THE LIGHT...»

V.A. Bykova, Y.V. Zverev

The article based on personal memories, to recreate the image of the scientist, historian and simply charming man – Lenara Vasilevichia Hramkova. The article gives a brief biographical note about the major milestones in life Historian – from student to the Rector of the Kuibyshev (now Samara) State University. After a private meeting of the author with the hero of the article shown figure sociable, hardworking and sympathetic person, left a very good memory.

Key words: Biographica, historians of Russia, L.V. Khramkov, the history of Russian universities, Samara State University

В духовной жизни России набирает силу интерес к историческим знаниям, к исторической науке, к историкам. Этот интерес все последние годы противостоял попыткам переписать историю России в интересах политиков, политологов, публицистов, чиновников от науки, которые на своё усмотрение переиначивали исторический процесс, переоценивали роль масс и личностей в нём, лили крокодиловые слёзы о вековой отсталости России, слушали, разинув рты, снисходительное поучение иноземных оракулов.

Государство идёт навстречу чаяниям тех, кто посвятил свою жизнь воспитанию и образованию народа, тех, кто ищет в исторических знаниях духовную, нравственную опору, черпает веру в способность сограждан преодолевать трудности, строить отношения на началах сотрудничества.

Создание фонда «История Отечества», передача Российского архива в ведение Президента – последовательные и показательные шаги в этом направлении. Целью этих мероприятий, в том числе, является попытка отстранить разного рода кандидатов и докторов, не гнушающихся плагиата и труда заплечных помощников, «паркетным академиком», которые больше времени проводят в разного рода шоу, чем за рабочим столом, рваться в первые ряды научных деятелей, определять лицо науки.

На этом фоне понятен интерес читающей публики к личностям историков, как живых, так и ушедших.

В отечественной исторической науке высоко ценится научное наследие Заслуженного деятеля науки, доктора исторических наук, профессора, академика Академии гуманитарных и военных наук, Почетного профессора Самарского государственного университета, заведующего кафедрой отечественной истории и историографии, одного из создателей Поволжской школы историков Великой Отечественной войны, бывшего ректора Самарского университета Ленера Васильевича Храмкова.

В 2016 году в Самаре увидела свет уникальная книга «В живых сердцах оставить свет...» (издательство ООО «Научно-технический центр»). Это историко-мемориальное исследование – очень редкий жанр в исторической науке и посвящено оно памяти Л.В. Храмкова. На обложке фотография Ленера Васильевича за рабочим столом, он с кем-то разговаривает. Впечатление, что говорит с тем, кто взял книгу в руки.

Книга имеет биографический, мемориальный и исторический характер, ибо с рассказом о личности Л.В. Храмкова, процесса её формирования и становления идет описание его деяний – ученого, летописца истории тыла периода великой Отечественной войны, участника создания Самарского государственного университета, общественного деятеля, воспитателя новых поколений ученых-историков, гражданина своей страны, тесно связанного с народом.

Три первые части книги содержат биографические материалы, рассказывают о научном наследии и общественном служении Л.В. Храмкова.

Всю трудовую деятельность Л.В. Храмкова можно представить в цифрах. Как ученый он опубликовал 214 работ по историографии, источниковедению, истории, краеведению, этнографии, славистике.

Сын фронтовика, погибшего в первый год великой отечественной войны, мальчик, переживший тяготы военных лет, Ленар Васильевич основные свои работы посвятил трудовому подвигу жителей Самарской области военных лет. Он стал летописцем работы тыла и заслуженно признан одним из ведущих ученых России в области исследований истории Великой Отечественной войны и истории Поволжья.

С 1969 года Л.В. Храмков публикует работы по краеведению, постоянно расширяя круг исследований.

С 1975 года вышло 175 изданий, в которых Л.В. Храмков был редактором, рецензентом, консультантом. Это многотомные научные труды, монографии, документальные сборники и сборники материалов научных конференций.

Среди этих изданий практически каждой семье Самарского края известны «Самарская летопись» (3 тома), «История Самарского края с древнейших времён, до наших дней» (8 томов), «Книги Памяти» (34 тома), «Белая книга: о жертвах политических репрессий» (17 томов). В газетах Ленар Васильевич опубликовал 91 статью о жизненно важных вопросах области, проконсультировал создание четырех документальных кинофильмов.

Как доктор исторических наук, профессор Л.В. Храмков вырастил двух докторов наук и 32 кандидатов, был оппонентом на защитах 11 докторских и 25 кандидатских диссертаций, от имени ведущей организации написал 21 отзыв – колоссальные труды, и какие затраты времени! Нет цифры количества студентов, учившихся у Ленара Васильевича. Но, если судить по воспоминаниям некоторых из них, первокурсниками они уже понимали масштаб его личности, ценили его доброжелательность и уважение к личности, подражали ему. Скольких он влюбил в историю, скольким показал путь в будущее, сколько из них вспоминает его в сложных ситуациях в своей жизни.

Научная и преподавательская деятельность требовала не только постоянного труда, но и умения организовать своё время, огромной работоспособности, целеустремленности.

Жизнь ученого и педагога сопровождалась и широкой общественной деятельностью. Л.В. Храмков был членом Центрального Совета и председателем Самарского отделения ВООПиК в течение 10 лет.

20 лет он возглавлял областное отделение Общества советско-болгарской дружбы, сотрудничал с Самарским областным историко-краеведческим музеем имени П.В. Алабина, преподавал «Историю России» в Самарской православной духовной семинарии, помогал становлению и функционированию кафедр семинарии. Он был заместителем председателя Совета ректоров Самарской области, председателем областной комиссии по науке и образованию Областного совета, председателем областного историко-культурного совета.

В каждую из этих ипостасей Л.В. Храмков вносил что-то новое, что оживляло и расширяло деятельность организации. Это и перевод на русский язык силами студентов книги известного болгарского журналиста Йордана Ценова «Знамя и губернатор» о деятельности П.В. Алабина. Это и пламенное выступление в 1990 году за возвращение областному центру исторического имени Самара. 30 лет назад Л.В. Храмков положил начало проведению Кирилло-Мефодиевских чтений и изданию материалов чтений – яркая страница в истории российских и самаро-болгарских отношений. Позже опыт был использован для организации Иоанновских чтений в память о подвижнике благочестия и выдающимся церковном деятеле XX века митрополита Иоанна (Снычева). С 1995 года Л.В. Храмков председательствовал на одной из секций Всероссийских Платоновских чтений, был участником научных конференций во многих городах России.

Л.В.Храмков был человеком твердых убеждений, широкого кругозора, ему были чужды предвзятость суждений, способность приспосабливаться к обстоятельствам, подделываться под чужое мнение. Таким он запомнился в сложные годы реформации государства и общества.

Последняя часть книги содержит воспоминания о Ленаре Васильевиче. Сам он был прекрасным собеседником, ненавязчиво вел разговор, задавая ему интригу, а то и драматургию. Воспоминания, вошедшие в книгу, написали родственники, однокурсники, коллеги, студенты, члены краеведческих кружков, музейщики, архивисты, журналисты. Думается, что их было очень много и не всё вошло в издание. Каждый, кто написал о Ленаре Васильевиче, нашел своё доброе слово о нём. Можно сказать, что начал он

свою трудовую деятельность учителем. Учителем, с большой буквы, он был и остается для всех. Ленар Васильевич имел ряд различных наград, но думается, что высшей наградой является народная память о нём.

Ленар Васильевич создал прекрасную семью. Его жена Нина Петровна и дочь Елена стали его единомышленниками, историками Саратовского края, продолжателями его дел. В семье всегда царили любовь, уважение, атмосфера комфорта и заботы друг о друге.

Отдых от своей титанической работы Ленар Васильевич находил в общении с природой, на охоте и рыбалке. Его сотоварищи отмечали, что и здесь проявлялся характер ученого: его интересовал больше процесс, а не результат.

Ученые-историки очень часто пишут даже многотомные труды, которые должны развивать историческое знание, но это довольно эфемерно: кто прочитает, кто заинтересуется – специалисты, широкая публика, тот самый народ, который и есть творец истории?

Ленар Васильевич Храмков и как ученый, и как общественный деятель был патриотом своей малой Родины – Самарского края, и дела его шли по принципу «Работать на пользу городу, земству и Отечеству».

Трудами Нины Петровны и Елены Ленаровны Храмковых и научного редактора Г.С. Шерстневой книга «В живых сердцах оставить свет...» идеально подготовлена к изданию: филигранная структура, точность деталей, сноски, приложения, библиография, именной указатель – образцовое научное издание. Текст сопровождают фотографии из семейного альбома. Книга издана за счет семьи.

Очень постаралось и издательство ООО «Научно-технический центр»: обложка, бумага, шрифты, инициалы создают ощущение праздника. Редкий человек Л.В. Храмков заслужил подобное издание. Низкий поклон создателям книги – огромная благодарность за их труд!

* * *

Всё чаще в публичных выступлениях тех, кто претендует на формирование общественного мнения, содержания политики государства, на описание исторического процесса, звучит неизбежная тема грядущего 100-летия Великой русской революции. Тут уж не отделаться стонами и плачами о потерянных годах совет-

ской власти, о горьких плодах строительства социализма, о цене победы во Второй Мировой войне.

И для создания правдивой картины недавнего прошлого, великих трудов и побед народа, жизни регионов будут востребованы труды многих историков, так называемых провинций, и в их числе труды Ленера Васильевича Храмкова.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аврус Анатолий Ихильевич, доктор исторических наук, почетный профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Баранов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ИИМО Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Быкова Валерия Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент (1999–2001) Саратовского НИГУ им. Н.Г. Чернышевского.

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ИИМО Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Дворцова Диана Владимировна, аспирантка кафедры всеобщей истории Адыгейского ГУ (Майкоп).

Клеймёнова Светлана Викторовна, заведующая сектором обслуживания ОРКР ЗНБ СГУ имени В.А. Артисевич.

Кочуков Сергей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии ИИМО Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Кочукова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии ИИМО Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Моисеева Екатерина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Менеджмент туристического бизнеса» факультета экологии и сервиса Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.

Попкова Нэлли Алексеевна, заведующая Отделом редких книг и рукописей ЗНБ СГУ имени В.А. Артисевич.

Пивцайкина Ольга Александровна, научный сотрудник отдела теории и истории культуры ГКУ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (Саранск).

Сульдина Людмила Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры

ГКУ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (Саранск).

Филиппов Александр Вячеславович, соучредитель Международного Института гуманитарно-политических исследований (Москва).

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России ИИМО Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Щавелёв Сергей Павлович, доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии Курского государственного медицинского университета.

Щукин Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры ГКУ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (Саранск).

Яновский Олег Антонович, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь).

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР* – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.
- БАН* – Библиотека Академии Наук СССР
- БГУ* – Белорусский государственный университет
- ВАСХНИЛ* – Всесоюзная академия хозяйства наук учреждение Ленина
- ВЛКСМ* – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи.
- ВООПИК* – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.
- ГАНИСО* – Государственного архива новейшей истории Саратовской области.
- ГАРФ* – Государственный архив Российской Федерации.
- ГАСО* – Государственный архив Саратовской области.
- ГИМ* – Государственный исторический музей
- ГПУ* – Государственное политическое управление при НКВД СССР
- ИРЛИ* – Институт Русской литературы РАН
- ИИиМО* – Институт истории и международных отношений СНИГУ.
- НАРБ* – Национальный архив Республики Беларусь
- НКВД* – Народный комиссариат внутренних дел
- РГБ* – Российская государственная библиотека
- РКП(б)* – Российская Коммунистическая партия (большевиков).
- ЛГУ* – Ленинградский государственный университет.
- МВД* – Министерств внутренних дел.
- МГУ* – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
- ООО* – Общество с ограниченной ответственностью
- РАН* – Российская Академия наук.
- РГАСПИ* – Российский государственный архив социально-политической истории.
- РГВИА* – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА* – Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).

РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия.
РСФСР – Российская Социалистическая Федеративная
Советская Республика.
СНИГУ – Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им.
Н.Г. Чернышевского.
СНК – Совет народных комиссаров
ЦК – Центральный Комитет.

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 12

Под редакцией *А.В. Гладышева*

Ответственный за выпуск *А.В. Гладышев*
Оригинал-макет и обложку подготовили *А.В. Баранов, А.И. Жемков*

Подписано в печать 12.11.2015. Формат 60x84^{1/16}
Усл. печ. л. 19,37. Тираж 300 экз. Заказ №

Типография «Амирит».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: (8452) 24-86-33 e.mail: 248633a@mail.ru
Сайт: amirit.ru